

Человеческая жизнь коротка, и даже великие мудрецы не всегда могли понять, что же скрывается за вратами вечности: тайна Божественного замысла, райские кущи или адские муки? Простым смертным и вовсе не под силу было разгадать эту загадку. Однако во все времена одним из мерил духовности и нравственности народов служило их отношение к умершим. Некрополи — мемориальные сооружения прошлых эпох — занимают одно из важнейших мест среди памятников материальной культуры. Некоторые из них — это не только выдающиеся произведения архитектуры и искусства, но и важные для исследователей исторические источники. Новая книга из серии «100 великих» содержит сведения о наиболее выдающихся некрополях всех времен и народов от египетских пирамид и зороастрийских «башен молчания» до Александро-Невской лавры, Сент-Женевьев-дю-Буа и мавзолея Мао Цзэдуна.

100 великих некрополей

Надежда Ионина
100 великих некрополей
ВСТУПЛЕНИЕ

В одной из средневековых книг история человечества и жизнь отдельного человека рассматриваются в образе города, обнесенного квадратными стенами. На юг смотрит стена, символизирующая время Адама, а восток воплощает надежду людей на спасение. Человеческая жизнь коротка, но даже и мудрецам не всегда удавалось разгадать, что же скрывается за вратами этого города — тайна Божественного замысла или вечные муки? Простым смертным не под силу было разгадать эту загадку, однако во все времена человек размышлял над вопросом: что находится за гранью земного бытия — вечный покой или другая жизнь? Язык, пословицы, поговорки, сказки и легенды многих народов запечатлели их размышления о жизни и смерти, представления о загробном мире и жизни после смерти, погребальные обряды и неизменный культ умерших. Примером могут служить хотя бы такие выражения, как «уйти в мир иной», «отправиться к праотцам», в которых отразились представления людей о жизни как переходе в другой мир, где обитают усопшие предки. «Отдать богу душу» означало уйти в блаженную страну усопших, где правят боги, а бренная плоть человека оставалась на земле.

Но не только язык хранит представления наших предков о загробной жизни, но и сами захоронения. Не случайно их называют овеществленной памятью человечества, например, рисунки, изображения и орнаменты, которые ученые обнаружили на внутренних стенах египетских пирамид, составили целую «Книгу пирамид».

Одним из мерил духовности и нравственности народов, как говорилось выше, служило их отношение к умершим. Уже древние народы (например, скифы и массагеты) превыше всего ставили память о прошлом и о предках своих. Знали, что если не сохранят они дорогие могилы для будущих поколений, то не простят им этого потомки, для которых они живут и продолжают род свой.

У каждого народа существовали свои особые обычаи погребения усопших и традиции почитания мест захоронения предков. Благодаря многочисленным исследованиям, сегодня мы знаем, что древние евреи заворачивали тело усопшего в полотно и в таком виде хоронили его в пещерах, греки и римляне сжигали своих умерших, египтяне бальзамировали… А вот кафры оставляли трупы своих усопших соплеменников в уединенном месте на съедение волкам и шакалам, фаны (народ Центральной Африки) хоронили своих мертвецов в земле, а потом выкапывали их и съедали…

Некоторые из погребальных обрядов древности современному человеку покажутся дикими, но это история человечества, и так было… Во все времена отправке усопшего в мир иной придавалось особое значение. Из века в век похоронные обряды совершались неукоснительно до самых мельчайших деталей. Некоторые из них дошли до нас от каменного века, им более 10 000 лет. Исполнением погребальных обрядов человек не

только выражал свое отношение к умершему, но и заботился о его загробной жизни, поэтому при археологических раскопках ученые находят так много вещей и различных предметов в могильниках, курганах и других погребальных культовых сооружениях.

Надгробные памятники рассказывают нам не только об ушедших людях, но иногда они косвенна свидетельствуют о бурных исторических событиях.

В глухих джунглях Западной Нигерии есть место, которое считается святыней народа иджо. Это могила легендарной Сангбо, погребенной здесь около 350 лет назад.

Бирикизу Сангбо была Жанной д'Арк народа иджо. Умная, отважная и волевая женщина, она в период межплеменных войн возглавила борьбу своего народа против посягательств могущественных соседей. По преданию, она приказала вырыть вокруг стоянки племени глубокие рвы, которые стали непреодолимым препятствием для врага. Следы этих рвов, которые, по легенде, иджо вырыли голыми руками за короткий срок, бережно сохраняются в деревне до сих пор.

Другая легенда о Сангбо связана с ее романтической любовью. После победы над соседними племенами слава о мужественной женщине распространилась так далеко, что достигла даже священной Мекки, и один из ее жителей — некто Сулейман — захотел во что бы то ни стало повидать ее. Он отправился в далекий путь, а когда увидел Сангбо, то сразу же влюбился без памяти. Они поженились, и Сулейман увез жену в Мекку, где она жила до глубокой старости. Однако Сангбо хотела, чтобы похоронили ее в родных краях, и незадолго до смерти вернулась на родину. Она завещала похоронить себя в укромном лесу и запретить женщинам посещать ее могилу. Местные жители тщательно оберегают это священное место от посторонних глаз и показать могилу Сангбо могут только с разрешения вождя племени. Могила ее представляет собой небольшой холм, над которым возвышается вековое дерево.

Порой археологические находки могут пролить свет на историю погребальных обрядов, верований и обычаев отдельных народов. Например, во второй половине XX века советские археологи в одном из погребальных курганов Гнездова (Смоленская область) нашли горчичные зерна. Сразу возник вопрос: зачем же эти зернышки были положены в погребение? Выяснилось, что у наших предков существовали поверья об упырях — мертвецах, которые по ночам выходили из могил, чтобы всячески вредить живым людям. И один из способов борьбы с нечистой силой заключался в том, чтобы гроб и могилу такого упыря обсыпать зернышками горчицы — такими же мелкими, как и зернышки мака. Упырь, если и вылезет из могилы, обязательно начнет их считать, отвлечется, и ему некогда будет вредить людям…

Многим народам Африки духи предков представлялись в виде земных существ, которые покровительствуют роду и семье, если бывают благожелательны к ним. Но если им не поклоняются и не приносят жертвы, они наказывают своих потомков, насылая на них болезни и всевозможные беды. Например, на небольшом базаре в центре Абиджана, главного города западноафриканского государства Кот-д'Ивуар, на грубом полотне или на листах толстой бумаги стройными рядами выставлены застывшие маски

или скульптурки самых причудливых форм и расцветок: военные, обрядовые, погребальные — на все случаи жизни. Чаще всего они связаны с различными этапами в жизни человека — его рождением, совершеннолетием, браком, смертью, которая почти всегда приписывалась темным силам или мести. Поэтому после смерти сородича вождь племени вместе с деревенским колдуном принимает участие в обрядах, связанных с отысканием виновника смерти. Виновником может быть человек, животное или просто какой-нибудь предмет, и тогда могущественный колдун наказывает их. В Музее масок Кот-д'Ивуара есть обрядовый столб: когда виновник смерти найден, но поймать его не удалось, к подобным столбам колдун привязывает одному ему известные листья. Через несколько дней в специальный желоб из них начинает капать красная жидкость, и все племя ликует: кровь «убийцы» пролилась, и сородич отомщен.

Почитают своих предков и племена теггеров, обитающие на верхних склонах горы Бромо, что на востоке индонезийского острова Ява. В их повседневной жизни участвует множество духов, оказывающих на любое дело свое доброе или злое влияние. Более других теггеры почитают духов предков — покровителей домашнего очага и защитников семьи, которым приносят жертвоприношения на домашнем жертвеннике. Умерших хоронят в земле, кладя тело усопшего головой к горе Бромо, где обитает дух огня. Как он выглядит, никто объяснить не сумеет, но каждый теггер знает, что это их главный и всемогущий покровитель, который обитает в кратере вулкана Бромо. Когда могила засыпана, в землю втыкают небольшую бамбуковую трубку, чтобы по ней душа усопшего могла выйти наружу. Монахи эфиопского острова Дега-Стефанос утверждают, что остров священный, так как здесь хранятся саркофаги эфиопских монархов. Попасть на этот озерный остров могут только мужчины и только с разрешения властей. Суровые законы запрещают женщинам даже появляться вблизи острова, а некоторые из иноков даже не принимают в пищу мясо животных-самок.

Дега-Стефанос — это остров-гора с поляной на самой ее вершине. Посреди поляны стоит прямоугольной формы церковь, разделенная на два равных помещения. В одном — иконы, цветные литографии святого Георгия, Пресвятой Богородицы, святого Рафаэля и покровителя острова святого Стефана. Другая половина церкви пуста, это помещение для начинающих монахов. Друг от друга помещения разделены массивными дверями, вырезанными из ствола гигантского дерева; рассказывают, что один из наиболее усердных монахов посвятил этому вырезанию всю свою жизнь, а потом его похоронили на вершине острова, чтобы душа его могла любоваться на творение рук его.

На поляне расположена и широкая каменная башня высотой около 5 метров. Это и есть усыпальница многих эфиопских монархов, где каменные гробницы прикрыты парчовыми покрывалами. Здесь при трепете свечей покоятся могущественные эфиопские негусы Давид, Зар, Якоб, Фасили-дас и другие — всего 12 или 14 царей. Точное число неизвестно, так как более половины гробниц находится под полом склепа.

Среди дошедших до нас памятников материальной культуры мемориальные сооружения прошлых веков занимают одно из важнейших мест, о чем свидетельствуют встречающиеся во всех странах мира

захоронения вождей племен, гробницы полководцев и владетельных феодалов, мавзолеи и усыпальницы. Устройством прочных и пышных гробниц древние народы хотели предоставить своим усопшим вечное жилище. Покойников почитали как богов, гробницы — как храмы. Греки, например, воздвигали знаменитым людям столь пышные памятники, что законодатели несколько раз вынуждены были умерять пределы этой роскоши.

Египтяне сооружали своим усопшим фараонам огромные пирамиды, а близ Мемфиса, например, был найден целый некрополь, о чем будет рассказано в отдельной главе нашей книги. «Некрополь» — слово греческое, буквально означает «город мертвых». В «Толковом словаре» В.И. Даля этого слова еще нет, а в однотомном «Словаре русского языка», составленном С.И. Ожеговым, указывалось, что в древнем мире так называлось большое кладбище.

Один из известнейших некрополей древности был возведен в пяти километрах к северо-западу от Персеполя — резиденции царей династии Ахеменидов. Ныне этот некрополь известен под названием «Накше-Рустем», но первоначальное название места захоронения, а также сведения о погребальных церемониях неизвестны. Некрополь вырублен в огромной скале высотой около 50 метров, и в ней на довольно значительном расстоянии от земли высечены четыре могилы — царей Дария Великого, Артаксеркса I, Ксеркса и Дария II. Внизу — наскальные рисунки, изображающие события из царской жизни. В усыпальнице, в громадных нишах, установлены массивные саркофаги; над портиком возвышаются скульптурные изображения: Дарий в окружении придворных восседает на троне, который держат представители 30 народов его державы. Изображения сопровождаются «ярлыками» (надписями), указывающими на этническую принадлежность каждого. В левой руке царь держит лук, правая поднята к богу Ахурамазде, как бы парящему над всем памятником.

Кроме некрополей, в древности возводились и отдельно стоящие гробницы, характерным образцом которых является усыпальница персидского царя Кира II в Пасаргадах. Сейчас асфальтированное шоссе, ведущее из Шираза на север Ирана, змеится среди невысоких отрогов Загроса, а когда-то по этой дороге со своими дарами мчались в Персеполь вассалы на колесницах. Подталкиваемые страхом перед неумолимыми владыками, они насмерть загоняли лошадей, соревнуясь друг с другом в быстроте, а значит и в преданности повелителю. Неподалеку отсюда в 550 году до н. э. царь Кир II выиграл битву против последнего царя мидян Астигса, а потом в этой долине разместил свою столицу Пасаргады, на месте которой ныне — руины дворца и царская гробница, сооруженная в VI веке до н. э. Однако среди широко известных мемориальных сооружений древности она отличалась своей простой формой и скромными размерами. Это сложенное из крупных камней прямоугольное в плане сооружение, стоящее на ступенчатом постаменте. Гробница имеет вид 6-угольной усеченной пирамиды, наверху которой расположилось погребальное сооружение с фронтоном. Согласно описаниям древних авторов (Страбона и Арриана), оно располагалось в саду и представляло собой широкую башню с очень узким входом. В башне находились ложе, стол с кубком,

золотой гроб, много одежды и украшений. Впоследствии гробница была разрушена, гроб и ложе разбиты, а сокровища похищены.

Во время археологических раскопок ученых порой подстерегают и неожиданности. Вдоль Аппиевой дороги от Рима до Капуи расположено очень много гробниц, и во время понти-фикатства папы Павла III одна из них была вскрыта. Помимо многих реликвий, в ней оказалась… горящая лампада, а потом потрясенные исследователи обнаружили небольшой бассейн, заполненный неизвестной прозрачной жидкостью. В ней плавало тело юной и прекрасной девушки с длинными золотистыми волосами. Оно сохранилось так хорошо, что казалось, смерть наступила всего несколько часов назад. Проведенные изучения исторических хроник показали большую вероятность того, что столь необычным способом была похоронена любимая дочь знаменитого оратора и философа Цицерона. Звали ее Туллия, а умерла она в 45 году до н. э., таким образом, к моменту вскрытия гробницы прошло уже почти 1600 лет.

А вот история всех европейских кладбищ почти одинакова: для них выбиралось место на некотором расстоянии от города, но со временем город увеличивался в своих размерах, и расстояние между ним и кладбищем постепенно сокращалось, а потом они сливались в одно целое. Однако города продолжали расти и в дальнейшем захватывали кладбищенские земли, так что вскоре кладбище оказывалось в самом городе. Оказавшимся в черте города кладбищам уже некуда было расширяться, но похоронные процессии продолжали тянуться к нему, и наступал момент, когда кладбище, по выражению могильщиков, начинало «устраиваться». Означает это следующее: старый «жилец» изгоняется из своей могилы, чтобы уступить место другому. Так было во многих городах Европы, например Валькер, один из видных исследователей лондонских кладбищ, приводит такой пример: однажды молодая девушка пришла на могилу матери, но могильщики уже успели «устроить» ее, и бедная девушка увидела в куче мусора руку своей матери.

Ничего нет вечного на земле, и все рожденное обречено быть принесенным в жертву времени. Возведенные усопшим владыкам величественные усыпальницы и мавзолеи, огромные могильные курганы, скромные надгробия — все было призвано сохранить память о тех, кто уже отошел в мир иной. Сколь бы громкими ни были славословия, воздаваемые великим людям при жизни, слава мирская проходит. Но и многие мемориальные сооружения древности постигла трагическая участь: их разрушало всепоглощающее время, сокрытые в них сокровища становились добычей грабителей.

Наши современные знания о культе мертвых у древних народов во многом основываются на свидетельствах исторических документов и на находках, обнаруженных во время археологических раскопок. А память людская призвана сохранить их для истории и для потомков. Но порой мы, к великому прискорбию, только из надгробных надписей узнаем о заслугах своих соотечественников. Например, о многих людях мы не помним или просто не знаем их, но на надгробиях часто встречаем, что такой-то был Потомственным почетным дворянином. А ведь звание это давалось именно в надежде, что потомки будут хранить долгую память о таком человеке.

Величественные египетские гробницы, скифские и монгольские курганы. Грандиозные могильники Херсонеса и скромные сельские погосты. Кто бы ни лежал под могильным холмом — мудрец или простой человек, — каждый достоин того, чтобы о нем помнили. Недаром жрецы Древнего Египта говорили: «Назвать имя мертвого — все равно что вернуть его к жизни».

Великий русский поэт А.С. Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам

Сохранение памяти об умерших, а также возмездие за небрежение этой памятью свидетельствуют о давнем осознании народами того, что хоть жизнь человеческая и ограничена, но существует связь времен и поколений.

Помня об этом, мы постарались составить книгу о знаменитых усыпальницах древности, более позднего времени и современных. Некоторые из них не вошли в настоящую книгу, потому что о них рассказано в других изданиях серии «100 великих» (например, о Замке Святого Ангела в Риме). В остальных случаях читатель может сам продолжить этот интересный и увлекательный поиск…

ПЕРВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

Египетские пирамиды тысячелетиями поражают воображение ученых и путешественников, и все задаются вопросом о цели возведения этих гигантских сооружений. На пирамиды с удивлением взирали греческие путешественники и римские легионеры, арабские халифы и европейские паломники, попадавшие в Египет по пути в Святую землю. После того как египетское государство одряхлело и сделалось добычей молодых и сильных соседей, смысл и назначение этих удивительных сооружений со временем были забыты, и вокруг них стали создаваться легенды. Ученые высказывали мнения, что они служили зернохранилищами, обсерваторией, убежищем от наводнений и даже эталонами геометрических мер, возникших по воле богов. В свою очередь, фантазия многих народов создала о пирамидах целый цикл сказаний, привязанных к тем или иным легендарным героям. Друзы, например, называют строителем пирамид своего мессию, а евреи утверждают, что они воздвигнуты (как и город Мемфис) библейским Иосифом, сыном Иакова и Рахили, в бытность его главным казначеем Египта. Пирамиды служили ему теми амбарами и житницами, в которых хранился хлеб на 7 предстоящих голодных лет. Христиане считают пирамиды гробницами Сифа и Еноха, еще дальше пошли арабы, сказания которых относят их возведение к временам, предшествовавшим жизни Адама. Не менее интересно предание коптов, согласно которому…за 100 лет до Всемирного потопа приснился царю Суриду страшный сон, будто вся земля провалилась, а небо покрылось черными тучами. Падавшие с неба звезды превращались в белых птиц, которые уносили в своих когтях обезумевших от страха людей. Встревоженный Сурид созвал своих гадателей и звездочетов и потребовал

у них объяснить этот сон. И мудрецы предсказали ему надвигающийся потоп. Тогда царь повелел построить пирамиды и спрятать в них все сокровища, прах своих предков и книги, в которых заключались все знания Египта. На самой большой из пирамид он повелел выбить надпись: «Эту пирамиду построил я, царь Сурид… Пусть венценосец, воображающий, что он равен мне по могуществу, попытается разрушить ее за б00 лет, а уничтожать легче, чем созидать. Я одел ее шелком, пусть он покроет ее рогожами».

Через 100 лет наступил потоп, но он оказался бессилен перед пирамидами.

Так рассказывают легенды, но все имеющиеся исторические сведения говорят о том, что в первую очередь пирамиды были усыпальницами фараонов или, по крайней мере, их воплощений. Как только на трон возводили нового фараона, он немедленно начинал строительство собственной гробницы. Место для царской усыпальницы выбирали в Западной пустыне, в Стране мертвых — там, где садится солнце. Здесь божественный дух фараона следовало выпустить на волю, чтобы он мог воссоединиться с богами на небесах.

Когда фараон умирал, жрецы и жрицы молились за него, семья и придворные оплакивали его; народ пребывал в страхе, уверенный в том, что верх взяли темные силы. Завтра царем станет сын умершего, он начнет править страной, и равновесие между силами добра и зла восстановится, а пока требуется сохранить тело покойного от разрушения максимально дольше, «дабы душа не скиталась по свету».

Человек, по представлениям древних египтян, имел несколько душ. В саркофаге фараона оставалась «ка» — жизненная энергия, которой боги наделяли каждого смертного при рождении. Эта сила была невидимой, но изображалась в облике того, кого одухотворяла. Со смертью человека «ка» покидала его тело, но продолжала по-прежнему заботиться о своем хозяине. После смерти покойный получал жизненную силу.

Часто она изображалась еще и парой поднятых рук из жертвоприношений. «Ба» (собственно душа) при желании могла путешествовать где угодно и принимать любую форму. Обычно она изображалась птицей с человеческой головой и представляла собой «чистый дух», который в подземном царстве представал перед судом высших сил. Был еще и «акх» — сияющий, благословенный дух, путешествующий с негасимыми звездами и изображавшийся в виде ибиса с гребнем. Благополучие этих сил зависело от состояния тела умершего, поэтому в Древнем Египте большое значение придавали бальзамированию.

Существовало несколько видов бальзамирования. Обряд первой категории предназначался для фараонов и знати и стоил очень дорого. Тело покойного фараона переправляли на другой берег Нила — в храм, находящийся в Долине царей. Здесь происходило вскрытие полостей тела, которые промывались пальмовым вином и квассией; потом они наполнялись воском и писифальтом с берегов и со дна Мертвого моря. Потом тело натирали ароматическими маслами, посыпали благовонным порошком и помещали в раствор меди и смол на три недели. По прошествии этого времени на покойного надевали рубахи и бинтовали тело пропитанным гипсом шелком, которого требовалось около 500 метров, и

лакировали. Из храма в подготовленную пирамиду траурная процессия шествовала по закрытому проходу, свет в который проникал только через отверстия в крыше.

Умершие цари получали жертвоприношения каждый день, простые люди только в день поминовения усопших. Если жертвоприношения прекращались, их роль продолжали играть заклинания и рисунки на внутренних стенах заупокойных храмов, которые строили рядом с гробницами.

Таким образом, для древних египтян загробная жизнь была возможна только при физическом сохранении тела или хотя бы точного портретного изображения человека. Поначалу умерших хоронили в простой яме с крышей — небольшим курганом из камней и щебня, чтобы защищать могилу от животных-падалщиков. В последующие времена захоронения стали производиться в подземных помещениях, защищенных от грабителей и похожих на обычный дом. В науке такие сооружения называются мастаба, которые и были предшественниками известных нам пирамид.

Гробницы людей состоятельных превращались в своего рода «сейфы» с обширными кладовыми. Несколько таких мастаба образовывали целые «города мертвых», располагавшие своим обслуживающим персоналом и стражами — жрецами заупокойного культа, ремесленниками, художниками, мастерами бальзамирования, администраторами и охранниками.

Царей додинастического периода истории Египта (IV тыс. — 3000 г до н. э.) и времени правления фараонов первых династий тоже хоронили в больших богатых мастаба, сложенных из необожженного кирпича с отдельными элементами из неосвоенного еще тогда камня. Самая большая из всех найденных к настоящему времени мастаба принадлежала Птах-шепсесу: она состояла более чем из 40 помещений.

Мастаба предназначались, с одной стороны, для захоронения тел умерших фараонов и представителей привилегированных классов. С другой стороны, в ней совершались жертвоприношения. Поэтому мастаба разделялись на две части: погребальную камеру и наземные сооружения для поминовений (молельни). Наружная часть представляла собой четырехугольное строение, которое издали было похоже на пирамиду. Боковые стены, возведенные из кирпича или камня и строго ориентированные по частям света, имели чаще всего гладкую поверхность. Над дверью, обращенной на запад — в «Страну теней», писали молитву богу Анубису, прося его даровать усопшему хорошее погребение, исправным приношением даров облегчить ему путешествие в загробном мире.

Перед входной дверью иногда строили перистиль с колоннами, за которыми и помещались молельни. В семейных мастаба каждый усопший имел собственную молельню, которые порой занимали половину, а то и три четверти наземной части гробницы. В отличие от погребальных камер, молельни никогда не закрывались и в любое время были доступны для жрецов и родственников, которые приходили сюда с жертвоприношениями и молились.

Погребальные камеры и молельни оформлялись настенными рельефами и изображениями. В некоторых мастаба от жертвенника в

погребальную камеру шло специальное отверстие, закрытое со стороны камеры плитой, на которой изображался хозяин гробницы за столом с едой. Такое изображение должно было магически «кормить» и «поить» умершего, а также помогать его душе, вылетающей и возвращающейся через это отверстие, узнавать свое тело Исследователь А.О. Большаков считает, что мысль о том, будто сам покойный мог «выходить» наружу, в это время особой роли не играла Особенно ярко это проявилось в гробницах в долине Саккара под Мемфисом, где под мастаба, в скале, было высечено множество помещений, которые передают план жилого дома со спальней, комнатами, женской половиной, жилищем для прислуги и т. д. Таким образом, в этот период загробная жизнь ограничивалась только подземными помещениями, которые и играли главную роль.

Со временем, а именно после сооружения гробниц в Избет эль-Вальда, изображения полностью исчезают из погребальных камер до правления фараонов VI династии. Появляется страх перед изображениями, которые, по мнению древних египтян, могут повредить живым, так как настенные росписи специально предназначались для загробной жизни. Хотя изображения на личных вещах покойного, которые клали вместе с ним, допускались.

Древнейшие мастаба строились из массивных плит, изготовленных из кирпича-сырца, с наклонными внешними стенами. Погребальные камеры всегда располагались в подземелье, обычно на глубине 2–3, но иногда 10 и более метров. Чаще всего они высекались в скале, а если выкапывались в песке, то стены их выкладывали кирпичом, а потолок перекрывали крепкими бревнами. Самые маленькие погребальные камеры занимали площадь всего в один квадратный метр, и мертвые тела помещались там наискось — из угла в угол.

В погребальной камере больших размеров помещался саркофаг с мумией усопшего. Саркофаг всегда делался из камня, обычно из одной каменной глыбы, отполированной или украшенной небольшим рельефом. В одних мастаба саркофаги стояли у стены и ничем не были прикреплены к полу, в других, наоборот, накрепко вделывались в плиты пола. Но стояли они всегда у западной стены погребальной камеры. Саркофаг в нее помещали уже во время строительства, и он стоял там в ожидании гроба с покойным Гроб, имевший форму человеческого тела (или забинтованной мумии), обычно был сделан из дерева, снаружи и изнутри его украшали рисунки и надписи. Установив гроб с мумией в саркофаг, его плотно закрывали крышкой, а вокруг раскладывали различные предметы погребальной утвари. После совершения погребальных обрядов в пространство между передней камерой и шахтой опускали тяжелую каменную плиту, потом шахту засыпали песком и камнями. Таким образом, доступ в погребальную камеру навсегда закрывался, и усопший получал вечный покой.

СТУПЕНЧАТАЯ ПИРАМИДА ФАРАОНА ДЖОСЕРА

Эта самая древняя пирамида была воздвигнута около 5000 лет назад для Джосера — фараона III династии. До этой пирамиды, находящейся в Саккара, не было построено ничего, хотя бы отдаленно приближающегося к ней по своим размерам. Поэтому считается, что она была возведена без какого-либо предварительного макета. Когда Джосер

повелел строить для себя гробницу, он избрал ее традиционную форму — квадратную мастабу со сторонами 63 и высотой 9 метров. Некоторые исследователи предполагают, что Джосер, возможно, сам и не выбирал для себя такой тип гробницы. Не исключено, что она возводилась для его предшественника, а фараон при вступлении на престол присвоил ее себе. Потом Джосер повелел стороны гробницы увеличить на 4 метра, а позже на 10 метров в восточном направлении, так что со временем мастаба приобрела форму прямоугольника.

Комплекс окружала стена высотой 10 метров, сооруженная из белого известняка. Она была усилена башнями и разделена плоскими выступами; в ней было 14 ворот, но настоящими являлись только одни. Если смотреть на ворота этого погребального комплекса, то казалось, что все они открыты. Весь комплекс занимал площадь около 150 000 квадратных метров. В центре его стояла ступенчатая пирамида (118 х 140 х 60 м), на возведение которой пошло 850 000 кубических метров известняка. Этот «дом вечности» был так велик, что господствовал над находящимся неподалеку городом Мемфисом.

У архитекторов пирамиды Джосера, как говорилось выше, не было предшественников, не было и опыта в возведении такого рода сооружений, нет даже данных о том, что она заранее была рассчитана. Они были первыми, но сразу побили все рекорды — и в размере, и в весе пирамиды.

Переход от подземных гробниц к пирамидам, устремленным в небо, по предположениям ученых, как раз и начался во время правления фараонов III династии. В III тысячелетии до н. э. усиливается культ бога Ра, когда жрецы превратили город Иуну *1 Греки позднее назвали этот город Гелиополисом.* в центр поклонения Солнцу, где изучали астрономию, математику, инженерное дело. Посреди Гелиополиса возвышался священный камень «Бенбен», на котором был нанесен рельеф, напоминающий пирамиду. Ученые полагают, что, может быть, именно отсюда и возникла идея возведения знакомых нам пирамид, на вершине которых сначала устанавливали позолоченный камень. К такому выводу приводит и тот факт, что гениальный Имхотеп — архитектор и автор пирамиды Джосера, был не только «строителем, скульптором и создателем ваз, но еще и верховным жрецом бога Ра», а также врачом, астрономом, писателем и советником фараона. На протяжении многих веков считался величайшим мудрецом древности: о нем складывали легенды, а его труды и книги в течение тысячелетий имели огромный авторитет. Имхотепа при жизни считали магом и волшебником, а в более поздние времена он был обожествлен и в его честь сооружали храмы и возводили статуи.

Именно Имхотепу приписывают изобретение ступенчатой конструкции пирамид, а также возведение каменных зданий, так как до него. Новой при Имхотепе стала и организация работ, потребовавших участия десятков тысяч рабов и ремесленников. Ко времени вступления на престол фараона Джосера открылись исключительные возможности для возведения нового типа пирамид. После нескольких неспокойных столетий, когда не было мира между Верхним и Нижним Египтом, при фараонах III династии возникло прочное государственное объединение с сильным центральным правительством. Были созданы ирригационные сооружения, что дало возможность обеспечить людей достаточным количеством

продовольствия, в связи с чем численность населения стала быстро расти.

Место, выбранное Имхотепом для возведения комплекса пирамиды Джосера, находится на краю плоскогорья, откуда открывался прекрасный вид на Мемфис. Возведение пирамиды на отдельных этапах строительства велось по-разному. На начальной стадии она представляла собой плоскую каменную террасу высотой около 7,5 метра, возведенную из вырубленного по соседству известняка. Сначала использовали камни небольшого размера, и пирамида Джосера не слишком сильно отличалась от мастаба фараонов прежних династий. Отличие между ними заключалось только в том, что мастаба, строившиеся главным образов из иловых кирпичей, были длиннее, но ниже, так как высокое сооружение из такого материала под действием собственного веса стало бы разрушаться.

Возможно, первоначальная каменная терраса подсказала Имхотепу идею использовать ее форму как основу для более высокого сооружения, и пирамида Джосера была надстроена каменными ступенями. Зачем? Чтобы души фараона воссоединились с душами незабвенных — северными звездами, которые никогда не садятся за горизонт. И ступенчатая пирамида была символической лестницей, ведущей к звездам. В своем окончательном виде пирамида Джосера, хорошо сохранившаяся до нашего времени, представляет собой 6 плоских, построенных друг над другом и уменьшающихся по величине террас. Известно, что предпоследней стадией ее возведения была маленькая четырехступенчатая пирамида (верхушечная). Стороны этой верхушки, хотя и не совсем точно, соответствовали главным направлениям частей света. На заключительном этапе строительства пирамиду облицевали блоками отполированного белого известняка, привезенными с холмов противоположного берега Нила.

Под террасой скрывалась вертикальная шахта, опускавшаяся в скальную породу на глубину 28 метров. К погребальной камере, стены которой были покрыты плитами из розового гранита, вели коридоры с множеством боковых ходов и ответвлений. Ходы эти настолько узки и низки, что по ним нельзя идти в полный рост и пронести ничего больше по размерам, чем мертвое тело. Каменные саркофаги, по предположениям исследователей, вносили в усыпальницы на начальной стадии строительства. А в коридорах размещались жертвенные приношения и погребальная утварь.

Некоторые помещения были вьшожены голубыми изразцами, которые на потолке и в верхней части стены создавали видимость небесного свода. Во время раскопок археологи обнаружили три барельефных изображения фараона Джосера: он был запечатлен во время религиозных обрядов.

Под землей, у восточной стены пирамиды, были заготовлены еще 11 узких погребальных камер, которые располагались на глубине 33 метра. Здесь впоследствии были захоронены члены царской семьи, главным образом дети. В усыпальнице Джосера ученые обнаружили статую великого зодчего Имхотепа с напряженным лбом, плотно сжатыми губами, огромными миндалевидными глазами и удивительно трогательным детским взглядом…

Два следующих за Джосером фараона III династии правили очень непродолжительное время, поэтому начатое ими строительство

собственных пирамид после их смерти было приостановлено. Ученые предполагают, что последнюю ступенчатую пирамиду, возможно, возводил и последний фараон этой династии — Хуни. Место для своей гробницы он выбрал около нынешней египетской деревни Медума, располагающейся в 50 километрах от Каира. Архитекторы возвели три ступени пирамиды (по другим сведениям, семь), а потом фараон Хуни умер.

Следует отметить, что к концу правления фараонов III династии завершился переход к новой форме погребения, в которой заложена важная для того времени идея: жрецы и архитекторы нацеливали вершину пирамиды на Полярную звезду и уверяли фараона, что в такой пирамиде ему обеспечена вечная жизнь. При археологических раскопках в гробницах фараонов ученые находили ладьи, весла, ритуальные сосуды, статуи Анубиса, статуи самого фараона и т д. Все эти предметы использовались во время заупокойной царской службы, а сам ритуал состоял из обрядов, символизировавших плавание покойного фараона по потокам загробного мира в поисках «ба» — души. В этом плавании фараону помогали боги Тот и Гор, а также четыре сына бога Гора. Чтобы найти душу, которая еще называлась «оком Гора», требовалось принести в жертву животное или птицу (газель, быка или гуся), которые олицетворяли бога Сета, поглотившего душу. Как только «око Гора» было найдено, заключавшаяся в нем душа возвращалась покойному фараону, и дух его восходил на небо, но тело оставалось еще мертво. Поэтому следующие ритуалы сводились к оживлению тела, для чего жрецы совершали заупокойные обряды магической победы над богом Сетом (смертью), возвращение покойному сердца, открытие рта и очей, после чего мумия получала возможность двигаться и говорить в загробном мире. После этого наступала заключительная часть обряда жертвенный пир, возлияние масел и возложение повязок и диадем на мумию (саркофаг или статую). Только после этого фараон «воскресал», обладая всеми своими физическими возможностями, и в одеянии живого фараона встречался со своими небесными родственниками (богами) и супругами-богинями.

Новая идеология выдвинула смелые проекты возведения «домов вечной жизни», и, начиная с правления царей IV династии, пирамиды начали возводить только равносторонние. По предположениям ученых, такие пирамиды могли символизировать уклоны солнечных лучей, а «Книги пирамид» обещали царю, что лучи станут настолько прочными, что по ним можно будет взобраться прямо к богу Ра. Для фараона Снофру, преемника Джосера, было предложено сразу два варианта пирамид, правда, сначала Снофру приказал продолжать строительство пирамиды фараона Хуни, над которой была возведена еще одна ступень. А потом случилась катастрофа, после чего пространство между ступенями было заложено, а все сооружение было обложено плитами из турского известняка. Так пирамида, вначале возводившаяся как ступенчатая, обрела внешний вид истинной пирамиды, хотя в настоящее время она уже не похожа ни на ту, ни на другую, так как время изменило ее до неузнаваемости. Вся облицовка, а вместе с ней и большая часть поверхностных слоев исчезли, и местные жители называют ее «ложной» пирамидой.

Приключилась беда и со второй пирамидой, возводимой для фараона Снофру. Когда камни уложили уже на высоту 130 метров, грунт

под фундаментом не выдержал и просел. По стенам побежали трещины, строителям пришлось приспосабливаться к ситуации, и они завершили верх пирамиды пирамидой меньшего размера. Тогда фараон повелел заложить третью — «Красную пирамиду», которую начали возводить со всей осторожностью. Ее сделали уже не высокой, а плоской, так что устремленности к звездам не получилось.

Хеопс, сын Снофру, решил превзойти отца в размерах погребального комплекса, и ему поставили пирамиду высотой почти 150 метро. Ко времени основания Афин эта Великая пирамида простояла уже 1000 лет, до основания Рима — 2000. Даже древнегреческий историк Геродот, первый из европейцев оставивший письменные свидетельства о пирамидах, черпал свои данные из рассказов египетских жрецов. В своей второй книге «Истории» он писал:

«Хеопс вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, они были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах. Сто тысяч людей выполняли эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы. Десять лет продолжалось строительство и подземных покоев на холме, где стояла пирамида. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20лет.»

В 2580 году до н. э. пирамида Хеопса была готова, и на самый верхний ее камень было надето навершие (бенбен) — маленькая четырехгранная пирамидка из сплава золота и серебра, внутри которой якобы обитала одна из тонких сущностей бога Ра. В лучах солнца металл горел как символ Солнца, и впервые жрецам удалось соорудить такую великолепную лестницу на небо. Сейчас вершина пирамиды Хеопса представляет собой неровную квадратную площадку, на которой гуляет ветер, куда делся бенбен — неизвестно. Скорее всего, к исчезновению его приложили руку многие: и римляне, и арабские завоеватели Египта, и алчные охотники за сокровищами.

Фараон Хеопс царствовал 50 лет, после него власть перешла к Джедефру, пирамида которого равнялась всего 67 метрам. Однако строительство ее тоже потребовало напряжения сил поистине всего государства, так как она возводилась из гранита, который был в 10 раз прочнее известняка, из которого строились предыдущие пирамиды. Джедефр царствовал недолго, и только закончили мумификацию его тела, как его брат Хефрен приступил к возведению своего погребального комплекса. Его пирамида должна была стать выше пирамиды Хеопса, но, видимо, по техническим причинам строителям не удалось добиться такой высоты. Однако свою пирамиду Хефрен расположил на более возвышенной части скального плато, и, таким образом, разница между уровнями фундаментов обеих пирамид составила свыше 11 метров. Благодаря этому Хефрен и назвал свою усыпальницу «самой большой». Этот фараон царствовал 56 лет, и целых 106 лет египтяне терпели всевозможные бедствия, и все это время их храмы оставались закрытыми.

Последняя из больших пирамид Гизы (66 м) предназначалась для сына Хефрена — фараона Микерина. Он осуждал деяния отца и дяди,

немедленно открыл все храмы, освободил народ от изнурительных работ и дал ему возможность вернуться к своим делам и празднествам. Он был справедлив и, если видел, что кто-то недоволен его распоряжением, награждал того из собственных средств. Но хотя он был благочестив и заботился о подданных, боги отняли у него единственное, горячо любимое дитя. Глубоко удрученный горем, Микерин повелел сделать пустую деревянную корову, снаружи позолотить ее и похоронить в ней младенца.

Через некоторое время фараона постигла другая беда: оракул предсказал, что жить ему осталось всего 6 лет. Микерин очень опечалился и стал упрекать богов в несправедливости: его нечестивые отец и дядя царствовали долго, а ему, такому набожному и доброму, жизнь сокращена. И тогда оракул разъяснил: «Богами было предсказано, чтобы Египет страдал 150 лет. Фараоны Хеопс и Хефрен знали об этом и выполнили волю богов. А ты, Микерин, облагодетельствовав народ, нарушил волю богов». Огорченный фараон бросился в разгульную жизнь, начал кутить, зажигая по ночам несметное количество свечей, чтобы обратить ночь в день. Он бродил повсюду, где мог весело провести время, делая это для того, чтобы доказать лживость предсказания оракула и прожить не 6, а 12 лет, считая и ночи за дни. *2 Эти рассказы Геродот записывал со слов простых египтян, и именно такими в народной фантазии предстают строители великих пирамид.*

В саркофагах крупнейших пирамид ученые не обнаружили мумий. В верхней камере пирамиды Хеопса был лишь саркофаг, высеченный из единого куска серо-коричневого гранита. На это обстоятельство частично ответили уже древние историки, например, у Геродота сказано: «Египтяне так ненавидели этих царей (Хуфу и Хафра), что только с неохотой называли их имена». А Диодор Сицилийский добавляет: «После их смерти народ взбунтовался и выбросил их мумии из пирамид». Правда, по свидетельству, записанному жрецом Манефоном (середина III в до н. э.), Хеопс в старости раскаялся в своих злодеяниях и даже будто бы составил священную книгу, которая пользовалась у древних египтян большим уважением.

Пирамида фараона Микерина сначала была высотой 66 метров (сейчас 63 м). Пирамиды Хеопса и Хефрена она превосходила красотой и правильностью постройки, греки называли ее самой прекрасной и самой драгоценной из всех пирамид. Сооружали ее на склоне холма и, чтобы получить ровную плоскость для ее возведения, на склон положили два слоя огромных камней.

Узкий коридор, спускающийся внутрь пирамиды, сначала вел в верхнюю камеру, а из нее — в нижний погребальный покой, вырубленный в скале и выложенный гранитом. Тщательно скрытый вход в «камеру вечности» в 1837 году обнаружил английский полковник Г. Визе. В ней он нашел прекрасный саркофаг, изваянный из темно-коричневого базальта, и крышку гроба. На пути в Лондон корабль, перевозивший эти реликвии, затонул у Гибралтара, и саркофаг навечно погрузился в морскую пучину. Удалось спасти только сделанную из смоковницы крышку гроба. Надпись на ней гласит:

«О Осирис, царь обоих Египтов, Менкара, вечно живущий, рожденный небом, выношенный во чреве богини Нут, потомок Себа: твоя мать Нут, как бездна небес, простирает над тобой свои объятия. Она

сделает тебя богом, повергнув в ничтожество твоих врагов, о царь Менкара, вечно живущий.»

Хотя южная пирамида в Гизе носит только имя фараона Микерина, но древнее предание славу ее сооружения отводит не ему одному. Фараон не успел закончить постройку, и завершила ее одна из его преемниц — царица Нитокрис (супруга VI фараона династии Меренра). Она увеличила размеры пирамиды, заложила уступы кирпичом, а стены облицевала 1500 кубическими метрами розового гранита. Обломки великолепного голубого саркофага царицы Нитокрис были найдены в нижнем покое пирамиды — под комнатой, где был погребен фараон Микерин.

О царствовании самой Нитокрис исторических сведений сохранилось очень мало, но, как всегда в подобных случаях, жизнь ее расцвечена многочисленными легендами. Супруг ее царствовал всего несколько месяцев и был убит во время восстания, и после его смерти на престол вступила «красавица с розовыми щечками». По словам жрецов, сопровождавших Геродота, царица жестоко отомстила за любимого мужа. Она выстроила огромный подземный зал и для освящения его пригласила тех египтян, которых подозревала в убийстве супруга. Во время пиршества она открыла потайной канал и выпустила воду из реки, но, опасаясь мести их родственников, Нитокрис впоследствии и сама покончила с собой.

Около 50 веков прошло с того времени, как вечным сном почила в пирамиде Микерина царица Нитокрис, но память о ней до сих пор живет в долине Нила. Вам расскажут, что душа царицы не нашла пристанища в загробном мире, она осталась на земле и обитает внутри пирамиды. Время от времени она появляется в ночную пору в образе прекрасной нагой женщины, и многие видели ее в закатные часы на южной стороне пирамиды, когда она поднимается на свет Божий из мрачной глубины погребальной камеры. Если она пожелает кому-нибудь внушить любовь, то ласково улыбается, манит за собой и не оставляет человека до тех пор, пока объятый безумной страстью несчастный не лишится рассудка. До самой смерти будет блуждать он по всей стране и тщетно искать чудный образ царицы-красавицы, пленившей его.

Фараоны следующих династий тоже старались по возможности поднять свою гробницу на большую высоту. Но чтобы возвести такие сооружения, требовалось много времени, а царь мог внезапно умереть, и тогда его пирамида останется незаконченной. На наследников надеяться нечего, они займутся собственными пирамидами, поэтому фараоны сначала строили небольшие пирамиды, а потом увеличивали их размеры и облицовывали стены все новыми и новыми каменными обкладками. Но эпоха великих пирамид уже прошла, и могильные комплексы фараонов V династии уже не поднимались выше 50 метров.

НЕКРОПОЛЬ МЕМФИСА

Хотя фараоны прекратили возводить для себя пирамиды, некоторые из их знатных подданных продолжили эту традицию. Многих вельмож Нового царства хоронили в Фивах на западном берегу Нила — в гробницах, высеченных в скалах. Вельможи, которых хоронили на севере, в долине Саккара, находили вечное упокоение в небольших пирамидах, составивших впоследствии целый мемориальный ансамбль. Здесь, на обширном плоскогорье близ Мемфиса, высится ряд четырехугольных

погребальных зданий, под сводами которых почивают останки многих людей. Это плоскогорье одинаково служило кладбищем и для фараонов, и для их вельмож, и для простого народа. Наводнения никогда не достигали его вершины, и с этой стороны египтяне могли не беспокоиться о своих могилах.

Заботами местных жителей они и впоследствии охранялись от вихрей пустыни, которые во всякое время могли погрести в песках весь некрополь. Но когда из «города мертвых» и храмов ушли последние служители культа Осириса и некому стало заботиться о «домах вечности», все здесь изменилось. Погибли рощи священных сикомор, и ветры, ничем больше не сдерживаемые, нанесли целые песчаные пласты на древние могилы и руины храмов. В течение нескольких веков, прошедших со времени окончательного падения язычества, песок успел засыпать весь некрополь, и только самые большие гробницы отстаивали свои существование.

«Чудом Саккара» и «самым великим памятником древности» французский ученый Виконт де Руже назвал гробницу вельможи Ти, жившего в эпоху правления царей V династии. Он служил трем фараонам, занимая одну из высших жреческих должностей, одновременно исполняя обязанности дворцового ключаря и царского секретаря, «облекая в письменную форму повеления фараона», как говорится в его надгробной надписи. По всему видно, что вельможа пользовался расположением фараонов, и они возлагали на него много поручений. Это не мешало ему часто отлучаться из Мемфиса в свои поместья для ведения дел и отдыха на лоне природы. Во время поездок в поместья Ти всегда сопровождали карлик, обязанный присматривать за ручной обезьянкой, и криворукий псарь, неспособный к физическому труду. Чтобы не оставлять его без дела, вельможа поручил ему ухаживать за своими любимыми собаками.

Вдали от суетливой столичной жизни с ее заботами, придворными интригами и разного рода неприятностями сельская жизнь давала столько удовольствий! На легком судне в сопровождении верных слуг Ти смело углублялся в папирусные заросли, охотясь за бегемотами. Метко брошенное копье глубоко врезалось в кожу неповоротливого животного, и оно становилось добычей охотников. Правда, это была рискованная охота, ведь бегемот мог напасть на лодку, но постоянная опасность только возбуждала в вельможе охотничий азарт.

Любил Ти заниматься и рыбной ловлей, ведь в то время в реках Египта водилось множество рыб самых разнообразных пород. Да и дом вельможи был полной чашей, ведь 36 деревень должны были ежегодно платить ему подати самыми разнообразными продуктами. В его поместьях паслись большие стада быков, ослов, антилоп и длиннорогих баранов; птичьи дворы изобиловали стадами гусей, уток, пеликанов, журавлей… На огородах выращивались самые разнообразные овощи, и гости вельможи часто не без тайной зависти поглядывали на ароматные дыни величиной с пудовые тыквы, на огурцы длиной до полуметра, на сочный крупный лук и другие овощи…

На стенах гробницы вельможи Ти в виде 36 девушек изображались деревни, приносящие всевозможные дары, и в надписях над ними даже конкретно сообщается название деревень: «Рыба», «Пироги», «Две

сикоморы», «Вино» и т. д. Но так как подобные названия носили деревни и других владельцев, то для различия к деревням вельможи прибавляли имя их владельца: «Рыбная ловля — Ти», «Рыбная ловля — Техе-нука», «Пироги — Енхефтка», «Пироги — Ракопу» и т. д.

Семейная жизнь вельможи Ти тоже шла гладко. Он женился по любви на женщине царской крови, и его супругу Нефрхотеп, так же как и их дочерей, надгробные надписи называют родственницами царского дома.

Гробница вельможи Ти принадлежит к числу наиболее усовершенствованных мастаба. Она имеет переднюю комнату, три погребальные камеры, два сердаба и два коридора. Стены этих помещений покрыты прекрасными барельефами, на которых художник умышленно придал Ти огромные размеры, так что в сравнении с рядом стоящими слугами он кажется просто гигантом. Однако непропорциональность фигур нисколько не вредит чарующей прелести самих изображений. Они поражают своей реальностью, и перед глазами развертываются самые разнообразные картины городской и сельской жизни, сцены охоты и рыбной ловли, домашней жизни и религиозных праздников. Очевидец их, Ю.Н. Щербаков, в 1906 году писал:

«С эпическим спокойствием и беспристрастием рассказывается стародавняя… быль, которая, несмотря на свою простоту и несложность, заманчивее всякой сказки… В бесхитростном замысле, живьем выхваченном из жизни, всегда сказывается правда, такая же обаятельная и неотразимая, как в бытовых описаниях „Илиады“ и „Одиссеи“. И потому эти безусые и безбородые, коричневого цвета мужчины, ростом с куколку, имеющие все, начиная от „тайного советника и камергера Ти“, один и тот же костюм — кусочек ткани, обвязанный вокруг пояса; эти черноволосые женщины с бледно-желтыми лицами и руками, в полном наряде, плотно облегающем их члены; эти четвероногие и эти пернатые — все кажутся живыми или, по крайне мере, жившими когда-то давно, в былые времена.»

Над всеми изображениями в гробнице имеются поясняющие их иероглифические надписи. Вот нарисовано стадо быков, переходящих вброд неглубокий канал, вода которого едва доходит им до живота. Пастух переносит на своих плечах теленка, который жалобно мычит, и ему вторит не менее встревоженная мать. Другой пастух иронически успокаивает ее: «Ах, он негодный, унес твоего теленочка, добрая кормилица!» А вот изображение жатвы, и крестьянин говорит высоким хлебам: «Вы уже поспели». Вот гонят коров, которые лениво передвигают ноги, и погонщики кричат им: «Любят только тех, кто быстро подвигается вперед, а лентяев бьют». На другом изображении погонщик укоризненно говорит ослу: «О, если бы ты только мог видеть свое поведение!»

Подобные надписи помещены над каждой картиной, над каждым изображением, и в гробнице вельможи Ти далекое прошлое предстает перед нашими взорами не только в образах, но и в живой речи. С удивлением мы читаем шутки, которые произносились почти 6000 лет назад, и веселые остроты древних египтян, над прахом которых пронеслось не одно тысячелетие.

Много усилий употребили родственники Ти, чтобы спасти его тело от разрушения и тем самым обеспечить ему бессмертие, но усилия их оказались тщетными, и сейчас саркофаг вельможи стоит пустым. Зато они

сделали гораздо больше — спасли историю и великую культуру своего народа. Еще Диодор Сицилийский писал: «Египтяне считали жилища живых людей гостиницами, так как в них они живут короткое время. Напротив, гробницы они называли вечными, потому что остаются в них навсегда. Вот почему они мало заботились об отделке своих домов, не пренебрегая в то же время ничем для украшения своих гробниц». Никакой материал не казался им слишком прекрасным и долговечным для этих сооружений, хотя сами они жили в домах из кирпича-сырца, и только настенная роспись в них имитировала камень и металлы. Хорошо сохранилась и гробница Хер-Нейт — царицы династии. Ее погребальная камера была вырыта в известковой скале, пол и потолок камеры покрывали деревянные бревна, а стены были выложены кирпичом.

В 1850 году в долине Саккара оказался французский ученый Огюст Мариетт, и ему сразу же вспомнилось место из географических описаний Страбона: «В Мемфисе есть храм Сераписа, расположенный среди такой пустыни, что ветры нанесли на него целые горы песка, из которых мы увидели лишь выглядывавшие головы сфинксов: одних полузасыпанных, других полностью скрытых песком». Не имея фирмана от вице-короля Аббаса, французский археолог начал раскопки в Саккара на свой страх и риск. Почти год работали 30 нанятых феллахов, их жены и дети, пока не наступил счастливый день 12 ноября 1851 года, когда О. Мариетт наткнулся на огромный склеп. А потом были откопаны 134 сфинкса (по другим сведениям — 141), и освобожденные от песка, они выстроились вдоль церемониальной дороги к огромному подземному склепу с саркофагами, в которых покоились мумии священных быков Аписов. В гробах-саркофагах размерами 4 х 3 х 2 метра, изготовленных из отполированных плит красного и черного гранита, египтяне хоронили набальзамированные трупы священных быков Египта. Склеп был давно разворован, но на стелах остались надписи. С большим трудом ученый за 3 года собрал до 7000 предметов, половина из которых связана с культом Аписа — земного воплощения бога Птаха.

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

По общему обычаю в древности покойному клали в могилу все, что считалось наиболее ценным для него в жизни: царям и вельможам — знаки их достоинства, воину — его оружие и т. д. Но все они «забирали» с собой почти все собранное в жизни золото и другие предметы, не поддающиеся гниению. Были такие цари и правители, которые уносили с собой в гробницы всю государственную казну, и народ, оплакивая царя, оплакивал и потерю всего своего достояния. Так что древние гробницы были сокровищницами, скрывавшими несметные богатства. Чтобы защитить их от расхищения, строители сооружали недоступные для посторонних входы; устраивали двери с таинственными запорами, которые закрывались и открывались с помощью магического талисмана.

Как ни старались фараоны уберечь свои гробницы от разграбления, как ни изощрялись в попытках противостоять всеразрушающему времени, все их усилия оказались тщетными. Гений их зодчих не мог победить злую волю человека, его жадность и равнодушие к древним цивилизациям. Бесчисленные сокровища, которыми снабжали в загробный мир усопших владык, членов их семей и важных сановников, издавна привлекали к себе

алчных грабителей. Против них не помогали ни страшные заклятья, ни тщательная охрана, ни хитроумные уловки архитекторов (замаскированные ловушки, замурованные камеры, ложные ходы, потайные лестницы и т. д.). Благодаря счастливому стечению обстоятельств только гробница фараона Тутанхамона осталась единственной, сохранившейся почти в полной неприкосновенности, хотя и она в древности дважды подвергалась разграблению. Открытие ее связано с именами английского лорда Карнарвона и археолога Говарда Картера.

Лорд Карнарвон, наследник огромного состояния, был к тому же и одним из первых автомобилистов. В одной из автокатастроф он едва уцелел, и с тех пор мечты о спорте пришлось оставить. Для укрепления здоровья скучающий лорд побывал в Египте и заинтересовался великим прошлым этой страны. Для собственного развлечения он решил и сам заняться раскопками, но его самостоятельные попытки на этом поприще оказались безуспешными. Одних только денег для этого было мало, а знаний и опыта у лорда Карнарвона не хватало. И тогда ему посоветовали обратиться за помощью к археологу Говарду Картеру.

В 1914 году лорд Карнарвон увидел на одном из фаянсовых кубков, найденных при раскопках в Долине царей, имя Тутанхамона. То же самое имя встретилось ему и на золотой пластинке из маленького тайника. Эти находки побудили лорда выхлопотать у египетского правительства разрешение на поиски гробницы фараона. Эти же вещественные доказательства поддерживали и Г. Картера, когда его охватывало уныние от длительных, но безуспешных поисков.

Гробницу фараона Тутанхамона археологи искали долгих 7 лет, но в конце концов им улыбнулось счастье. Сенсационная новость облетела мир в начале 1923 года. В те дни в небольшой и обычно тихий городок Луксор устремились толпы репортеров, фотографов и радиокомментаторов. Из Долины царей ежечасно неслись по телефону и телеграфу сводки, сообщения, заметки, очерки, репортажи, отчеты, статьи…

Больше 80 дней добирались археологи до золотого гроба Тутанхамона — через 4 наружных ковчега, каменный саркофаг и 3 внутренних гроба, пока наконец не увидели того, кто долгое время был для историков лишь призрачным именем. Но сначала археологи и рабочие обнаружили ступеньки, которые уводили в глубь скалы и заканчивались у замурованного входа. Когда вход освободили, за ним оказался понижающийся коридор, засыпанный обломками известняка, а в конце коридора — другой вход, который тоже был замурован. Этот вход вел в переднюю камеру с боковой кладовой, погребальную камеру и сокровищницу.

Проделав в кладке дыру, Г. Картер просунул туда руку со свечой и прильнул к отверстию. «Сначала я ничего не увидел, — писал он потом в своей книге. — Теплый воздух устремился из камеры наружу, и пламя свечи замигало. Но постепенно, когда глаза освоились с полумраком, детали комнаты начали медленно выплывать из темноты. Здесь были странные фигуры зверей, статуи и золото — всюду мерцало золото».

Гробница Тутанхамона действительно была одной из самых богатых. Когда лорд Карнарвон и Г. Картер вошли в первую комнату, их ошеломило количество и разнообразие наполнявших ее предметов. Здесь были обитые

золотом колесницы, луки, колчаны со стрелами и перчатки для стрельбы; кровати, тоже обитые золотом; кресла, покрытые мельчайшими вставками из слоновой кости, золота, серебра и самоцветов; великолепные каменные сосуды, богато декорированные ларцы с одеждой и украшениями. Были также ящики с пищей и сосуды с давно высохшим вином. За первой комнатой последовали другие, и обнаруженное в гробнице Тутанхамона превзошло самые смелые ожидания участников экспедиции.

То, что гробница вообще была обнаружена, уже само по себе было ни с чем не сравнимой удачей. Но судьба улыбнулась Г. Картеру еще раз, и в те дни он писал: «Мы увидели то, чего не был удостоен ни один человек нашего времени». Только из передней камеры гробницы английская экспедиция вывезла 34 контейнера, полных бесценных украшений, золота, драгоценных камней и великолепных произведений древнеегипетского искусства. А когда члены экспедиции проникли в погребальные покои фараона, то нашли здесь деревянный позолоченный ковчег, в нем другой — дубовый ковчег, во втором — третий позолоченный ковчег, а затем и четвертый. В последнем находился саркофаг из цельного куска редчайшего кристаллического кварцита, а в нем еще два саркофага.

Северная стена зала саркофагов в гробнице Тутанхамона расписана тремя сценами. Справа изображено отверзание уст мумии фараона его преемником Эйе. До момента отверзания уст умерший фараон изображался в виде мумии, а после этого обряда он уже представал в своем обычном земном образе. Центральную часть росписи занимает сцена встречи ожившего фараона с богиней Нут: Тутанхамон изображен в одеянии и головном уборе земного царя, в руках у него булава и посох. В последней сцене фараона обнимает Осирис, за Ту-танхамоном стоит его «ка».

Как отмечалось в предыдущих главах, древние египтяне верили в существование у человека нескольких душ. Тутанхамон имел две статуи «ка», которые во время траурной процессии несли в почетном ряду. В погребальных покоях фараона эти статуи встали по сторонам запечатанной двери, ведущей к золотому саркофагу. У «ка» Тутанхамона юношески красивое лицо с широко расставленными глазами, глядящими с бесстрастной неподвижностью смерти. Древние скульпторы и художники много раз повторили его на ларях, сундуках и ковчегах. Размеры статуи духа-двойника помогли ученым установить рост самого фараона, так как по погребальной традиции древних египтян эти размеры соответствовали росту умершего.

«Ба» Тутанхамона охраняла деревянную скульптуру, изображавшую фараона на погребальном ложе, а с другой стороны священную мумию осенял своим крылом сокол. На фигурке Тутанхамона археологи увидели вырезанные слова, с которыми фараон обратился к богине неба: «Снизойди, матерь Нут, склонись надо мной и преврати меня в одну из бессмертных звезд, которые все в тебе!» Эта скульптурка была в числе тех жертвоприношений, которые придворные преподнесли уже мертвому фараону как обещание служить ему и в загробной жизни.

Чтобы добраться до священной мумии фараона, археологам пришлось открыть несколько саркофагов. «Мумия лежала в гробу, — пишет Г. Картер, — к которому она плотно приклеилась, так как, опустив в гроб, ее залили ароматическими маслами. Голову и плечи, вплоть до грудной

клетки, покрывала прекрасная золотая маска, воспроизводящая черты царского лица, с головной повязкой и ожерельем. Ее невозможно было снять, так как она тоже приклеилась к гробу слоем смолы, который сгустился в твердую, как камень, массу».

Гроб, в котором лежала мумия Тутанхамона, изображенного в образе Осириса, целиком был сделан из массивного золотого листа толщиной от 2,5 до 3,5 миллиметра. По своей форме он повторял два предыдущих, но его декор был более сложным. Тело фараона защищали своими крыльями богини Исида и Нефтида; грудь и плечи — коршун и кобра (богини — покровительницы Севера и Юга). Эти статуэтки были наложены поверх гроба, причем каждое перышко коршуна было заполнено кусочками самоцветов или разноцветного стекла.

Лежащая в гробу мумия была завернута во множество пелен. На верхнюю из них были нашиты кисти рук, державшие плеть и жезл; под ними тоже было золотое изображение «ба» в виде птицы с человеческой головой. На местах перевязей находились продольные и поперечные полосы с текстами молитв. Когда Г. Картер развернул мумию, то нашел еще немало драгоценных украшений, опись которых делится у него на 101 группу. Так, например, на теле фараона ученые нашли два кинжала — бронзовый и серебряный. Рукоятка одного из них украшена золотой зернью и оправлена переплетающимися лентами из перегородчатой эмали. Внизу украшения заканчиваются цепочкой завитков из золотой проволоки и веревочным орнаментом. Клинок из закаленного золота имеет посередине два продольных желобка, увенчанных пальметкой, над которым узким фризом расположен геометрический узор.

Кованая маска, закрывавшая лицо Тутанхамона, была сделана из толстого листа золота и богато украшена: полосы платка, брови и веки — из темно-синего стекла, широкое ожерелье блистало многочисленными вставками из самоцветов. Трон фараона был сделан из дерева, обшитого листовым золотом и богато украшенного инкрустациями из разноцветного фаянса, самоцветов и стекла. Ножки трона в форме львиных лап увенчаны львиными головами из чеканного золота; ручки представляют собой крылатых, свившихся в кольцо змей, поддерживающих крыльями картуши фараона. Между подпорками за спинкой трона расположились шесть уреев в коронах и с солнечными дисками. Все они сделаны из позолоченного дерева и инкрустированы: головы уреев — из фиолетового фаянса, короны — из золота и серебра, а солнечные диски — из позолоченного дерева.

Сзади на спинке трона находится рельефное изображение папирусов и водяных птиц, спереди — единственное в своем роде инкрустированное изображение фараона и его жены. Утраченные золотые украшения, которые соединяли сидение с нижней рамой, представляли собой орнамент из лотоса и папируса, объединенный центральным изображением — иероглифом «сема», символизировавшим единение Верхнего и Нижнего Египта.

В Древнем Египте существовал и обычай украшать тела усопших венками из цветов. Венки, найденные в гробнице Тутанхамона, дошли до нас не в очень хорошем состоянии, а два-три цветка при первом же прикосновении вообще рассыпались в порошок. Листья тоже оказались очень ломкими, и ученые, прежде чем приступить к исследованиям,

несколько часов держали их в тепловатой воде. Найденное на крышке третьего гроба ожерелье было составлено из листьев, цветов, ягод и плодов, различных растений, перемешанных с синими стеклянными бусами. Растения располагались девятью рядами, подвязанными к полукруглым полоскам, вырезанным из сердцевины папируса. В результате анализа цветов и плодов ученым удалось установить приблизительное время захоронения фараона Тутанхамона — случилось это между серединой марта и концом апреля. Именно тогда в Египте цвели васильки, созревали плоды мандрагоры и паслена, вплетенные в венок.

В великолепных сосудах из камня ученые нашли и душистые мази, которыми фараон должен был умащиваться в загробном мире, как он делал это при жизни. Духи эти и по прошествии 3000 лет издавали крепкий аромат…

Сейчас сокровища из гробницы Тутанхамона выставлены в Египетском музее в Каире и занимают там 10 залов, площадь которых равняется футбольному полю. По разрешению Египетской службы древностей были произведены исследования мумий знаменитых фараонов. При проведении работ была использована самая современная техника, к делу подключили судебных медиков и даже экспертов из Скотланд-Ярда, которые занялись рентгеновскими снимками черепа Тутанхамона и обнаружили на затылке следы глубокой раны. И английские сыщики пришли к выводу, что дело тут криминальное, и 3000 лет назад 18-летний правитель Египта стал жертвой дворцового переворота и погиб мгновенно от сильного удара.

ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ В МИКЕНАХ

В области археологии, как пишет немецкий писатель К. Керам, «Генрих Шлиман достиг трех вершин». Первой были «сокровища царя Приама», второй стало открытие царских погребений в Микенах. В этот древнейший город Греции ученый устремился в феврале 1876 года, и по договору с греческим правительством все найденные предметы Г. Шлиман должен был передать в собственность греческого народа.

В Микены немецкий археолог прибыл уже как герой открытия легендарной Трои. Здесь же он хотел найти царский дворец и усыпальницу Агамемнона — предводителя греков в Троянской войне. На Микенском акрополе, по предположению Г. Шлимана, должны были находиться также могилы Эвримедона, Кассандры и других древнегреческих героев.

Акрополь виднелся отчетливо, но руины его дворцов, храмов и крепостей находились под 3-тысячелетним слоем песка. Г. Шлиман приступил к раскопкам в конце июля и первым делом расчистил знаменитые теперь Львиные ворота, которые вели в крепость и царскую резиденцию. За воротами были отрыты низкие казармы для стражников, не достигающие в высоту и полутора метров. Для себя же, как позже убедился археолог, правители Микен возводили дворцы с пышностью египетских фараонов. Шлимана поразила роскошная дворцовая посуда из золота, серебра и бронзы, и керамика была особой: сосуды ярко разукрашены спиралями, орнаментальными гирляндами, изображениями фантастических птиц. Причем некоторые вазы и кувшины были богато расписаны не только снаружи, но и внутри.

Г. Шлиман сосредоточил свое внимание на внутренней части акрополя, поставив рабочих на раскопку царских гробниц. Его опытный глаз сразу же отметил скопление щебня и своеобразную впадину, находившуюся справа от Львиных ворот. Почва твердая, как скала, но археолог наметил размер котлована в 34 метра и начал копать внутри крепости, где, по общему мнению, не могло быть царских гробниц. Но уже через несколько дней рабочие вскрыли ряд горизонтально стоящих плит, которые образовывали «круг» и были перекрыты такими же хорошо отесанными плитами. Внутри этого «круга», но чуть ниже были обнаружены надгробные стелы, покрытые древними рельефными изображениями. На них представлены сражающиеся на колесницах люди, сцены охоты и орнаменты различного характера. Странный каменный «круг» Г. Шлиман принял сначала за скамью, на которой будто бы восседали «отцы города» во время совещаний и судебных заседаний. Позже ученые предположили, что каменный «круг» сначала, видимо, служил местом захоронений и только позднее стал местом совещаний.

В Микенах Г. Шлиман открыл пять знаменитых гробниц, находки из которых своими художественными достоинствами ослепили весь ученый мир. Сам Г. Шлиман впоследствии писал: «Все музеи мира, вместе взятые, не обладают и одной пятой частью этих богатств». Действительно, лишь позже, уже в XX веке, его превзошел знаменитый клад из гробницы египетского фараона Тутанхамона.

Погребенные в некрополе люди принадлежали к высшим слоям общества, а может быть, были и правителями Микен. Вместе с ними в гробницы было положено много вещей, которые служили им при жизни, но большая часть предметов была сделана специально для погребальной церемонии. Из золота были выполнены диадемы, маски, покрывавшие лица усопших, нагрудники, наплечники, пояса… Одежда усопших была покрыта множеством золотых пуговиц и другими украшениями.

Первая гробница микенского некрополя была разграблена еще в древности, и все же Г. Шлиман насчитал в ней 15 золотых диадем — по пяти на каждом из трех усопших. Кроме того, в ней обнаружили золотые лавровые венки и украшения в виде свастик. На полу гробницы лежало много обсидиановых ножей, а также куски большой серебряной вазы с устьем, покрытым резьбой и толстым слоем позолоты.

В другой могиле, где лежали останки трех женщин, Г. Шлиман собрал более 700 тонких золотых бляшек, на которых были выбиты самые разнообразные узоры, спирали, стилизованные цветки, изображения бабочек, медуз, осьминогов, листья растений, звезды… В беспорядке лежали застежки, сделанные из золота и драгоценных камней, а также множество золотых фигурок: грифоны, львы, олени, пальмы с львятами на макушке, лебеди, утки, сфинксы… На одном из скелетов была надета золотая корона с 36 золотыми листиками: она украшала голову, уже почти обратившуюся в прах.

Пятая гробница оказалась с жертвенным алтарем. Сам склеп был высечен в боковой стороне скалы. Вынув землю, смешанную с камнями, археолог увидел останки пяти знатных особ, усыпанных золотом и драгоценными камнями. Рядом стояли медные чаши с золотыми украшениями, одна из которых была наполнена золотыми пуговицами — 68

пуговиц без орнамента и 118 пуговиц с резным орнаментом. Рядом с котлами лежал ритон *3 Ритон — сосуд для питья в виде рога животного.* высотой около 50 сантиметров, который представлял собой серебряную голову быка с крутыми, красиво изогнутыми золотыми рогами и золотой розеткой во лбу. Пасть, глаза и уши этого быка-ритона были покрыты толстым слоем позолоты; возле этой головы лежали две другие, чуть меньшего размера, сделанные из листового золота. Затем Г. Шлиман наткнулся на боевое оружие — секиры, кинжалы, копья, мечи. Целых 87 бронзовых мечей — целый арсенал по тем временам. На парадном оружии микенских басилеев, инкрустированном золотом, серебром и чернью, чрезвычайно тонко выполнены различные сцены, например охота на львов или леопард, нападающий в зарослях тростника на диких уток…

Могилы были буквально набиты золотом, но для Г. Шлимана было важно не оно, хотя вес его составлял почти 30 килограммов. Ведь это могилы, о которых говорил Павсаний! Одна из найденных в некрополе масок изображала овальное молодое лицо с высоким лбом, широкими дугообразными бровями, длинным прямым носом и удивительно маленьким ртом с тонкими губами. Но самой замечательной среди всех оказалась маска, которая сохранилась гораздо лучше остальных. Она воспроизводит черты, испокон веков считавшиеся эллинскими: узкое лицо, длинный нос, большие глаза, крупный рот с несколько пухловатыми губами… У маски глаза закрыты, кончики усов чуть закручены кверху, подбородок и щеки закрывает окладистая борода.

Без сомнения, это маски Агамемнона и его близких, все говорит за это: и число могил, и количество погребенных — 12 мужчин, 3 женщины и два ребенка, и богатство положенных в могилы вещей… Оно так огромно, что собрать его мог только царский род. Г. Шлиман не сомневался, что маска бородатого человека закрывала лицо Агамемнона. Рядом с ним погребены его родственники, а в других склепах — герои сказаний и античных трагедий: Электра, Пилад, Эгист, Орест, Клитемнестра и другие… Однако позднейшие исследования показали, что маска эта была сделана за три столетия до рождения Агамемнона, но до сих пор она ассоциируется с именем знаменитого микенского царя и в науке так и называется: «Маска Агамемнона».

МАВЗОЛЕИ В ГАЛИКАРНАСЕ

Галикарнас (нынешний турецкий город Бодрум) был столицей и главным портом небольшого, но богатого античного государства, которое тогда называлось Карией. Город находился под властью персов, но сатрапов в Галикарнас назначали из местной знати. В 377 году до нашей эры на карийский престол вступил Мавсол, который сразу же обложил налогами все и вся. И на эти деньги обнес свою столицу крепостной стеной, затем возвел храм бога войны, в архитектуре присутствовали как карийские, так и восточные и греческие черты. По греческому образцу царь организовал и агору — большую площадь для собраний и торговли.

Мавсол где хитростью, где подкупом присоединил к своему царству близлежащие земли и острова, и государство его, торгуя со всем античным миром, стало богатеть. Царь принялся строить беломраморные дворцы, театры и библиотеки. Галикарнас украшался скульптурами не менее пышно, чем Афины. В последние годы правления начал складываться культ

Мавсола, в частности, остров Хиос на своих монетах изображал его как Геракла. Но самым ярким свидетельством реального могущества карийского царя стала его грандиозная храмовая усыпальница, которую он начал возводить еще при жизни, не оглядываясь на реакцию соседей. Это был шаг уверенного в своих действиях монарха, еще не имевший аналогов в ту эпоху. Лишь позднее мавзолеи стали неотъемлемой частью культа царей и императоров от Александра Македонского до Августа и Адриана.

Для своей усыпальницы Мавсол выбрал место на склоне холма между агорой и главным храмом города. Был проведен конкурс на лучший проект монументального надгробия, в котором приняли участие выдающиеся греческие архитекторы и скульпторы. Победителями оказались греческие мастера Сатир и Пифей, предложившие возвести на 5-ярусном каменном основании (66 х 77 м) огромный каменный куб высотой 22 метра. Над ним планировалось расположить помещение усыпальницы, которую бы окружали колонны. Там же был предусмотрен заупокойный храм для жертвоприношений. Венчала все здание стройная 24-ступенчатая пирамида, на вершине которой Сатир и Пифей предполагали разместить огромную квадригу. *4 Квадрига — скульптурная колесница с четверкой лошадей.* Общая высота Мавзолея равнялась приблизительно 50 метрам, что сравнимо с высотой современного 17-этажного дома.

Мавсол одобрил все планы Сатира и Пифея, хотя предложенный ими проект не вписывался ни в какие архитектурные каноны того времени. К тому же авторы предложили еще украсить Мавзолей фризами и барельефами. Но царь на затраты не поскупился, и работа закипела. Пока строители мастерили прочный фундамент и возводили первый каменный этаж, четыре прославленных греческих скульптора (Леохар, Скопас, Бриаксис и Тимофей) принялись обрабатывать белый мрамор, задумав изобразить сцены мифологической битвы амазонок с греческими героями. Они же высекали мраморные статуи богов, львов и лошадей для подножия Мавзолея.

Мавсол торопил мастеров, однако ему не пришлось полюбоваться этим шедевром, который вошел в историю как «пятое чудо света». В 353 году до нашей эры царь умер, и его жена Артемисия, вступившая на престол, поклялась довести дело до конца. У Мавсола и Артемисии не было детей, и единственным свидетельством их любви стал Мавзолей, благодаря которому город Галикарнас вошел в историю. С безмерным старанием и щедростью она выделяла деньги для увековечения памяти мужа, однако стала вмешиваться в планы мастеров. Так, например, царица потребовала, чтобы конями квадриги правил не один возница, а царственная чета — Мавсол и Артемисия. Слухи о необычайной гробнице, возводившейся в Галикарнасе, стали быстро распространяться, и в город стали прибывать толпы любопытных людей. Уже тогда говорилось и записывалось в хроники, что скульптуры на мраморных рельефах получились как живые. Люди, которым посчастливилось видеть работу прославленных мастеров, утверждали, что слышался шум сражения, свист стрел, звон мечей…

Но и Артемисия не дожила до окончательного завершения гробницы. И тогда мастера, архитекторы и скульпторы взяли инициативу в свои руки и достроили Мавзолей, удивлявший прежде всего своей

архитектурной идеей: в нем впервые в греческом зодчестве соединились все три знаменитых стиля — дорический, ионический и коринфский.

Основой всего сооружения стал «огромный пьедестал из проконесского мрамора». На самом же деле он был только облицован мрамором, а основу его составлял массивный фундамент из необожженного кирпича. Современники восхищались и размерами пьедестала, и затратами на его возведение, но в первую очередь — непревзойденным совершенством его художественного оформления. На нем стоял храм-гробница, окруженный 36 ионическими колоннами, несущими крышу в виде 24-ступенчатой пирамиды. Пирамида увенчана площадкой, на которой возвышалась скульптурная группа — Мавсол с Артемисией на колеснице. Между колоннами и по бокам гробницы размещалось богатое скульптурное украшение, и многие писатели древности отмечали выдающиеся художественные особенности этого сооружения. В их числе был и прославленный Витрувий:

Судьба осчастливила этих двух (Пифея и Сатира. — Н.И.) редчайшим и высочайшим даром. Их замысел воплощали в реальность мастера, чьи произведения окружены вечной и немеркнущей славой. Величайшие художники соревновались между собой, чтобы украсить Мавзолей и тем самым способствовать его великолепию. И каждому досталось по одной стороне здания. Это были Леохар, Бриаксис, Скопас и Праксителъ и, возможно, сам Тимофей.

Битву греков с амазонками, украшавшую восточную часть Мавзолея, изобразил великий Скопас. Значительная часть фриза сохранилась, и мы и сейчас можем восхищаться мастерством античного скульптора, который умел «передавать тончайшие оттенки душевного состояния человека».

Согласно античным описаниям, сюжетами для оформления других сторон Мавзолея стали героические подвиги Тесея, состязания Пелопа и битва кентавров с лапифами. Трехметровую скульптурную группу на вершине храмовой пирамиды создал, согласно античным историкам, сам архитектор Мавзолея — Пифий, а по мнению современных исследователей — Бриаксис. А вот авторы замечательных скульптур львов, богов и героев, украшавших колоннаду храма, остались неизвестны.

Мавзолей простоял около 1800 лет, вызывая восхищение многих поколений. В 334 году до нашей эры Галикарнас штурмом взяли солдаты Александра Македонского, которые, выбив оттуда персидских завоевателей, разрушили многие дворцы и храмы города. Но Мавзолей они пощадили… Потом в войнах, следовавших друг за другом, Мавзолей оставался стоять, хотя уже лишился своих украшений, вызывавших всеобщее восхищение. Сильное землетрясение XIII века немного повредило гробницу царя Мавсола, сместив ее фундамент и сбросив вниз мраморную квадригу и часть верхней пирамиды. В XV веке довершили разрушение рыцари-крестоносцы, которые брали камни Мавзолея для строительства крепости Святого Петра. В 1523 году Галикарнас и крепость захватили турки; они стали использовать тесаные камни античного города для своих нужд, и менее чем за 100 лет почти все было стерто с лица земли. Но Мавзолей вошел в историю мирового искусства как непревзойденный образец погребальной архитектуры, и не случайно еще древние римляне стали называть «мавзолеями» все монументальные надгробные

сооружения. В XIX веке остатки храма-усыпальницы были раскопаны, и сейчас они хранятся в Галикарнасском зале Британского музея.

СПОРЫ ВОКРУГ МОГИЛЫ ЦАРЯ ДАВИДА

В настоящее время все кладбища по причинам гигиеническим устраиваются за городом. В древности древнееврейский закон предписывал то же самое, но на началах религиозных. Возводя новую Тивериаду среди древних гробниц, царь Ирод, «…чтобы убедить народ свой жить в этом месте, должен был на свой счет строить дома и снабжать жителей угодьями, потому что он знал, что по законам и нравам иудейским противно жить на том месте, где прежде были гробницы, и что закон признает на семь дней нечистым того, кто сядет на таком месте».

Соломон в начале своего царствования даже пребывание в Иерусалиме дочери фараона (язычницы) считал осквернением святого города и построил для нее дворец специально вне городских стен. Потому ни он, ни его потомки не могли осквернить законную чистоту Иерусалима сооружением в нем гробниц. Тем более не мог этого допустить царь Давид, и тем не менее древние предания указывают на его гроб, находящийся на месте, раньше входившем в черту древнего Иерусалима.

В южной части Иерусалима, но теперь уже вне стен Старого города, возвышается гора Сион, на которой расположилась небольшая мечеть Неби-Дауд. Здесь за решеткой находится серебряный саркофаг, покрытый зеленым бархатным покрывалом, и называют его гробом царя Давида. Мечеть эта — древняя христианская церковь, возведенная на месте горницы Тайной вечери, с которой связаны самые давние предания христиан. Здесь совершились последняя трапеза Иисуса Христа с апостолами и омовение Спасителем ног своим ученикам, явление Его апостолам по Своем Вознесении, сошествие Святого Духа на апостолов…

В сочинении «О весах и мерах», приписываемом святому Епифанию Кипрскому, говорится, что на Сионской горе уже во времена императора Адриана (98—117) существовала небольшая церковь. Равноапостольная царица Елена украсила и расширила первоначальную церковь, и на ее месте в IV веке стоял уже более обширный храм, в котором были верхнее и нижнее отделения. В начале V века здесь сохранялась колонна бичевания, еще обагренная кровью Спасителя, и указывалось место сошествия на апостолов Святого Духа. Колонна эта поддерживала один из портиков Святого Сиона (первой христианской церкви, матери всех церквей), воздвигнутой в 390 году императором Феодосией Великим.

Однако, упоминавшийся уже А. Олесницкий считал, что христианские иноки, жившие в Сионской обители до захвата Иерусалима мусульманами, ничего не знали о находящейся здесь могиле царя Давида. И помещение на Сионскую гору гробницы основателя иудейского государства, объединившего под своей властью два царства — Иудею и Израиль, — это чисто мусульманское предание. Причем возникло оно тогда, когда эта часть Иерусалима была исключена из стен Старого города. По рассказу шейха мечети, никто из мусульман не только не был в катакомбах царя Давида, но даже не знал хода к ним. Тот, кто дерзнул бы войти внутрь гробницы, не вышел бы оттуда живым. Правда, существует легенда XII века о том, что гробницу эту будто бы посетили два подмастерья. Легенду эту в XIII веке слышал известный еврейский

паломник Беньямин Тудела, и в его изложении она выглядит следующим образом:

«На горе Сион находятся царские гробницы дома Давида и гробницы царей, следовавших за ним. Само место гробницы долгое время не было известно, и открыто оно было совершенно случайно. Стена церкви, бывшей на Сионе, обрушилась, и патриарх поручил одному духовному лицу заняться ее восстановлением из камней Сионской стены. Были наняты 20 рабочих, которые и приступили к ломке материала в древней стене. Между работниками были два товарища, и однажды один из них угостил другого. Они оба опоздали на работу, за что их заставили работать и в обед, когда других отпустили на отдых.

Взявшись за работу, друзья отвалили от стены несколько камней и заметили отверстие, ведущее в подземелье. Они спустились вниз и после долгих странствий по запутанным ходам и коридорам наткнулись на величественный зал с мраморными колоннами, одетыми серебром и золотом. Посреди зала стоял стол, на котором лежали скипетр и корона. Это был гроб Давида, царя иудейского. Слева от него покоился его сын Соломон, а далее по порядку другие цари иудейские. Все саркофаги были закрыты, так что нельзя было видеть, что в них находится.

Товарищи хотели войти в зал, но от входа повеяло таким стремительным вихрем, что они упали на землю и без чувств лежали до вечера. Очнувшись, они услышали голос. „Встаньте и оставьте это священное место“. Тогда они встали и, дрожа от страха, вышли из пещеры, явились к патриарху и обо всем ему рассказали. Патриарх немедленно послал к раввину Абраму-эль-Константину и передал ему все, что услышал от рабочих. Раввин Иерусалима ответил, что в этих священных гротах действительно находятся гробницы рода царя Давида, и тогда патриарх распорядился заложить вход в пещеру.»

Это предание о существовании на Сионе гробницы царя Давида и его преемников единственное. Однако А.Олесницкий обращает внимание на тот факт, что пещера найдена в городской стене, хотя впоследствии стали указывать на расположение гроба царя Давида в Сионской церкви. Таким образом, получается, что церковь никак не могла примыкать к стене. Кроме того, А. Олесницкому показалось очень странным, что на обнаруженную пещеру не обращают внимания ни патриарх, ни раввин: они не ставят здесь никакого памятника, который бы указывал народу это священное место. Вместо этого продолжают спокойно восстанавливать церковь, словно забыв обо всем случившемся. В легенде указывалось, что на саркофаге царя Давида лежали золотые вещи, в то время как, по свидетельству Иосифа Флавия, все драгоценные вещи из гробницы царя Давида и его преемников были забраны гораздо раньше.

Соломон похоронил Давида в Иерусалиме и, кроме других больших расходов на погребение царя, положил с ним в гробницу несметное богатство. Как велико это богатство, можно судить по следующему обстоятельству. Прошло 1300 лет после кончины царя Давида, как первосвященник Гиркан, осаждаемый Антиохом благочестивым., желая избавиться от осады деньгами, но не имея их в руках, раскрыл один покой гроба Давидова и взял оттуда три тысячи талантов, из которых часть дал Антиоху. Много лет после Гиркана царь Ирод открыл другой покой, но ни

один из них не дошел до самих царских саркофагов, потому что они с таким искусством были сокрыты под землей, что входящие в гробницы ничего не могли заметить.

На основании мусульманской легенды и свидетельств Иосифа Флавия считается, что царские гробницы дома Давида должны были располагаться в самом Иерусалиме. Да и как иначе в них мог войти первосвященник Гиркан, если город был осажден армией Антиоха? Царь Ирод тоже не видел самих гробниц, а был только в каких-то подземельях, имевших к ним отношение и наполненных сокровищами. В любом случае Иосиф Флавий положительно ничего не говорит о существовании гробниц царей из рода Давида в самом городе. Тем более что, если царь Ирод заботился о том, чтобы о его святотатственном вторжении не узнали в городе, можно предположить, что оно происходило вне Иерусалима. Однако все эти гипотезы относятся только к гробницам царей из династии Давида, но не к могиле его самого.

Прах царя Давида, из рода которого должен был произойти Мессия, был дорогим и священным прахом, что послужило возникновению легенд не в одном только Иерусалиме. Существует много сказаний, в которых гроб царя Давида помещается на всем пространстве Святой земли. После Иерусалима более других городов Палестины право на хранение священного праха имел Вифлеем — родина не только самого царя Давида, но и Спасителя мира. Уже в самой Библии (3 Цар. 2, 10) дается намек на местонахождение гроба царя Давида в Вифлееме: «И почил Давид с отцами своими, и погребен был в городе Давидовом». Отцы Давида могли быть погребены только в Вифлееме, который тоже называется городом Давидовым. В подтверждение этого исторического текста есть целый ряд других свидетельств, например один из пилигримов в 333 году так описывал свое путешествие из Иерусалима в Вифлеем:

«От Иерусалима, пройдя четыре мили… вправо от дороги мы встретили памятник, в котором погребена Рахиль; отсюда две мили до Вифлеема, где родился Господь Иисус Христос; на этом месте построена базилика по повелению Константина. Недалеко отсюда памятники Иезекииля, Асафа, Иессея, Давида и Соломона с катакомбами, исписанные именами еврейских пилигримов.»

О том же свидетельствуют и Евсевий Кесарийский, и Блаженный Иероним, а мученик Антонин в 570 году писал: «Недалеко от Вифлеема в подгородной части лежит Давид телесными останками и Соломон, сын его, в двух памятниках». Таким образом, свидетельства очевидцев указывают, что в первые века христианства гробница царя Давида была известна в Вифлееме.

Совершенно естественно, что в первые годы своего царствования Давид, по обычаю предков, приготовил для себя гробницу рядом с гробницами своих вифлеемских предков. Был ли он впоследствии погребен в ней или нет, гробница все равно носила его имя и никому другому не могла принадлежать. По обычаям древних евреев, все, что так или иначе предназначалось для царя, не могло переходить в пользование другим: «Никто не дерзнет сесть на лошадь, которая принадлежала царю, на стул или ложе, предназначавшиеся для царя». Отсюда и произошел обычай уничтожать все, что оставалось после царей, чтобы не ввести кого-нибудь в

искушение пользоваться царскими вещами. И уж конечно место вечного покоя и саркофаг царя были неприкосновенной святыней и для современников, и для потомков.

Однако на Сионскую гору в Иерусалиме помещает гробницу царя Давида и апостол Петр. Об этом во время памятного собрания апостолов святой Петр сказал: «Мужи братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня» (Деян. 2, 29). А.Олесницкий предполагает, что слова эти служат не доказательством существования гроба царя Давида в Иерусалиме, а говорят только об ее известности в народе.

Соломон, сын царя Давида, вырос уже в Иерусалиме и имел мало общего с Вифлеемом, поэтому можно считать, что свою гробницу он устроил отдельно от Давидовой и причем именно в иерусалимском некрополе. Он погребен отдельно от других, может быть, даже в том самом памятнике, который пользовался большим уважением у евреев и носил имя Соломонова. Уже само название этого памятника говорит о том, что гробницы Давида в нем не было, так как если бы его гробница существовала в Иерусалиме, памятник, скорее, назывался бы Давидовым, а не Соломоновым.

В 614 году, во время разрушения Иерусалима персами, Сионской церкви был нанесен большой ущерб, но завоеватели не разрушили ее до основания, и впоследствии патриарх Модест быстро восстановил ее. Но потом Иерусалим был завоеван мусульманами, которые в 996 году разрушили Святой Сион — на этот раз уже до основания. Однако они сохранили нижнюю часть горницы Тайной вечери, где, как они считали, находилось надгробие царя Давида, так как еще в IX веке восприняли культ могилы Неби Дауда — пророка Давида (так царя Давида называет Коран). Мусульмане содержали ее в большом уважении и читали здесь псалмы Давидовы, переведенные на арабский язык.

После взятия Иерусалима крестоносцами в 1099 году церковь на Сионской горе была вновь восстановлена — почти в прежних своих размерах. Ее новым центром стало место Успения Пресвятой Богородицы, которое оформили наподобие Гроба Господня — в виде небольшого внутреннего строения, представлявшего собой куб с куполом на невысоком барабане. Храм стал именоваться церковью Сионской Богоматери, и о могиле царя Давида в это время было забыто.

Захватив Иерусалим в 1187 году, султан Салах-ад-Дин не причинил никакого вреда христианским святыням, но в 1219 году египетский султан аль-Камиль (внук Салах-ад-Дина) во время сноса иерусалимских стен попутно разрушил и церковь Сионской Богоматери. Окончательно разрушили эти христианские святыни хорезмийцы, изгнавшие в 1244 году крестоносцев из Иерусалима. Правда, Орден Франциска Ассизского (правопреемник крестоносцев) в XIV веке попытался было восстановить контроль над святым христианским местом, и поначалу им даже сопутствовал успех. В 1335 году они овладели руинами Святого Сиона и основали на занятой территории монастырь, главной святыней которого стала возведенная заново капелла Тайной вечери. В 1424 году в ней вторично была «обнаружена» могила царя Давида. Однако эта находка, сделанная французами, обернулась для них неблагоприятным исходом. В

1427 году в борьбу за могилу царя Давида включились евреи, которые хотели сначала выкупить дорогую для них святыню, но монахи отказали им. Тогда иерусалимские раввины, чтобы добиться справедливости, обратились к местным властям. Но и французы не сидели сложа руки: они приобрели участок земли на месте центра Сионской церкви и восстановили капеллу Успения Пресвятой Богородицы. Однако после 1517 года, когда Иерусалим подпал под власть Османской империи, ситуация изменилась не в пользу монахов.

Отношения султана Сулеймана Великолепного с Орденом францисканцев не очень складывались, вследствие чего монахи в 1537 году лишились своих владений в храме Гроба Господня, а в 1552 году вообще утратили все приобретения на Сионской горе. Вмешавшись в давний спор евреев и христиан за могилу царя Давида, султан Сулейман Великолепный решил его по-своему: именно тогда комната с надгробием царя Давида и горница Тайной вечери над ней были превращены в мечеть Неби Дауд.

В 1948 году после раздела Иерусалима Сионская гора отошла Израилю. Представители всех религий получили доступ к своим святыням. По мнению многих исследователей, место, где стоит гробница, не является достоверным местом захоронения царя Давида, но народные предания продолжают настаивать на том, что именно здесь похоронен прославленный царь Израиля. В день празднования Дня независимости на саркофаге можно увидеть небольшие серебряные короны, число которых соответствует числу лет существования современного ГосударстваИзраиль.

ГРОБНИЦЫ ЦАРЕЙ ИУДЕЙСКИХ

По обычаям древних евреев на случай смерти каждый должен был иметь готовую гробницу уже при жизни, иначе его положение в общине не было бы прочным. Евреи отводили для своих почивших лучшие сооружения, какие только могли построить; более того, для древних евреев гробницы были предметом гораздо большей заботы, чем собственные дома. До настоящего время в различных частях Палестины встречается много сохранившихся гробниц, хотя от некоторых городов, рядом с которыми они располагались, остались лишь развалины. Если человека лишали гробницы, которую он для себя приготовил, — это было для него величайшим наказанием. В книге пророка Исайи царю Навуходоносору говорится:

«Все цари народов, все лежат с честью, каждый в своей усыпальнице, а ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечом, которых опускают в каменные рвы, — ты, как попираемый труп, не соединишься с ними в могиле.»

Чтобы сделать гробницы несокрушимыми, древние евреи не сооружали их из отдельных камней, а высекали прямо в скалах, причем не в мягком пласте на их вершинах, а в нижней части склонов. Хотя существовали правила внутреннего устройства, но часто это зависело от воли строителей, поэтому древнееврейские гробницы были двух видов: открытые (высеченные в скале) и закрытые (катакомбы). В древнем Иерусалиме отдельные гробницы имели собственные предания, а усыпальницы великих мужей были известны даже детям.

В книге пророка Иеремии сказано: «И вся долина трупов и пепла, и все поле до потока Кедрона, до угла конских ворот, к востоку, будет

святынею Господа; не разрушится и не распадется вовеки». Иерусалимский некрополь в книге пророка делится на две части: долину мертвых и кладбище до Кедронского потока. Северный некрополь древнего Иерусалима занимал территорию большую, чем все остальные кладбища, вместе взятые. В нем и размещаются гробницы царей иудейских, являющиеся самыми замечательными памятниками этого некрополя.

У подножия скалы высечена арка, через которую вступают сначала первый (квадратный) двор, окруженный высеченными в природной скале стенами. В него сходят по ступеням широкой каменной лестницы, а против нее в противоположной стене двора высечена камера, в которой жил приставленный к гробам служитель. В южной стене вестибула в нише горел большой светильник, а цистерна была наполнена холодной водой для омовения после прикосновения к трупу. По каббалистическим преданиям, здесь ангел смерти омывал меч, поразивший умершего.

Второй (восточный) двор, тоже высеченный в скале, по площади своей был намного больше первого. В одном месте пол его был выложен тщательно подобранными плитами, под которыми находился спуск из восьми ступеней, приводящий к входу в гробницы. Входившие сюда в древние времена сначала оказывались в чистой пещерной галерее с каменным сводом и скамьями для отдыха. За ней находились входные двери, закругленные сверху, высотой около полутора метров. Двери царских гробниц так плотно прилегали к косякам, что, по свидетельствам очевидцев, с трудом можно было отличить, где кончается стена и начинается собственно дверь. Причем они были такими низкими, что внутрь подземелья можно было только вползать.

Первая камера царских гробниц представляла собой высокий просторный зал квадратной формы, предназначавшийся для носильщиков гробов. В нишах этого зала, высеченных в южной, западной и восточной стенах, ставились для освещения лампы. Вдоль стен были высечены скамьи для родственников и друзей покойного, которые здесь оплакивали умерших. Через западную дверь из этого зала попадали в другую камеру — тоже квадратную со сторонами около трех метров. В ней тоже были высечены скамьи — на одном уровне с порогом двери. Стены этой камеры (кроме западной) имели по три погребальных отделения — одно в центре и два поменьше по сторонам от него. Среднее отделение имело три ложа для саркофагов, поднятые высоко над полом. Боковые отделения служили одиночными ложами для отдельных саркофагов. В глубине каждого такого отделения — отверстие, которое ведет в небольшую камеру, предназначавшуюся для хранения царских сокровищ. Когда саркофаги стояли на своих местах, отверстия в сокровищницу были совершенно незаметны.

В настоящее время все гробницы иерусалимского некрополя открыты и пусты. Исчезли не только находившиеся там сокровища, но и саркофаги с прахом, хотя расхищение усыпальниц у всех народов считается величайшим святотатством. Правда, исследователям случается напасть и на нетронутые гробницы, но это бывает очень редко.

В центральном отделении северной стороны этой второй камеры есть спуск в нижнюю камеру гробницы, где на западной стороне, под полукруглой аркой, было высечено ложе для саркофага. В этом отделении

французский археолог Сольси нашел два куска от разбитого саркофага, которые теперь находятся в Лувре. Судя по этим кускам и свидетельствам очевидцев, саркофаг был так велик, что его не могли бы внести в проход, ведущий в камеру. Поэтому он был высечен в готовой гробнице из находившегося тут же материала.

В царских гробницах есть еще и другие камеры и помещения, но все же их отделения не так разветвлены, чтобы их можно было назвать лабиринтом Сопоставить их можно разве что с александрийскими катакомбами, которые называются «банями Клеопатры», с крымскими пещерными храмами или с монументами в скале Вади-Муса. Однако последние во многом уступают тому впечатлению, которое паломники выносят после посещения царских гробниц Иерусалимского некрополя.

По свидетельству Иосифа Флавия, царские гробницы должны были иметь остатки какого-то особенного памятника, возведенного царем Иродом для искупления своей вины, так как в свое время он святотатственно ограбил их Когда Ирод вместе с несколькими приближенными вторгся в гробницы и стал забирать сокровища, из стены вдруг вышло пламя и опалило двух его провожатых. Испуганный царь бежал и для укрощения гнева Божьего построил над вестибулом гробниц монумент из белого камня.

Чтобы найти остатки этого монумента, Сольси в 1863 году расчистил верхнюю площадь над гробницами, и над местом вестибула действительно нашел искусственную площадку, а на ней остатки камней. Но так как монумент царя Ирода располагался над самым углублением большого открытого двора, то можно было ожидать, что при последующем разрушении монумента часть его будет сброшена вниз — во двор гробниц. И действительно, здесь были найдены остатки с орнаментом совершенно другого рисунка и стиля, чем орнамент царских гробниц, и большие камни, отличающиеся от материала, из которого были сделаны усыпальницы.

Независимо от монумента, Сольси расчистил часть первого восточного двора и открыл лестницу с большими площадками, высеченными в скале. Далее были расчищены ворота, соединявшие восточный двор с западным, и во время этих работ было найдено большое количество древних монет: древнееврейские монеты в одну четверть сикля, монеты времен Колония — римского прокуратора при императоре Августе, монеты Понтия Пилата — прокуратора при императоре Тиберии, несколько монет асмонейского типа с двумя рогами изобилия, монеты крестоносцев, а также более поздние турецкие и египетские пиастры.

Еще более интересные находки ожидали Сольси внутри самих гробниц. Так, при расчистке первой камеры первой гробницы были обнаружены урны с пеплом сожженных трупов (по обычаю римских погребений), банки, банки-слезники, остатки римского оружия, статуэтки тройной Гекаты и многое другое. Чуть в стороне лежали около десятка скелетов, сваленных в общую кучу, а между скелетами тоже было найдено много монет, причем они лежали кучками, видимо, находились в поясах одежд усопших. Все монеты соответствовали эпохе, предшествовавшей осаде Иерусалима императором Титом. Самая поздняя из них была чеканена римлянами во время самой осады.

Дальнейшая расчистка погребальных камер дала не менее богатые результаты. В кучах земли и сора были найдены так называемые алавастры для миро, которые древние евреи употребляли задолго до того, как они стали известны в евангельской истории. Особенно интересными оказались один флакон-алавастр ассирийского происхождения, а также драгоценные серьги круглой и продолговатой формы и кольца. Были найдены обломки ящиков, сделанных из мягкого известняка, с четырьмя ножками и с орнаментом Соломоновой печати. По своим размерам ящики эти были малы для саркофагов, поэтому ученые предположили, что они служили сундуками для сокровищ.

В одной из камер Сольси нашел такой огромный саркофаг, что он едва помещался на своем ложе. Углы его даже были чуть спилены, чтобы он мог войти под арку. На крышке этого саркофага были вырезаны два диска, а между ними располагались строки еврейской надписи. Отделка саркофага не отличалась тонкостью, как будто его делали на скорую руку в чрезвычайных обстоятельствах. Но по вскрытии в нем нашли очертания человеческого праха с приподнятой головой и сложенными на чреслах руками. При первом прикосновении к черепу усопшего вся фигура рассыпалась как мираж, и в саркофаге осталась лежать только тонкая полоса пыли. Присутствовавшие при этом арабы заметили Сольси, что саркофаг принадлежал женщине, потому что крышка его была плоской, а гроб мужчины должен был иметь круглую крышку.

После открытия царских гробниц сразу же возник вопрос: представители какой из царствовавших в Иерусалиме династий в них погребены? На этот вопрос есть несколько ответов, но наиболее распространенная к концу XIX века версия, основывавшаяся на свидетельстве Иосифа Флавия, относила принадлежность гробниц царице Елене Адиавенской, супруге царя Монбаза, и ее сыну Иазату. Однако эта фамилия в истории Иерусалима случайна и правила короткое время. К тому же для этого семейства царские гробницы были слишком велики. Кроме них, царскую гробницу в иерусалимском некрополе могла иметь только Гранта — сестра Иазата. А между тем по древним обычаям, устройство гробницы должно было рассчитываться по числу членов семейства. Строить лишнюю усыпальницу для несуществующего члена семьи значило раздражать ангела смерти, у которого каждое место для гробницы записано за определенным лицом. Поэтому усыпальница без имени считалась преступным обнажением земных недр, за которое отвечал народ, пользующийся этой землей. Что же касается других членов этой семьи, то они не имеют отношения к Иерусалиму и погребены, вероятнее всего, в Риме.

Вторая версия отождествляет царские гробницы с усыпальницами царя Ирода, о чем тоже упоминает Иосиф Флавий. Однако известно, что Ирод был погребен сыном своим и преемником Архелаем недалеко от Вифлеема — на горе, которая с тех пор называется Джебель-Фередис (Райская гора). Из других династий, царствовавших в Иерусалиме, остались только Маккавеи, но по достоверным источникам известно, что их гробницы находятся не в Иерусалиме, а в Модине.

Есть версия и о том, что в царских гробницах почили представители династии, правившей до Вавилонского плена. Многие иудейские источники

называют эти гробницы «большим гротом Седекии». Например, один еврейский паломник из Ливорно в XV веке писал: «Недалеко от Дамасских ворот на север находятся катакомбы Седекии, идущие далеко под землею. Многие рассказывали мне, что они тянутся на полчаса пути и так просторны, что в них можно проезжать верхом на лошади и с факелом в руке».

Седекия был последним царем перед Вавилонским пленением евреев, но времени его царствования не хватило бы для сооружения гробниц. Поэтому можно предположить, что Седекия упоминается только как последний царь из целого ряда иудейских царей — устроителей этих величественных гробниц. То обстоятельство, что умерший в Вавилоне Седекия был погребен в Иерусалиме, не опровергает этого предположения. По всей вероятности, возвращавшиеся из плена евреи, как некогда их предки при исходе из Египта, взяли с собой прах наиболее замечательных лиц, умерших в Вавилоне.

Попутно расскажем, что во второй половине прошлого века при археологических раскопках южнее Иерусалима были обнаружена камера и склеп с двенадцатью саркофагами из известняка. Некоторые из них были уже разграблены, но находка все равно оказалась сенсационной, так как самый роскошный из саркофагов, украшенный сложным орнаментом, оказался нетронутым. Вскрыв его, ученые обнаружили кости мужчины примерно 60 лет. Бронзовая монета, находившаяся в саркофаге, свидетельствовала, что человек этот скончался первом столетии нашей эры. Изученные надписи, характер похоронного обряда и другие отличительные признаки позволили ученым предположить, что найдены останки первосвященника Каиафы, который добился мученической казни Иисуса Христа.

ЗОРОАСТРИИСКИЕ «БАШНИ МОЛЧАНИЯ»

Напротив некрополя Накше-Рустам расположилось каменное сооружение, известное в народе как «гробница Зороастра». Однако научные исследования не подтверждают факта захоронения здесь основателя древней иранской религии. По мнению ученых, это сооружение являлось алтарем зороастрийцев, где они совершали свои ритуальные обряды.

Огнепоклонничество — культ огня, света и солнца — возник в Персии более 3000 лет назад, а в VII–VII веках до н. э. пророк Зороастр воплотил древние восточные верования и легенды в религиозно-этическое учение. Он изложил их в виде откровений, полученных от всемогущего бога света Ахурамазды, и несколько веков спустя его учение стало господствующей в Иране религией Сасанидской империи.

Зороастр (Заратустра) проповедовал, что все в мире имеет два противоположных начала: жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма, холод и тепло, день и ночь… Добро олицетворяет бог Ахурамазда, которому противостоит злой бог Ариман, и между ними идет постоянная борьба. История противостояния двух начал, сотворения мира, основные принципы зороастризма и все основные молитвы, которые возносятся богу Ахурамазде, содержатся в священной книге «Авеста». А сам Заратустра считается создателем гат (песен) самой древней части «Авесты».

Зороастризм утверждал веру в загробную жизнь, в пришествие Мессии, который после 12 000 лет борьбы между добром и злом придет к людям, чтобы спасти мир от гибели. Люди тоже должны бороться со злом: согласно учению Заратустры, человек должен «думать о добре, говорить о добре, делать добро», и тогда все закончится победой благого начала.

Зороастризм был устойчивой религией и оказал большое влияние на жизнь народов, населявших Иран в течение почти 14 веков. В VII веке Персию завоевали арабы, и последователи Заратустры, сопротивлявшиеся насаждению ислама, вынуждены были скрываться в труднодоступных районах или бежать в другие страны. В настоящее время больше всего последователей Заратустры живет в Индии, где их называют парсами. Но где бы ни проживали зороастрийцы, они всегда соблюдают ритуалы, бытовавшие в период расцвета их религии. Например, обряды поклонения огню они совершают в специальных храмах, которые обычно устраиваются на возвышенностях.

Парсы считают, что из четырех стихий (земля, вода, огонь и воздух) главным является огонь: он священен, так как несет в себе божественное начало. С огнем связаны понятия чистоты, белизны, непорочности, добра и света. Перед чашей с огнем совершаются все богослужения зороастрийев, священный огонь горит не только в их храмах, но и в домах.

Согласно учению парсов, все мы вышли из земли и туда же вернемся, но тело умершего нельзя зарывать в землю, чтобы не осквернить ее. Земля должна цвести и плодоносить, поэтому ей должны достаться очищенные останки усопшего. И уж тем более нельзя предавать тело огню, который не должен быть осквернен прикосновением к покойному. В древности покойника сразу после смерти переносили в здание, которое называлось «кед» (дом). Название это могло означать и комплекс строений жилой усадьбы, и отдельное здание специального назначения (например «аташкед» — храм огня), а в погребальном обряде это был особый дом для усопшего. Погребальные «кеды» сооружались отдельно для мужчин, для женщин и для детей, причем размеры их определялись так, «чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых рук и протянутых ног». В селениях зороастрийцев существовали коллективные «кеды», но в усадьбах знати они представляли собой особые постройки.

Из «кеда», соблюдая определенные церемонии, труп переносили на «дахму» (насыпь или круглое сооружение), где его оставляли на съедение хищным птицам. Через год кости, омытые дождем и высушенные солнцем, считались «чистыми»: их уносили и помещали в «наусах». Останки знати складывались в фамильные «наусах», а сосуды с останками простых людей зарывали в землю.

Древнегреческие писатели, сообщая о персидских погребальных обрядах, писали о сохранении тела и существовании особых гробниц персидских царей. Подтверждением этому служат и археологические памятники — вырубленные в скалах или отдельно стоящие гробницы, а также надгробные башни. А между тем, как указывалось выше, «Авеста» предписывала выставлять трупы на возвышенные места, где их уничтожали хищные звери и птицы. Кажущееся несоответствие объясняется тем, что свидетельства древнегреческих писателей и археологические памятники относятся к собственно персам, а в «Авесте»

сказано о погребальных обрядах «магов». Например, Геродот сообщает, что персы сообщают тела усопших воском, а потом хоронят их в земле, а у «магов» трупы погребаются только после того, как их разорвут птицы или собаки.

Об этом же писал и Страбон, сообщавший, что трупы на растерзание выставляли на северо-востоке Персии. Такой же обычай существовал и в эпоху Сасанидов, например, Агафий отмечал, что тело умершего выносили за город, где его съедали птицы и собаки; класть тело в гроб и зарывать его запрещалось, поэтому кости умершего разбрасывали, и они со временем сгнивали. Считалось добрым знаком, если тело усопшего быстро поедалось хищниками, так как за город выносили и опасных больных, еще живых, давали им хлеб и палку, чтобы они могли, сколько хватит сил, отбиваться от собак.

В отчете китайского посла Вэй-цзе, побывавшего в начале VII века в Согдиане, сохранился такой рассказ о местном погребальном обряде:

«Вне главного города живет отдельно более двухсот семейств, специально занимающихся погребением. Они построили в уединенном месте особое сооружение, где воспитывают собак. Когда кто-нибудь умирает, они берут тело и помещают в этом сооружении, где его и поедают собаки. Затем они собирают кости и хоронят их в особой погребальной процессии, но не кладут их при этом в гроб.»

В рассказе китайского посла есть тоже указание на особое сооружение — дахму, которая была предшественницей знаменитых зороастрийских «Башен молчания». Парсы считают, что после смерти душа человека еще трое суток витает в этом мире и только потом покидает его. Три дня жрец молится в особом помещении, где лежит усопший, перед чашей со священным огнем, а на четвертый день он молится в храме, куда тело покойного вносить нельзя. Во время богослужения на жреце должна быть белая одежда, волосы убраны под белую повязку, лицо до самых глаз закрыто белой тканью. Жрецы должны быть чище других, поэтому они не могут прикасаться к покойному и совершают все полагающиеся обряды на расстоянии полутора метров от него.

После того как над умершим совершены все положенные обряды, 16 носильщиков должны на железных решетках доставить тело в Башню. Внутри нее от стен к центру идет пологий скат, на котором располагаются три погребальные площадки — отдельно для мужчин, женщин и детей. Посередине «Башни молчания» находится колодец, окруженный стеной. В Бомбее стервятники за полчаса оставляют от покойного лишь груду костей, в других местах, где хищные грифы вывелись, «работают» солнце и ветер. Потом сюда приходят специальные служители, которые собирают кости и сбрасывают их в колодец, глубина которого обычно равняется 4,5 метра. Рядом с колодцем порой устраиваются еще четыре запасных, на случай если главный колодец переполнится.

«Башню молчания» полагается строить на высокой скале, чтобы нельзя было увидеть происходящего внутри нее и чтобы она не занимала земли, нужной людям. В нее не смеет заходить никто, кроме служителей и носильщиков, которые после посещения «Башни молчания» должны обязательно очиститься. И умершего, и тех, кто прикасался к нему, очищают жидкостью, которая называется «ниранг». Приготовлена она по

особым рецептам и даже через несколько десятилетий остается чистой и не подвергается разложению.

Чтобы возвести «Башню, молчания», надо соблюсти очень много сложных ритуалов, но все меньше остается жрецов, знающих их. Поэтому «Башен молчания» осталось на земле немного.

ГРОБНИЦА ФИЛИППА II

У подножия лесистых гор Пиерия лежит долина, разбитая на множество квадратов — серых, желтых, коричневых… Здесь у реки Альякмон, на северо-западе нынешней Греции, когда-то стоял великолепный город Эги — столица македонских царей. В 1861 году француз Леон Эзе начал здесь раскопки, в результате которых сначала был открыт дворец, а потом сводчатая могила; захоронения подобного рода тогда науке не были известны.

Леон Эзе понимал, что стоит у начала удивительных открытий, и был абсолютно уверен, что насыпи скрывают и другие памятники. Особенно привлекал его большой холм (110 метров в диаметре и 12 метров высотой), стоящий на краю найденного древнего кладбища. Он напоминал описанные Гомером насыпи, которые древние греки делали над захоронениями погибших героев. Местные жители называли этот курган Большим, и Леон Эзе был убежден, что внутри него находятся большие захоронения, но исследовать их не успел.

Раскопки продолжил греческий археолог К.А. Ромейос, который в 1938 году обнаружил на каменной террасе, поднятой над долиной, еще одну македонскую могилу. Но, к сожалению, она оказалась ограбленной, однако остались обломки мраморных дверей и фрагменты большого трона. Позднее эти предметы удалось реставрировать.

По фризу фасада гробницы шла многоцветная роспись, а на ионических капителях полуколонн сохранилась даже краска. Константинос Ромейос тоже, как и Леон Эзе, считал, что близ соседней деревушки Вергины надо искать крупный центр македонской культуры. Его исследования были прерваны Второй мировой войной, и только через несколько десятилетий к раскопкам приступил Манолис Андроникос. За годы исследований ученые обнаружили в Большом кургане три могилы и основание здания. Три могилы под одной насыпью ученым видеть еще не доводилось. По мнению М. Андроникоса, это были царские погребения, а здание — традиционным греческим Героном, под которым погребены погибшие герои.

Самая маленькая могила (2x3x3 м) была разграблена еще в древности, когда воры, разбив одну из плит перекрытия, проникли внутрь нее. Археологи нашли в погребальной камере только разбросанные кости и осколки чернофигурных ваз. Но фрески воры, к счастью, не повредили. Одна из них («Похищение Персефоны») написана с таким живым мастерством, что археологам стало ясно — работа создана великим мастером. *5 По свидетельству историка Плиния Старшего, выдающийся художник IV века до н. э. Никомах однажды за очень короткое время создал неповторимую сцену похищения Персефоны. Ученые полагают, что найденная в Вергине фреска и есть его работа.* На другой фреске изображена сидящая женщина, возможно, богиня Деметра (мать Персефоны), на третьей — ученые увидели три женские фигуры.

Вторая из найденных могил имела дорический фасад и горизонтальный карниз с раскрашенным фризом (1х5 м), на котором изображена сцена охоты на льва и кабанов. Фигура центрального юноши, как бы приподнятая над другими фигурами, удивительно напоминала мозаичный портрет Александра Македонского. По мнению М. Андроникоса, этот «портрет» относится к 320 году до н. э. Фасад венчала фреска со сценой охоты: на фоне спокойного пейзажа (скал и деревьев) — вставшая на дыбы верховая лошадь, всадник в напряженной позе вскинул копье… Точная перспектива, четкость линий и цвета, общий колорит фрески — все и на этот раз говорило о незаурядном мастерстве художника.

Когда археологи приблизились к величественному мраморному фасаду третьей могилы, к плотно закрытым дверям, спрятанным за двумя колоннами, они поняли, что им улыбнулась удача — могила не была разграблена. Вход в захоронение представлял собой каменный фасад с мраморными колоннами, стены каменного строения были покрыты штукатуркой, чего в македонских могилах раньше не встречалось. При дальнейшем обследовании оказалось, что могила имеет две камеры, а на крыше главного помещения на кирпичах остались тоже следы штукатурки и черные пятна сажи. Здесь же были найдены два железных меча, наконечник копья и множество мелких железных предметов. Среди них — украшения для сбруи, и тоже со следами копоти и сажи.

Изучив эти предметы, ученые пришли к выводу, что им посчастливилось обнаружить уникальную могилу, на крыше которой совершались жертвоприношения по специально восстановленной для этого древней традиции. О подобном обычае упоминал Гомер, повествуя о похоронах Патрокла.

Пол камеры был покрыт черно-коричневой деревянной трухой, но в глаза исследователям бросились серебряные сосуды, треножник, поножи, бронзовый позеленевший предмет, напоминавший своей формой таз, и другие предметы. Все это при жизни служило умершему, может быть, кроме керамических ваз, в которых находились благовония. Ученые увидели и полные доспехи знатного воина: мечи, наконечники стрел, панцири, щиты, шлемы, наколенники. Панцирь был сделан из тонких железных листов, покрытых кожей и тканью; железные пластины скреплялись между собой таким образом, что не препятствовали движению. По краям панциря шла золотая лента, нагрудная пластина была украшена миниатюрными золотыми головами львов, кольцами и маленькой золотой пластиной с изображением богини Афины. *6 Подобный панцирь носил Александр Македонский, о чем свидетельствует мозаика, хранящаяся в музее Неаполя.*

А вот щит полностью не сохранился: видимо, он был сделан из дерева и кожи, которые на протяжении веков распались в прах. Но ученым удалось установить, что с внешней стороны он был инкрустирован слоновой костью и золотом, промежутки были заполнены кусочками стекла, покрытого листовым золотом. На умбоне (шишке щита) крепились фигурки юноши и девушки, выполненные из слоновой кости. С внутренней стороны пересекались золотые ленты с рельефами, а в центре размещалась золотая пластинка с изображением двух геральдических львов. До этой находки ученые могли судить о подобных щитах только по описаниям, встречавшимся в мифах и литературных источниках.

В захоронении были найдены пять небольших головок из слоновой кости. Одна — портрет юного Александра Македонского, детально совпадающий с описанием, которое встречается во многих исторических источниках и известно по скульптурным и мозаичным изображениям. Вторая головка изображала зрелую матрону, возможно, его мать Олимпиаду; третья — немолодого мужчину с коротко подстриженной бородой. При внимательном рассмотрении археологи обнаружили, что правый глаз отличался от левого: с большим художественным тактом мастер показал, что правый глаз поврежден…

Во второй камере, стены которой были не только оштукатурены, но и покрыты красной краской, ученые обнаружили второй саркофаг. На полу лежало множество мелких кусочков дерева (возможно, фрагменты ложа), остатки украшений из золотых пластинок и слоновой кости, поножи, изделия из алебастра и кипрская амфора. Возле саркофага находился тонкой работы золотой венок; обнаружили здесь и горит (футляр для лука и стрел) с золотой обкладкой, на которой были изображены сражение и штурм города. Но кульминацией находок стал золотой ларец с македонской звездой на крышке. Приподняв ее, ученые увидели пурпурно-золотую ткань, покрывавшую кремированные останки человека.

Теперь оставалось главное — датировать находки Большого македонского захоронения. После долгих исследований ученые установили, что архитектура гробницы, живопись фриза и глиняные черепки, обнаруженные на поверхности кургана, относятся к 350–325 годам до н. э. Золотой обруч (царская диадема) указывал, что в гробнице покоится царь. Оставалось только выяснить, кто он? Кроме Филиппа, отца Александра Македонского, другого царя тогда в Македонии не было. А женщина, погребенная в другом саркофаге, скорее всего последняя жена царя Филиппа II — Клеопатра.

Поразительное открытие привлекло внимание всех ученых Европы. Содержимое ларца с останками царя было отправлено в Англию, где в 1981 году эксперты приступили к восстановлению лица умершего. Сначала скульптор Ричард Нив сделал гипсовую отливку фрагмента черепа, а уже в 1973 году участники международной конференции (1200 крупных ученых) исследовали предоставленный им скульптурный портрет, воссоздававший образ Филиппа II.

САРКОФАГ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Знаменитые на весь мир «висячие сады Семирамиды» с редкими деревьями, ароматными цветами и прохладой в знойной Вавилонии были поистине чудом света. Но во время персидского господства дворец царя Навуходоносора с его 172 комнатами, обставленными и украшенными с поистине восточной роскошью, пришел в запустение. В нем изредка останавливались персидские цари во время «инспекторских» поездок по своей огромной империи. Но в IV веке до н. э. этот дворец стал резиденцией Александра Македонского: Тронный зал дворца и покои нижнего яруса «висячих садов» стали последним местом пребывания на земле великого полководца, проведшего 16 лет в беспрерывных войнах и походах и не проигравшего ни одного сражения.

Как только Александр Великий скончался, из-за его наследства сразу же разгорелись споры и раздоры. Военачальники и вельможи начали враждовать между собой, и боролись они не только за трон, но и за право владения телом покойного. Прошло 7 дней, а тело прославленного полководца так и оставалось непогребенным. Наконец выписанные из Египта жрецы набальзамировали его, положили в золотой гроб, а на голову покойного надели царский венец. Временно Александра Македонского захоронили в Вавилонии, но еще 2 года его сподвижники спорили о том, куда везти золотой саркофаг своего бывшего повелителя. Ясно было одно: тот из диодохов, в чьей стране будет воздвигнута усыпальница Александра, станет и главным наследником полководца.

Первым это понял Птолемей, последняя же воля самого Александра Македонского гласила: он должен быть похоронен в оазисе Сива, где жрецы некогда приветствовали его как сына бога Амона. В соответствии с волей полководца греческий инженер Филипп сконструировал колесницу на рессорах, в которую запрягались 64 мула. На колеснице был установлен мраморный саркофаг, на золотой крышке которого лежали оружие Александра Македонского и щит из Трои. Опираясь на колонны из слоновой кости, над саркофагом возвышался балдахин, подобный небесному своду и украшенный драгоценными камнями. На одной из продольных сторон саркофага в высоком рельефе представлена битва Александра Македонского с персами.

Сражение было горячим с обеих сторон, греки и персы беспощадно убивали друг друга. Все разъярились и дрались, как лютые звери. Македоняне и греки с такой отчаянной яростью бросились на персов, что сам Дарий смутился и не знал, что делать. Около его колесницы уже лежали груды убитых…

Большая композиция, изображенная на саркофаге, состоит из полных движения фигур, очень убедительно передающих разгар схватки. Фигуры сражающихся полны силы и энергии, и резким контрастом по отношению к ним кажутся тела убитых. Древний скульптор старательно передал различия в одежде и вооружении персов и греков, только один из сражающихся представлен на рельефе обнаженным.

Рассказывается, что сначала саркофаг отправили в Македонию, причем впереди траурной процессии двигались колонны строителей и землекопов, которые выравнивали старые дороги, строили новые и укрепляли мосты, так как шествие сопровождали тысячи всадников, индийские слоны, пешие воины, колесницы и обозные повозки. Птолемей I встретил колесницу в Дамаске, но не отвез саркофаг в Сиву, а отобрал «трофей» и доставил его в свои владения — в Мемфис. Правда, другие исторические свидетельства говорят о том, что верховный жрец Мемфиса выступил против захоронения тела Александра Македонского в городе: «Его нельзя оставить здесь. Отвезите его в город, построенный около Ракотиса. Ибо место его захоронения будет несчастливым, отмеченным войнами и кровавыми сражениями».

Потом Птолемей будто бы переправил саркофаг в Александрию, где прославленный завоеватель и нашел свое последнее пристанище в подземной усыпальнице — близ одного из древних храмов бога Амона. Когда тело Александра Македонского в роскошной лодке прибыло в

Александрию, Птолемей повелел повторить бальзамирование, после чего тело поместили в новый саркофаг, который установили в мавзолее на центральной площади города. Флавий Арриан так описывает похоронную процессию, двигавшуюся по улицам Александрии:

«В колесницу с золотыми спицами и ободьями на колесах были впряжены 8 мулов, украшенных золотыми коронами, золотыми колокольчиками и ожерельями из драгоценных металлов. На колеснице стояло отлитое из золота сооружение, напоминающее паланкин со сводчатым куполом, украшенным изнутри рубинами, изумрудами и карбункулами.

Внутри паланкина висели четыре картины. Первая изображала богатую колесницу искусной работы, в которой восседал воин со скипетром в руках. Колесницу окружали гвардия в полном вооружении и отряд персов; впереди шли воины древнегреческой тяжеловооруженной пехоты. На второй картине была нарисована вереница слонов в боевом облачении; на шеях у них сидели индейцы, а на крупах — воины армии Александра Македонского. Третья картина изображала отряд кавалерии, совершающий маневр во время сражения. На четвертой картине были представлены корабли в боевом построении, готовые атаковать вражеский флот, виднеющийся на горизонте.

Под паланкином находился украшенный рельефными фигурами квадратный золотой трон; с него свисали золотые кольца, в которые были продеты гирлянды живых цветов, менявшихся каждый день. Когда внутрь паланкина падали лучи солнца, драгоценные камни купола ослепительно сверкали и освещали тяжелый золотой саркофаг, в котором покоилось тело, умащенное благовониями.»

На протяжении многих столетий ученые разных стран предприняли более 100 попыток напасть на след гробницы Александра Македонского. Многие из них, опираясь на исторические факты, были убеждены, что великий завоеватель похоронен именно в Александрии. Действительно, некоторые сведения подтверждали, что после смерти полководца к его усыпальнице на поклонение приходили многие выдающиеся люди. Светоний, например, сообщает, что римский император Август, прибывший в Египет в 30 году до н. э., потребовал, чтобы его отвели к могиле величайшего из македонцев. Гроб вынесли из святилища, и в знак поклонения император возложил «на него золотой венец и усыпал тело цветами». Однако знаменитый полководец древности лежал почему-то уже в стеклянном саркофаге. Светоний сообщает и об императоре Калигуле, который побывал в Александрии в 37–41 годах уже н. э. и «иногда надевал панцирь Александра Великого, добытый из его гробницы». Потом император Септимий Север повелел замуровать священную усыпальницу, и с тех пор неизвестно, где находится гробница непобедимого Александра. Может быть, поэтому все попытки отыскать ее заканчивались безрезультатно.

В 1989 году специалисты из Греции, в поисках гробницы Александра Македонского, начали раскопки в местечке Мираки, расположенном в 25 километрах от египетского оазиса Сива. Этот район они выбрали не случайно, так как в Сиве (как указывалось выше) великий полководец действительно побывал, чтобы убедить египтян и свое войско в том, что в

его жилах течет кровь бога Амона. В храме этого бога находилась статуя Амона, украшенная золотом и драгоценными камнями. Когда Александр Великий предстал перед богом, главный жрец храма сообщил ему, что Амон признает его своим сыном. При словах жреца статуя будто бы произвела движение головой и руками, что и было истолковано как согласие бога.

По предположениям ученых, название «Мираки» произошло от древнегреческого слова «миракион», что в переводе означает «человек, умерший молодым». Кроме того, сам оазис стали называть Сивой только несколько столетий назад, а до этого он был известен как «Сантария». Эксперты в области древних языков так интерпретируют это название: «Место, где покоится Александр». Так где же оно, это место?

С 1990 года греческие археологи пришли к выводу, что они раскапывают «необычайно величественное строение», которое могло принадлежать только особо почитаемому лицу царского рода. Сейчас уже довольно точно можно представить, как выглядела усыпальница Александра Македонского. Весь комплекс состоял из храма и непосредственно самой гробницы. Он был окружен гигантской стеной (ширина ее 2 м), украшенной фресками и цветными росписями. Главные ворота вели в просторное помещение, охраняемое двумя каменными львами. В зале площадью 210 квадратных метров археологи откопали заваленные мощными гранитными плитами небольшие камеры, которые до тех пор никем не вскрывались. В одной из них, по преданию, и должны были храниться останки божественного царя.

В пользу этой версии говорят не только размеры раскопанного комплекса. По заключению экспертов все постройки и росписи совершенно нехарактерны для древнеегипетской архитектуры и живописи, зато имеют много общего с оформлением македонских гробниц. Кроме того, здесь были найдены обломки саркофага из алебастра, изготовленного за пределами Египта. В гробнице археологи нашли и уникальное изображение льва, подобное которому встречалось раньше только в древнегреческих храмах. Однако самым убедительным доказательством являлся укрепленный над входом барельеф с восьмиконечной звездой — личным символом Александра Македонского. А в конце января 1995 года были обнаружены предметы, заставившие учащенно биться сердца многих ученых. Это были 3 стелы с надписями на древнегреческом языке, расшифровка которых почти целиком подтвердила предположения археологов. Надпись на первой стеле гласит:

«Александр, Амон-Ра. Во имя почтеннейшего Александра я приношу эти жертвы по указанию бога и переношу сюда тело, которое такое же легкое, как самый маленький щит, — в то время, когда я являюсь господином Египта. Именно я был носителем его тайн и исполнителем его распоряжений, я был честен по отношению к нему и ко всем людям. Итак как я последний, кто еще остался в живых, то здесь заявляю, что я исполнил все вышеупомянутое ради него.»

Текст этот был написан приблизительно около 290 года до н. э., а автором его является Птолемей Лаг — ближайший соратник великого Александра, которому знаменитый полководец завещал перевезти свои останки в Сиву.

Надпись на второй стеле гласит следующее:

«Первый и неповторимый среди всех, который выпил яд, ни мгновения не сомневаясь.»

Третья стела свидетельствует:

«В этом районе проживают 400 тысяч человек,110 тысяч из них служат в армии и 30 тысяч солдат охраняют гробницу.»

После объявления результатов раскопок тихий оазис Сива стал напоминать многомиллионный город. Сюда бросились иностранные корреспонденты и журналисты, делегации египетских министерств и обществ по охране древностей… Людской поток был настолько велик, что к месту раскопок даже пришлось прокладывать шоссе. А между тем, несмотря на сенсационные находки, не убавлялось и число скептиков, которые сомневались в том, что найденное в Сиве захоронение принадлежит Александру Македонскому. Один из египетских историков, например, считает, что нет ничего удивительного в том, что в Сиве нашли «македонскую гробницу». По его мнению, это означает только то, что оазис находился на оживленном пути между Египтом и греческими поселениями в Ливии.

Подобной точки зрения придерживался и М. Джонс, директор германской археологической миссии, считающий, что только в Александрии нужно искать захоронение Александра Македонского. По его мнению, желание великого полководца быть похороненным в Сиве еще не служит доказательством того, что его тело было действительно перевезено из Вавилона в этот отдаленный оазис.

Многие исследователи считают, что могила Александра Македонского находится именно в Александрии — в районе современной улицы пророка Даниила на пересечении ее с улицей Г.А. Насера. Здесь раскинулся центр города, спланированный еще при возведении Александрии архитектором Дейнократом. Долгое время считалось, что мечеть пророка Даниила построена на месте мавзолея Александра Македонского. Некоторые арабские историки сообщали, что они сами посещали могилу великого полководца и молились в его «мечети», которой мусульмане приписывают особую святость. Археологические раскопки, проводившиеся в Александрии в последнее время, указывают, что часть древнего города (возможно и та, где находилась гробница завоевателя) ушла под воду. Отсюда возникли новые догадки и предположения, так что ответа на волнующий мировую науку вопрос: «Где же покоятся останки великого завоевателя?» — до сих пор нет.

СВЕШТАРСКИЙ КУРГАН В БОЛГАРИИ

«Мать стад рудоносных» называл эту землю Гомер. «Отец истории» Геродот описывал лисьи шапки и меховые накидки фракийцев, некоторые их обычаи, показавшиеся ему не только интересными, но и странными. Так, например, он сообщает, что в грозу фракийцы пытались отгонять тучи стрелами; при рождении ребенка горевали, предвидя предстоящие ему в жизни бедствия, а на похоронах, наоборот, радовались избавлению умершего «от жизненных зол и печалей».

Позднее кое-что сообщили о фракийцах Ксенофонт, Плутарх и Фукидид (сам, кстати, сын фракийки), но если даже сложить их сведения вместе, мы получим материала о Фракии меньше, чем рассказал Платон об

Атлантиде. По немногочисленным текстам античных историков, записанным греческими буквами, ученым удалось восстановить лишь несколько десятков фракийских слов. И это все, что дошло до нас от народа, который, по свидетельству Геродота, был «после индийцев самым многочисленным на земле». От народа, чьи обряды (например, пляски на раскаленных углях) до сих пор живут в Болгарии и чьи названия гор и рек сохранились в топонимике Балкан.

Поэтому так важны «сигналы», которые время от времени подают фракийцы из глубины веков.

Ценные сведения о их занятиях, верованиях и увлечениях дают даже случайно попадающиеся предметы, например, глиняный музыкальный инструмент — предшественник губной гармошки, выкопанный неподалеку от Бургаса. А в 1970-х годах в Силистре, стоящей на месте античного речного порта Дуросторум, археологи обнаружили древнеримские и древнегреческие монеты, керамику, каменные торговые гири и другие предметы. Среди них была и одна из самых интересных находок — солнечные часы на каменной плите с рельефным изображением Орфея. [7] *Орфей был родом из племени, обитавшего на Балканах до прихода туда греков. Последние включили легенды о нем в свои мифы, поэмы и драматические произведения, сделав его сыном речного бога Эагра и музы Каллиопы.* На мраморном барельефе фракийский певец изображен в длинной мантии, правая рука его лежит на арфе, лицо спокойное и задумчивое. Вокруг певца сгрудились люди и звери, словно ждут от него новых песен.

После Второй мировой войны, в 1948 году, неподалеку от Казанлыка землекопы, приступив к выемке грунта под водохранилище, наткнулись на кирпич, керамику, черепицу и остатки скульптур… Так был открыт город Севтополь, возведенный в конце IV века до н. э. фракийским царем Севтом III в честь победы над Лисимахом — сподвижником Александра Македонского.

А вот Даусдаву, «Волчий город» фракийцев, до сих пор археологами не найден, хотя уже известен знаменитый Свештарский курган, к которому ведет выжженная зноем каменистая дорога. И начались исследования, к которым подключились и вездесущие школьники. Они облазили все вокруг, обследовали каждый могильный холм в радиусе 30 километров, зафиксировали следы семи античных поселений и свыше 100 курганов.

План расположения могильников очень напоминал карту звездного неба — очертания Большой Медведицы, созвездий Ориона, Плеяд и других. А потом выяснилось, что в планировке некрополей, культового центра и крепости есть одна закономерность: расстояние между ними равняется 1900 метрам. Число это повторяется 5 раз, но что оно означает, ученые пока затрудняются ответить.

Научные раскопки Свештарского кургана начались в августе 1982 года, а потом настал момент, когда стали размуровывать вход под широкой каменной плитой с рельефным орнаментом из «букраний» — стилизованных волчьих голов. Сначала открылись стены узкого подземного коридора, облицованные прямоугольными каменными блоками, потом показалось небольшое помещение со сводчатым потолком. Пол этого помещения покрывали груды иссохших костей под плотным слоем веками копившейся пыли. Но это было только преддверие подземного мавзолея, а в главной его камере археологи увидели ряды изваяний, стоящих в

странных позах, причем блики фонаря создавали впечатление, будто они двигаются. Ни в каких памятниках, открытых до сих пор, ученым не встречались подобные позы и одеяния фигур: узкие, ниспадающие до пят хитоны и короткие юбочки поверх них, с подолом, расходящимся подобно лепесткам экзотического цветка. Косы до плеч, руки обнажены и воздеты вверх то ли в ритуальном жесте, то ли поддерживают свод. А под потолком — удивительная по мастерству исполнения, но явно незаконченная фреска: в центре ее изображен немолодой, тучный всадник в легкой, едва наброшенной на плечи накидке, на прекрасном коне… И рядом богиня, величаво протягивающая ему венок, а по обе стороны от них — вереница искусно выписанных человеческих, фигур. Ученые почти с уверенностью считают, что эта сцена изображает посмертное обожествление героя в полном соответствии с фракийскими верованиями о том, что души умерших переселяются в загробный мир. Только вот на лицах их, вопреки утверждениям Геродота, нет и намека на радость. Более того, даже на лошадиной морде словно бы запечатлена тоска…

После сенсационного открытия гробницы македонского царя Филиппа II исследование Свештарской гробницы стало одним из крупнейших явлений в античной археологии. Ритуал погребения, совершенная техника строительства и богатство архитектурного, скульптурного и живописного декора — все свидетельствовало о том, что это царское захоронение. В строительстве гробницы была применена характерная для фракийцев «сухая», без каких-либо скрепляющих растворов кладка. Причем известняковые плиты подогнаны так плотно, что в щель не пролезает лезвие ножа. Найденные здесь же обломки плит, как и незавершенные детали барельефов, — верный признак того, что карьер и мастерская каменотесов находились неподалеку от некрополя.

По костям, разбросанным в мавзолее, ученые восстановили три скелета — молодой женщины и двух мужчин, пожилого и молодого. Третья комнатка гробницы (боковая), предназначавшаяся для даров, оказалась пустой. Один из немногих фракийских текстов, высеченных греческими буквами на могильной плите, найденной неподалеку от Преслава, болгарские ученые расшифровали так: «Эбар (сын) Зеса я 58 лет жил здесь. Не повреждай это (захоронение. — Н.И.), не оскверняй этого покойника, дабы тебе не учинили того же».

Но грабителей ничего не останавливает, хотя в Свештарской гробнице, по мнению исследователей, они вели себя весьма странно. Учинив внутри нее ужасающий погром, они потом почему-то аккуратно замуровали за собою вход. Но ученых интересуют, конечно же, не их действия, а разгадка найденных в некрополе предметов. Например, почему одна из фресок напоминает по стилю не античные образцы, а скорее живопись Возрождения? Ведь само фракийское искусство — одна из больших сенсаций археологической науки, так как до сравнительно недавнего времени самый факт существования такого искусства категорически отрицался. Этому немало способствовал Геродот, утверждавший, что у фракийцев, «как и почти у всех варварских народов, меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан».

В том же духе около 150 лет назад писал и Константин Иречек, автор первой фундаментальной истории Болгарии. Он считал, что в

области искусства фракийцы якобы не смогли создать ничего больше, нежели «грубые и неумелые изображения всадников с поднятыми копьями».

Но вот в середине 1980-х годов по многим столицам мира триумфально прошествовала яркая выставка «Фракийское искусство и культура в болгарских землях», усилившая позиции историков, настаивавших на существовании собственной фракийской школы изобразительного и прикладного искусства. А в Свештарском некрополе, как предположили ученые, был погребен правитель фракийского племени гетов, царствовавший в начале III века до н. э. Более других из гетов был известен Дромихет, который в одном из сражений пленил Лисимаха — наместника Александра Македонского на Балканах.

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ

Широкой полосой от Дуная до Енисея и дальше в Забайкалье и Монголию тянется огромная степь, которую пересекают полноводные реки. С давних пор на этих бескрайних просторах расселялись родственные народы, не стесняемые никакими преградами. В науке население этих евразийских степей, жившее в VII–III веках до н. э., называется общим именем «скифы», хотя состояло оно из многих племен, которые имели свои собственные названия. Но племена эти были родственными, поэтому здесь расцветали однородные культуры и создавались обширные империи, часто не очень долговечные. Здесь пролегали пути опустошительных завоеваний и великих переселений народов.

Степь, как и море, редко бывает спокойной: то в одном ее месте, то в другом поднимались бури, зачастую заносившие курганы (земляные насыпи), которые являются характерными чертами евразийского пейзажа. Курганы тянутся во все стороны: одни возвышаются над степью, другие поднимаются конусовидной или полушаровидной горой. В IV веке до н. э. в скифском обществе усилилось социальное неравенство, что отразилось и на погребальном обряде. Появились особо крупные курганы высотой 20–25 метров и более сотен метров в окружности, усложнились подземные погребальные сооружения, увеличилось число специального инвентаря, появились захоронения зависимых лиц. Во время раскопок ученые находили не только останки коней, которые помещались как в подземных погребальных камерах, так и в отдельных могилах, но и погребения конюхов, «воинов-стражников» и т. д. В IV веке до н. э. «траурный поезд», сопровождавший основное погребение, мог насчитывать несколько человек, например в кургане Огуз их было не менее шести. Особенно большими размерами и сложностью устройства отличаются курганы с погребениями скифских вождей.

У края курганной насыпи устанавливались жертвенники, которые по своей конструкции были разной формы и размеров. Они подразделялись на алтари-монолиты, алтари-кладки и комбинированные (монолит с кладкой). В курганах с жертвенниками ученые обязательно находили следы тризны: осколки амфор, кости и черепа животных, встречались и кострища. Остатки тризны располагались обычно в непосредственной близости от жертвенника, реже — на нем самом или под ним. Происходило это, видимо, потому, что жертвенники некоторое время оставались открытыми и насыпью перекрывались в последнюю очередь.

Выдающимся погребальным сооружением высшего ранга скифской эпохи является могильный курган Аржан в Туве, устройство которого характерно для погребения вождя племени или даже нескольких племен. Здесь в круге диаметром в 120 метров находилась центральная бревенчатая гробница, а вокруг нее располагались 160 боевых коней, сосредоточенных в тринадцати местах. На заупокойной тризне, как подсчитали ученые, было съедено не менее 300 коней. Старый вождь был похоронен с женой или наложницей, в сопровождении «соумирающих» с ним вельмож. В его захоронение положено множество приношений как от своих подданных, так и от соседей. Грандиозной заупокойной тризной отмечен и курган в Ульской (на Северном Кавказе), где вокруг основной гробницы располагались тела 360 лошадей.

Из всех памятников классической Скифии одними из самых важных являются четыре погребальных комплекса — курганы Солоха, Чертомлыкский, Александропольский и упоминавшийся выше Огуз, относящиеся к V–IV векам до н. э. Насыпи Чертомлыка и Александрополя почти одинаковы по своим размерам, а курган Огуз намного превосходит их. В трех последних курганах присутствуют длинные дромосы, которые ученые сначала рассматривали как вторичные сооружения, связывавшие дополнительную яму с погребальной камерой центральной могилы. Но потом исследователи пришли к выводу, что это единая система, которая устраивалась в первоначальный период возведения кургана. Особым расположением выделяется монументальная гробница Салбык, относящаяся к V–IV векам до н. э. Здесь под насыпью высотой 25–30 метров, помимо прочих сооружений, находится монументальная каменная ограда, охватывающая площадь почти в 500 квадратных метров.

Большое количество найденного в курганах золота говорит об особом статусе погребенных, так как в скифскую эпоху оно не являлось признаком богатства, как это произошло впоследствии. Золотые украшения встречались ученым лишь в нескольких курганах, причем размеры их могли быть самыми обычными. В срубах (коллективных усыпальницах) обычно только один из погребенных (вероятно, вождь или глава рода) имел золотые украшения.

Большинство скифских курганов было разграблено еще в древности, но не только… Так, например, богатые Келермесские курганы в 1903 году были раскопаны не специалистами, а одним кладоискателем — неким техником Д.Г. Шульцем. Он раскопал в Прикубанье четыре насыпи, в которых нашел много дорогих вещей — уборы и вооружение погребенных. Впоследствии, однако, ученые тоже нашли здесь прекрасное серебряное зеркало, крашенное с тыльной стороны гравировкой и обложенное тонким золотым листом, на котором оттиснуты замечательные рисунки.

Но не только курганы являлись погребальными сооружениями скифов. Во второй половине 1940-х годов в Неаполе Скифском (близ Симферополя) ученые раскопали мавзолей, располагавшийся у центральных ворот крепости. В результате исследований ученые установили, что переход скифов к оседлой жизни (сельской и городской) внес изменения и в их погребальные обряды. Курганы, как места захоронений, стали вытесняться сооружениями нового типа — земляными

склепами без насыпей над ними, склепами, высеченными в скале, и т. д. А у городских стен Неаполя Скифского, у входа в город, был возведен надземный каменный мавзолей. В плане он представлял собой почти квадратное (8,65 х 8,10 м) простое и строгое сооружение. Толщина его стен равнялась примерно одному метру, и сложены они были из белых известняковых глыб.

Отличительной чертой этого сооружения были его величавая простота и четкость приближающихся к кубу форм, увязанных с белым известняком, из которого он был возведен. Пол мавзолея тоже был покрыт слоем белой известняковой крошки, тщательно выровненной. Мавзолей окружала белоснежная площадка, а сам он являлся составной частью городских стен и одновременно представлял собой часть архитектуры центральных ворот. Как боевая башня мавзолей предназначался для обороны города, а вместе с тем был и святыней — усыпальницей, в которой покоились останки знатных лиц Неаполя Скифского. Спустя некоторое время после возведения мавзолея дверь его была заложена массивным каменным закладом. Позднее внутри мавзолея, у его западной стены, была сооружена лестница, по которой в него спускались прямо с городских стен. Лестница, имевшая 11 массивных ступеней, в древности покоилась на пяти деревянных плахах, но после разрушения деревянных частей она осела и перекрыла расположенные под ней гробницы.

В результате раскопок ученые обнаружили 72 человеческих погребения, а в середине между ними было захоронено 4 коня. У восточной стены в пышном деревянном саркофаге была погребена знатная женщина, возможно, царица. Этот саркофаг был разрушен и разграблен еще в древности. В северо-западном углу мавзолея находилась гробница с самым древним и самым богатым погребением мужчины 40–50 лет. Он лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад, ноги его были слегка согнуты в коленях. Усопший был одет в кафтан и штаны, расшитые золотом, на ногах еще заметны были следы от кожаной обуви. В разных местах ученые обнаружили остатки ткани с тонкими красными полосками и золотого шитья. У правого плеча погребенного лежали золотые бляшки с антропоморфным изображением, рядом были найдены обломки железных псалиев и наконечник дротика.

Самую многочисленную группу находок составляют более 800 украшений, сгруппированных среди и поверх бедренных костей таза усопшего. Ученые обнаружили и золотые спиральные ленты, некогда обвитые вокруг шнуров, найденных на длинных костях конечностей. У правого колена в процессе расчистки была обнаружена бронзовая фибула-брошь, состоящая из пластины, на которую напаяны гнезда для эмалевых вставок в виде 4-лепестковой розетки. По углам и между лепестками размещены 8 розеток зерни, две из которых были утрачены еще в древности. Позже археологи обнаружили множество нашивных бляшек разной формы: в виде рельефной звездочки с гнездом для эмалевой вставки, в виде почки, мухи, щита с эмалевыми вставками в виде кружка и четырех полумесяцев, таких же щитков, но без полумесяцев, рельефные львиные головки с эмалевыми вставками глаз и т. д.

Мавзолей с его монументальной гробницей явно создавался заранее для хозяина дворцового комплекса — монарха, и ученые предположили,

что в гробнице захоронен царь Скилур, правивший державой скифов. Это был один из самых прославленных скифских царей, укрепивший свое государство и завоевавший многие греческие портовые города. Но это мог быть и царь Палак, а возможно, кто-то еще из царственных особ или глава аристократического рода; а возможно, и комендант крепости, который тоже мог быть царского происхождения. По сочетанию обрядовых элементов это захоронение уникально для Крымской Скифии, так как в могилу был помещен максимально полный комплект воинского снаряжения. Например, в гробнице были найдены 3 железных наконечника копий вытянутой формы с длинной втулкой. Во втулках видны следы дерева, но в гробницу они были положены без дерева. А вот ножны, составленные из двух желобчатых пластин, линзовидный в сечении клинок имел продольное ребро. Оружие в древности было разломано на 4–5 частей, которые первоначально были приняты за самостоятельные мечи. Ученые выдвигают версию, что вооружение было испорчено преднамеренно, и тедерь наука старается ответить на вопрос: «Почему?»

ПОСЛАНИЕ ИЗ ГРОБНИЦЫ КИТАЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

В марте 1974 года три молодых крестьянина из небольшой деревушки, располагавшейся в нескольких километрах от Сианя (административного центра китайской провинции Шэнь-си), отправились в поле рыть колодец и случайно наткнулись на туннель, ведущий в гробницу императора Цинь Ши-хуанди. Древний китайский историк Сыма Цянь в своих трудах сообщает, что как только Цинь Ши-хуанди пришел к власти, он начал проводить государственные мероприятия крутыми мерами. Всех, кто выказывал недовольство, казнили, соучастников по закону круговой поруки превращали в рабов. Далекие походы, сооружение Великой стены, ирригационных каналов, проведение дорог, широкое градостроительство — все это требовало колоссальных материальных затрат и… человеческих жертв.

Цинь Ши-хуанди — «Первый император Цинь» — приказал устроить в толще горы Лишань склеп, для чего со всей Поднебесной империи было согнано свыше 700 000 рабов и каторжников. Они углубились до третьих вод, залили стены бронзой и спустили вниз саркофаг. Склеп заполнили редкими вещами, необыкновенными драгоценностями и изготовленными из глины фигурами чиновников всех рангов. Из ртути были сделаны большие и малые «моря и реки», на потолке склепа изобразили небо, а на полу — поверхность земли. Мастерам повелели изготовить луки-самострелы, чтобы поразить любого, кто осмелится проникнуть в усыпальницу императора.

После смерти Цинь Ши-хуанди его наследник повелел умертвить и захоронить вместе с покойным всех многочисленных обитателей его дворца. Когда гроб с телом императора уже опустили в склеп, появилось опасение, что мастера, изготовившие тайные устройства усыпальницы, могут проговориться о скрытых в ней сокровищах. Поэтому после завершения церемонии похорон их наглухо замуровали в склепе. Чтобы замаскировать могилу, на вершине горы посеяли траву и посадили деревья. Первоначально высота горы Лишань достигала 115 метров, сейчас этот курган возвышается на 76 метров. В древности гору окружал парк, но до нашего времени он не сохранился.

Обширное захоронение погребальных статуй воинов и коней — это своего рода «гвардия», охраняющая особу императора в потустороннем мире. Всего таких захоронений четыре, и в самом большом из них — 6000 глиняных статуй (немецкие источники приводят цифру 8000). Сейчас в целях сохранения единого комплекса от непогоды и для удобства дальнейших раскопок над ним сооружен павильон со сводчатым потолком, по форме напоминающий крытый стадион или бассейн.

Захоронение расположено на глубине пяти метров: в нем множество коридоров, вдоль которых уже стоят отреставрированные фигуры воинов, а также лошадей, запряженных в боевые колесницы. Впереди них в три ряда выстроился головной отряд стрелков — по 70 фигур в каждом ряду. По мнению китайских ученых, все войско построено не в боевом порядке, а для учения. Статуи, изготовленные из обожженной глины и внутри полые, сделаны очень тонко и тщательно. Древним мастерам удалось даже передать национальные особенности воинов и различные выражения их лиц. Специалисты утверждают, что все солдаты разные и в терракотовой армии не найти и двух воинов с одинаковыми лицами. По форме одежды и разным позам воинов можно судить о различии их рангов и даже о принадлежности к разным родам войск. Вот, например, солдат, одетый в короткую тунику и нагрудный панцирь без украшений. Волосы его уложены узлом, на ногах — обмотки и обувь с прямоугольным носком. На другом воине «надет» длинный стеганый халат, третий облачен в латы и шлем… На офицерах — высокие шапки и нагрудные латы с украшениями, на ногах — сапоги. Генералы тоже стоят в чешуйчатых латах с украшениями и в шапках в виде двух птиц.

Есть в армии императора и всадники, и ездовые (управляющие колесницами), и стрелки с луками и самострелами. Один, в нагруднике и короткой тунике, встал на колено и натягивает лук; другой, готовясь к стрельбе, повернулся в сторону… Третий, ездовой, держит в вытянутых руках невидимые вожжи… Тут же полутораметровые керамические кони под желтыми седлами, как бы застывшие в ожидании стремительного броска. Они напоминают низкорослых, но отличающихся выносливостью и резвостью монгольских лошадей.

Тщательность, с которой вылеплены все фигуры, свидетельствует о таланте и высоком уровне мастерства древних умельцев. Их согнали сюда великое множество и организовали в группы по принципу разделения труда: кто месил глину, кто лепил только руки и ноги воинов и т. д. Отдельные «мастерские» занимались производством туловищ воинов в боевом облачении и лошадей, большая группа мастеров собиг рала готовые части и передавала фигуры художникам для раскраски.

«Глиняная армия» императора Цинь Ши-хуанди представляла собой весьма живописную картину. Когда-то воины были выкрашены в желтый, зеленый и фиолетовый цвета, но, к сожалению, под воздействием неумолимого времени многие краски сильно поблекли. И ныне первоначальную окраску воинов можно увидеть лишь в экспозиции музея, где на искусно сделанном макете представлен весь процесс их изготовления.

Довольно хорошо сохранились две колесницы, сделанные почти в натуральную величину из бронзы, серебра и золота. Одна из них

представляет собой крытую двухколесную повозку для переездов императора. Сзади — дверца, по бокам и спереди — окна с задвигающимися ставнями, в которых прорезаны маленькие отверстия, чтобы император и при закрытых окнах мог видеть все, что делается снаружи. Очень искусно выполнена конская упряжь, украшенная золотом и серебром.

Старинное китайское выражение гласит, что «жизнь и смерть — два лика одной сути». Не забывали об этом и императоры, потому Цинь Ши-хуанди и взял с собой в могилу готовое к сражению «войско». Хотя в III веке до н. э. человеческие жертвоприношения в Китае не практиковались, Цинь Ши-хуанди «увел» с собой в загробный мир несколько тысяч человек. Убить 8000 опытных воинов, требовавшихся для охраны собственного покоя, даже этому императору, привыкшему ни во что ставить человеческую жизнь, показалось напрасной тратой людских ресурсов государства. Ограничиться же охраной из нескольких десятков умерщвленных солдат повелитель Поднебесной империи не мог, поэтому и взял с собой терракотовую гвардию.

Однако английский ученый М. Коттерелл утверждает, что китайским императором двигали совсем другие мотивы. Отдавая приказ о создании «глиняных воинов», он будто бы хотел в таком зашифрованном виде донести до потомков чрезвычайно важную информацию. Археологи с самого начала обратили внимание на то, что выражения лиц воинов удивительным образом напоминают китайские иероглифы, но не все 10 516 символов, а только десять из них. Один из них, например, призывает «повнимательнее приглядеться», другой означает «тоннель или крытый коридор», третий — «солнце» и т. д.

Ученые утверждают, что уже сейчас сумели в общих чертах разгадать смысл послания первого китайского императора. Начинается оно примерно так:

«Внимательно посмотри на воинов в потайных коридорах. Прочитай иероглифы каждый в отдельности, воспользуйся своим умом и постарайся вникнуть в суть времени, охватывающего период от начала жизни до сегодняшнего дня, понять сущность солнца и бога.»

Помимо алфавитного шифра, ученые обнаружили еще четыре, которые основываются на цифрах и астрономических явлениях. Каждая деталь в глиняных солдатах имеет глубокое значение и смысл, начиная от их количества и порядка построения и кончая числом заклепок на их глиняных доспехах. В шифре чаще всего встречаются священные для китайцев цифры «6» и «9»: число «999» означало в Древнем Китае добро и рай. Даже количество колечек в замысловатых прическах глиняных воинов чаще всего кратно 6 и 9. Таким образом при помощи терракотовых солдат Цинь Ши-хуанди хотел объяснить будущим поколениям, как знаки Зодиака влияют на жизнь людей, как правильно предсказывать плохие и хорошие времена, и многое другое…

В КЕДРОНСКОЙ ДОЛИНЕ

К югу от Гефсимании открывается участок древней Кедронской долины и обращенный к святому граду Иерусалиму склон Елеонской (Масличной) горы. Когда-то по дну долины струился поток, а теперь его узкое и глубокое ложе и склоны Елеонской горы представляют собой

кладбище, на котором наслаиваются друг на друга гробницы разных времен и народов. Название долины связано с библейским пророчеством Страшного суда: именно здесь прозвучит грозная труба архангела, при звуках которой долина расширится, восставшие из своих могил грешники предстанут перед судом Господа, и огненная река потечет по Кедрону. Евреи и мусульмане указывают на Царскую долину (она носит еще и это название) как на место последнего суда, поэтому те и другие устроили здесь свои кладбища. Этот тысячелетний некрополь с древнейших времен существовал под названием гробы сынов людских.

Величественная архитектура склепов свидетельствует о том, что в них погребались члены знатных и богатых семейств Иерусалима. Самым древним памятником этого восточного некрополя является Силоамский монолит, представляющий собой прислонившийся к скале небольшой дом с плоской крышей. Обращенный фронтоном к обрыву, памятник доступен только с западной стороны. Когда-то вход в гробницу был значительно ниже, но в V–VI веках в Силоамском монолите, как и в других иерусалимских гротах, жили отшельники, которые и расширили вход, разрушив при этом бывшие над ним древние надписи. От них остались сейчас только верхние части нескольких букв древнееврейского (или финикийского) письма.

Внутри гробницы, в ее восточной и северной стенах, на высоте около 80 сантиметров от пола высечены две небольшие ниши, но никаких следов лож для гробниц здесь нет. Поэтому даже трудно сказать, был ли вообще Силоамский монолит гробницей или каким-нибудь другим памятником. Французский археолог Сольси считал, что это был храм, возведенный по египетскому образцу и посвященный божеству супруги царя Соломона — египтянки, не пожелавшей и в Иерусалиме расстаться с культом своих предков. Однако для храма монолит отделан довольно просто, особенно если это был монументальный храм супруги царя; к тому же он был чрезвычайно удален от города. Но отделка его действительно напоминает характер обработки египетских храмов, поэтому арабское предание и называет его «гробницей египетской царицы». Иерусалимские же евреи считали, что памятник этот принадлежит пророку Обадии, хотя и это сомнительно, так как Блаженный Иероним видел гробницу этого пророка в Севастии вместе с мавзолеем пророка Елисея.

К северу от Силоамского монолита расположилась гробница Захарии. Она представляет собой высеченный в скале монолитный куб со сторонами 5,5 метра, но от предыдущего памятника отличается тем, что отсечена от скалы со всех сторон. Так что при ее возведении образовался широкий проход, заполненный могилами евреев, считавших за счастье быть похороненными по соседству с могилой великого праведника.

Вместо плоской крыши на гробнице Захарии установлена небольшая пирамида, из-за которой местные арабы называют этот памятник «гробницей жены фараона». Однако гробница эта не имеет входа в погребальные камеры, так что прах великого праведника должен и сейчас покоиться здесь, если только гроб его остался неприкосновенным, так как многие искатели сокровищ делали попытки раскопать этот памятник. Однако не было даже намека на дверь или спуск, и своей загадочной неприступностью этот памятник выдержал многое, но никому не открыл

хранящегося в нем саркофага.

О времени сооружения гробницы Захарии предания так противоречивы, что могут только сбить исследователей с толку. Евреи и христиане тоже несогласны между собой относительно лица, которому принадлежит гробница. Христиане утверждают, что памятник принадлежит Захарии, отцу Иоанна Предтечи, убитому за пророчества о разрушении Иерусалима. Евреи же считают, что это был тот Захария, о котором упоминается во второй книге Паралипоменон. В IV веке, например, вообще указывалось, что это гробница пророка Исайи. Памятник Беньямин Тудела передает предание, согласно которому памятник называется гробницей царя Озии, но большинство исследователей называет его памятником отца Иоанна Предтечи. Считается, что убийцы первосвященника возвели его как искупительную жертву для умиротворения невинно пролитой крови.

В некоторых местах гробницы, особенно в закрытых от дождя углах, уцелела древняя штукатурка огненно-красного цвета, покрывавшая некогда весь монолит. Таким образом, уже самим своим цветом памятник горел очень ярко, напоминая о невинной крови праведника.

К югу Кедронская долина сужается, так что под конец представляется уже пропастью, слева от которой, на крутом обрыве, стоит Столп Авессалома. Он сделан из монолита, вырубленного в горной скале, и украшен ионическими пилястрами и дорическим фризом. Нижняя часть столпа представляет собой куб со сторонами 6,8 м, хотя в настоящее время он с южной и восточной сторон завален. Этот монолитный куб служит основанием для второй части памятника — уже не монолитной, а сложенной из огромных тесаных камней в меньших размерах, чем нижняя часть (со сторонами 6,33 м). Над второй частью возвышается третья — цилиндрическая, сложенная уже из гладких камней. Она имеет очень красивый карниз, высеченный из камня и напоминающий слабо сплетенный канат. Венчает Столп Авессалома круглая крыша со шпицем, так что весь памятник похож на небольшую колокольню деревенской русской церкви.

Вход в него ведет со всех сторон, но наиболее удобен в южной части, с самого начала для этого и предназначавшейся. Внутренняя часть памятника представляет собой небольшую четырехугольную камеру, некогда тщательно отделанную, но теперь на ее стенах видны следы разрушений, сделанных искателями сокровищ. Этот памятник сам себе воздвиг мятежный Авессалом — третий сын царя Давида.

Он умертвил своего сводного брата Амнона и убежал от отца. Но потом был снова позван, хотя длительное время и не был принят царем Давидом. Впоследствии примирение состоялось в ущерб истинной праведности без какого-либо покаяния со стороны Авессалома. Давиду же пророк Нафан сказал, что его наследник еще не родился, и, вероятно, это стало известно Авессалому. Но поскольку старшие братья — Амнон и Далуиа — были умерщвлены, он, естественно, думал, что престол должен отойти ему. Притворной снисходительностью Авессалом завоевал сердца народа и затем в Хевроне провозгласил себя царем. Мятеж его был так силен, что царю Давиду даже пришлось бежать из Иерусалима, но потом он собрал войска, и война продолжилась. Авессалом, проезжая лес, запутался своими волосами в ветках дуба, и был убит Иоавом.

У Авессалома было три сына и дочь, но после того как у него не осталось сыновей, он и поставил колонну: «Прежде своей смерти… воздвигнул себе в царской долине мраморный столп, в расстоянии двух стадий от Иерусалима, который и назвал монументом Авессалома, говоря: когда погибнет мое потомство, тогда, по крайней мере, в памятнике будет памятно мое имя». Так сказано об этом в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, а во второй книге Царств (18,18) говорится так: «Нет у меня сына, так пусть будет памятник».

Столп Авессалома стоит отдельно от окружающих его гор, и входа в него теперь нет. Евреи, проходя мимо этого памятника, считают своим долгом бросить в него камень, говоря при этом: «Сын, вышедший из повиновения отцу, будь побит камнями». Так что теперь памятник завален камнями почти наполовину.

В стене, окружающей памятника Авессалома с востока, находится высеченный в Елеонской горе мавзолей, известный под названием гробницы Иосафата. Над входом в ее внутренние покои и галереи высечен роскошно украшенный архитрав. На памятнике до сих пор сохранились древние еврейские надписи и остатки живописи; последние свидетельствуют о том, что в первые века христианства здесь, вероятно, была христианская церковь.

В 1842 году один католический миссионер нашел в гробнице Иосафата манускрипт Пятикнижия Моисеева и скрытно увез его в Европу. Когда местные евреи узнали об этом, они стали требовать возвращения своей реликвии, даже предлагали за нее большой выкуп, но без особых успехов. Поэтому впоследствии евреи и закрыли гробницу Иосафата. По рассказам путешественников и паломников, побывавших в гробнице до ее закрытия, внутри она представляет собой вид капеллы с фресками на стенах. Из нее есть проход в две другие камеры, в которых осталось множество костей.

Само название дано этой гробнице произвольно, потому что по Библии царь Иосафат был погребен не отдельно, а в гробнице своих отцов, то есть в царских гробницах. Вследствие особенного уважения к этой гробнице и всю Кедронс-кую долину часто называют Иосафатовой, так как этот царь иудейский отличался благочестием и был ревностным просветителем еврейского народа. Евреи считали за большую честь устраивать свои погребальные пещеры в соседстве с гробницей Иосафата, принося ей в дар священной тефилим и теллес усопшего, а также его список Библии.

Катакомбы открываются в Кедронской долине гробницами пророков, расположенными не доходя до вершины Елеонской горы. Довольно крутой спуск шириной 3 метра ведет в образованную самой природой ротонду, вход в которую пробит в скалистом своде. В соответствии с необыкновенно круглым преддверием и сами гробницы имеют особую форму. От центра ротонды идут высеченные в скале коридоры (ширина их — 1,6 м, высота около 3 м), обложенные довольно хорошо сохранившимся цементом, на котором пестреют имена паломников и путешественников.

У местного населения эти гробницы не пользовались таким уважением, как бы следовало, а среди исследователей нет единства по

вопросу о происхождении этого лабиринта. Сольси, например, отождествляет его с «голубятней», о которой в «Иудейской войне» Иосифа Флавия сказано: «Тит, проведя вокруг Иерусалима линию осадных работ, направил их по склону Елеонской горы до скалы… и соседнего с нею холма, возвышающегося над Силоамской деревней». Другие археологи тоже отмечали, что гробницы со множеством ниш напоминали птичьи гнезда и «что для древних гробовые кельи были гнездами, откуда души, по распадению земной оболочки, под образом птиц вылетают в небесные пространства».

Для евреев погребальные камеры, освященные законом и обычаем, должны были иметь четырехугольную форму. Допускались круглая арка и круглая колонна, но круглое здание, не имеющее длины и ширины, было для них образцом языческих капищ. Поэтому ротонда, окруженная полукругами, напоминала древним евреям языческие храмы, посвященные Ваалу — Богу Солнца.

А. Олесницкий предполагал, что ротонда первоначально имела совсем другое назначение и являлась подземным святилищем Ваала, воздвигнутым одним из иудейских царей-язычников. Круглая ротонда — образ самого Солнца, а идущие от нее коридоры-радиусы — животворные солнечные лучи. Отверстие в своде ротонды открывало вход небесному светилу в посвященное ему жилище. Только после Вавилонского плена этот подземный храм Ваала был обращен в гробницы пророков. По другим сведениям, это гробницы то Осии прокаженного, то Манассии и Аммона…

Вторая по величине катакомба Кедронского некрополя известна как гробница Иакова. Низкий и грубо высеченный вход в нее находится в северной стене скалы, окружающей памятник Захарии. Гробница Иакова состоит из двух помещений, одно из которых является преддверием погребальных камер, со всех сторон окружающих ее. Подземелья эти к концу XIX века занимали местные пастухи, но, по преданию VI века, в одной из галерей гробницы Иисус Христос по Воскресении Своем явился во плоти брату своему, апостолу Иакову, скрывавшемуся здесь без питья и пищи и скорбевшему о смерти Спасителя. По другим преданиям, здесь был погребен святой апостол Иаков, после того как евреи сбросили его с крыла Соломонова храма и побили камнями.

Уже будучи на распятии, Иисус Христос поручил Свою мать одному из апостолов, «…и с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин. 19, 27). На Сионской горе, возле горницы Тайной вечери, находился дом Иоанна Богослова, и в одной из его комнат Дева Мария однажды заснула и больше не проснулась. По преданию, во время похоронной процессии недалеко от Сионских ворот, которые называются также Давидовыми, толпа евреев, движимых злобой и ненавистью, хотела сбросить пречистое тело Богородицы на землю. Но как только один из дерзнувших прикоснулся к одру, у него тотчас отнялась рука, а остальные ослепли. Пораженные таким чудом, они сразу же раскаялись и по молитве апостолов были исцелены.

Погребли Пресвятую Богородицу в Кедронекой долине, и на ее погребение со всех концов земли на облаках были принесены одиннадцать апостолов. Апостол Фома был принесен с опозданием на три дня, и, когда он прибыл, Богоматерь была уже погребена. Чтобы Фома мог проститься с Ней, гробницу вскрыли, но Пресвятой Богородицы в ней уже не было — она

вознеслась на небо.

Впоследствии над гробницей Девы Марии был сооружен храм, и предание приписывает его возведение равноапостольной царице Елене. Об этом, в частности, написано у Никифора Каллиста, основывавшегося на житии святой царицы и приложенном к нему списке построенных ею храмов. Уверенно можно утверждать, что храм существовал во времена правления императрицы Пульхерии, так как он упоминался в сказаниях о перенесении во Влахернскую церковь Константинополя Святой раки. В начале VII века храм был разорен персами, однако они разрушили только его верхнюю часть, а не пещерное отделение. Персы считали, что Богоматерь — персиянка, так как на поклонение рожденному Ею Божественному Младенцу приходили волхвы-персы. *8 По этой же причине уцелел от разрушения и храм Рождества Христова в Вифлееме.* Храм впоследствии, видимо, был восстановлен, так как уже патриарх Со-фроний около 630 года воспевал светлый храм Гефсиманский, в котором находилось место погребения Пресвятой Богородицы.

Греческие хронисты (например Феофан) сообщают, что халиф Абдул-Мелек хотел использовать колонны этого храма для укрепления мечети в Мекке. Однако намерение его осталось неисполненным по ходатайству влиятельных и приближенных ко двору христиан.

Храм Успения Пресвятой Богородицы весь находится под землей, снаружи остаются только двери в него. Вход в гробницу — с левой стороны от Масличной горы, которая возвышается к востоку от Иерусалима и представляет собой известковый хребет, идущий с севера на юг. На небольшой площадке, на три ступени ниже поверхности земли, и расположен сводчатый вход с железной дверью, за которой начинается крутой спуск в 50 ступенек, высеченных в скале. На двадцатой ступеньке, в левом углублении стены находится могила святого Иосифа Обручника, в правом — гробницы праведных Иоакима и Анны. В конце лестницы устроен придел святого Николая, а чуть дальше к востоку открывается подземная галерея, в которой мерцают огоньки множества лампад и свечей.

Посреди галереи отдельно стоит пещера в виде небольшой часовни, высеченной в скале. Внутри часовни, в углублении стены, виден высеченный в скале выступ. Это и есть погребальное ложе, на котором покоилось пречистое тело Богоматери. Сейчас оно не видно, так как покрыто белой мраморной плитой, к которой с благоговением прикладываются паломники. Стены погребальной пещеры увешаны шелковыми и парчовыми тканями, а мраморная плита над камнем во время богослужений служит престолом. Перед ним поставлен иконостас, по обе стороны которого расположены двери.

Пещерный храм Успения Богородицы принадлежит православным грекам, но и армяне имеют здесь свой престол, который находится перед иконостасом. Имеют престол и копты, он находится у западной стены часовни. Здесь же у коптов находится источник святой воды и крипта, некогда служившая входом в храм. Турки тоже почитают Пресвятую Богородицу, поэтому у них здесь устроена небольшая молельня.

В день Успения Пресвятой Богородицы совершается торжественное соборное богослужение. За несколько дней до праздника из Гефсиманского подворья приносят чудотворную икону Успения

Богородицы, перед которой и совершается торжественное богослужение. По окончании литургии патриарх с духовенством совершают отпевание Пресвятой Богородицы по особому чину. Чин этот содержит статьи, которые поют в честь Пренепорочной Девы Марии — по примеру тех статей, которые поют в Великую субботу над святой плащаницей с изображением лика Богоматери. Плащаница тоже приносится из Гефсиманского подворья, причем аначале она следует на гору Сион, а оттуда — путем, каким апостолы несли в Гефсиманию для погребения пречистое тело Девы Марии.

«ГРОБНИЦА ХРИСТИАНКИ»

Среди многообразия художественного наследия Алжира есть одно из самых значительных сооружений древности в Северной Африке, которое запоминается своей необычностью. Это величественный мавзолей, расположенный между городами Типазой и Шершель и известный под названием «Гробница христианки». Конусообразный мавзолей стоит на высоком морском берегу: своим слегка оплывшим силуэтом, сливающимся с очертаниями гор и созвучным выдающемуся в море массиву Шенуа, издали он напоминает гигантскую копну сена. Вблизи оказывается, что мощное каменное сооружение окружностью в 185, диаметром 61 и высотой больше 32 метров. Бурая, насчитывающая 32 ступеньки «шапка» гробницы покоится на широком цилиндрическом основании, которое украшают 60 ионических полуколонн, профилированный карниз, а по четырем сторонам света — ложные двери с рельефным крестообразным переплетом. На редкость внушительна поверхность «фасада» — то залита солнцем, то погружена в глубокую тень. К востоку от гробницы археологи обнаружили основание небольшого святилища — возможно, заупокойного храма, который являлся частью целого комплекса.

Узкий и низкий вход, скрытый в основании гробницы, ведет в погребальную камеру. Справа открывается следующий вход, над которым помещен плоский рельеф с геральдическим изображением льва и львицы, охраняющих усопших. На первый взгляд может показаться, что внутри гробницы существуют только переходы и маленькие камеры с системой каменных заслонов. Тем неожиданней предстает просторная длинная обходная галерея, в которую надо подняться по короткой, но очень узкой лестнице. Крытая ровным сводом прекрасной тесаной кладки и мощенная крупными плитами, галерея эта мягко круглится, образуя почти полную окружность длиной более 40 метров. Движение по ней воссоздает образ дороги, долгого пути, который словно не имеет конца и потому кажется ирреальным. Но в каменном теле гробницы почти не ощущаешь себя сжатым, лишь у западных ложных дверей 10-метровый шурф, пробитый в древности искателями сокровищ в самую «сердцевину» монумента, служит красноречивым — и довольно-таки жутким! — напоминанием о том, что все сооружение — не что иное, как гора из огромных каменных глыб. В стенах галереи высечено более 50 плоских ниш, в которых укреплялись светильники, на камнях видны следы копоти. Можно представить себе, как в неровном мерцании горящих масляных лампад направляется к склепу царской семьи торжественная и скорбная процессия.

Почти описав круг, галерея внезапно поворачивает к центру монумента. В гладких стенах небольшого помещения, крытого сводом,

расположены три плоские ниши. Возможно, в них когда-то стояли урны с прахом усопших. Однако эта центральная камера выглядит очень неприметной, даже если предположить, что весь погребальный инвентарь из нее был похищен еще в древности. Не случайно у ученых возникло предположение: уж не существует ли здесь, как в египетских пирамидах, потайная камера. Именно такую скрытую сокровищницу и могли искать давние грабители, долбившие гробницу из внутренних помещений в глубину. Однако археологические исследования опровергли версии о существовании потайной камеры. «Гробница христианки» таит в себе немало и других загадок, например, до сих пор неизвестно, когда и для кого она была построена.

После гибели Карфагена правителем зависимой Мавретании (запад Алжира и север Марокко) стал Юба II, с младенческих лет воспитывавшийся в Риме в императорской семье. В жены ему выбрали Клеопатру-Селену — дочь Марка Антония и египетской царицы Клеопатры, после гибели родителей взятую в Рим в числе заложников. Путешественник, ученый, меценат и страстный поклонник греческого искусства, Юба II был человеком в высшей степени примечательным и противоречивым. Одну из своих столиц он назвал Цезареей — в честь Августа, застроил ее прекрасными зданиями и превратил в крупнейший художественный центр своего государства. *9 Впоследствии на месте Цезареи был выстроен современный алжирский город Шершель.*

Между тем захватническая политика римских императоров расширялась, и они перестали нуждаться в поддержке и преданности местных правителей. Наследник Юбы II был убит по приказу императора Калигулы, а в 42 году произошел раздел Мавретании на две императорские провинции. Возведение римлянами новых городов и зданий сопровождалось истреблением местной архитектурной традиции, и старые мавретанские поселения были сметены с лица земли. Однако время сохранило некоторые сооружения мемориального характера, которые и стали выразителем целой художественной эпохи в истории Магриба. Создатели африканских памятников исходили из местного прототипа берберских базин, распространенных в древнем Магрибе и представлявших собой простую груду камней, сложенную на поверхности земли. Основание таких базин имело круглую форму диаметром от пяти до 150 метров. Само погребение — небольшой каменный ящик — было «спрятано» внутри кургана. Взяв за основу этот прообраз, зодчие Мавретании стремились обогатить его архитектурную форму использованием древнеегипетских, этрусских и греческих традиций. Памятником такого стиля и предстает алжирская «Гробница христианки».

Единственное древнее упоминание об этом «мавзолее царской семьи» встречается в описании побережья Северной Африки римского автора Помпония Мела (около 40 года). Однако анализ архитектурных форм гробницы позволил ученым отнести возведение монумента к более ранней эпохе. Возможно, что Юба II приказал использовать древнее сооружение для собственного мавзолея, но и это только одно из предположений.

В середине I века мавзолей стал называться по-арабски «Кбур ар-Румия», что в переводе (сначала на испанский, а потом на французский

языки) и означает «Гробница христианки». Однако это название не имеет никакого отношения к христианству, так как выше уже говорилось о крестообразных переплетах ложных дверей. И хотя изображение креста встречается у многих древних народов за тысячи лет до возникновения христианства, в алжирской гробнице рельефные переплеты служили лишь декоративным украшением. Таким образом, ученые пришли к выводу, что название это ошибочно, однако именно «Гробница христианки» оказалась окруженной самыми фантастическими легендами. И конечно же, здесь присутствуют предания о несметных волшебных сокровищах, хранящихся в недрах каменной громады. Некоторые легенды имели конкретных авторов, например, Луис Мармоль (солдат армии испанского короля Карла V), взятый в плен в Тунисе, в 1573 году издавший в Гранаде «Общее описание Африки». В этом труде встречается испанская средневековая легенда о Флоринде (или Каве) — дочери коменданта Сеуты, обесчещенной вестготским королем Родриго. Согласно Л. Мар-молю, в «Гробнице христианки» и похоронена прекрасная Флоринда. Желая отомстить за поруганную дочь, отец призвал мавров на Пиренейский полуостров…

Эта романтическая версия имела под собой очень любопытную политическую основу и в годы религиозного фанатизма в Испании еще раз напомнила о том, что завоевание полуострова арабами произошло якобы в результате трагической случайности. Однако испанская корона устремилась на завоевание Северной Африки, где на высоком морском берегу хорошо был виден монумент с прахом «испанской христианки».

Легенды и предания пагубно сказались на судьбе самой гробницы. В поисках сокровищ турецкие правители Алжира не раз предпринимали самые варварские акции, в частности, в 1555 году паша Салах Руис приказал стрелять по мавзолею из пушек, в результате чего была пробита брешь под ложной восточной дверью. Искателей сокровищ особенно привлекало то, что гробница представляла собой закрытый со всех сторон цельный каменный массив с тщательно замаскированным входом. Как показали археологические раскопки, еще в древности здесь побывали грабители, оставившие после себя пробитые шурфы, забытые монеты и т. д. И когда экспедиции А. Бербрюггера, главного инспектора исторических памятников Алжира, в 1865 году удалось проникнуть в гробницу, она оказалась пустой, а каменные заслоны дверей во внутренних помещениях — разломанными.

Впоследствии долгие годы «Гробница христианки» не привлекала к себе никакого внимания и постепенно разрушалась. Большой вклад в исследование и восстановление памятника внес М. Кристофль, бывший в первой половине XX века главным архитектором исторических памятников Алжира. В современном Алжире это доримское сооружение получило новое название — «Гробница мавретанских царей».

РИМСКИЕ КАТАКОМБЫ

В последний майский день 1578 года во время работ на Саларийской дороге обнаружили вход в христианское подземное кладбище, украшенное надписями и живописью. Весть об этой неожиданной находке сразу же облетела Рим и его окрестности, и возбуждение местных жителей было накалено до предела.

Римских катакомб очень много, и самые древние из них относятся к 107 году. Они идут вокруг города, образуя огромные подземные галереи с углублениями в стенах, в которых первые христиане хоронили своих единомышленников. Катакомбы высечены в туфе или в огромных пластах гравия, состоявшего из остатков пемзы, извести и вулканического пепла. Галереи-коридоры располагаются в 3–5 уровней — одна над другой, и длина их весьма значительна. Ученый Марчи вычислил, что если все катакомбы вытянуть в одну линию, то длина ее составила бы более 500 километров.

Большие споры в ученом мире вызвал вопрос о том, являлось ли строительство катакомб делом рук самих христиан, или они нашли их уже готовыми и только приспособили для своих нужд. Одни исследователи полагали, что древние каменоломни, откуда римляне долгое время добывали туф, христиане нашли уже готовыми. Добраться до этих каменоломен им было нетрудно, так как новая вера сначала распространялась среди бедняков и рабов — то есть среди тех, кого, собственно, и заставляли работать в этих каменоломнях. Поэтому впоследствии они стали проводниками для своих собратьев, так как знали каждый уголок и поворот в покинутых галереях, которые первые христиане решили превратить в свои кладбища. Для этого достаточно было проделать в стенах горизонтальные ниши, чтобы в них упокоились тела умерших.

Такое мнение держалось в течение двух веков, и сторонникам этой версии трудно было даже предположить, что первые христиане могли тайно, у ворот Рима, рыть целые коридоры и выбрасывать наружу такое огромное количество земли, что она могла засыпать весь город и изменить рельеф его окрестностей. Однако впоследствии выяснилось, что катакомбы и каменоломни по своему виду очень отличаются друг от друга. В частности, в каменоломнях углубления большие, проходы — шире, и все в них было приспособлено для промышленной эксплуатации того времени. Из катакомб же нельзя было извлекать никакие материалы, пригодные для строительства. Правда, христиане использовали для своих нужд и оставленные каменоломни, но это было исключением.

Защитники версии о христианском происхождении катакомб считают, что первые христиане действительно сами рыли длинные галереи и вытаскивали на поверхность землю, хотя у древних авторов свидетельств об этом мало Собственно, о катакомбах не упоминается ни в одной языческой летописи, но зато в них часто встречается название Arenanum (или Агепапае), означающее место, где добывали песок или вообще любой строительный материал. Цицерон, например, рассказывает, что некий молодой человек был увлечен женщиной в одно из таких мест и чуть было не поплатился жизнью. У Светония можно прочитать, что императору Нерону, когда заговорщики готовились захватить его, Фоан посоветовал скрыться в «аренарий», но тот отказался, сказав, что «не хочет быть погребенным заживо». Подобные свидетельства доказывают, что уже в древности катакомбы были каменоломнями, которыми впоследствии и воспользовались первые христиане, устроив в них свои кладбища и усыпальницы. Тут же были и их первые церкви и часовни, возводимые чаще всего над могилами мучеников.

Сами римляне не хотели проникать в катакомбы из-за обычая христиан хоронить своих покойников, для них такой обычай был омерзительным: своих мертвых римляне сжигали. Трупы умерших христиан располагались один над другим — в выдолбленных каменных углублениях длиной в человеческий рост. Покойников клали без гроба, завернув их тела в чистый холст, уснащенный ароматическими травами. Положив в нишу тело умершего, христиане закрывали отверстие мраморными плитами или кирпичами, на которых иногда писали имя покойного, а иногда — один из христианских символов (крест, пальмовую или оливковую ветвь, голубя, агнца и т. д.).

Узкие и низкие коридоры-галереи лишь изредка прерываются круглыми или квадратными залами (cubicula), служившими для семейных собраний. Сюда приходили в годовщину смерти молить о милости Божьей к усопшим, читать священные книги и петь гимны в честь в Бозе почивших. В склепах, переполненных телами умерших, и среди торжественной тишины первым христианам казалось, что они сливаются с теми, кого потеряли. Живые молятся за умерших, а те, наслаждаясь неземным блаженством, помогают живущим своим заступничеством.

В римских катакомбах можно прочитать и первоначальную историю христианства. Галереи, открыто выходящие на большие дороги, и проделанные в подземельях отверстия для снабжения катакомб свежим воздухом говорят о времени спокойного существования первых христиан, когда они полагались на терпимость римских властей. И действительно, первые два века христианства римские императоры не издавали специальных запретов относительно подземных христианских кладбищ. А вот темные потайные ходы и извилистые галереи, наоборот, свидетельствуют об эпохе гонений, когда в гневе императоры приказывали заложить входы в известные катакомбы. И тогда многие христиане погибали без пищи и воздуха, о чем подробно рассказано у святого Киприана, Евсевия, Тертуллиана и других авторов. Первая тревога поднялась даже не в Риме, а в Карфагене, где в 203 году вспыхнуло восстание именно из-за христианских кладбищ. Враги новой веры поняли, что в своих катакомбах христиане могут свободно собираться для молитв, и потребовали, чтобы больше не отводили земли под христианскиекладбища.

Через 50 лет после этого восстания император Валериан издал первый указ против христианских кладбищ: христианам не запрещалось хоронить своих умерших на особых кладбищах, им только запрещалось сходиться на них для своих собраний. Сын его Галлиен после смерти отца отменил этот закон, но христианам все равно приходилось соблюдать большие предосторожности, так как за ними тщательно следили. Например, в 280-е годы в одной из каменоломен были заживо погребены супруги Хрисанф и Дария, но христиане впоследствии устроили здесь свое кладбище и приходили на место вечного упокоения святых мучеников. Тогда император Нумериан повелел засыпать вход в эту каменоломню и уморить собравшихся там верующих. Когда после прекращения гонений на христиан вход открыли, то в подземелье нашли трупы мужчин, женщин и детей. В стороне лежали чаши, приготовленные для причастия… Римский епископ Дамас захотел сохранить картину этого мученичества и приказал сделать соответствующую надпись на стене, закрыть вход, оставив лишь

одно окно, через которое можно было бы видеть это печальное и вместе с тем величественное зрелище.

Но император Диоклетиан предпринял меры, на которые не решались его предшественники. Он не только отобрал в казну все имущество и здания, принадлежавшие христианам, но и запретил всякое открытое проявление христианской веры. Кроме того, Диоклетиан повелел разрушить, сжечь и уничтожить все, что напоминало о христианстве, а кладбища у христиан отобрать и продать.

Изгоняемые из одних катакомб, христиане переходили в другие и уже принимали меры, чтобы сделать входы в них секретными. Они продолжали по-прежнему хоронить своих покойников и собираться у их могил, а также укрываться в катакомбах от преследований. Со временем новый христианский обычай хоронить умерших переняли и римляне, и в эпоху императора Антонина они отказались от сожжения. Завладев некоторыми катакомбами, римляне превратили их уже в свои кладбища. Ученым при исследовании римских катакомб встретилось много языческих изваяний и надписей, иногда и по соседству с христианскими, что свидетельствует о погребении рядом и тех и других. Например, в христианской часовне святого Каллиста виден играющий на лире Орфей, и даже Иисус Христос иногда изображался в виде Юпитера или Феба…

Впоследствии языческая манера живописи исчезла, и появились христианские образы, олицетворяющие кротость, доброту и милосердие. В них не было изображений распятого Спасителя, а только подвиги Его милосердия, любви и славы.

После Миланского эдикта император Константин в 312 году утвердил христианскую церковь во всех правах, и с этого времени в истории катакомб начинается второй период. Все устремились на поклонение христианским мученикам, так что пришлось открыть все входы и перестроить лестницы. Над катакомбами строились базилики, и в них и возле них стали устраивать новые кладбища, причем каждую могилу рыли уже от поверхности земли.

Однако для возведения таких базилик надо было устраивать фундаменты, отчего катакомбы иногда обнажались вплоть до могил мучеников, и многие из них испортились или даже полностью разрушились. Вот тогда епископ Дамас и решил привести их в порядок, чтобы сохранить от дальнейшего разрушения. По его распоряжению из катакомб была вынесена земля, которой они были засыпаны во время гонений на христиан; многие пещеры обложили мрамором, укрепили их своды и стены, устроили отверстия для воздуха и света… И множество народа отовсюду шло посмотреть и помолиться обновленным могилам.

Однако вскоре епископ Дамас увидел, что усердие богомольцев грозит нарушить установленный в катакомбах порядок. Некоторые из них даже просили могильщиков разрывать самые могилы и хоронить в них умерших, других погребали в полу коридоров без всякого порядка, ради новых могил портили изображения и надписи на старых. Все это огорчало епископа Дамаса, и он решил положить конец неумеренному усердию своей паствы. Сам он заблаговременно начал готовить себе могилу, но не в катакомбах, а на поверхности земли. В надписи, оставленной им в катакомбах святого Каллиста, сказано: «Здесь… я желал бы сложить свои

кости, но убоялся потревожить священный прах святых». Его примеру последовали, видимо, и другие священники, и до 400 года в катакомбах хоронили вдвое меньше, а к середине V века уже неизвестно ни одного нового захоронения.

С этого времени в истории катакомб начинается период забвения. Рим несколько раз подвергался нападению варварских племен, которые разрывали катакомбы и могилы мучеников и уносили мощи святых, чтобы поместить их в своих церквах в качестве святынь и реликвий. В промежутках между набегами врагов римские епископы пытались восстанавливать утраченное, но следующие набеги вновь все превращали в развалины и решено было кости мучеников перенести в церкви Рима, чтобы там они находились в большей безопасности. В июле 817 года в город было переправлено 2300 мощей особо чтимых христианских мучеников, и после этого в катакомбы постепенно ходить перестали. Они осыпались и разрушались…

Вскоре после нового открытия римских катакомб появился человек, который всю жизнь посвятил их исследованию и изучению. Случалось, он подвергался опасности заблудиться в подземных коридорах, умереть с голоду или быть засыпанным… Это был Антоний Бозио, которого прозвали «колумбом катакомб». Он пришел в Рим с острова Мальта и целых 36 лет занимался изучением катакомб, но все равно не успел все описать, зато показал, как следует изучать их.

Бескорыстное и умелое ведение дела после А. Бозио продолжили другие исследователи, и среди них — Джованни Батиста де Росси, превосходно описавший и сами катакомбы, и все найденные в них предметы. В одном из Ватиканских музеев выставлены фрески, саркофаги, гробницы и надписи, собранные римскими папами Беневентом XIV и Григорием XVI. Редким экспонатом этой коллекции являются стеклянные вазы (или бутылочки), облепленные цементом, в которые заключалась кровь первых христиан.

Самые древние надписи были сделаны в катакомбах на греческом языке, который в начале III века был официальным языком церкви. *10 Латинский язык вошел в употребление позже.* В первых эпитафиях приводилось одно из имен умершего, а затем шло несколько благочестивых восклицаний: «Мир праху твоему!», «Спи во Христе», «Да упокоится душа твоя с Господом» и т. д. Даты рождения и смерти упоминались редко, да и что могло значить подобное упоминание для того, кто перешел в вечность?

Позднее первоначальная простота христианских надписей изменилась, и в них начали уже прорываться горечь и сожаление, а потом христиане стали позволять себе и робкие восхваления. Так, в надписи на могиле одной девушки говорится, что это была «невинная душа», о другой сказано как о «кроткой голубице»…

По живописи катакомб можно проследить и процесс зарождения христианского искусства. Первые художники, которых приглашали украсить могилы фресками и барельефами, вероятно, испытывали затруднения в выборе сюжета. Христианское учение оставалось тайной, и потому вполне понятно, что ранние христиане в общении друг с другом могли использовать тайные знаки. Но ведь их употребляли и язычники…

Лучше всего следы настенной живописи древних христиан сохранились в катакомбах святого Каллиста, которые располагались за городскими воротами. Вход в них находился возле маленькой часовни, разместившейся среди виноградников. В часовне есть так называемая «крипта пап», в которой находятся могилы 11 римских пап-мучеников.

Чтобы украсить стены и своды погребальных камер, художники копировали легкие декоративные картины, которыми язычники обычно украшали свои дома. На потолках в катакомбах святого Каллиста можно увидеть прелестные арабески, птиц, цветы и крылатых гениев, парящих в воздухе. Следует отметить, что символы декоративной живописи не брались в их непосредственном значении: они были приятны только глазу, поэтому никто из христиан не оскорблялся, видя их над могилами верующих.

Христианские художники подражали и сюжетам классического искусства в тех случаях, когда их можно было аллегорически применить к новой религии. Это подражание сказалось в изображении Доброго Пастыря; еще очевиднее оно проявилось во фресках, где Спаситель представлен в образе Орфея. Этот фракийский певец, очаровывавший всех своей игрой, наиболее точно олицетворял того, кто словом своим покорил и варварские народы, и самые цивилизованные.

Но христианское искусство не могло жить только подражанием, и скоро художники начинают изображать события из Священного Писания: праведного Ноя в ковчеге, пророка Даниила во рву со львами, спасение Ионы из чрева кита, жертвоприношение Авраама, переход евреев через Красное море и т. д., а из Нового Завета — поклонение волхвов, исцеление Лазаря, умножение хлебов, а также христианские символы (рыбу, голубя и т. д.).

ХРАМ ГРОБА ГОСПОДНЯ

Храм Гроба Господня возвышается среди христианского квартала в северо-западной части Иерусалима. Место это во время земной жизни Иисуса Христа находилось вне городских стен, к западу от Судных ворот, и называлось Голгофой (Крайневым, или Лобным местом), а также Кальварией и Юдолью смерти, так как служило местом казни и погребения преступников. Оно представляло собой скалистую неровную поверхность, и на одной из скал (собственно Голгофе) и был распят Спаситель наш, Иисус Христос. К западу от этой скалы, в саду Иосифа Аримафейского, находилась другая, в которой была высечена погребальная пещера, состоявшая из двух частей — преддверия и помещения с каменным выступом. На него и было положено пречистое тело Господа для погребения. К северу от этих скал находился сад, в котором Господь по воскресении Своем явился Марии Магдалине; к востоку располагалось глубокое подземелье, где впоследствии был обретен Животворящий Крест Господень.

В первые века христианства сюда приходили ученики Иисуса Христа, а впоследствии и новопросвещенные христиане, уверовавшие в то, что скончавшийся на Голгофе и воскресший в бывшей перед их глазами пещере воистину был Сын Бога Живого. Гонимые римскими властями и местными правителями первые христиане поклонялись этим местам тайно. Чтобы отстранить их отсюда, император Адриан в 135 году приказал место

между Голгофой и пещерой погребения сровнять с землей, завалить мусором и соорудить здесь языческий храм. На этих святых местах язычники поставили своих идолов: на месте Голгофы — Венеру, а на месте погребальной пещеры — Юпитера, чтобы христиане, поклоняясь своим святым местам, выглядели идолопоклонниками. Почти 200 лет места нашего Спасения были скрыты от глаз людских, но сами языческие храмы указывали эти святыни приходившим на поклонение.

Приняв христианство, император Константин первым делом приказал соорудить на святом месте храм удивительной красоты, который «был бы великолепнее всех храмов, где либо существующих, и чтобы другие здания при храме были гораздо превосходнее самых прекрасных по городам строений». В 326 году в Иерусалим прибыла царица Елена, мать императора Константина, которая и начала возведение храма над Гробом Господним. Уже в 333 году он был освящен митрополитом Кесарийским Евсевием Памфилом, который как первый церковный историк составил описание храма. При его сооружении некоторые скалы были отсечены и по возможности выровнены, но некоторые части их были сохранены и вошли в состав возводимого храма. Поэтому большая часть храма с его приделами находится на одном уровне, другая часть храма — на возвышении (на сохраненной скале), а третья расположилась ниже пола, образуя подземные приделы и часовни.

Прежде всего от скалы была отделена пещера погребения, чтобы ее можно было целиком включить в воздвигнутую круглую часовню. Эту часовню, которая по-гречески называлась «Анастазис» (Воскресение), окружали 12 колонн (по числу апостолов). От нее на восток шел собственно храм, перед которым был четырехугольный двор с крытыми ходами, а во двор вела лестница с колоннами. Все это было украшено мрамором, блестело золотом и драгоценными камнями. Но этот первый храм простоял менее 300 лет, так как в 614 году он был, как и сам город, разрушен армией персидского царя-огнепоклонника Хозроя. Однако уже в следующем году, уступая просьбам своей жены-христианки, он разрешил на месте разрушенного храма выстроить новый. Бедность после разорительных набегов персов не позволяла воссоздать храм в его первоначальном великолепном виде, и потому были возведены четыре отдельных храма.

Над пещерой погребения Иисуса Христа вновь была возведена круглая часовня, как это было при императоре Константине, над Голгофой и местом обретения Животворящего Креста Господня — два небольших храма, а четвертый храм — во имя Пресвятой Богородицы — возвышался приблизительно там, где находился Камень миропомазания. В таком виде застали эти святые места арабы, захватившие Иерусалим. Халиф Омар не разрушил христианские храмы, но его наследники если и не разрушали их, то постоянно грабили, особенно в IX–X веках. Крестоносцы, завладевшие Иерусалимом в XII веке, передали все христианские храмы католическому духовенству. За 50 лет своего владения городом крестоносцы подвели стоявшие по отдельности храмы под общую крышу, и в таком виде он сохранился до нашего времени, хотя еще не раз подвергался разрушениям.

Храм Гроба Господня, длина которого более 80 метров, окружен множеством пристроек, потому что все христианские конфессии стремились быть как можно ближе к нему. Его окружала старая

православная патриархия, с севера примыкали латинский и коптский монастыри, к последнему с востока храма прилегал абиссинский. Между ним и площадкой перед входными воротами располагался православный монастырь Святого Авраамия. Сверху храм покрывают два купола: один находится над часовней Гроба Господня, другой — над православным приделом Воскресения.

Внутри храма тоже имеется много отдельных частей, приделов, церквей, часовен, лестниц, галерей, келий и т. д. Главные части храма — Ротонда (круглый храм Гроба Господня) и Католикон (храм Воскресения) — соединяются царской аркой.

В храм Гроба Господня ведет сначала большой темный притвор, освещаемый только открытыми дверями и небольшим окошечком над ними. Напротив дверей паломник видит первую святыню — Камень миропомазания, представляющий собой низкую плиту около двух метров длиной. На этот камень, теперь покрытый мрамором, было положено пречистое тело Иисуса Христа, снятое с креста, чтобы умастить его перед погребением благовониями. Вокруг Камня миропомазания стоят свечи в больших подсвечниках, а над ним висят зажженные лампады. Раньше паломники покупали себе в размер этого камня полотно, возлагали его на камень, потом омывали в Иордани, увозили домой и хранили до своего смертного часа, а потом полотно это служило им саваном. Слева от Камня миропомазания обозначено место, где стояла Пресвятая Богородица во время распятия своего божественного сына. На стене позади Камня изображено снятие с Креста пречистого тела Спасителя. Эта стена, устроенная между двумя столбами, отделяет паперть от церквиВознесения.

С правой стороны паперти часть стены состоит из скалы Голгофы, которая с этой стороны отсечена отвесно и имеет высоту более 10 метров. Две крутые мраморные лестницы (из 18 ступеней) ведут на вершину Голгофы, которая является как бы верхним храмом. Здесь устроены две небольшие церкви с невысокими и сумрачными сводами, так что скала Голгофа почти доходит до потолка храма. Одна из церквей — это греческая церковь Распятия (или придел водружения Креста Господня). В глубине ее северной части над открытым престолом, установленным на месте водружения Креста Господня, высится Распятие; под престолом, в природной скале, — обложенное серебром отверстие, в которое был водружен Крест.

Место Животворящего Креста Господня было обнаружено равноапостольной царицей Еленой. Все три креста были найдены глубоко под землей, в заброшенной цистерне, засыпанной мусором. Но на каком из них распяли Иисуса Христа? В это время мимо проносили покойника, благоверная царица Елена остановила похоронную процессию и приказала положить умершего поочередно на все три креста. При возложении его на первые два креста не произошло никакого действия, но когда усопшего положили на Крест Спасителя, он сразу же ожил. В настоящее время крестов на Голгофе нет, но под ней, в одной из комнат принадлежащего православным помещения находится частица Животворящего Креста Господня и мощи разных святых.

Место это сейчас покрыто стеклом, сквозь которое видна выветрившаяся поверхность скалы. Справа находился крест того

разбойника, который просил Спасителя не забыть его в Царствии Небесном (теперь здесь православный придел). С левой стороны стены есть место, в котором (если приложить к нему ухо) слышится шум, указывающий, что позади — пустое пространство. Нередко в нем гудит ветер. Слева от Креста Спасителя находился крест другого разбойника, который не покаялся и на кресте насмехался над Спасителем (здесь теперь католический придел).

Напротив места водружения Креста Господня видна обложенная позолоченным окладом глубокая расщелина в скале, расколовшейся при кончине Спасителя. Эта расщелина идет почти через весь Иерусалим и, по преданию, доходит до центра земли. Теперь несколько участков скалы застеклены, и на них видны красные пятна — кровь и вода, которые истекали из тела Спасителя, когда один из воинов проколол Ему копьем бок. Здесь же расположена и часовня Адама, который, по преданию, был погребен в скале Голгофы. Кровь Спасителя, падая сквозь расщелину на череп Адама, омыла прах прародителя человечества.

За второй папертью следует большой круглый храм (Ротонда), посреди которой высится выстроенная из желтоватого камня небольшая часовня (Кувуклия), представляющая собой малую церковь внутри надстроенного над ней огромного храма. К западной стене часовни пристроен придел коптских христиан, окруженный железной решеткой. Снаружи и изнутри Кувуклия обложена желтовато-розовым мрамором, образующим колонны, пилястры, арки, фронтоны и красивый круглый купол. Внутри часовни и находится Живоносный Гроб Господень. Во время больших праздников Кувуклия и весь храм украшаются иконами и дорогими тканями, горит множество лампад, число которых доходило до трех тысяч.

Внутри Кувуклия разделяется на две части. В приделе Ангела находится часть того камня, который был отвален Ангелом от входа в Гробницу Господню перед Его Воскресением. В центре этого придела стоит мраморная чаша, в которую и помещена часть камня, служащего во время, богослужений престолом. Входить сюда следует лицом вперед, а выходить надо вперед спиной.

Из придела Ангела вход с полукруглым сводом ведет в небольшую пещеру Гроба Господня, которая на высоту чуть выше человеческого роста и обложена белым мрамором. В этой пещере и находится каменный выступ, три дня служивший Спасителю смертным ложем. Отсюда Он воскрес во искупление грехов людских и для воссоединения с Богом.

Само ложе сейчас не видно, оно покрыто мраморной плитой, над которой висят три иконы Воскресения. В плите сделаны отверстия, через которые паломники и прикладываются к ложу. В середине доски — трещина, о которой предание рассказывает следующее:

«Однажды турки захотели присвоить мраморную плиту, но Ангел провел по ней знак, после чего плита треснула, сразу потеряв для турок всякую ценность.» По другой версии, сами христиане распилили эту плиту, чтобы отвлечь от нее внимание турок.

Вокруг ложа всегда горят свечи, в вазах стоят цветы, а с потолка свисают зажженные лампады. Здесь каждый день совершаются три литургии — православная, армянская и католическая, во время которых ложе служит и жертвенником, и престолом.

СКЛЕП ДЕМЕТРЫ

В 1895 году в Керчи на территории усадьбы Зайцевой, расположенной на так называемом Глинище, случайно был открыт неразграбленный склеп, который стал широко известен под названием «Склеп Деметры». Архитектура его сложилась под влиянием подземных погребальных камер, вырезаемых в грунте. Склеп состоял из погребальной камеры, вделанной в естественное возвышение небольшого холма. Он имел наклонные стены, которые постепенно сближались и образовывали полуцилиндрический свод. К склепу вел наклонный вход глубиной три метра, а в погребальную камеру — низкая, но довольно широкая дверь. В каждой из стен была устроена небольшая ниша для приношений, по сторонам ниш были нарисованы виноградные лозы с гроздьями и листьями.

Однако все архитектурные элементы склепа отходили на второй план, так как весь он, особенно плафон, были живописно декорированы. Роспись склепа немедленно была снята фотографом Рубанчиком, а также скопирована в красках художником-любителем штабс-капитаном П. Ридигером. Все стены склепа и внутренние простенки входа прямо по камню покрывал толстый двойной слой штукатурки. Первый слой был более белым, второй — от значительной примеси толченого кирпича — получил рыжеватый или желтовато-розовый оттенок. По этому фону и была сделана роспись. По сторонам входа — фигуры Гермеса в крылатых сандалиях и с жезлом в руках, отводящего души умерших в подземное царство, и Калипсо, покрывающей их покровом смерти. На других стенах изображены виноградные лозы, нарисованные около ниш, выделенных темной краской.

Если на поверхности стен были разбросаны лишь отдельные изображения, то значительно разнообразней и богаче оказалась роспись верхней части склепа. Над входом его, например, помещены растительные орнаменты; против входа — сцена похищения Персефоны богом подземного царства Аидом, о чем в древнегреческом мифе рассказывается так:

У Деметры, богини земледелия и плодородия, была дочь — юная и прекрасная Персефона, отцом которой являлся сам громовержец Зевс. Однажды Персефона вместе со своими подругами-океанидами беззаботно резвилась на цветущей Нисейской долине. Подобно легкокрылой бабочке перебегала юная дочь Деметры от цветка к цветку, рвала пышные розы, душистые фиалки, белоснежные лилии и красные гиацинты.

Бог подземного царства Аид видел, как резвилась в Нисейской долине Персефона, и решил похитить ее. Он упросил богиню Земли Гею вырастить необычайной красоты цветок, пьянящий аромат которого разлился бы во все стороны. Увидела Персефона цветок, протянула к нему руку и уже схватилась за стебелек, как вдруг разверзлась земля, и на черных конях появился из земли бог Аид в золотой колеснице. Схватил он Персефону, поднял на колесницу и в мгновение ока скрылся на своих быстрых конях в недрах земли. Только вскрикнуть успела Персефона…

Услышав крик дочери, богиня Деметра поспешила в Нисейс-кую долину, всюду искала Персефону, но ее нигде не было… И никто, кроме Гелиоса— бога Солнца, не видел, как похитил Персефону мрачный Аид.

Плафон склепа, покрытый вторым слоем белой штукатурки, был усеян зелеными листиками, розовыми лепестками сердцевидной формы, цветами и сидящими на ветках птицами. А посреди всего этого великолепия, в самом центре сводчатого потолка помещался большой круглый медальон, состоявший, судя по его остаткам, из розового плетения, изнутри и снаружи обрамленного остроконечными листьями. Внутренность медальона была заполнена зеленой краской, на фоне которой представало погрудное изображение скорбящей богини Деметры. Волнистые каштановые волосы ее двумя густыми прядями ниспадали на плечи, на шее было изображено золотое ожерелье из подвесок на тонкой золотой нитке. Фигуру богини закрывал синий с черными складками (от теней) хитон (или гиматий), может быть, застегнутый на правом плече красной застежкой. Невольно привлекали к себе внимание большие, прямо устремленные глаза богини, смотревшие строго и серьезно. Остальные фигуры в росписи склепа (даже в сцене похищения Персефоны) уступают Деметре как по масштабу, так и по силе выразительности. По глубине психологического реализма искусствоведы сравнивают это изображение Деметры с портретной живописью.

На коротких сторонах плафона (к северу и югу от головы Деметры) изображен пучок (или букет) из посаженных в ряд цветков мака. На длинных сторонах медальона изображены: посередине — три ветки граната с одним плодом на каждой, по обе стороны от них — стилизованные ветки лавра с ягодкой между каждыми двумя листьями.

«Склеп Деметры» постоянно находился под наблюдением специалистов, и вскоре после открытия его сделали доступным для посещения. Для этого соорудили тяжелую и крепкую дверь и ведущий в склеп коридор — длинный, широкий и прочный. Принятые меры оказались весьма целесообразными, так как с помощью их в склепе поддерживалась необходимая для живописи влажность. И к счастью для памятника, несмотря на частое открывание склепа для посетителей и освещение его лампой, краски совсем не побледнели, и, таким образом, живопись почти не пострадала.

Этот памятник мог бы долгое время находиться в хорошем состоянии, но во время Великой Отечественной войны была уничтожена значительная часть его великолепного декора. Особенно сильно немецкие солдаты повредили роспись люнета *11 Люнет — арочный проем в стене или своде, снизу ограниченный горизонтально. В сквозных люнетах помещаются окна, глухие люнеты украшаются росписью и скульптурой.* задней стены, где была изображена сцена похищения Персефоны. Фигура ее была почти полностью уничтожена, за исключением самой нижней части. Была сбита также нижняя часть изображения Эроса, туловище Аида оказалось все в трещинах, утрачена шея одной из лошадей, а у ног другой появилась выбоина. На противоположном люнете, украшенном растительными орнаментами, роспись тоже была повреждена большими сбоями и трещинами. На плафоне пострадали фигуры птицы в юго-западном углу, растительный орнамент и часть центрального медальона. В стены склепа было вбито несколько десятков гвоздей, отчего в них появилось много глубоких выбоин, были причинены и другие повреждения.

СМЕРТЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА

В 630 году пророк Мухаммед торжественно въехал в родную Мекку — священный город, откуда он, гонимый и беспомощный, бежал в Медину 8 лет назад. А теперь купеческая Мекка лежала у его ног. Шествие пророка на поклонение святыням было величественным и торжественным, и сопровождалось оно несметным количеством народа, собравшегося со всех областей Аравии.

Окруженный десятками тысяч паломников, Мухаммед в простой одежде, с черной чалмой на голове торжественно въехал в Мекку на верблюде, но не как победитель, а как богомолец. Он совершил все священные обряды, посетил все святые места, исполнил все требования и обряды и принес жертвы. В Мекке Мухаммед 7 раз объехал Каабу и 7 раз прикоснулся к священному Черному камню, затем вошел в Каабу и, торжественно объявив «Нет Бога, кроме единого Аллаха», приказал очистить священный храм от языческих идолов. Все идолы (числом 360) были сброшены со своих мест и разрушены. Строгим соблюдением древних обрядов Мухаммед ясно показал, что основанная им вера не является чем-то совершенно новым, это лишь обновленное и очищенное арабское богопочитание. Это — та же религия праотца Авраама, родоначальника арабских народов, строителя Каабы и учредителя паломничества в Мекку.

Если покорение Мекки обошлось почти без кровопролития, то война с окрестными племенами, упорно не признававшими божественного посланничества Мухаммеда, потребовала много человеческих жертв. Однако со временем одно за другим сдались и другие аравийские племена, и вскоре Мухаммед стал повелителем почти всей Аравии. Под его мощной рукой создалась могущественная арабская держава, а ислам рекой разливался по миру.

Поставив в Мекке новых военачальников, Мухаммед двинулся обратно в Медину, посетив на пути могилу своей матери Амины. Однако радость при виде полного торжества ислама омрачилась для Мухаммеда смертью дорогого ему человека — единственного сына Ибрагима, который должен был продолжить отцовские начинания. Безвременная кончина Ибрагима сильно подействовала на Мухаммеда, который, желая перед смертью еще раз увидеть священный город и помолиться в Каабе, вновь стал собираться в путь.

Как только разнесся слух о намерении Мухаммеда отправиться на богомолье, со всех концов Аравии сошлось множество народа, чтобы сопровождать своего учителя и вместе с ним помолиться. Собралось около 10 000 человек, и живая цепь паломников растянулась на несколько километров.

Жители Мекки встретили пророка за городом. Мухаммед уже не мог идти пешком и объехал Каабу, сидя на верблюде. Он принес в жертву приведенных животных, совершил другие обряды, а потом призвал народ твердо держаться ислама и распространять его по всему миру Люди с благоговением внимали словам пророка, но расходились по домам с тяжелым чувством. Всем было ясно, что учителя и посланника Аллаха они видят в последний раз.

Возвратившись в Медину, Мухаммед как будто почувствовал некоторое облегчение. И хотя он страдал порой от мучительной боли, но до последней минуты сохранял ясную память, простился с окружавшими его людьми и просил у них прощения, отпустил своих рабов на волю, а деньги свои приказал отдать бедным.

7 июня лихорадка усилились, и в ночь на 8 июня 632 года Мухаммед скончался. Ужас овладел всем городом, люди бросили все свои дела, и даже войско, выступившее в поход в Сирию, остановилось. Все устремились к дому пророка, и никто не хотел верить в его смерть, даже когда людям объявили, что тело Мухаммеда уже умащают пахучими маслами, приготовляя к погребению. Как нужно хоронить пророка — никто не знал. Жен не допустили обряжать его тело, которое омыли родственники-мужчины, причем омыли, не снимая одежды, в которой Мухаммед умер. После этого тело его завернули в два белоснежных покрывала, а верхнее (третье) покрывало было из полосатой йеменской ткани. После этого тело Мухаммеда уложили на ложе, на котором его застигла смерть, прочитали над усопшим 72 молитвы и выставили тело перед народом. Три дня оно оставалось непогребенным, чтобы сомневающиеся могли убедиться в его смерти. На четвертый день Мухаммеда похоронили там, где он умер. Могилу с нишей вырыли в доме его жены Айши — под самой постелью, которую отодвинули в сторону. Потом могилу засыпали и пол в комнате выровняли. Впоследствии над прахом пророка возвели прекрасную мечеть, а могилу подняли от земли на высоту 20 сантиметров. Мечеть эта стала одной из святынь мусульманского мира, и поклониться гробу пророка является для мусульман таким же богоугодным делом, как и паломничество в Мекку.

Путешествие в Медину обычно и совершается вместе с паломничеством в Мекку: либо до ее посещения — чтобы пройти путями пророка, либо после — чтобы исполнить его завет. Считается, что Мухаммед завещал каждому пилигриму, посетившему Мекку, прийти на его могилу. Те же, кто от этого уклонится, окажутся неблагодарными. Пожелание пророка — не обязательный религиозный ритуал, но большинство паломников преодолевают 300 километров, разделяющих Мекку и Медину.

По своим размерам мечеть в Медине уступает мечети в Мекке, но отличается удивительной красотой. Розоватый гранит ее украшен золотом и чеканными узорами, изразцами и мозаикой. В самом центре мечети огорожены место (где жил и учил пророк Мухаммед), глинобитная хижина (где он спал и питался) И могила, в которой его похоронили.

ГРОБНИЦА, САРКОФАГ И МАСКА ИЗ ПАЛЕНКЕ

Город Паленке — один из центров цивилизации майя — располагался на Юкатане, у подножия невысоких холмов, покрытых непроходимой сельвой. Среди других городов, построенных майя (Чичен-Ица, Ушмаль и т. д.), Паленке был самым прекрасным, «самым утонченным городом» индейской Америки, название которого на языке племени цельталь звучит как «Гхо-Гхан» — «Змеиный город». Здесь в 1952 году американский археолог Альберто Рус раскопал «Храм надписей» — самую знаменитую пирамиду города, окутанную множеством тайн и легенд.

В Паленке профессор бывал и раньше, так как его давно привлекала высокая пирамида, но ни удивительная надпись, ни знаменитые рельефы на колоннах, увиденные им прежде, ничего не говорили о подлинном назначении «Храма надписей». И тогда А. Рус заинтересовался полом помещения, который (в отличие от полов в других храмах города) был покрыт искусно обработанными каменными плитами. Преодолев множество препятствий (заваленную камнями и глиной лестницу, коридор, стену из зацементированных камней), экспедиция А. Руса нашла сначала небольшой каменный ящик с останками шестерых человек — пятерых мужчин и одной женщины. Кости погребенных (как потом установили — человеческих жертвоприношений) были первоначально переломаны, чтобы их можно было уложить в маленький ящик.

Устранив последнее препятствие — огромную каменную плиту, А. Рус и рабочие вступили в просторную крипту (9 х 4 х 7 м), лежавшую на глубине 25 метров ниже уровня пирамиды. Сам А. Рус впоследствии писал:

«Из густого мрака неожиданно возникла сказочная картина фантастического, неземного мира. Казалось, что это волшебный грот, высеченный во льду. Стены его сверкали и переливались, словно снежные кристаллы в лучах солнца. Как бахрома огромного занавеса, висели изящные фестоны сталактитов. А сталагмиты на полу выглядели словно капли воды на гигантской оплывшей свече. Гробница напоминала заброшенный храм. По ее стенам шествовали скульптурные фигуры из алебастра. Потом мой взор упал на пол: его почти полностью закрывала огромная, прекрасно сохранившаяся каменная плита с рельефными изображениями. Глядя на все это с благоговейным изумлением, я пытался описать красоту зрелища моим коллегам. Но они не верили до тех пор, пока, оттолкнув меня, не увидели эту великолепную картину своими собственными глазами.»

Архитектура этой подземной гробницы была столь совершенна, что она и до наших дней сохранилась почти в идеальном состоянии. Камни стен и сводов были вытесаны и подогнаны друг к другу с таким искусством, что ни один из них не упал со своего места. «Скульптурные фигуры из алебастра», проступавшие сквозь причудливую завесу сталактитов и сталагмитов и покрывавшие одну из стен этого подземного склепа, изображали девятерых Властителей ночи — богов девяти преисподних майя. Все они празднично «разодеты» в пышные костюмы: их головной убор украшают длинные перья птицы кецаль, плащи выполнены из перьев и нефритовых пластинок, на поясах набедренной повязки (или юбочки) помещены изображения трех человеческих черепов, на ногах надеты сандалии из кожаных ремешков. Шея, грудь, кисти рук и ноги этих персонажей унизаны драгоценными украшениями, и они горделиво выставляют напоказ символы своего высокого положения — скипетры с рукоятью в виде змеиной головы, маски бога дождя Чака и круглые щиты с ликом солнечного божества.

В крипте лежала монолитная плита, закрывавшая большую часть пола гробницы: на полу и на плите лежали богатые жертвенные предметы, среди которых — прекрасно сделанная мужская голова. Лицо этого человека (жреца или аристократа) не просто передавало портретное

сходство, оно выражало все, что надлежало соединять в себе правителям майя: возвышенность духа, напряженную внутреннюю жизнь и покорность всепоглощающему времени.

Первое время археолог не мог даже понять, что же он откопал: подземный храм или уникальную гробницу? Большую часть помещения занимал огромный каменный ящик, накрытый резной каменной плитой. Но алтарь это или крышка саркофага? На боковых гранях плиты виднелась полоса иероглифов, среди которых ученые увидели и несколько календарных дат, относящихся по времяисчислению майя к VII веку.

На плоской поверхности плиты А. Рус обнаружил символическую сцену, вырезанную резцом древнего мастера. В нижней ее части была изображена страшная маска, всем своим видом напоминавшая о разрушении и смерти: лишенные тканей и мышц челюсти и нос, большие клыки, огромные пустые глазницы… У большинства индейских народов доколум-бовой Америки это было страшное божество-чудовище, питавшееся живыми существами. Поскольку все живое, умирая, возвращается в землю, страшная маска представляла собой стилизованное божество земли. Голову его увенчивали четыре предмета, два из которых (раковина и знак, напоминающий %) у народа майя являлись символом смерти; два других, наоборот, ассоциировались с рождением и жизнью — зерно маиса и цветок (или маисовый початок).

На маске чудовища сидит, слегка откинувшись назад, красивый юноша в богатой одежде и драгоценных украшениях. Тело его обвито фантастическим растением, которое выходит из пасти чудовища. Юноша пристально смотрит вверх на крестообразный предмет — стилизованный росток маиса, олицетворявший у древних майя «древо жизни», или, точнее сказать, «источник жизни». На перекладине «креста» причудливо извивается гибкое тело двухголовой змеи, а из пастей этих голов выглядывают маленькие смешные человечки в масках бога дождя. На самой верхушке «креста» сидит священная птица кецаль, длинные изумрудные перья которой служили украшением парадных головных уборов царей и верховных жрецов майя. Кецаль тоже облачена в маску бога дождя, а чуть ниже птицы видны знаки, символизирующие воду, и два небольших щита с изображением солнечного бога. Вот такой сложный ребус из резных картин был запечатлен на крышке саркофага. После тщательного изучения всех имевшихся в его распоряжении источников А. Рус дал следующее его истолкование:

Юноша, сидящий на маске чудовища земли, вероятно, одновременно олицетворяет собой и человека, которому суждено в один прекрасный день вернуться в лоно земли, и маис, зерно которого (чтобы прорасти) прежде должно быть погребено в землю. «Крест», на который так пристально смотрит человек, опять-таки символизирует маис — растение, появляющееся на земле с помощью человека и природы, чтобы служить затем… пищей для людей. С идеей ежегодного воскресения маиса у майя была тесно связана идея собственного воскресения человека.

Массивные каменные «ножки» саркофага тоже были украшены рельефными изображениями. Мифические персонажи в богатых одеждах словно «вырастали» из земли, изображенной чисто символически, — полосой и особым иероглифическим знаком. А рядом с ними видны побеги

уже настоящих растений, увешанных плодами какао, тыквы и гуайявы.

От саркофага поднималась вверх длинная каменная труба, сделанная в виде змеиного туловища и заканчивающаяся в центре склепа. Эту трубу А.Рус назвал «каналом для души», предназначенным для духовного общения жрецов и здравствующих членов царствующей семьи с их умершими предками. Лестница после совершения погребального обряда засыпалась обломками камней, и между гробницей и храмом наверху только через этот «канал» существовала магическая связь.

Размеры каменного саркофага и огромный (20 тонн) вес исключали его доставку вниз — по узкой внутренней лестнице — уже после строительства пирамиды. Храм и пирамида, скорее всего, строились уже над готовой гробницей, чтобы защитить ее от разрушения и скрыть от непрошеных взоров. Гробница правителя, похороненного с несметными сокровищами, несомненно, была заманчивой добычей для грабителей, поэтому она и была так тщательно спрятана в недрах пирамиды, а ход к ней был плотно забит землей, щебнем и каменными глыбами.

В каменном саркофаге покоился усопший довольно высокого роста (1,73 м) и относительно статный. Значительная влажность повредила скелет, особенно верхнюю часть его, поэтому нельзя было установить, подвергался ли череп искусственной деформации, как это было принято при захоронении знатных майя. На зубах усопшего не было инкрустаций, привычных для аристократии майя и украшавших, например, челюсти тех покойников в преддверии святилища, которые были принесены в жертву перед входом в гробницу, чтобы охраняли душу покойного и прислуживали ей.

Губительный влажный воздух испортил праздничное облачение покойного, но драгоценности сохранились хорошо, например, ожерелье из более чем 1000 зерен нефрита, нанизанных в 9 рядов. На обеих руках покойного — браслеты, на каждом пальце — нефритовый перстень, в ногах — маленькая каменная статуэтка бога Солнца. Но самые изумительные драгоценности украшали голову покойного. К огромной диадеме было подвешено изображение бога — летучей мыши, пластинки серег были исписаны иероглифами, а во рту лежала раковина, которой покойный должен был «заплатить» за свое загробное пропитание. Лицо усопшего покрывала мозаичная посмертная маска, сложенная из более чем 240 кусочков нефрита, только для глаз были использованы обсидиан и кусочки перламутровых раковин.

На месте захоронения было найдено и много украшений из жадеита (зеленоватого минерала), а также великолепные изображения двух юношеских голов Ученые предположили, что, может быть, их «срубили» с храмовых статуй и принесли в жертву? *12 Теперь слепки с этих голов стали желанным призом на международных кинофестивалях, которые проводятся в Мексике.* Впоследствии было установлено, что А. Рус открыл гробницу правителя Пакаля, который пришел к власти в 12-летнем возрасте, а умер в 80 лет. «Мы были поражены его ростом, более высоким, чем у среднего индейца-майя, и тем, что его зубы не были подпилены или инкрустированы пиритом и нефритом, как это свойственно всем знатным майя, — писал А Рус. — В конце концов мы пришли к выводу, что этот человек мог быть немайякского происхождения, хотя и ясно, что он закончил жизнь в ранге одного из правителей Паленке».

Открытие А. Руса и так поставило перед учеными всего мира множество вопросов, а последняя его фраза породила поистине огромное количество самых различных версий и гипотез. Вновь стала обсуждаться давняя проблема: а не находится ли прародина майя в Египте, где стоят подобные же пирамиды, которые тоже служили гробницами? Некоторые исследователи даже предположили, будто какой-то европеец пересек Атлантический океан задолго до Х. Колумба, принес на землю майя свет новой культуры и управлял в Паленке в качестве обожествленногомонарха.

…У самой дороги, в каких-нибудь 50 метрах от парадной лестницы дворца Паленке, видна невысокая железная ограда. Внутри нее — скромный памятник из белого камня, сделанный в виде уменьшенной копии древнемайякского храма. Четкая надпись на одной из сторон монумента гласит: «Альберто Рус Луилье. 1906–1979». Он умер в далекой Канаде внезапно, от сердечного приступа, во время подготовки очередного Международного конгресса ученых-американистов. И похоронили главного исследователя Паленке там, где он провел столько трудных, но счастливых лет.

МАВЗОЛЕЙ ИМАМА ХУСЕЙНА

После смерти пророка Мухаммеда, скончавшегося в 632 году, сразу же разгорелся спор о его преемнике. Первое несогласие среди мусульман произошло по поводу принципа наследования власти, но в конце концов ученики Мухаммеда объединились вокруг «верного из верных» — Абу Бакра, которого и провозгласили первым халифом («заместителем» пророка). Однако не все были довольны таким выбором, и вокруг Али — двоюродного брата и зятя Мухаммеда — сгруппировались его сторонники. Они объявили, что лишь прямые потомки пророка могут быть вождями мусульман — имамами, которые получают сокровенные знания от Мухаммеда и передают его своим преемникам. Этих людей стали называть шиитами — от арабского слова «шиа» (группа).

Третьим шиитским имамом был Хусейн. В 681 году имам Хусейн шел из Мекки в Куфу, призванный туда теми мусульманами, которые считали, что власть в халифате должна принадлежать прямым родственникам пророка, а он был его внуком — сыном его дочери Фатимы и двоюродного брата Али. Отец имама Хусейна, первый имам шиитов, был убит и похоронен в Неджефе — городе, который стал главной шиитской святыней. Брат Хасан, второй шиитский имам, тоже погиб от рук убийцы…

Противники шиитов выслали навстречу небольшому отряду имама Хусейна войско под предводительством Зайада Убайдулы. Отряд имама Хусейна насчитывал всего 70 человек, и перебить их было нетрудно.

Мученическая смерть внука пророка оставила трагический след во всем шиизме. В память имама Хусейна каждый год устраиваются траурные шествия и действия, повторяющие события, происшедшие в октябре 681 года в Кербеле — когда-то небольшом оазисе, располагавшемся в пустыне в 150 километрах от Багдада. Потом здесь вырос великолепный город, ставший святым для мусульман-шиитов.

По дороге к этому городу в дни паломничества можно увидеть машины с привязанными к ним гробами, обмотанными черной материей. Все направляются в Кербелу, так как большой честью считается быть

похороненный у золотых мечетей этих святых мест. В прежние времена дни мухаррама (траура по имаму Хусейну) отличались самоистязанием верующих. Изображая битву при Кербеле, они наносили себе сильные удары цепями, а некоторые и ножами, так что не обходилось без телесных увечий.

В память о мученической кончине имама Хусейна в городе из года в год веками строились и украшались его мечеть и мавзолей. В возведении их участвовали и правители-сунниты — сторонники другого направления в исламе. К ним принадлежали представители династии Омейядов, вырвавшие власть из рук Али и его сыновей.

Массовые паломничества к могиле имама Хусейна начались уже через три года после его смерти, и страсти вокруг этих мест кипели на протяжении многих веков. В 850 году халиф аль-Мутаваккиль, решивший искоренить память об Алидах, повелел снести гробницу имама Хусейна и паломничество к ней запретить. Но как только халиф скончался, все вернулось на круги своя: гробницу восстановили, и паломничество к ней возобновилось. Впоследствии все мусульманские правители, в чьих владениях оказывалась территория Ирака с Кербелой, совершали паломничество к усыпальнице имама Хусейна.

В 1508 году Исмаил-шах, халиф из династии Сефевидов, завоевавший Багдад, повелел покрыть стены мавзолея имама Хусейна золотом. Следующий правитель, султан Османской империи Сулейман Великолепный, углубил и расширил канал аль-Хусейния, который снабжал Кербелу водой из Евфрата. И город быстро превратился в цветущий сад. Османские султаны и шахи соперничали друг с другом, внося богатые вклады в величие мечети и мавзолея. Например, в 1790 году Мухаммед-хан, основатель Каджарской династии, вновь покрыл купол мавзолея имама Хусейна золотом. А через 10 лет произошло самое драматическое событие в истории Кербелы: на город напали ваххабиты, выступавшие против культа святых, паломничества к их могилам, роскоши мечетей и т. д. Они не хотели мириться с великолепием, окружавшим святыню шиитов, и разрушили многие сооружения мечети и мавзолей имама Хусейна, а саму гробницу разворотили. Это кощунство вызвало большие волнения в шиитском мире, особенно в Персии, но уже через 10 лет святыня была восстановлена и украшена, и впоследствии великолепие ее продолжало возрастать.

В 1858 году Наирджин-шах расширил двор мечети, вновь покрыл купол мавзолея золотом и украсил айван мозаикой. Изумительна и поистине уникальна ограда мечети, с арочных сводов которой на стены «сбегают» мозаичные голубые венки, а сами стены представляют собой словно бы страницы из Корана. На них действительно белыми каллиграфическими буквами написан весь текст священной книги мусульман. В ограде восемь ворот, над главными высится башня голубого фаянса, в которую вмонтированы часы.

Роскошь и безграничная щедрость, с которыми устроено это святое для шиитов место, поражают всех паломников. Минареты мечети покрыты золотом и вместе с золотым куполом мавзолея издалека видны, создавая на фоне синего неба картину необычайной красоты. Гробница имама Хусейна расположена в центре двора, и те, кому посчастливилось войти

под своды знаменитого золотого купола мавзолея, видят огромную (шириной 4 и высотой 2 метра) гробницу, покрытую кованым серебром. Она предстает в мерцании яркого света, льющегося из окружающих ее светильников. Окна мавзолея закрывают шелковые и парчовые занавески.

МЕЧЕТЬ ОМЕЙЯДОВ В ДАМАСКЕ

Дамаск, столица Сирии, — один из древнейших городов мира, ему около 6000 лет. За столь долгую историю своего существования город видел много народов и завоевателей: в XIV веке до н. э. хетты, жившие в Анатолии и на севере Сирии, дошли до этого древнего поселения и назвали его Дамашиас. Полтора века спустя египетский фараон Тутмос III, который вел бесконечные войны с городами-государствами Сирии, захватил и Дамаску: так по-египетски звучало название этого города.

В начале X века до н. э. Дамаск стал столицей одного из сильнейших арамейских царств, а через два века город захватили ассирийцы, выселившие его жителей в Урарту. Правители династии Ахеменидов, Александр Македонский… — даже краткое перечисление завоевателей, нападавших на Дамаск, говорит о том, что судьба этого города не была безоблачной и благополучной. Завоеватели приходили и уходили, оставляя в облике города и его истории свои следы.

Тысячелетняя связь Дамаска с греко-римско-византийской культурой, начавшаяся после вторжения в Азию войск Александра Македонского, окончилась так же внезапно, как и началась. Всего одним штурмом город захватили персы-сасани-ды, но уже в 635 году его покорили арабы, и с этого времени начинается история Дамаска как мусульманского города.

Долгое время, после того как арабы захватили Дамаск, в главном храме города исполняли свои религиозные обряды и христиане (в правом крыле храма), и мусульмане (в левом крыле). Но, окончательно утвердившись в Дамаске и сделав город столицей своей империи, Омейяды попросили христиан подыскать себе другое место, однако еще долгое время в Сирии сохранялась взаимная веротерпимость: звон колоколов под гигантской базиликой, первоначально посвященной Иоанну Крестителю, чередовался с призывом муэдзина.

Но шло время, и Дамаск из второразрядного города, каким он был во времена пророка Мухаммеда и первых его преемников, превратился в столицу огромного халифата. Город рос, расцветал и богател, и халифы справедливо решили, что Дамаск должен иметь собственное святилище. К тому же к началу VIII века число приверженцев ислама возросло настолько, что грандиозная базилика Иоанна Крестителя *13 На протяжении многих веков на этом месте действовали, сменяя друг друга, разные культовые сооружения: святилище арамейского бога Хадада, римский храм Юпитера Дамасского и др.* с ее тремя 140-метровыми пролетами-нефами уже не могла вмещать всех мусульман, а христианам там и вообще не оставалось места. И тогда могущественный халиф аль-Валид ибн Абд аль-Малик, владения которого простирались от Китая (на востоке) до Атлантики (на западе), начал переговоры с представителями христианской общины Дамаска. Он предложил им уступить мусульманам свою часть базилики Иоанна Крестителя в обмен на разрешение беспрепятственно пользоваться пятью другими храмами города. Христиане заупрямились, и тогда халиф пригрозил, что прикажет разрушить церковь Святого Фомы, которая по

размерам была еще больше храма Иоанна Крестителя. И христианским старейшинам пришлось покориться.

Халиф Абд аль-Малик приказал разрушить базилику и убрать остатки римских сооружений, на месте которых она была возведена, после чего началось возведение мечети, «прекрасней которой не было и не будет». Строительство ее продолжалось все время правления этого халифа, который истратил на ее возведение семилетний доход государства. Когда ему доставили на 18 верблюдах бумаги со счетами, он даже не взглянул на них и сказал: «Это все истрачено ради Аллаха, так не будем жалеть об этом».

Мечеть Омейядов, ставшая поистине грандиозным сооружением, на протяжении веков служила образцом всему мусульманскому миру. У Великой мечети три минарета, каждый из которых имеет свое название: минарет Невесты, минарет Исы (Иисуса Христа) и минарет Мухаммеда. Мусульмане считают, что накануне Страшного суда Иса для борьбы с Антихристом спустится на землю возле своего минарета. И когда это произойдет, из минарета Невесты выйдет девушка из племени гассанидов: она была невестой Иисуса Христа на земле, но красавицу замуровали в стены башни, когда-то стоявшей на месте минарета.

В огромной мечети Омейядов до нашего времени сохранились великолепные декоративные композиции с уникальными архитектурно-ландшафтными изображениями, но есть в ней и множество таинственных и загадочных мест. Например, в глубине ее двора, среди колонн галереи, скрывается маленькая дверь, ведущая в часовню Хусейна. Все в Дамаске знают, что здесь — в капсуле под покрывалом, расшитом стихами из Корана, — покоится голова третьего шиитского имама Хусейна, убитого в сражении при Кербеле. Голова его была отсечена и доставлена в Дамаск сирийскому правителю Муа-вии, который приказал повесить ее на городских воротах — на том самом месте, где когда-то царь Ирод повелел выставить голову Иоанна Крестителя Легенда рассказывает, что соловьи запели в садах Дамаска так печально, что все жители города рыдали. И тогда халиф Муавия раскаялся в содеянном и повелел поместить голову имама Хусейна в золотой саркофаг и установить его в склепе, который позднее оказался внутри Великой мечети. Рассказывают, что там же хранятся волосы пророка Мухаммеда, которые он остриг перед своим последним паломничеством в Мекку. Около склепа мулла день и ночь читает Коран, и в этом уголке мечети постоянно слышится персидская речь, так как поток паломников из Ирана никогда не прекращается.

Капсула с головой Иоанна Крестителя тоже хранится в мечети Омейядов — в маленьком изящном павильоне с зарешеченными окошечками и с куполом, формой своей повторяющим перекинутую над ним арку. Как оказалась в Великой мечети голова Иоанна Крестителя? По рассказам, она была здесь всегда, но нашли ее только во время возведения мечети. Халиф хотел избавиться от нее, но едва дотронулся, как не мог сойти с места, и решил оставить реликвию в покое. На поклонение этой святыне приходят и христиане и мусульмане.

Рядом с Великой мечетью похоронен прославленный полководец Салах-ад-Дин, первый султан Египта из династии Ай-юбидов. Его жизнь пришлась на тот период, когда возникла сознательная потребность в

объединении и защите ислама. Поэтому на протяжении всей свбей жизни Салах-ад-Дин вел завоевательные походы, но в Средние века его воспевали за благородство и милосердие к побежденным им крестоносцам. Посреди парка, перед северо-западным углом мечети Омейядов, стоит прекрасный мавзолей с куполообразной крышей. Это и есть гробница Салах-ад-дина, скончавшегося в начале марта 1193 года. Стены мавзолея покрыты великолепным белым и синим фаянсом, а надгробный памятник, выполненный из белого мрамора, украшен цветочными орнаментами и вставленными цветными камнями. У изголовья, на покрывале из зеленого бархата с золотой бахромой, лежит огромная зеленая чалма. Неподалеку под стеклом — серебряный венок, подаренный в 1898 году императором Вильгельмом в знак восхищения великим султаном Салах-ад-Дином. Император пожертвовал также драгоценную серебряную лампаду, спускающуюся над деревянным надгробием.

Попутно расскажем, что о бурной истории первых веков ислама напоминают в Дамаске в основном гробницы. Так, например, вне стен старого города, на краю Гуты, расположилось внешне ничем не примечательное приземистое здание, окруженное айваном. Зато внутреннее убранство мечети просто великолепно: рисунок на ее стенах кажется прекрасным кружевом и гармонирует с огромной люстрой, сверкающей хрустальными подвесками. Поражает и пронзительная голубизна купола мечети, заставляющая вспомнить о персидской бирюзе. И на самом деле мечеть строили иранские мастера и на средства Ирана, но эта мечеть особенная — она женская, а таких не так уж много в мусульманском мире.

В мечети находится мавзолей, в котором похоронена Зейнаб — внучка пророка Мухаммеда. Известно о ней немного, но считается, что вместе с братом Хусейном она была в тот трагический день в бою под Кербелой. Зейнаб попала в плен к Зайду Убайдуле, сыну халифа Муавии, и в его обозе была доставлена в Дамаск. А потом мученически скончалась от 99 колотых и резаных ран. В мечеть Зейнаб приходят не только шиитки, но и все женщины, которые хотят попросить заступничества Аллаха.

Среди других знаменитых гробниц Дамаска выделяется захоронение эфиопа Баляля, соратника пророка Мухаммеда и первого в истории мусульманского муэдзина.

«КОЛОДЕЦ СМЕРТИ» В ЧИЧЕН-ИЦЕ

К началу испанского завоевания большая часть полуострова Юкатан была разделена между 16-ю небольшими индейскими государствами. Каждое из них называлось «кучкабаль», что испанцы перевели как «провинция». Между правителями этих государств велись непрерывные войны из-за спорных земель, ради добычи, рабов и т. д. Эти мелкие «кучкабаль» дважды объединялись в более обширное государственное образование, потом и оно распадалось, а к X веку власть на полуострове Юкатан захватили тольтеки. Их столицей стал город Чичен-Ица — самый могущественный в этом районе, и правители его собирали с соседних племен большую дань.

На полуострове Юкатан — плоской равнине, выжженной солнцем, — нет ни рек, ни озер, ни ручьев. Лишь редкие естественные колодцы (сеноты, представляющие собой карстовые воронки) постоянно хранят

драгоценную влагу. Там, где были сеноты, там и развивались центры цивилизации майя.

Место, на котором в VI веке был основан Чичен-Ица, *14 Чичен-Ица буквально означает «рот колодца, пасть».* в этом отношении было особенно благоприятным. Здесь желтоватая равнина прерывается сразу двумя сенотами, стоявшими друг от друга на расстоянии 800 метров. Один из колодцев был источником питьевой воды для города, на главной площади которого тольтеки построили ступенчатую пирамиду в честь своего бога Кукулькана. На расстоянии трех полетов стрелы от пирамиды располагался священный «Колодец смерти», почти в неизменном виде сохранившийся до нашего времени. В нем жил Юм-Чак — бог дождя и влаги. Если бог будет гневаться, то все на земле погибнет: деревья, растения, птицы, звери. Без дождя погибнут и сами люди, останутся только высокие горы и бездонное небо.

Священный колодец представлял собой омут огромных размеров, с желтовато-белыми стенами, покрытыми зеленью ползучих растений. Почти круглый, словно его специально кто-то выстроил, сенот достигал в диаметре — от одного края до другого — почти 60 метров. Расстояние от верхней кромки сенота до мутной глади воды — около 25 метров, а на дне его живут боги, и среди них могущественный Юм-Чак. Чтобы бог проявлял милость, ему нужны были многочисленные жертвы, особенно красивые девушки, он ждал их на дне священного колодца. Испанский священник Диего де Ланда писал в XVI веке:

«У них был обычай бросать в этот колодец живых людей в жертву богам во время засухи… Еросали также многие драгоценные вещи из дорогих камней и предметы, которые они считали ценными. И если в эту страну попадало золото, большую часть его должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывают к нему индейцы.»

После богослужений в святилищах Чичен-Ицы жрецы укладывали роскошно одетые жертвы на катафалк и несли по священной дороге к «Колодцу смерти». Паломники из окрестных городов собирались на церемониальной площади перед храмом-пирамидой, гремели барабаны, трубили изготовленные из морских раковин трубы и звучали торжественные гимны в честь бога Юм-Чака.

В конце священной дороги до наших дней сохранилось маленькое святилище, в котором жертвы, прежде чем стать невестами бога, проходили обряд ритуального очищения. Перед жертвоприношением им лазурью намазывали сначала грудь и бедра, а потом и все тело, затем на шею девушек надевали дорогие ожерелья, на руки — золотые браслеты с бирюзой, в уши вдевали серьги из горного хрусталя. Взяв жертвенных девушек за руки и за ноги, жрецы раскачивали их и бросали в водяной дворец Юм-Чака. Вслед им паломники кидали золото, нефритовые украшения и шарики благовонной смолы…

Но жертвоприношения были удобным способом и для сведения счетов. Именно так поступил один из правителей майя, Ах Меш Кук, отправив своего военачальника Хунак Кееля в Чичен-Ицу в качестве «посланца к богам», обитавшим на дне колодца. Правитель прекрасно знал, что эти «посланцы» никогда не возвращаются…

Один за другим исчезали в пучине «Колодца смерти» сбрасываемые вниз люди, приближалась очередь Хунак Кееля. Ив этот напряженный момент он принял важное решение: храбрец взбежал на платформу храма и на глазах изумленной толпы сам бросился вниз. Через несколько мгновений зеленая вода сенота вспенилась, и появившийся Хунак Кеелъ объявил, что разговаривал с богами и они повелевают ему стать правителем майя. Отвага молодого военачальника покорила толпу, ему бросили сверху веревку и вытащили из колодца. Ах Меш Кук вынужден был покориться «воле богов» и уступить царский трон.

Многие из завоевателей-конкистадоров слышали о священном «Колодце смерти» и золоте, похороненном на его дне, и многие хотели достать его. Но Юм-Чак и после завоевания Мексики европейцами долго охранял своих невест и свои сокровища, так что алчным кладоискателям приходилось с трудом пробивать себе дорогу. В 1885 году решил попытать счастья и американец Эдвард Томпсон. Он не был легковерным кладоискателем, поэтому сначала отправился в библиотеку и стал изучать литературу о древнем городе Чичен-Ица. А потом нанял двух опытных греческих водолазов, однако позже и ему самому пришлось спускаться в колодец.

Сначала грейфер, погружаясь в илистое дно сенота, вытаскивал одну только грязь, полусгнившие ветки да кости диких животных. Рядом с колодцем постепенно вырастала коричневая гора, и других результатов пока не было. Потом археологи нашли два коричневых яичка, очистили их от грязи, и оказалось, что это шарики копаловой смолы, запах которой сопровождал все обряды и ритуалы народа майя. А затем в сетке появилась и первая хульче — примитивное деревянное оружие, которое часто встречается на изображениях тольтекских воинов.

Однако Э. Томпсон искал на дне колодца доказательства человеческих жертвоприношений, и однажды грейфер поднял прекрасно сохранившийся череп молодой девушки, потом второй, третий… Вот тогда американец вместе с греческими водолазами и начал свое первое погружение на 25-метровую глубину. Первые пять метров воду еще пронизывали лучи солнца, глубже наступала уже полная темнота. Греки привезли с собой подводный прожектор, но и он не мог прорезать шоколадно-коричневую кашу, которой были заполнены две трети сенота.

Изо дня в день водолазы прощупывали вековой ил, чтобы найти то, чего не могла поднять со дна землечерпалка. И надежды Э. Томпсона вскоре стали осуществляться: были найдены десятки индейских предметов — нефритовые статуэтки, 20 золотых колец, золотые фигурки лягушек, скорпионов и других живых существ, прекрасная золотая маска, глаза которой были закрыты, словно она изображала мертвого. День за днем Э. Томпсон и его помощники погружались на дно колодца и нашли еще десятки хульче, а также извлекли из грязи более 100 золотых колокольчиков. У всех у них, еще до того как их бросили в «Колодец смерти», были вырваны язычки. Ведь индейцы верили, что вещи тоже живут, поэтому жрецы убивали жертвенные предметы так же, как приносили в жертву людей. Был найден и жертвенный нож с рукоятью в виде змеи: такими ножами жрецы вырезали у своих жертв сердце.

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА В КИЕВЕ *15 Глава составлена по материалам исследований Л А Проценко.*

Жемчужиной Киевского некрополя можно было бы назвать «Аскольдову могилу» — бывшее городское кладбище, которое во время своего существования считалось самым замечательным как по месту расположения, так и по художественной ценности надгробий, стоявших над могилами похороненных в них людей. В «Путеводителе по Киеву», изданном в 1913 году, сказано: «На кладбище почивают многие общественные, военные и административные деятели, имена которых известны далеко за пределами Киева. И Аскольдову могилу должен посетить всякий, кто хоть на несколько дней приедет в Киев». Известно, что декабрист Н Бестужев-Рюмин желал, чтобы его тело после казни перевезли в Киев и похоронили на Аскольдовой могиле.

Местность, называвшаяся Аскольдовой могилой, расположена на высоком берегу Днепра. Здесь, по преданию, в IX веке был похоронен киевский князь Аскольд.

Древний Киев лежал на большой дороге «из варяг в греки» — из северных стран, населенных храбрыми и воинственными варягами, в богатую и торговую Грецию. Русские летописи сообщают, что два варяжских рыцаря — Аскольд и Дир — вышли из Новгорода, овладели Киевом и стали в нем княжить. Сначала они, отправляясь из Новгорода, хотели добраться до Царьграда (Константинополя), чтобы поступить там воинами в особую варяжскую дружину. Став киевскими князьями, они изменили свое намерение и решили идти на Царьград уже войной. Собрав большую дружину, они посадили своих воинов на ладьи и поплыли к Царьграду-Константинополю (нынешнему Стамбулу). Устрашенные многочисленной киевской ратью, греки не надеялись отразить врагов, и тогда патриарх Константинопольский с молебными песнопениями вынес из Влахернского храма Пречестную ризу Пресвятой Богородицы и с молитвой погрузил ее в море. Молитва христиан была услышана, внезапно на море поднялась сильная буря, которая разметала ладьи киевлян в разные стороны. Когда буря миновала, князья Аскольд и Дир, свидетели свершившегося чуда, приняли в Царьграде христианство. В святом крещении Аскольд был наречен Николаем, а Дир — Илией.

После этого они княжили в Киеве недолго. В 882 году Новгородский князь Олег пришел на ладьях к Киеву и пристал к берегу близ Печерской возвышенности — против слияния протока Черторын и с Днепром. Новгородские воины были спрятаны в ладьях, а князь Олег назвал себя «варяжским гостем» — купцом. Не подозревая обмана, Аскольд и Дир вышли к своим землякам, но на береговом уступе их внезапно окружило новгородское войско. Киевские князья были убиты, и Аскольда погребли тут же — на месте его мученической смерти, которое с тех пор называется Аскольдовой могилой. Тело погребли далеко от Днепра — на месте, где впоследствии был возведен Ирининский монастырь.

Великая княгиня Ольга, чтобы почтить память первого христианского князя Киевского, построила над могилой Аскольда церковь во имя Святого Николая. *16 При церкви Святого Николая, как полагают ученые, сначала был женский монастырь, который потом преобразовали в мужской.* До настоящего времени эта церковь не сохранилась, а каменный одноглавый храм, ныне находящийся над

Аскольдовой могилой, был выстроен в 1810 году купцом Мещеряковым. В 1867 году, в память 1000-летия крещения Аскольда, был установлен ежегодный крестный ход на Аскольдову могилу, который совершается 2 июля — в день положения Пречестной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне.

С 1796 года эта живописная, спускающаяся террасами к Днепру местность, принадлежавшая Никольскому мужскому монастырь, стала общественным кладбищем, на котором в основном хоронили представителей привилегированных слоев населения. В 1810 году вместо прежней деревянной церкви по проекту киевского архитектора А.И. Меленского возводится новая каменная церковь во имя Николая чудотворца, а еще через пять лет был подписан контракт с известным иконописцем О. Белецким на роспись стен, алтаря и купола внутри церкви.

Однако в 1845 году захоронения на кладбище запрещаются, а вскоре его вообще закрывают, опасаясь сползания фунта из-за начавшегося строительства моста над Днепром. В 1847 году русский император Николай I, осмотрев церковь кладбища, которую предполагалось снести, приказал отремонтировать ее, а кладбище сохранить. В 1866 году Аскольдову могилу обнесли каменной оградой, и с 1872 года на кладбище вновь разрешено было хоронить.

До середины XIX века захоронения на кладбище располагались весьма хаотично, но в 1880-е годы на должность кладбищенского смотрителя был назначен иеромонах Рафаил — человек энергичный и образованный. Он с жаром взялся за благоустройство кладбищенской территории: его усилиями весь склон горы, занятый кладбищем, был разбит на террасы, проложены лестницы и дорожки, установлены скамейки и т. д. Иеромонах Рафаил построил также оранжерею, где выращивали цветы и другие растения для украшения могил.

Но после Октябрьской революции, в последний день мая 1919 года, Коллегия коммунального хозяйства Киева постановила кладбище закрыть в связи с его переполнением и создать «заповедник с образованием в церкви музея… и передачей всей территории в ведение Всеукраинского музейного городка под постоянным наблюдением инспектуры охраны памятников культуры, с организацией специального штата экскурсоводов и изданием путеводителей». А в декабре 1934 года Киевский горсовет постановил «Аскольдову могилу как кладбище ликвидировать… поскольку некрополь составляет лишь часть большого парка». И началось безжалостное уничтожение памятников, из которых только 15 были переданы Художественному институту в помощь занятиям студентов. Небольшое количество захоронений родственники перенесли на другие кладбища Киева, все остальное было разбито.

К настоящему времени захоронения не сохранились даже в склепе церкви, утерян и первоначальный план кладбища, на котором за весь период его существования было произведено 1902 захоронения.

Хоронили на Аскольдовой могиле людей, принадлежавших к самым разным слоям общества: от революционеров-народников до губернаторов и сиятельных князей. Много здесь упокоилось людей военных — участников войн 1812 года, Русско-турецкой и Первой мировой… 2 февраля 1918 году в братской могиле были похоронены 18 студентов, защищавших

независимость Украины и убитых в сражении с большевиками под Крутами. С Аскольдовой могиле связаны одноименный роман М.Н. Загоскина, опера А.Н. Верстовского, а также популярная трагическая песня А.Н. Вертинского «Я не знаю — зачем, я не знаю, кому это нужно…», посвященная юношам, погибшим в Гражданскую войну.

Надгробные сооружения Аскольдовой могилы по своей форме были очень разнообразны — от простых деревянных крестов до величественных склепов. Например при входе на кладбище, на возвышенности, стояла пятиглавая часовня-усыпальница инженера путей сообщения П.Н. Зобницкого, сооруженная в романском стиле. Рядом с часовней во имя Николая Чудотворца располагался семейный склеп дворян Турчаниновых, построенный в византийском стиле с голубым куполом, украшенным золотыми звездами. Пол этого склепа был выложен плитами из белого и серого мрамора.

К наиболее интересным надгробиям Аскольдовой могилы можно отнести белоснежный склеп, в котором погребли известного в России антрепренера Н.Н. Соловцова, организовавший в 1891 в Киеве году знаменитый Соловцовский театр. На входом в его склеп был установлен фигурный крест, вокруг которого полукругом шла надпись: «Блажении милостивш яко тие пожаловании будут». Прах Н.Н. Соловцева в 1935 году был перенесен на Зверинецкое кладбище, а в 1970 году перезахоронен на Новом Байковом кладбище, где ему и его жене, актирисе М. Глебовой, поставили памятную стелу. После Аскольдовой могилы на Лукьяновском кладбище упокоился знаменитый летчик П.Н. Нестеров, впервые исполнивший фигуру высшего пилотажа — «мертвую петлю» — и погибший в Первую мировую войну в воздушном бою над полями Галиции при совершении первого в истории войн тарана вражеского аэроплана. На Зверинецкое кладбище перенесли прах собирателя старины В.В. Тарновского, лично знавшего украинского кобзаря Т. Г. Шевченко.

Но многие могилы Аскольдовой могилы, как указывалось выше, к сожалению, сровняли с землей, а надгробные сооружения были использованы в других целях. Такая судьба постигла массивный памятник из белого мрамора, который был установлен на могиле известного киевского профессора-терапевта Ф.Ф. Меринга, могилу адвоката Л. Куперника — отца известной писательницы и переводчицы Т.Л. Щепкиной-Куперник и другие. На могиле ротмистра Бориса Чиважевского стоял памятник из черного лабрадора, вся поверхность которого была испещрена проникновенными стихами. Смысл этих надгробных эпитафий заключался в сопоставлении страданий Пресвятой Богородицы и обычной женщины, потерявшей сына в Первую мировую войну.

Вот сын одной лежит во гробе,
Безмолвный, снятый со креста,
А сын другой на бранном поле
Принял мучительный конец…
И тихо плачут матерь Бога
И человеческая мать…

В годы Великой Отечественной войны территория парка «Аскольдова могила» использовалась для захоронений умерших, немецких солдат. После войны вокруг храма Николая Чудотворца хоронили советских воинов-героев, но потом их могилы перенесли в располагавшийся поблизости Парк вечной славы. В 1952 году все парки на правом берегу Днепра, включая и Аскольдову могилу, были объединены в единый Центральный городской парк культуры и отдыха.

ГИННОМСКИЙ НЕКРОПОЛЬ И ГАКЕЛЬДАМА

До Вавилонского плена у подножия Елеонской горы располагались царские сады, и потому кладбища для простого народа здесь не устраивались. Если тут и могли быть гробницы, то только царские или уцелевшие от иевусеевского периода истории Иерусалима. Но уже в первые годы после возвращения из плена царские сады здесь были заброшены, и культ Молоха, имевший на Тофете свой жертвенник, навсегда исчез из Иерусалима.

Некоторые ученые относили образование Гинномского некрополя (или Тофета) к временам христианским, так как на многих гробницах имелись греческие надписи, изображения крестов, а во внутренних погребальных камерах — следы христианской живописи. Однако следует учитывать, что гробницы Тофета были расширены и переделаны позднее; есть и свидетельства о том, что с V века в них селились отшельники, причем отвоевывали гробницы у шакалов, гиен и змей. Некоторые гроты были так тесны, что в них нельзя было стоять прямо, а только на коленях или согнувшись, поэтому и возникла необходимость их расширения. Впоследствии часть из них была приспособлена к потребностям христианского богослужения и обращена в подземные церкви и капеллы.

В XIII веке гробницы Гинномского некрополя вместо своих первоначальных названий носили имена подвизавшихся в них святых (например известны гробницы Онуфрия, Гонория и др). Исчезли и древнееврейские надписи, уже не соответствовавшие новому назначению гробниц Тофета. К XIV веку, когда отшельники покинули свои кельи, некрополь сделался местом погребения христианских паломников, а потом гробницы вновь были заселены уже не отшельниками, а бедными феллахами, устроившимися в них со своими семьями. По некоторым сведениям, в Гакельдаме одновременно с христианами погребались и евреи-караиты, хотя неизвестно, откуда заимствованы подобные сведения. По еврейскому преданию, в одной из катакомб Тофета был погребен Иуда, так как весь некрополь предназначался для погребения лиц, не имеющих собственных гробниц.

В центре Гинномского некрополя, на самом высоком его месте, стоит большое четырехугольное здание, которое называется «Гакельдама» («цена крови»). Стоит оно на поле Ску-дельничем, купленном на деньги Иуды, полученные им за предательство Иисуса Христа. По своей архитектуре Гакельдама принадлежит двум эпохам: нижняя половина его, глубоко вросшая в землю, частью высечена в скале, частью сложена из больших камней. Верхняя же часть строения со сводами относится уже к эпохе крестовых походов, когда Гакельдама поступила в распоряжение Ордена иоаннитов.

К востоку от Гакельдамы находится гробница, известная под названием «Грот апостолов» По преданию XIV века, в нем скрывались апостолы во время взятия Спасителя иудеями. Сначала эта гробница имела пять камер с нишами, но потом камеры частью были расширены отшельниками, частью соединены вместе, так что образовалось только две камеры Гробница предваряется открытым вестибулом, на стенах которого можно обнаружить византийские фрески. Особенно же замечателен фриз с разнообразным орнаментом над входом в вестибул: на нем изображены виноградные гроздья, концентрические круги и другие рисунки. Орнаменты эти свидетельствуют, что гробница принадлежала весьма влиятельной в Иерусалиме семье.

Христианское предание приписывает устройство гробницы равноапостольной царице Елене, однако эта версия противоречит сама себе, так как выше уже указывалось, что, по тому же преданию, в ней укрывались апостолы Возможно, имя царицы Елены упоминается в связи с попыткой переделать гробницу в капеллу, посвященную имени апостолов? Эта гробница чаще других посещается христианскими пилигримами, о чем свидетельствует множество имен на ее стенах.

Большая каменная лестница и высеченная в скале дорожка вели в глубину Геенской долины, где посреди между Гакель-дамой и гробницей апостолов находится портал третьей из гробниц Генномского некрополя, которая считается памятником первосвященника Анны. Сквозь полукруглый вход паломники попадают в первое преддверие погребальных камер. Потолок их высечен в виде купола, лежащего на полуколоннах. Рассказывают, что до 1838 года все верхние камеры этой гробницы были наполнены скелетами и черепами, причем в каждой из камер находился особый вид черепов. Например, в камерах правой западной стороны размещались черепа эфиопов, левой — монголов, а в южной стороне были сложены черепа европейцев. Потом эти камеры были превращены в гробницу для погребения христианских паломников.

Так как археологи обнаружили, что количество черепов, превышает число погребальных лож, то они сделали вывод, что христианские погребения не приспосабливались к древнему устройству гробниц. Особенно замечателен в них способ закрытия входа, над которым висел камень, образующий род навеса. Подобно двери, он поворачивался на оси сверху вниз так, что, описавши полукруг, из навеса превращался в дверь, закрывающую вход.

Недалеко от памятника первосвященника Анны нужно искать и загородный дом его тестя — первосвященника Каиафы, находившийся на горе Злого совещания.

Несколько ниже Грота апостолов и гробницы первосвященника Анны находится высеченный в скале двор, на котором размещаются три гробницы. Над входом одной из них (в северной стороне) сохранились остатки надписи: «…отдельная гробница Феклы, честной игуменьи Тивериадского монастыря Георгия». Прибывшая из Тивериады игуменья, конечно же, не могла иметь собственного места для погребения, поэтому и была похоронена в одной из пустых древнееврейских гробниц. Гробницу на восточной стороне двора, состоящую из одной погребальной камеры, отшельники превратили в келью и даже пробили в ней окно в Геенскую

долину.

На самом восточном краю Гинномского некрополя обращает на себя внимание гробница с высоким вестибулом, наполовину заложенным камнями, и большой погребальной камерой, некогда служившей церковью. В потолке ее до сих пор можно увидеть Всевидящее око.

К западу от Гакельдамы расположена группа полуразрушенных гробниц, которые в XIV веке назывались «гробницами святого Онуфрия», а сейчас арабы называют их «римским раем». По свидетельствам паломников XII века, в камере одной из гробниц совершались вселенские панихиды за всех христиан, умерших в Палестине. Почти на самой западной границе Гинномского некрополя высоко над дорогой поднята гробница, известная у путешественников под названием немецкой. Десять грубо высеченных исполинских ступеней ведут в погребальную камеру с тремя ложами. В позднейшие времена камера была расширена, притом так неумеренно, что в одном углу стену гробницы пробили насквозь.

Гакельдама служила местом погребения паломников до XVI века, но потом странников стали хоронить в другом месте, потому что жители Силоамского селения стали грабить покойников, а их трупы оставлять на съедение зверям и собакам.

МАВЗОЛЕИ БУХАРЫ

Самой древней архитектурной достопримечательностью Бухары является мавзолей Саманидов. В начале 1920-х годов в этом районе располагалось запущенное городское кладбище времен эмиров. И чтобы добраться до мавзолея, нужно было брести мимо могильных холмов и провалов, из которых местами торчали человеческие кости и грязные саваны, а в воздухе стояли запах тлена и желтая пыль. Среди всего этого запустения мавзолей врос почти на треть своей высоты в бугры близлежащих погребений. Купол его наполовину провалился, с северной стороны к усыпальнице пристроили мечеть, в сагане (надгробие определенной формы), находившейся внутри мавзолея, проделали два отверстия — в головной части и в ногах. В одно отверстие верующие клали свои записки с просьбами, а из другого извлекали ответ, подготовленный муллами. Перед Великой Отечественной войной на этом месте был разбит парк культуры и отдыха.

У одной из дальних аллей, на открытой площадке, теперь и высится отреставрированный в 1934 году мавзолей, естественно вписавшийся в пышную зелень парка. Народные предания и вакуфный документ связывают возведение этой усыпальницы с именем Исмаила — основоположника могущественной династии Саманидов и одного из самых выдающихся ее представителей. Согласно этим сведениям, здание построено еще при жизни эмира Исмаила для погребения в нем его отца, умершего в 892 году. Однако научные исследования приходят к другому выводу: есть сведения о существовании в этом месте мазара эмира Ахмеда (отца Исмаила), местонахождении здесь могилы самого Исмаила, наличии в доске над входом в мавзолей имени Насра, старшего брата Исмаила, и т. д. Эти факты позволяют ученым утверждать, что мавзолей — фамильная усыпальница династии Саманидов, возведенная на рубеже IX–X веков.

Возведение намогильных памятников на первых порах категорически противоречило основным установлениям ислама. Считалось,

что погребение мусульманина должно быть аскетическим и над ним не должно сооружаться никакое здание — ни гробница, ни просто купол. Даже представителей высшего духовенства и знати погребали или просто в могилах, или в лучшем случае при мечетях. Тело усопшего заворачивали в саван и укладывали в могилу (головой в сторону Мекки), над могилой возвышался лишь небольшой холмик, который иногда обкладывали камнями или втыкали в него две палки — у ног и изголовья.

Но проходило одно столетие, другое — и вопрос как обессмертить память о повелителе, властно встает перед искусством мусульманских стран. А кто как не халиф — верховный духовный и светский феодал — мог быть удостоен памятной усыпальницы? Династический мавзолей Саманидов и стал самой ранней из дошедших до нас усыпальниц Средней Азии.

Сооружению мавзолея предшествовало время развития математических знаний (особенно геометрии), поэтому опытные мастера могли уже предварительно спроектировать здание и рассчитать его пропорции. В архитектуре такой тип сооружения называют центрической композицией: основную массу мавзолея составляет куб, стены которого слегка скошены кверху, а венчает его сферический купол.

Мавзолей Саманидов представляет собой почти кубическое здание с чрезвычайно толстыми стенами (1,8 м). Он не имеет главного фасада, так как все его стороны одинаковы. Середина каждой стороны прорезана большой стрельчатой аркой, по углам возведены массивные цилиндрические колонны — без базы и капителей. Все входы обрамлены составленными из кирпичных кружков прямоугольными рамами, в которые вделаны железные решетки. За парадный вход принято считать восточную сторону, имеющую деревянную балку с датой и надписью.

По верху мавзолея, опоясывая его со всех сторон, проходит аркада из небольших стрельчатых окон — по Юс каждой стороны. Особый интерес в усыпальнице Саманидов вызывает конструкция перекрытия: на массивных стенах здания, на уровне аркады, возведена сквозная галерея, которая разгружает купол мавзолея и придает легкость всему сооружению.

В этот период в строительстве начинают применять высококачественный обожженный кирпич и алебастровый раствор. Чередование кирпича, положенного горизонтально и под углом, плашмя и вертикально, по диагонали и в «елочку», заменяло отсутствующую в то время цветную поливу. Посредством такой кладки мастера сумели достичь исключительного художественного эффекта, и плоские стены мавзолея оказались покрытыми своеобразным орнаментом, который оживил их и придал им мягкость и нежность. Стены как будто раздвинулись и стали прозрачными. В течение дня орнамент меняет свой затейливый рисунок при разном наклоне солнечных лучей, но всего красивее он при лунном освещении.

В X веке мавзолею Саманидов не было равных, не было и похожих на него ни в самой Средней Азии, ни в других странах мусульманского мира. И хотя возведение его было тесно связано с традициями местного согдийского зодчества, но в его архитектуре уже чувствовалось живое творческое начало. Новаторство строителей мавзолея прежде всего и сказалось в применении жженого кирпича, который до этого использовался

лишь в некоторых ответственных конструкциях или декоративных деталях. В мавзолее Саманидов он уже царствует безраздельно, создавая эстетический эффект всего сооружения.

В городском парке Бухары расположен и мазар Чашма-Аюб, представляющий собой сложное прямоугольное здание. Оно состоит из четырех помещений, возведенных в разное время и расположенных анфиладой с запада на восток. Самое древнее из них перекрыто высоким куполом.

Внутри мазара до сих пор сохраняется источник холодной воды, и легенда связывает его с именем библейского Иова, который прибыл сюда в то время, когда не было еще самой Бухары. Год тогда был засушливый, и жители, изнывавшие от жажды, обратились к Иову за помощью. Он ударил своим посохом в землю, и из нее забила холодная вода. Отсюда и произошло название памятника: Чашма-Аюб означает «Источник Иова». По-видимому, этот источник существовал давно, но раньше он назывался «Источник немощный».

Над входом в древнее (западное) помещение висела плита, на которой указывалось, что здание это построил Тимур. В XIV веке к древнему помещению мазара были пристроены два новых, а во второй половине XVI века и последняя часть, представляющая собой низкий портал с двумя фланкирующими полубашнями. Все четыре помещения увенчаны куполами, и ни один из них не повторяет другой.

В восточной части Самарканда расположился возведенный в XIII–XIV веках мавзолей Сайфуддина Бохарзи — шейха и писателя-богослова. Этот архитектурный памятник состоит из двух помещений — зиаратхана (места молитвы) и гурхана (усыпальницы). С восточной стороны к нему примыкает огромный портал, построенный много позже. По обе стороны его были возведены две тяжелые башни, внутри которых имеются ходы на крышу. Во втором помещении раньше находились надгробия с деревянными футлярами, являвшимися шедевром художественной резьбы и раскраски по дереву.

Рядом с мавзолеем Сайфуддина Бохарзи расположен мавзолей Буян-Кули-хана, возведенный в XIV веке над могилой монгольского хана, убитого в 1358 году. Этот мавзолей разделен на два помещения: большое перекрыто приземистым куполом без барабана, а в малом находилось богатое майоликовое надгробие. По углам мавзолея расположены декоративные колонны, а внутри стены проходит темный узкий коридор.

Снаружи и изнутри мавзолей Буян-Кули-хана богато декорирован поливной терракотой голубого, синего, фиолетового и белого цветов. Мотивы орнаментов — геометрические фигуры, растительные побеги и т. д.

В юго-восточной части Бухары, за пределами городских стен, некогда размещался мавзолей Бобои-Порадуза. Здесь еще в начале XX века находился мазар с комплексом архитектурных сооружений (мавзолеем, мечетью, служебными помещениями для паломников, хаузом и колодцем). Теперь от всего этого осталась лишь центральная часть мавзолея, в котором когда-то был погребен Бобои-Порадуз и в честь которого был назван весь мазар.

Бобои-Порадуз, глава цеховой организации (или даже основатель ее), считался покровителем всех ремесленников, которые имели дело с

иглой — сапожников, портных, золотошвей и т. д. Имя его в переводе с фарси означает «дед, ставящий заплаты», и с этим его именем связано множество легенд. Одна из них рассказывает о человеке, который, собираясь совершить паломничество в Мекку, попросил Бобои-Порадуза изготовить ему в дорогу прочную обувь. И мастер изготовил ее из арбузной корки, но убедил заказчика в прочности своего изделия. И действительно, через несколько лет странствий паломник вернулся в обуви, не потерявшей своего первоначального вида. С тех пор слава о Бобои-Порадузе, как об искусном мастере, разнеслась по всей округе, и ремесленники единодушно избрали его своим пиром (главой).

По другому преданию, если «прахом от мазара Бобои-Порадуза присыпать рану, то он мгновенно принесет исцеление». Еще в XX веке поклонение мавзолею этого мастера было так велико, что едущие мимо него сходили с лошадей, а пешие снимали шапки. Все ремесленники, считавшие Бобои-Порадуза своим покровителем, раз в 3–4 года устраивали на мазаре свои собрания. Для таких собраний организовывались общие угощения, а по вторникам — во время Нового года — особые женские гуляния.

Мавзолей Бобои-Порадуза был однокомнатный, но состоял из двух частей — центральной (с саганой, входом с одной стороны и михрабом) и боковой, образованной небольшими уступами стен центральной части. На всех стенах располагались прямоугольные ниши, начинавшиеся от верха каменного цоколя. Сагана располагалась на низкой прямоугольной платформе и, занимая значительную часть площади, смещалась к восточной стороне помещения. Пол мавзолея был выложен из кирпича — целого и обломков различной формы, среди которых ученые обнаружили несколько фрагментов неполивной терракоты.

До 1813 года над памятником не было никакого сооружения, и кирпичи с его разрушающихся стен часто использовали для сооружения других надгробий. Но потом почитатели Бобои-Порадуза на свои деньги восстановили некоторые разрушающиеся части сооружения, однако и они вскоре пришли в негодность. Так что на рубеже XIX–XX веков мавзолей пришлось возводить заново: строили его на остатках двух стен, но без соблюдения их ориентации, а следовательно, и первоначальной планировки.

Мавзолей Бобои-Порадуза — одна из немногочисленных усыпальниц, предназначенная для захоронения представителя не правящей династии, знати или духовенства, а человека ремесленного. Но возведение подобного мавзолея было делом не случайным, так как к XIV веку относится возникновение культов над могилами Сайд Амир Кулаля (покровителя гончаров) — близ Гиджувана, Баховаддина Накшбенда (покровителя ткачей) — близ Бухары и других городов.

В СЛАВНОМ ГОРОДЕ ВЕРОНА

У подножия Восточных Альп раскинула свои улочки древняя Верона, с незапамятных времен считавшаяся ключом к Северной Италии. Здесь, в крутой излучине реки Адидже, строили свои укрепления венеты, реты и этруски, чтобы противостоять воинственным германцам, которые приходили с севера через Альпийские перевалы. Но впоследствии край этот был завоеван Древним Римом, чьи легионы явились сюда с юга —

из-за реки По. Верона побывала в руках ломбардцев и франков, четыре века назад над нею властвовала Венеция, ею владели французы и австрийцы. Разные народы побывали в этом городе, и все они оставили зримые следы своего пребывания.

Верона ошеломляет и завораживает каждого, кто приезжает сюда, сияющей мозаикой залитых солнцем площадей, узких улиц, изящных дворцов и суровых средневековых церквей и замков. Этому городу посвящали восторженные строки Петрарка и В. Шекспир, И.В. Гете и Д.Г. Байрон, Ч. Диккенс и Б. Шоу и многие другие великие писатели, поэты и художники. Проходят века, сменяются поколения, но прекрасная и удивительная Верона пленяет и поныне роскошью Листона — площадки вокруг римского амфитеатра, а также множеством художественных памятников, которые превратили город в музей под открытым небом. И первое место в ряду таких памятников по праву занимает базилика Сан Дзено (святого Зенона) — гордость и слава Вероны. Она построена в начале XII века на месте храма, разрушенного землетрясением.

Нижний фриз рельефов в люнете базилики целиком посвящен чудесной истории святого Зенона — епископа Вероны. По преданию, он мог изгонять демонов и однажды во время рыбной ловли увидел, что к реке мчится повозка, запряженная быком, одержимым злым духом. Зенон силой дарованной ему власти изгнал из быка беса и спас сидящего в повозке возницу.

В другой раз, как рассказывает предание, злой дух вселился в дочь императора Галлиена, и тот послал за святым солдат, которые застали его у моря. Зенон снова ловил рыбу, но, узнав о приглашении императора, стал быстро собираться. Он подарил солдатам три рыбы, но тем показалось мало, и они утащили четвертую. Когда же императорские посланцы стали варить рыбу, то увидели, что украденная рыба остается живой даже в кипящей воде. Устыдившись, солдаты вернули ее епископу, раскаялись и получили от него прощение. После этого Зенон отправился во дворец и изгнал злого духа из дочери императора. Пораженный Галлиен в знак благодарности подарил святому свою корону, но тот разбил ее на куски, которые раздал беднякам.

Зенон относился в Италии к числу наиболее почитаемых святых, поэтому в IX веке, при императоре Пипине, мощи его были торжественно помещены в крипту посвященного ему собора.

Базилика святого Зенона, наверное, самая знаменитая, но далеко не единственная в Вероне церковь, обладающая замечательными произведениями искусства. Вдоль реки Адидже чуть позже, чем Сан Дзено, было построено еще несколько церквей, представляющих интерес своим архитектурным и внутренним убранством. Внутри Вероны река описывает большую плавную дугу, и в центре этой дуги расположилась прекрасная площадь Дей Синьории. А на противоположной стороне гигантской петли замок Скалигеров вздымает свои тяжелые крепостные башни на невысоком обрывистом берегу, перебросив через реку мост с зубчатыми стенами.

Сейчас в замке (его называют Кастельвеккио) расположился музей Вероны с богатой и разнообразной коллекцией произведений искусства Северной Италии. Нижний этаж музея отдан под экспозицию скульптуры, и

уже в первом зале взорам посетителей предстает интересный саркофаг XII века, украшенный рельефами со сценами жизни святых Сергия и Вакха. И хотя искусствоведы отмечают, что фигуры изображенных людей несколько неуклюжи, головы их непропорционально высоки, а черты лица неподвижны, однако их жесты и движения по-своему правдивы. Так что несмотря на условность, вся сцена являет собой редкую художественную убедительность.

И конечно же Верону нельзя себе представить без Ромео и Джульетты — отпрысков враждующих семей Монтекки и Ка-пулетти. Ученые отмечают, что, вероятно, это был реальный исторический факт. Первым о юных влюбленных поведал миру в XVI веке Луиджи да Порто в своей «Истории благородных любовников». Однако сам автор ссылался на некоего Пеллегрино да Верона, а тот в свою очередь «раскопал» историю, какой «нет печальнее на свете», в хрониках времен тирана Бартоломео делла Скала. А потом уж и В. Шекспир позаимствовал знаменитый сюжет у своих предшественников.

Главная площадь Вероны — пьяцца Эрбе — видела за свою долгую историю многое, в частности, в XVI веке здесь оглашали правительственные указы и приговоры судов. И вполне возможно, что по ней бродил ночами влюбленный, тоскующий Ромео… На этой самой площади Самсон, слуга семьи Капулетти, мог показать кукиш Абраму — слуге семьи Монтекки, что привело к побоищу и грустным последствиям, известным всему миру…

В нескольких шагах от площади, на улице Виа Капелла, стоит дом № 27. Замковый камень ворот украшен гербом семьи дель Капелло, бывших его хозяев. Во дворе, справа, расположился небольшой домик, в котором, как утверждают гиды и стоустая молва, жила Джульетта. Сейчас в этом домике никто не живет, крепко закрыты створки деревянной арочной двери с висячей железной ручкой… Над дверью тускло поблескивают два затейливых, зарешеченных окна, а чуть ниже их, слева, — небольшой мраморный балкончик, на который наползают с соседней стены лозы вьющегося винограда. Дворик всегда полон народа, и все ожидающе вглядываются в окна, словно надеясь увидеть юную Джульетту.

В южной части Вероны, на улице Виа дель Понтьере, таится древний монастырь капуцинов, в сводчатом подземелье которого установлен саркофаг из красного мрамора. Утверждают, что когда-то в нем покоились останки верной Джульетты, но сейчас саркофаг пуст…

СОФИЙСКИЙ СОБОР В КИЕВЕ

После смерти киевского князя Владимира между его сыновьями разгорелась длительная борьба за великокняжеский престол. В 1019 году великим князем киевским становится Ярослав — сын князя Владимира и полоцкой княжны Рогнеды. В годы его правления Киевское княжество достигло своего наивысшего расцвета: он разгромил печенегов, небезуспешно совершал походы в Прибалтику, основал ряд городов — Юрьев, Ярославль, Суздаль и другие. Князь Ярослав правил долго и счастливо, крепко держал бразды правления в своих руках, цвела при нем Русская земля, и прозвали его на Руси и в других государствах Мудрым. При нем началось летописание, открываются библиотеки и школы, переводятся на славянский язык иностранные книги. При Ярославе и его

сыновьях был составлен первый общерусский свод законов «Русская Правда», князь покровительствовал торговле, ремеслам и каменному строительству.

Новые храмы поставил князь Ярослав в Киеве, а главную церковь земли Русской возвели на том месте, где, по преданию, в 1037 году были разбиты печенеги. Ярослав Мудрый вызвал из Греции мастеров и художников, которые украшали собор, и древняя живопись, написанная на стенах храма, сохранилась до сих пор. Например, в верхней части главного алтаря изображен кроткий лик Пресвятой Богородицы, исполненный смиренномудрия. Руки Ее воздеты к небу в непрестанной молитве за этот край. Митрополит Иларион, русский церковный деятель, писал: «Церковь дивна и славна всем окружающим странам, яко же она не обрящется во всем полунощи земном от Востока до Запада».

Новый собор князь Ярослав Мудрый посвятил Софии — «божественному разуму и мудрости, которые правят миром». Построенный как главный митрополичий собор Руси, он служил и великокняжеской усыпальницей. Здесь покоится прах и самого Ярослава Мудрого, умершего в 1054 году и перед смертью принявшего постриг с именем Георгий. Гробница его, сохранившаяся до настоящего времени, представляет собой массивный саркофаг весом 6 тонн и высотой— 1,81 метра. Сначала он находился в западной части храма, откуда его перенесли и в XII веке установили слева от главного алтаря храма — в северном Владимирском приделе.

Нижняя часть саркофага представляет собой прямоугольный ящик, высеченный из цельной глыбы мрамора; верхнюю крышку украшает остроконечное завершие, выполненное по типу двухскатной кровли. Саркофаг украшен резными изображениями христианских символов — крестов, деревьев, рыб и птиц. На гробнице сделаны две греческие надписи: «Свет Христов просвещает всех» и «Иисус Христос Победитель».

В летописях не указывается точное место погребения князя Ярослава Мудрого в соборе Святой Софии, поэтому долгое время не было уверенности в истинной принадлежности этого саркофага именно ему. Саркофаг вскрывали и исследовали два раза — в 1936 и 1939 годах. Ученые обнаружили в нем мужской и женский скелеты, кости которых оказались перемешанными. Киев и Софийский собор не раз становились добычей завоевателей, которые грабили и захоронения. Поэтому никаких драгоценностей, даже остатков одежды и тканей, кроме клочка выцветшего шелка, на скелетах и в саркофаге найдено не было.

Из летописей известно, что князь Ярослав с детства немного прихрамывал, а излечился от своей немощи, по словам летописей, внезапно, когда мать его получила от князя Владимира сообщение о разводе. *17 После Крещения Руси князь Владимир, исполняя свой долг христианина, решил остаться с одной женой и выбрал Анну Греческую.* Позже он получил серьезное ранение в бедро, и антропологи обнаружили патологическое изменение кости правой ноги мужского скелета, что и позволило установить его принадлежность именно Ярославу Мудрому. Скульптор-антрополог М.М. Герасимов по черепу создал скульптурную версию облика великого князя, это изображение и сегодня находится в Софийском соборе Киева.

Рядом с Ярославом Мудрым покоится прах его сына — великого киевского князя Всеволода, умершего 13 апреля 1093 года. Он активно боролся с половцами и нанес им ряд сокрушительных поражений, был одним из образованнейших людей своего времени, знал 5 иностранных языков, основал в Киеве Андреевский монастырь.

В 1099 году в Софийском соборе был похоронен сын князя Всеволода — Ростислав, утонувший в Стугне, когда киевская рать, разбитая половцами, переправлялась через реку. Тело князя Ростислава перенесли в Киев, и «плакася по нем мати его и все люди плакаша по нем поелику… и собрашася епископы и Попове, и черноризцы, и песни обычные певше, и положили в церкви св. Софии, у отца своего».

В 1126 году умер и был погребен в Софийском соборе другой сын князя Всеволода — Владимир Мономах. Он покровительствовал ремеслам, торговле и искусствам, тоже знал несколько языков, любил чтение и сам имел литературный дар. При нем была составлена вторая редакция летописи «Повесть временных лет». В 1154 году в Софийском соборе был похоронен и сын Владимира Мономаха — Вячеслав.

Кроме перечисленных князей, в Софийском соборе погребены и другие представители княжеского рода, но из всех захоронений великокняжеской усыпальницы идентифицирован и сохранился, как указывалось выше, только саркофаг Ярослава Мудрого.

В XIX веке в Михайловском приделе собора был найден пустой саркофаг, без крышки и по размерам уступающий саркофагу Ярослава Мудрого. Некоторые ученые предположили, что в нем мог быть погребен сам Владимир Мономах или кто-то из его сыновей.

К святыням Софийского собора относятся и мощи митрополита Киевского Макария — священномученика и чудотворца. Он родился в Литве, в юности принял монашество и уже скоро прославился своей благочестивой жизнью. В 1495 году святой Макарий был избран киевским митрополитом, а через два года, когда он объезжал свою епархию, в деревне Стригалове (близ Припяти) его настигли крымские татары. Они отрубили святителю голову и кисть правой руки, которые и отсутствуют при святых мощах его, привезенных в Киев и в настоящее время почивающих открыто. Память святителя Макария празднуется 1 мая, и тогда святые мощи его после ранней обедни с молебными песнопениями обносятся вокруг Софийского храма.

Под внутренними сводами собора погребены тела и других киевских митрополитов, в частности известного святостью своей жизни Рафаила Заборовского и просветителя Самуила Мислáвского.

Много в Софийском соборе и других святынь, а в особой серебряной гробнице, стоящей на возвышении в северной части храма, находятся капля крови Господней, частица ризы Спасителя и частица Животворящего креста Господня. В храме хранятся также частицы мощей Святого Иоанна Крестителя, апостолов Матфея и Петра, великомученика Георгия и других святых мужей.

ВЕЛИКАЯ ЦЕРКОВЬ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Киево-Печерская лавра начала устраиваться при Ярославе Мудром, а окончательно сложилась при сыне его Изяславе. Первым киевским иноком-отшельником был священник церкви в пригородном селе Берестово

по имени Иларион — «муж благ, книжен и постен», как говорится о нем в старинных сказаниях. Иларион часто ходил из своего села на Днепровский холм и молился там в густом лесу, где по обычаям того времени для своих молитв устроил небольшую пещерку. Благочестивого Илариона скоро заметил князь Ярослав и в 1051 году поставил его митрополитом Киевским.

В скором времени в Русскую землю со святой горы Афон пришел преподобный Антоний, который поселился в пещере, вырытой Илларионом. Все время он проводил в молитвах и посте, питался только сухим хлебом — и то через день! — и постоянно расширял пещеру, не позволяя себе отдыха ни днем ни ночью. Вскоре в Киеве узнали о благочестивой жизни преподобного Антония, и многие стали приходить к нему за благословением и советом. Сам великий князь Изяслав посетил его со своей дружиной, чтобы получить у святого отшельника благословение.

Со временем вокруг святого Антония собрались другие благочестивые христиане, желавшие последовать его примеру. Сначала их было 12 человек, и они вырыли себе большую пещеру, в которой устроили церковь и земляные кельи. Когда братия умножилась и уже не вмещалась в прежнем монастыре, преподобный Антоний, посоветовавшись с преподобным Феодосией, послал сказать великому князю Изяславу: «Княже мой, се Бог умножил братию, а место сие мало; если бы ты дал нам гору, что над пещерою». Князь отдал им эту гору, покрытую дремучим лесом, а князь Святослав Ярослa-вич отдал братии поле близ села Берестово и пожертвовал 100 гривен золота. В 1073 году преподобный Антоний и преподобный Феодосии заложили большую церковь, и князь Святослав своими руками начал копать ров для ее закладки. В возведении ее принимали участие многие лица, в их числе был и варяжский князь Шимон.

У одного варяжского князя было два сына — Фриand и Шимон. После смерти отца молодые князья были изгнаны из отечества своего, враги отняли у них и наследство предков. УШимо-на после отца остался только большой крест с Распятием, украшенный золотым поясом, а на голове Спасителя был золотой венец.

Оставляя родину, Шимон захватил эти реликвии с собой и однажды услышал голос, говоривший ему: «Человече, не возлагай венца этого на голову свою, но снеси его на предназначенное ему место». Вскоре после этого Шимон сел на корабль и по Балтийскому морю отправился на Русь. Во время плавания поднялась страшная буря, и Шимон подумал, что она послана в наказание за то, что он взял украшения от Христова образа. Он стал горько раскаиваться, но тут увидел на облаках изображение церкви и услышал глас небесный: «Вот церковь, которая имеет быть создана Преподобным во имя Божьей Матери, и ты будешь положен в ней. Отдай Преподобному в руки венец, и пусть повесит его над жертвенником. Поясом же размерь величину церкви: 20 локтей в вышину, 30 — в длину и 30 — в ширину».

Буря утихла, и Шимон благополучно прибыл в землю Киевскую. Однако он не выполнил данного ему повеления и оставил венец и пояс у себя. Он стал служить у князя Всеволода, брата великого князя Изяслава. В это время на Русскую землю напали половцы, и тогда братья-князья — Изяслав, Святослав и Всеволод — объединили свои дружины, чтобы идти

на врагов. Перед выступлением в поход они поехали в Печерскую обитель испросить себе благословение великого старца Антония. Тот благословил князей, но предсказал им неудачу и великую потерю на поле брани.

За князьями подошел к старцу и Шимон, поклонился ему в ноги и стал молить, чтобы миновали его в предстоящем походе беды и несчастья. И тогда прозорливый Антоний сказал ему: «Сын мой, многие падут от острия меча, многие будут поражены и изранены, ты же останешься жив. Тебе суждено лежать в Печерской церкви, которая здесь воздвигнется».

Князья, как и предсказывал старец, понесли сильное поражение на реке Альте, много воевод было убито и ранено. Шимон тоже был сильно ранен, лежал в поле среди мертвых и умирающих, но возмолился к Богу и был исцелен от ран.

Вернувшись в Киев, он поспешил в Печерскую обитель к преподобному Антонию и отдал ему венец и пояс. Старец принял дары и сказал: «Отныне, сын мой, ты не будешь больше зваться Шимон, а назовешься Симон».

Строили церковь греческие мастера, которые специально приехали из Константинополя и привезли для будущего храма икону Успение Пресвятой Богородицы. Впоследствии икону эту в золотой ризе и золоченой раме с драгоценными украшениями повесили над Царскими вратами и временами спускают до середины их.

До нас не дошло ни плана, ни фасада первоначальной Печерской церкви, но она была так прекрасна, что современники зачастую не находили слов для описания ее красоты. В киевском Синопсисе, например, сказано, что «внутри она была украшена превосходной живописью и мозаикой, помост был устлан разноцветными мраморами, иконы горели драгоценными камнями, а наверху возвышался крест, выкованный из чистого золота».

Благоволили к Киево-Печерскому монастырю и другие князья, делавшие ему богатые вклады, но все эти украшения были разграблены татарами в 1240 году, и «небеси подобная» церковь оставалась в запустении более 200 лет. В 1470 году усердием князя Симеона Олельковича она была восстановлена и украшена, но через 12 лет — после нашествия Менгли-Гирея — снова запустела и начала восстанавливаться только во второй половине XVI века.

Важной святыней Великой церкви являются святые мощи угодников Божьих, почивающие в разных местах ее. Например, в правой стороне, перед алтарем святого архистратига Михаила, в кипарисовой раке покоится череп великого равноапостольного князя Владимира, просветившего Русь верой Христовой. Глава князя была обретена митрополитом Петром Могилою между развалинами Десятинной церкви, основанной самим князем Владимиром.

Эта церковь, возводившаяся во имя Рождества Пресвятой Богородицы, строилась на десятую часть доходов, выделенных князем Владимиром от своего имения, поэтому ее часто называли Десятинной. После смерти он был погребен в ней в великолепной каменной гробнице: кисть руки святого князя находится в Софийском соборе, а нижняя челюсть — в Успенском соборе Московского Кремля.

Церковь существовала до 1240 года, а потом татары под предводительством хана Батыя разорили ее. От храма не уцелело ни одной стены, и почти 400 лет он лежал в развалинах. В 1635 году митрополит Петр Могила захотел восстановить храм Святого равноапостольного князя Владимира и в новопостроенной церкви поставил образ Святителя Николая, отчего в народе она стала называться Церковью Николая Десятинного.

…Митрополит Петр Могила, по обыкновению своему посещавший святые храмы каждую субботу, однажды пошел в церковь Святителя Николая. После молитвы он вышел из храма и, обозревая окрестности, случайно увидел недалеко от церкви небольшую ямку. Когда по повелению митрополита ее раскопали, то нашли два каменных гроба, в которых (как потом установили ученые) лежали останки князя Владимира и супруги его — греческой царевны Анны. Голову князя сначала положили в церкви Преображения Господня, а потом перенесли в Киево-Печерскую лавру.

В левой части церкви, у южной стороны придела святого архидиакона Стефана, в серебряной раке открыто почивают нетленные мощи святителя Михаила — первого митрополита Киевского, который был сподвижником князя Владимира и в 988 году крестил 12 его сыновей и весь русский народ. В этом же приделе, возле южной стены, под золотой сенью стоит серебряный ковчег с изображением святого первомученика Стефана, побитого камнями еще в первые века христианства за проповедь среди евреев веры Христовой. В раке находится часть мощей (в частности указательный палец) святого первомученика Стефана; мощи эти были в 1717 году принесены из молдавского Нямецкого монастыря архиепископом романским Пахомием, который потом 7 лет жил в лавре и скончался в 1724 году.

В приделе Иоанна Богослова, под золотой сенью, находится кенотафия с частицами мощей некоторых святых пророков, апостолов, святителей и мучеников. Здесь же хранятся часть древа трапезы Христовой, часть ризы Господней, капля крови Иоанна Крестителя, часть миро великомученика Дмитрия Солунского.

В правой стороне притвора Великой церкви, под золоченой сенью, стоит окованный серебряными позолоченными листами древний чудотворящий гроб преподобного Феодосия — устроителя Печерской обители, давшего ей древний устав православной иноческой жизни. Сначала преподобный Феодосии был погребен в Дальних пещерах, но в августе 1090 года, через 17 лет после его смерти, мощи святого перенесли в Великую церковь и положили в раку, богато украшенную в 1130 году на средства суздальского князя Георгия Симоновича. Впоследствии раку ограбили татары, но мощи преподобного Феодосия еще перед угрозой нападения были скрыты под спудом, где и остаются поныне.

На левой стороне притвора, под золоченой сенью, находится гроб с частицами мощей всех преподобных Печерских, изображенных на потолке в рассеянных звездочках. Кенотафия эта была устроена в XIX веке для симметрии с гробом преподобного Феодосия.

В нижнем этаже Успенской церкви расположены усыпальницы представителей многих именитых княжеских родов, украинских гетманов, православных киевских воевод, епископов и архимандритов лавры.

Например, блаженный Павел, митрополит Тобольский и Сибирский, 10 лет пробыл на митрополии, а потом удалился в Киево-Печерскую лавру и два года подвизался здесь в иноческих трудах и подвигах богоугодной жизни. Скончался он в 1770 году, и тело его, с тех пор почивающее нетленно во всем архиерейском облачении, является предметом глубокого набожного поклонения. Портрет блаженного митрополита Павла (во весь рост) хранится на хорах Великой церкви, где можно видеть портреты разных настоятелей и благотворителей лавры.

В Великой церкви покоится прах Евфросинии — дочери князя Всеволода Галицкого и праправнучки великого равноапостольного князя Владимира, которая сначала была погребена в Дальних пещерах.

С детских лет Предслава (так звали ее до пострига) овладела грамотой, читала Священное Писание, Псалтирь и другие духовные книги и усердно молилась. Мудрости ее «чудился» не только отец и близкие, слава о ней разошлась далеко за пределы Полоцкой земли.

В 12 лет Предслава тайно ушла из дома в женский монастырь и стала просить пострига, но юный возраст и необыкновенная красота девочки показались игуменье несовместимыми с монашеством, однако глубокий разум княгини и ее молитвенная настроенность вскоре переубедили игуменью, и она благословила ее на постриг.

Некоторое время Евфросиния находилась на послушании в обители, но даже строгая монастырская жизнь не удовлетворяла ее стремления к духовному подвигу. Тогда она удалилась в затвор и поселилась в «голубце» — особой келье при Софийском соборе города Полоцка. Здесь она проводила время в молитве, бдении и переписывании духовных книг, которые потом дарила тем, кто жаждал духовного просвещения. Когда духовные силы юной монахини укрепились, она оставила затвор и летом 1128 года основала Спасо-Преображенский женский монастырь, который с каждым годом все расширялся и укреплялся. Потом соорудила еще одну каменную церковь — во имя Пресвятой Богородицы — и пожертвовала туда присланную от византийского императора Мануила и патриарха Константинопольского икону Пресвятой Богородицы, писанную, по преданию, евангелистом Лукой.

Много еще подвигов совершила преподобная Евфросиния, а на склоне лет, предчувствуя скорую кончину, совершила паломничество на Святую землю. В одном из монастырей Иерусалима посреди молитвы она и скончалась 24 мая 1173 года. Тело почившей, согласно ее завещанию, было погребено в обители преподобного Феодосия, на паперти храма Пресвятой Богородицы, где покоились многие святые жены.

В октябре 1187 года Иерусалим завоевал египетский султан Салах-ад-Дин, который потребовал от христиан в 50-дневный срок покинуть город. Предварительно выкупив свою жизнь, монахини русского монастыря, возвращаясь на родину, взяли с собой святые мощи княгини-игуменьи и принесли в Киев, где они были сначала положены в Дальних пещерах.

В усыпальнице храма Успения Пресвятой Богородицы покоятся два героя западной Руси: Симеон Олелькович, князь Слуцкий, восстановивший храм, как указывалось выше, после разорения его татарами, и князь Константин Острожский — гроза крымских татар и ревностный поборник

отечественной веры и русской народности в печальные годы отделения западной Руси от восточной. Князь Острожский подарил Печерской обители из своей типографии буквы и все орудия печатного дела, и против Николаевского монастыря в лавре был построен деревянный дом, в котором в 1533 году началось печатание книг. На могиле князя находится гробница с гипсовым изображением его, возлежащего в гробу.

В Великой церкви Киево-Печерской обители сохранилась и могила киевского воеводы Яна Вышаты, погребенного в 1106 году — почти 900 лет назад. По древним сообщениям, в усыпальнице храма Успения Богородицы в прежнее время было погребено так много князей, гетманов, воевод и духовных лиц, что за неимением места в могилах погребали по несколько человек, а некоторые гробницы устраивались даже поверх земли. К настоящему времени только гроб графа И.В. Гудовича оставлен в такой гробнице, а все остальные тела вынесены из надземных могил и погребены в общем склепе. Могилу И.В. Гудовича указывает железная решетка с медной позолоченной доской, находящаяся в приделе святого Стефана.

В храме Успения Богородицы, недалеко от Царских врат, покоится прах графа П.А. Румянцева-Задунайского — знаменитого сподвижника Екатерины II, а в приделе святого Иоанна Богослова у стены на высоком мраморном подножии поставлен мраморный бюст полководца, который был воздвигнут сыном графа Николаем Петровичем, государственным канцлером. В память фельдмаршала в лавре сыном покойного в 1805 году была учреждена и богадельня для шести отставных нижних чинов-инвалидов, которые обязаны были присутствовать на панихидах при гробе графа и во время соборных служб в главной церкви лавры. Кроме того, в хорах в верхнем этаже церкви, в приделе Преображения Господня, на стене около портрета графа П.А. Румянцева-Задунайского находятся в кругах 29 надписей: «Главнокомандующий армией в Пруссии», «Победитель при Фокшанах», «Строгий наблюдатель воинской чинности, законов и правосудия», «Занявший Молдавию без кровопролития» и другие.

В 1718 году пожар уничтожил многие надгробия, находившиеся в Великой церкви. Сохранились только величественная гробница князя Острожского да скромное надгробие архимандрита Иннокентия Гизеля — уроженца Пруссии, в 1684 году перешедшего из лютеранства в православие и ставшего благодетелем и покровителем киевских школ. Надгробие его представляет собой железную доску с надписью: «Здесь почивает яснеп-ревелебный господин отец Иннокентий Гизель, трудолюбный и благоразумный…» Уничтожено надгробие, существовавшее над могилой знаменитого киевского митрополита Петра Могилы, покоившегося между столбами за левым клиросом. Но труды и подвиги его как ревнителя веры Христовой, много сделавшего для распространения православия в Киеве, составляют живой памятник этому великому иерарху.

Хотя многие памятники и погибли во время пожара, но сведения о них для потомства не утратились. Афанасий Кальнофойский, монах Киево-Печерской лавры, в своей книге «Тератургим» поместил большую часть надгробных надписей (в польском переводе).

Перед входом в церковь лежат два небольших камня, на одном из которых сделана надпись:

«Славного Донского войска знатный старшина и походный полковник Федор Иванович Флоров, в государственной службе под городом Хотином, на генеральной батарее 1-го августа от неприятеля в главу усечеся; тщанием донских казаков глава его была сыскана в неприятельском разбитом лагере, в шатре командующего Сераскера, и присовокуплена к телу, которое, по его желанию, здесь в Святой лавре погребеся сентября 18-го, 1739 года».

Под другим камнем лежат останки двух страдальцев, тоже обезглавленных, но уже не на поле брани. Здесь покоится прах генерального судьи Василия Кочубея и полковника Ивана Искры, безвинно казненных в 1708 году злой волей украинского гетмана Мазепы… Рядом с ними покоится прах выдающегося государственного деятеля П.А. Столыпина, убитого в Киеве в 1911 году.

У западного преддверия Великой церкви погребена Наталья Борисовна Шереметева, в 15 лет ставшая невестой 20-летнего красавца князя Ивана Александровича Долгорукого — любимца императора Петра II. Разделив все несчастья, выпавшие на долю Долгоруких, Наталья Борисовна после сибирской ссылки скромно поселилась в Москве, целиком посвятив себя воспитанию сыновей.

Когда дети подросли, она перебралась в Киев, где и приняла постриг с именем Нектария во Флоровском монастыре, но несчастья не оставляли ее и за монастырскими стенами. Младший сын ее Дмитрий сошел с ума от юношеской несчастной любви и скончался в 1769году. Мать пережила сына на два года и умерла в 58-летнем возрасте. Около Успенского собора теперь лежат две чугунные могильные плиты, прежде находившиеся внутри собора. Это плиты с могил Натальи Борисовны Долгорукой и ее сына Дмитрия.

БЛИЖНИЕ ПЕЩЕРЫ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Киево-Печерский сразу выделился из современных ему монастырей как место «святое, блаженное, честное и спасительное». Многие почитали великим благом для себя, если по кончине удостоятся быть погребенными в обители Киево-Печерской.

Местность, на которой находится обитель, издавна изобиловала пещерами, располагавшимися на широкой нижней террасе крутого Днепровского берега. По их образцу стали устраивать себе пещеры и киевские христианские подвижники. Когда число братьев увеличилось, преподобный Антоний назначил одного из них, Варлаама, игуменом пещерной обители, а сам удалился на ближайшую гору, выкопал себе новую пещеру и прожил в ней с 40 лет безвыходно — до самой смерти.

По его преставлении пещера была превращена в жилище для некоторых затворников, желавших подражать житию великого старца, и в кладбище для усопших братии, которых клали внутри пещеры по сторонам подземного хода. Впоследствии около этой пещеры были возведены небольшая деревянная церковь и несколько келий для братии, размещенной здесь для погребения и поминовения усопших. В настоящее время здесь находятся две каменные церкви: одна — Во имя всех преподобных чудотворцев Печерских, вторая — Во имя Воздвижения Креста Господнего.

Святыню самой пещеры составляют святые мощи угодников Божьих, 30 мироточивых глав неизвестных по имени святых и три малые церкви, устроенные в разных местах пещеры. В церкви преподобного Антония почивает сам первона-чальник русских иноков, скончавшийся в 1073 году. Любя на земле жизнь сокровенную, святой Антоний и после кончины явил свое смирение сокрытием в земле мощей своих. Гробница преподобного Антония представляет собой раку из кованого серебра, на которой изображен лик святого угодника Божьего. Предание рассказывает, что многие покушались открыть мощи преподобного, но каждый раз их останавливал исходящий из гроба огонь. Рядом с гробницей — темная и тесная келья с каменным ложем, указывающая на место подвигов при жизни и покое после смерти великого старца.

Многие из пустынножителей, желая, как и преподобный Антоний, совершенного уединения, заключали себя в подземелья и пещеры. В них они по несколько лет пребывали в безмолвии, посте и молитвах, стараясь заглушить в себе все земные помыслы. В этих пещера. х и погребались. Размером пещеры были немаленькие: длина их равнялась 2–3, ширина — 1,5–2, а высота— 1,5 метрам. Рыть такие помещения приходилось долго, поэтому в дальнейшем их размеры уменьшились, а позже иноков стали хоронить в нишах, которые устраивались перпендикулярно к входу в 2–3 яруса. Тело усопшего клали на доску и задвигали в нишу, которую потом тоже заделывали доской; в нижней части доски изображался лик покойного, а в верхней указывались имя почившего и краткое жизнеописание его.

Со временем было замечено, что тела в пещерах не истлевают, а мумифицируются, и тогда в середине доски стали прорезать небольшое окошечко, через которое можно было приложиться к мощам. До настоящего времени уцелело всего несколько таких досок — чудотворца Агафона, воина Тита, священномученика Лукиана и других.

Впоследствии останки усопших иноков стали укладывать в специальные гробницы, которые устанавливали вдоль пещерных лабиринтов. Во время притеснений, которые претерпевали православные от поляков-католиков в 1638–1686 годах, мощи многих святых угодников были сокрыты, поэтому места, где они находятся, ныне неизвестны.

Некрополь Ближних пещер расположен вокруг церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Здесь нетленно почивают моши 81 печерского угодника, в том числе и мощи девяти затворников. В Ближних пещерах погребен преподобный Прохор, чудотворец из Смоленска, скончавшийся в 1103 году. Современники прозвали его Лебедником — от названия травы-лебеды, которой он сам питался и кормил народ во время голода. Преподобный Прохор прославился и чудесным добыванием соли из золы, и, когда в Киеве стала ощущаться нехватка ее и бедные жители приходили в Печерскую обитель, преподобный Прохор давал им ее даром. Соляные откупщики пожаловались на него великому князю Святополку, но при обыске вместо соли нашли только кучу золы. С тех пор великий князь стал еще больше уважать преподобного и при всяком важном случае приходил к нему за благословением.

Неподалеку от церкви находится рака с мощами святой Иулиании, княгини Ольшанской — дочери набожного князя Георгия Ольшанского, благотворителя лавры. Княгиня Иули-ания скончалась на 16-м году жизни (1550), а святые мощи ее были обретены в начале XVII века под Успенской церковью лавры, когда копали могилу для одной киевской девицы. Тогда же мощи княгини были поставлены в Великой церкви, но после пожара 1718 года уцелевшие останки княгини перенесли в Ближние пещеры, а на их место в 1730 году в Великую церковь перенесли мощи святителя Михаила.

Далее следует могила преподобномучеников Феодора и Василия, связанных союзом любви при жизни и почивающих в одном гробе и после смерти. Оба они были замучены в 1091 году в темнице корыстолюбивым князем Мстиславом — сыном князя Святополока, требовавшим сокровищ, якобы найденных ими в одной из варяжских пещер.

В Ближних пещерах погребены:

Преподобный Поликарп — второй архимандрит Печерский, скончавшийся в 1182 году. Добродетели его так уважались всеми, что великий князь Ростислав-Михаил часто приглашал преподобного к столу, беседовал с ним и нередко говорил о своем желании удалиться от мира в монастырь. На что преподобный Поликарп всегда отвечал: «Князь, небо требует от тебя другой жертвы: делай правду и блюди русскую землю».

Готовы были сложить с себя княжеское достоинство и стать одним из братьев Печерских и некоторые другие князья. Так еще в 1106 году поступил Святоша Давыдович — князь черниговский, правнук великого князя Ярослава Мудрого. Он был женат, воевал с соседями и другими князьями, но вдруг презрел и славу мирскую, и власть державную, постригся в Печерской обители с именем Николай. Несмотря на свое знатное происхождение и слабость здоровья, принимал на себя в обители самые строгие послушания. Сначала он подвизался в монастыре в качестве повара, носил на своих плечах воду из Днепра по крутой горе; потом 3 года простоял сторожем при вратах, ни на шаг не отходя никуда, кроме церкви. После этого прислуживал братии в трапезной, а потом 30 лет провел в уединенной келье, вокруг которой развел огород. Преподобный Николай Святоша никогда не оставался праздным, даже одежду шил себе сам, с уст его никогда не сходила Иисусова молитва. Он создал Троицкую церковь, устроил при ней больницу и содержал врача; *18 Впоследствии при этой церкви устроился Больничный монастырь.* собрал много книг, которые перед кончиной своей пожертвовал обители. После смерти власяница его чудесным образом исцеляла больных и служила воинской броней для родственных емукнязей.

В церкви преподобного Варлаама, устроенной в 1691 году, почивает сам первый игумен Киево-Печерской обители, скончавшийся в 1062 году. Он был сыном знаменитого киевского боярина Яна и внук славного воеводы Вышаты. Варлаам приехал к преподобному Антонию со многими отроками, которые вели навьюченных лошадей. Сойдя с коня, он бросил свою боярскую одежду под ноги преподобному и сказал: «Отче, употреби эту прелесть мира, как тебе угодно; хочу жить в уединении и бедности».

Разгневанный боярин хотел возвратить сына домой, и тот на некоторое время было вернулся. Но ни угрозы и просьбы отца, ни ласки молодой жены, ни забота домашних не могли поколебать решимость

Варлаама, и он вновь возвратился в Печерскую обитель. Через некоторое время преподобный Антоний поставил его во игумена для братии.

Великий князь киевский Изяслав, желая возвысить вновь устроенный монастырь Святого Димитрия, взял игуменом в него Варлаама, и тот ревностно трудился в новой обители, но всю любовь свою сохранял к обители преподобных Антония и Феодосия. Здесь он завещал и похоронить себя. Скончался преподобный Варлаам на пути из Иерусалима и Царьграда, куда ходил на поклонение святым местам.

Преподобный Дамиан, пресвитер Печерский, скончавшийся в 1071 году. Врачуя больных молитвой и святым елеем, он получил прозвище Целебника. Был известен также своей особой любовью к преподобному Феодосию, постригшему его в монашество, и только одного просил у Бога — чтобы не разлучаться с преподобным и в будущей жизни. В час смерти ангел Господень, явившийся в образе преподобного Феодосия, уверил преподобного Дамиана, что желание его исполнится.

Преподобный Лаврентий, затворник. Отцы Печерские не позволяли ему идти в затвор, боясь трудности для него этого подвига. Тогда Лаврентий затворился в монастыре Святого Димитрия, прославился здесь благодатью исцеления, но провидел еще большую благодать в обители Печерской. И послал туда не исцеленного им бесноватого, заставив его объявить, что там из 180 иноков есть 30 чудотворцев.

Со временем преподобный Лаврентий и сам возвратился в Печерскую обитель, откуда в 1182 году был поставлен на кафедру в город Туров. Отсюда святые мощи были перенесены в лавру — в прежнюю пещеру его.

Преподобный Афанасий, затворник. Когда после святой жизни своей и долгой болезни он скончался, два инока обмыли его, одели тело для погребения, но о самом погребении никто не позаботился. А ночью игумену обители был голос: «Человек Божий два дня лежит непогребенный, а ты веселишься». Поутру игумен с братией пришли к умершему и, к ужасу своему, увидели, что он сидит и плачет. На все их вопросы он только отвечал: «Спасайтесь!» Все умоляли преподобного Афанасия сказать что-нибудь им в назидание, и он ответил: «Имейте послушание к игумену, кайтесь ежечасно, молитесь Господу Иисусу Христу, пречистой матери Его и преподобным Антонию и Феодосию, чтобы скончать здесь живот свой. Более не спрашивайте».

После этого преподобный вошел в пещеру, закрыл в нее дверь и пробыл здесь еще 12 лет. В продолжение этого времени он не сказал ни с кем ни одного слова, плакал день и ночь, мало вкушал хлеба и только через день пил немного воды. Перед кончиной в 1176 году преподобный Афанасий повторил свои наставления братии, а после кончины явил дар чудесного врачевания.

Преподобный Эразм, черноризец Печерский, жил в XII веке. Все свое имущество он отдал церкви Божьей Матери, за что был вознагражден дивными знамениями небесной милости. В чудесном видении Матерь Божья сказала ему: «Ты украсил церковь Мою, Я украшу тебя в царствии Сына Моего».

Преподобный Агапит, первый врач Печерский, скончался в 1195 году. Подавая помощь больным, не спрашивал с них никакой платы, за что

его прозвали безвозмездным. Когда кто-нибудь из братии тяжело болел, он переселялся в келью больного, служил ему, поил зельем, которое сам приготовлял, обмывал и перевязывал раны. А если нужно было, носил больного на руках.

Самым чудесным образом исцелил он князя черниговского Владимира Мономаха (будущего великого князя киевского), страдавшего тяжелым недугом. Послали в Печерский монастырь, прося прислать в Чернигов инока Агапита, но тот отвечал: «Если идти к князю, то и ко всем надо идти. Упаси меня Бог ради славы человеческой выйти за монастырские врата». Однако вручил княжескому посланцу самое простое зелье, но с молитвой. Князь начал употреблять его и вскоре почувствовал облегчение.

Будучи в Киеве, князь пришел в Печерский монастырь и пожелал отблагодарить Агапита, но тот скрылся так, что его не могли найти. Когда же княжеский боярин все же обнаружил Агапита в келье, то положил перед ним принесенные дары. Агапит же сказал ему: «Никогда ничего не брал я у кого бы то ни было. Стану ли теперь терять настоящую награду свою из-за золота? Поезжай и скажи князю: пусть отдаст нуждающимся. Я же, Агапит, ничего не мог сделать без воли Божьей».

Преподобные Иоанн и Феофил — родные братья, подвизавшиеся в Печерской обители в XI веке и после смерти почивающие в одном гробе. Преподобный Иоанн, уже будучи мертвым, по гласу святого гробокопателя Марка подвинулся на могильном одре своем, чтобы уступить место старшему брату, для которого святой Марк хотел заранее приготовить могилу А последний, тронутый таким послушанием, провел остаток дней своих в непрерывных слезах.

Преподобный Марк, пещерник. В обители он копал могилы для усопших братьев, поэтому его еще называли гробокопателем. При его мощах прежде находился небольшой медный крест, который внутри был пустым. Как рассказывает предание, крест этот служил преподобному Марку мерой питья на каждый день. Но так как паломники тоже хотели пить святую воду из этого креста, а место здесь было тесным, то крест впоследствии перенесли во Введенскую церковь, расположенную при выходе из Ближних пещер.

Священномученик Кукша с 1215 года проповедовал веру Христову в земле вятичей, живших на берегах Оки. Осеняемый благодатью свыше, он творил многие чудеса и успел окрестить многих язычников, но упорнейшие из них вооружились против него и отсекли голову и ему, и его ученику.

Преподобный Пимен, многоболезный, скончавшийся в 1139 году. Слабый здоровьем с самого рождения, он был крепок своими упованиями на Бога Родители привели его в Печерский монастырь для исцеления, но вместо этого он стал просить себе продолжения болезни. В одну из ночей пришли к нему ангелы небесные в виде игумена с братией, постригли его в иноческий образ и предсказали ему болезнь до самого смертного часа. Зато вместо здоровья преподобный Пимен получил дар исцелять других. Двадцать лет пролежал он на смертном одре и только перед последним часом встал здоровым и обошел все кельи, прощаясь с братией.

Преподобный Нестор-летописец, иеродиакон Печерский, скончавшийся в 1111 году. Посвятив себя Богу с детского возраста и

исполняя все заповеди Христовы, он со вниманием слушал устные предания древности, посещал памятники и могилы князей, беседовал со старцами киевскими и путешественниками, читал византийские летописи и церковные записки. И сделался отцом отечественной истории. Автор житий князей Бориса и Глеба, Феодосия Печерского; первой редакции «Повести временных лет». Мощи его покоятся нетленными в серебряной раке, над которой укреплена медная вызолоченная доска с именем летописца. Ее в 1826 году прислало Общество истории и древностей российских.

Преподобный Евстратий, скончавшийся в XII веке. В 1096 году он был уведен в плен половцами, потом продан в Кор-сунь одному еврею, который за непреклонность Евстратия к иудейской вере мучил его, морил голодом и, наконец, в праздник Пасхи распял на кресте, а потом бросил в море. Тело преподобного чудесным образом было отыскано верующими и привезено в Печерский монастырь.

Преподобный Моисей Угрин (венгр) — один из телохранителей князя Бориса. После смерти князя некоторое время служил его сестре Предиславе, а потом, как и многие киевляне, был уведен в плен польским королем Болеславом. Преподобный был известен своим целомудрием, которое не захотел променять на любовь одной знатной полячки Тогда его посадили в яму, морили голодом, ежедневно секли, но он оставался непреклонен Пылая злобой и местью, полячка приказала оскопить его и с позором изгнала из своего дома. Больной, добрался он до. Киева и укрылся в пещере преподобного Антония, до смерти сохранив благодатный дар укреплять всех в целомудрии.

Преподобный Иоанн Многострадальный тоже был известен своим целомудрием. Он по шесть дней не принимал пищи, носил тяжелые вериги, закапывал себя в землю по плечи и в таком житии провел целых 30 лет. Перед кончиной вкопал себя в землю по грудь и в таком положении оставался долгое время. Только голова его, покрытая пеленами и скуфьей, выглядывала из земли.

Много паломников стекается и в трапезную, где святые отшельники при жизни своей собирались по субботам вкусить скудной пищи и где ныне находятся 6 гробниц с их мощами. Трапезная церковь прославилась чудом, которое произошло в ней в день Пасхи 1453 года.

Священник Дионисий, по прозванию Щепа, войдя окадитъ усопшую братию, встал посреди церкви и с живейшим чувством любви к воскресшему Господу воскликнул: «Святые отцы и братья: сегодня великий день — Христос Воскресе!» И усопшие иноки единогласно ответили ему из своих гробов: «Воистину воскресе!» Пораженный свершившимся чудом, отец Дионисий после этого провел последние дни своей жизни затворником в тесной пещере.

Преподобный Алиппий — древнейший из всех известных иконописцев русских. Он изучал это искусство у греков, украшавших Великую церковь Киево-Печерской лавры. Часто просил друзей своих, если увидят в какой-нибудь церкви иконы обветшалые, то чтобы приносили ему. Он их подновлял, любил свое искусство и работал целыми днями, а все заработанные деньги употреблял на святые иконы, на краски и милостыню. В «Житии» его говорится, что все жаждали благословения от дела рук его. Иконы, которые он начинал писать, дописывали ангелы, поэтому они

оставались целыми даже среди пламени и разрушения. *19 В Успенском соборе Московского Кремля хранится образ, называемый «Предста Царица» (или «Царь Царемъ»), написанный преподобным Алиппием.*

Преподобный Симон, епископ Суздальский с 1215 года.

Перед Богом тебе молвлю: всю мою славу и власть я вменил бы в прах, если бы мне щепкою торчать за вратами или валяться сметьем в монастыре Печерском и попираему быть людьми, ибо лучше день в дому Божьей матери, чем тысяча лет временной чести.

Так писал он к иноку Киево-Печерской лавры Поликарпу в первой половине XIII века в великой своей набожной любви к этой обители, в которой сам прежде был иноком. Преподобный Симон заботливо собирал все сведения и поедания об обители, составил жития некоторых угодников Печерских и написал сказание о создании, украшении и освящении Великой церкви. По смерти завещал перевезти тело свое в Киево-Печерскую лавру.

Святой мученик отрок Иоанн, сын варяга Федора. В 983 году (еще до Крещения Руси) языческие жрецы убили их обоих за преданность вере Христовой. Ему молятся супруги, не имеющие детей, прося дать им желанное дитя.

Преподобный Никон Сухой, родом из киевлян. При нашествии на Киев половцев был взят в плен и отведен в половецкую землю. Хозяин, которому он был отдан, боялся с его стороны побега и подрезал ему жилы под коленями. Но узник исчез с глаз стражи и чудесным образом возвратился в Печерский монастырь. Спустя некоторое время прежний хозяин его пришел в обитель и увидел там своего бывшего пленника — высохшего от ран, но живого и бодрого. Пораженный половец принял святое крещение, постригся в монашество и служил своему бывшему невольнику до самой кончины его.

В 1700 году у Ближних пещер полтавским полковником Павлом Герциком была возведена каменная Крестовоздвиженская церковь. С XIX века она служит усыпальницей киевских митрополитов, в частности здесь погребен Филарет Амфитеатров, которого желчный писатель Н.С. Лесков в своих «Мелочах архиерейской жизни» характеризует весьма положительно, называя его «младенцем в митре».

В некрополе Ближних пещер находятся могилы П.С. Кайсарова — адъютанта М.И. Кутузова, Е.В. Путятина — государственного деятеля, дипломата, участника Наваринского сражения.

На территории Ближних пещер сохраняется плита над могилой видного представителя Православной церкви, схимо-архиепископа Антония (в миру князя Давида Абашидзе). В бытность свою инспектором Тифлисской духовной семинарии он исключил из нее студента Иосифа Джугашвили — будущего Сталина.

ДАЛЬНИЕ ПЕЩЕРЫ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

Дальние пещеры называются еще пещерами преподобного Феодосия, потому что в одной из них он подвизался некоторое время и по кончине своей был здесь погребен.

В келье преподобного Феодосия в Дальних пещерах находятся его каменное ложе и гроб, устроенный в углублении южной стены его церкви. Под верхней доской с изображением лика святого угодника Божьего внизу

находится небольшое отверстие, через которое можно видеть могилу, 17 лет хранившую нетленные останки святого. Потом могила была раскопана руками блаженного Нестора, и останки преподобного Феодосия были перенесены в Успенскую церковь Киево-Печерской лавры.

Дальние пещеры находятся на расстоянии 100 саженей от Ближних, и ведет к ним через сад деревянная галерея, оканчивающаяся небольшой площадкой, на которой расположена каменная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Построена она была в 1696 году на том месте, где раньше стояла деревянная церковь, сооруженная преподобным Феодосием.

В этой церкви почивают нетленные мощи преподобного Лонгина, вратаря Печерского (стражника при вратах), который за свою особую святость и великое послушание стяжал дар прозорливости. Он видел все помыслы и намерения людей и, сидя при вратах монастырских, пристально наблюдал за входящими в обитель: добрых одобрял и ободрял все их намерения, злых — укорял и обличал, а потом направлял на путь добродетели. Но еще больше преподобный Лонгин следил за входящими в свою душу помыслами и во все дни заботился о том, чтобы вступить в единение с Богом и войти в Царствие Небесное.

Над самым входом в пещеру в XIX веке была построена церковь во имя Зачатия Святой Анны, возведенная на месте обветшавшей, сооруженной еще преподобным Варлаамом. Из Зачатьевской церкви устроен вход в пещеру, которая, спускаясь ступенями с вершины холма, приводит в небольшую каменную башню, служащую преддверием пещеры. Святынями ее являются мощи святых угодников Божьих, мироточивые главы неизвестных по имени святых и три церкви, устроенные в разных местах пещеры. При входе в нее через башню паломники поклоняются нетленно почивающим мощам, среди которых мощи:

Преподобного священномученика Лукиана, в 1243 году пострадавшего от войск хана Батыя, как говорится в надписи на одной древней доске. Больше о преподобном Лукиане ничего не известно.

Преподобного Лаврентия, затворника, который возненавидел суету мирскую и захотел удалиться в темную пещеру, чтобы постом и молитвой сподобиться общения с миром ангельским.

Преподобного Мартирия, диакона, который за свою великую чистоту и постнические подвиги получил от Бога дар чудотворения, так что при жизни многие обращались к нему за помощью в своих делах и нуждах.

Преподобного Илариона, схимника, который, как полагают, и был тем пресвитером из церкви села Берестова, кто первым выкопал на холме пещеру, а потом стал митрополитом Киевским — первым из русских, а до того времени митрополитами были все греки. Это был пастырь благочестивый и просвещенный, а написанное им «Слово о законе и благодати» является первым дошедшим до нас авторским произведением древнерусской литературы. Оно представляет собой праздничную пасхальную проповедь, в которой митрополит Иларион живо, глубоко и с теплотой изъясняет превосходство Нового Завета, как завета всеобъемлющей спасительной благодати, дарованной людям Иисусом Христом; потом с радостным умилением изображает торжество Христовой веры в земле Русской и прославляет великого князя киевского Владимира.

Преподобного Феодора, князя Острожского. После многих трудов и подвигов Федор Данилович оставил прелесть и славу земного мира и принял святое иночество, отличался смирением и безмолвным подвизанием.

Преподобного Феофила, последнего епископа вольного Новгорода. Во время смут он постоянно призывал горожан не изменять православию и не отдаваться под власть литовцев, а также призывал примириться с великим князем московским Иваном III. Марфа Борецкая, жена новгородского посадника, волновала вече и народ, и в 1487 году епископ Феофил был посажен в Чудов монастырь, где он тяжело заболел. По преданию, во сне увидел Святого Нифонта, епископа Новгородского, который сказал ему: «Ты обещал поклониться святым печерским чудотворцам и не исполнил этого. За то Господь сократил годы твоей жизни. Разве ты не знаешь, что не исполнивший обета, данного Богу, не увидит лица Божия!»

Проснувшись, святой Феофан немедленно отправился в Киев, но болезнь продолжала преследовать его в пути. Он уже достиг берегов Днепра и неподалеку от города получил от Господа откровение, что не доберется живым до желанных пещер, и только тело его упокоится здесь. Святое тело усопшего архиепископа приплыло к Печерскому монастырю и было погребено в Дальних пещерах.

В Дальних пещерах покоятся и мощи преподобного Григория, чудотворца, отличавшегося подвигом воздержания и постничества. Пищей ему всю жизнь служило невареное зелье, а питьем — вода. День и ночь он проводил в молитве и своей праведной жизнью сподобился от Бога дара чудотворения: все больные, которые вкушали приготовленное им зелье, тут же исцелялись.

Преподобного Ипатия, целебника, весь день трудившегося на послушании монастырском, а ночью стоявшего на молитве. Вкушал он только хлеб и воду (и то в малых количествах) и очень мало спал. От Господа он получил благодатный дар исцелять возложением рук на больного.

Преподобного Моисея, чудотворца, умерщвлявшего плоть свою постом и молитвой. Собственными руками он сделал железный пояс и крест и носил их на своем теле. Любимым его ежедневным подвигом были бесчисленные коленопреклонения, от которых он просветился душой и получил от Господа дар чудотворения.

Преподобного Нестора некнижного, названного так для отличия от Нестора-летописца. Оставив мир с его суетными страстями и заботами, Нестор некнижный усердно служил Господу, никогда не дремал, а молясь, всегда старался мыслить только о Боге. За это удостоился во время богослужения видеть Господа Иисуса Христа со святыми ангелами и получил откровение о своей кончине.

Преподобного Памвы, затворника, которого еще называли Послушливым. По преданию, он был в плену у язычников, где пострадал за веру Христову. Язычникам он говорил: «Ваши боги прокляты, а я верую во Христа истинного — всемогущего Бога, который сотворил небо и землю и может избавить меня от рук ваших молитвами Печерских старцев». И действительно, ангел Божий чудесным образом освободил преподобного

Памву от цепей и перенес живым и здоровым в его келью. После этого преподобный заключился в затвор, чем и угодил Господу своим благочестивым житием.

Преподобный Софроний, затворник, ежедневно носивший на себе власяницу и железный пояс Он выучился грамоте уже в зрелом возрасте и потом ежедневно прочитывал всю Псалтирь.

Преподобный Мардарий, затворник-нестяжатель. Кроме поста, молитв и послушания, он еще особенно подвизался в нищете и нестяжательстве. В келье его не было ни одной вещи, кроме одеяния, которое преподобный Мардарий носил на себе.

Преподобного Амона, по благословению игумена Печерского путешествовавшего на святую Афонскую гору и в святой град Иерусалим. Вернувшись оттуда, он жил в затворе так благочестиво и свято, что даже старцы брали его себе за образец иноческой жизни. Преподобной Амон заботился только о приобретении богатств нетленных и, затворившись в пещере, своими подвигами разрушал все козни бесовские.

В церкви Благовещения почивают мощи Преподобного Евфимия, схимника, жившего в безмолвии в подражание добродетелям великих святых. Часто с величайшим благоговением приносил он бескровную жертву и своими молитвами достиг духовного общения с ангелами. Потом принял великую схиму и предался совершенному безмолвию, только для молитвы и скудной пищи отверзая уста свои. За благочестивые подвиги Бог удостоил преподобного Евфимия райской сладости и славословия на небе, где он о нас молит милосердного Бога.

Преподобного Вениамина, из богатых купцов, который обратился к иноческим подвигам, размышляя над словами Священного Писания «Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому в Царствие небесное». Отнеся данное изречение прямо к себе, он раздал все свое имущество в храмы Божий и нищим, а сам постригся в Печерском монастыре и до конца дней своих угождал Богу постом, молитвой, нищетой и послушанием, за что получил от Всевышнего венец славы вечной.

Преподобного Тита, который сначала был воином и отличился во многих сражениях. Но получив опасную рану в голову, он оставил воинскую службу и поступил в Печерский монастырь, где до конца жизни оплакивал грехи свои и перед смертью получил от Господа прощение.

В церкви преподобного Феодосия почивают:

Преподобный Макарий, диакон, еще в юности избранный Богом на служение Ему и призванный на житие иноческое. Оставляя детские игры и забавы, он хранил молчание и воздерживался в пище, как муж совершенный, хотя был еще отроком. В детстве он сильно болел, но Господь исцелил Макария, и родители отдали его в Печерский монастырь. Преподобные отцы полюбили его за кротость и смирение, научили читать и всяким иноческим добродетелям.

Преподобный Пимен, постник, который днем молол зерно в жерновах, носил дрова для всей братии, а ночью молился. Хлеб он вкушал только один раз в неделю (и то очень мало), но никогда не ослабевал от поста и труда.

Неподалеку от кельи преподобного Феодосия находится часть мощей святого младенца — одного из детей, убитых по повелению царя

Ирода при Рождестве Спасителя. Эта святыня была привезена в Киев в 1620 году Иерусалимским патриархом Феофаном.

Здесь же покоятся мощи преподобного Силуана, схимника, ревностно заботившегося о чистоте душевной. Плоть свою он изнурял постом, а душу очищал молитвой и однажды молитвой даже связал хищников в своем огороде. Злобные же соблазны духовных воров он предвидел заранее и отражал их козни не только от себя, но и от других.

В Дальних пещерах покоятся останки легендарного Ильи Муромца, которого многие из нас воспринимают только как былинного богатыря. В действительности же Илья из города Мурома жил в XII веке. Совершив множество ратных подвигов, он на склоне лет нашел тихое пристанище в обители Киево-Печерского монастыря, где вел размеренный образ жизни и замаливал свои грехи. По версии кандидата географических наук С. Хведчени, Илья Муромец умер в 1203 году, во время опустошительного набега на Киев объединенных войск Рюрика и половцев. Город был взят приступом, Киево-Печерский монастырь и Софийский собор разграблены, все церковные ценности расхищены, а большая часть Киева сожжена. Враги безжалостно расправлялись с жителями, не щадя ни старцев седых, ни детей малых. Конечно же, славный богатырь Илья Муромец не мог оставаться в стороне от битвы, вновь ему пришлось взяться за оружие, и немало противников положил он в том бою, но и сам был смертельно ранен. После смерти он был погребен в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, где и сейчас покоятся его мумифицированные останки.

УЛИЦА МАВЗОЛЕЕВ В САМАРКАНДЕ

В 1202 году Афрасиаб (предок Самарканда) постигло страшное монгольское нашествие. Город был уничтожен так, что на поверхности земли не осталось ровным счетом ничего: крепостные стены были срыты, дворцы и дома сожжены, а знаменитый водопровод, в течение веков подававший воду в цитадель, разрушен. Там, где когда-то шумели цветущие сады, ворошились песчаные барханы. Но город не умер, и с конца XIV века началась его новая жизнь. День, когда великий полководец Тимур решил сделать его столицей своей империи, стал днем второго рождения города. Завоевав полмира, повелитель согнал в свою новую столицу художников, архитекторов, каменщиков, ювелиров, резчиков по дереву и других искусных мастеров из всех подвластных ему стран.

Шел 1404 год. Над Самаркандом висела пыль строительства: вереницы рабов несли кирпичи к стенам мечети Биби-Ханым, искусные хорезмские мастера клали плитки Регистана, стояла в строительных лесах волшебная улица мавзолеев Шахи-Зинда… Она не могла похвастаться своими размерами или величием замысла, потому что, собственно, и замысла-то никакого не было. Эту улицу никто не планировал и не проектировал, мемориальный ансамбль на ней возник как будто сам по себе, и мавзолей за мавзолеем строились сотни лет.

Шахи-Зинда означает «Живой царь», древний культ которого существовал еще задолго до прихода сюда ислама. Основа этого культа уходит своими корнями в старинные эпические сказания среднеазиатских народов о подземном царстве Афрасиаба — мифического повелителя страны Туран. Когда на эту землю пришел ислам, древний культ оказался настолько живуч, что мусульманство не только примирилось с ним, но и

освятило древнюю святыню, связав ее с погребением Мохаммеда Кусама ибн-Аббаса — двоюродного брата пророка Мухаммеда. И хотя настоящий Кусам ибн-Аббас никогда не был в Самарканде, а со временем даже подлинные события и имена, связанные с завоеванием Средней Азии арабами, в народе были полузабыты, имя этого газия (воителя за праведную веру) обращенными в ислам самаркандцами было принято.

Древняя легенда рассказывает, что близ Самарканда Кусам ибн-Аббас выдержал около 70 сражений с неверными, которые потом все были обращены в ислам. Но однажды язычники, обитавшие в горах Пянджикента, внезапно напали на войско Кусам ибн-Аббаса в святую минуту, когда все воины стояли на коленях и молились. Неверные воспользовались их временной небоеспособностью и всех зарубили. Остался без головы и сам Кусам ибн-Аббас, но он не растерялся: взял голову и спустился в подземный колодец Шаабан, где и продолжает жить в подземных райских кущах.

Позднее народная фантазия расцветила это предание подробностями, продолжив цикл легенд о «Живом царе». По одной из версий газий не был убит: отбиваясь от врагов, он получил много ранений, но все-таки сумел добраться до священного колодца Шаабан и скрыться в нем. По другой — в этот день минбар под Кусамом ибн-Аббасом раскололся, и он, пройдя в образовавшуюся щель, скрылся с глаз неверных! Популярным было и сказание об отважном герое Бука, рискнувшем спуститься в колодец, чтобы выведать тайну «Живого царя».

Согласно легендам, Кусам ибн-Аббас умер в начале завоевания Самарканда арабами, то есть в 1160-е годы. Погребение возле могилы святого обеспечивает блага на том свете, поэтому многие вельможи и муллы хотели быть похороненными рядом с гробницей Кусама ибн-Аббаса. Удавалось это немногим, только самым богатым и знатным, и потому их мавзолеи — лучшие в Средней Азии. Таким образом, уже в XII веке оформился архитектурный ансамбль, тянувшийся от Железных ворот Самарканда на восток в виде дорожки, обстроенной парадными усыпальницами и культовыми сооружениями. Из-за неровностей рельефа дорожка перебивалась площадками, чартаками, ступенями лестниц и в восточном своем конце замыкалась гробницей Кусама ибн-Аббаса. Но монгольское нашествие оказалось роковым для этого архитектурного ансамбля, хотя суеверные монголы не решились уничтожить гробницу «Живого царя», опасаясь мести чужого для них, но, возможно, сильного святого. С мавзолеями других лиц они не церемонились и разрушили их.

В XIV веке начинается новая застройка Шахи-Зинда, особенно интенсивно строительство осуществлялось при Тимуре и его внуке Улугбеке. В настоящее время комплекс сооружений Шахи-Зинда тянется вдоль узкого коридора, который образует три группы мавзолеев — верхний, средний и нижний.

Древнейшим сооружением является гробница Кусама ибн-Аббаса, которая не раз подвергалась ремонтам и переделкам, и потому от ее первоначальной архитектуры осталось не очень много. Представление о прежнем облике мавзолея дает описание его арабским путешественником-географом Ибн-Батутой, посетившим Самарканд в 1330-е годы.

«Могила благословенна; над ней возведено четырехугольное здание с куполом; у каждого угла стоят по две мраморные колонны, мрамор зеленого, черного, белого и красного цвета. Стены здания также выстроены из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами; крыша сделана из свинца. Гробница покрыта черным деревом, украшенным драгоценными камнями; углы ее обиты серебром.»

Надгробие в ту пору было иным, чем сейчас, и увидеть его можно было лишь через специальное оконце. Внутри мазара сохранились остатки настенной росписи геометрического орнамента (чередование звезд и крестовин), выполненного белым, синим и золотым. На полу стояло ступенчатое надгробие, обычно укрытое погребальными покрывалами. Во второй половине XIV века оно было облицовано прекрасными изразцами.

В небольшой подсобной комнате имеется спуск в поминальную мечеть и чилля-хану — камеру для 40-дневного поста. Поминальная мечеть была отстроена уже в XV веке, и потому ее архитектура отличается от зодчества века предшествующего. Продолговатая в плане мечеть имеет 3-купольное перекрытие, интерьер ее свободный и легкий, в основании стен проходит панель из ярко-голубых шашек, местами оживляемая мозаичными медальонами.

Гробница Кусама ибн-Аббаса окружена другими мавзолеями. Здесь им тесно, ведь каждый владелец хотел, чтобы его гробница стояла как можно ближе к мазару святого. Больше других повезло мавзолеям Туман-ака (жены Тимура), Хаджи Ахмада — крупного религиозного деятеля и безымянной усыпальнице знатной «девушки, умершей в целомудрии» в 1360 году. Больше о ней ничего не известно…

Мавзолеи как гробницы святых или особо почитаемых лиц всегда привлекали к себе паломников. Поэтому впоследствии стали возникать вспомогательные помещения, которые пристраивались к усыпальницам, и со временем их становилось все больше. В сооружении мемориальных комплексов наметились два направления: для первого характерно объединение различных и разновременных построек, а для второго главным было возведение мавзолея со всеми необходимыми помещениями.

Комплекс Туман-ака складывался постепенно, и вначале ученые под этим названием подразумевали даже не весь комплекс, а только поминальную мечеть и небольшое помещение южнее нее. Только с конца 1970-х годов название «Туман-ака» стало означать всю группу сооружений, состоящую из 4-арочной купольной сни, мечети и мавзолея, возведенного в 1405 году. Он был задуман и построен как самостоятельное сооружение, но мавзолей еще не был сооружен, как началось возведение мечети, поэтому южная стена его была исполнена как северная стена мечети. Над входом в нее два мозаичных панно с надписями. Правая надпись гласит: «Сказал Пророк, да приветствует его Аллах: Спешите к молитве до погребения», на левом панно следует продолжение текста: «И спешите к раскаянию до смерти».

Мавзолей Туман-ака очень красив. Его изразцы и мозаики — вершина декоративного искусства тимуровской эпохи. Портал мавзолея представляет собой богатый, чистых красок ковер, в котором переплетаются цветы, ветки и надписи. Он не голубой, как многие другие, а

фиолетовый, и потому еще больше выделяется в мире, где в основном два цвета: охра — песок и голубой — небо.

К мавзолею Туман-ака примыкает усыпальница, приписываемая Бурундуку — одному из военачальников Тимура. Мавзолей его скромнее: сам эмир сильно разбогател в военных походах, но потомки его, видимо, не посмели выстроить гробницу лучше, чем у членов царского рода. За мавзолеем Бурундука следуют две гробницы, сходные с ним в своем композиционном решении.

Прихоть истории и судьбы объединила в Шахи-Зинда гробницы очень разных людей — царицы и воина, муллы и «девушки, умершей в целомудрии». В районе верхних ступеней, но без всякой связи с ними высится один из самых выразительных по силуэту мавзолеев. Он отождествляется с усыпальницей астронома Казы-заде Руми — друга и соратника великого Улугбека. Казы-заде Руми не принадлежал к знатному роду, не нажил за свою жизнь ни богатства, ни земель. Но он был величайшим ученым своего, времени, и потому Улугбек соорудил ему усыпальницу рядом с мавзолеями ханов и цариц, сделав ее хоть чуточку, но выше.

Мавзолеи в нижней части улицы воздвигнуты уже после смерти Тимура — в следующем столетии. Чем ниже спускаешься по лестнице-улице, на которой никто никогда не жил, тем изысканнее становятся формы мавзолеев, тем тоньше узоры изразцов, хотя при этом иногда теряются чистота, лаконичность и благородство линий.

Коран считает смертным грехом изображать людей или животных, потому что в загробном мире изображенные существа будут вечно преследовать художника своими стенаниями и мольбами. Поэтому в мусульманском искусстве редко можно найти картины или скульптуры. Но фантазия, темперамент и изобретательность художников обрели свое выражение в орнаментальном искусстве. Стены мавзолеев Шахи-Зинда, карнизы, арки — все расцвечено, изукрашено затейливым узором, не имеющим ни начала ни конца. Отдельные части орнаментов, подчиняясь каким-то сложным и точным законам, повторяются бессчетное количество раз — то сплетаясь, то расходясь, чтобы потом снова соединиться.

Особенно хороши майоликовые орнаментальные композиции и бесконечная игра переливов полихромной глазури. Примечательны также арабески каллиграфических надписей, выполненных почерками куфи, сульф и насх. Большинство надписей имеет религиозное содержание, но встречаются сведения и исторического характера. В тонкой вязи архитектурных орнаментов кое-где сохранились скромные автографы — история сберегла для нас память об отдельных строителях, резчиках по дереву, мозаичистах, каллиграфах и других мастерах. Например, на усыпальнице Шади-Мулька можно прочесть имена Бареддина и Шамсетдина — мастеров из Самарканда и имя Зайнутдина из Бухары, написанные на базе колонны. В деталь облицовки мавзолея, построенного в 1380-х годах, вписано имя мастера Али Несефи из Карши, а на фигурном листе растительного орнамента мавзолея Хаджи Ахмада значится имя самаркандца Фахри-Али.

Шахи-Зинда прекрасен отовсюду. И с вершины холма, откуда видны две цепочки голубых куполов… И снизу, где за аркой открывается узкая

цветистая улица порталов… И издали, когда этот архитектурный ансамбль кажется страницей из сказок Шахерезады, и вблизи — когда он ошеломляет буйством своих красок…

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО

Свое название аббатство получило от бывшего здесь в старину монастыря, который назывался Западным (West-minster) в отличие от другого монастыря, располагавшегося в противоположной части Лондона и называвшегося Восточным. Основание Вестминстерского аббатства относится к началу VII века и посвящено оно апостолу Петру. На месте аббатства в древности стоял языческий храм, хотя не всеми исследованиями это подтверждается. В 616 году саксонский король Зеберт построил здесь церковь Святого апостола Павла при бенедиктинском монастыре, но со временем она пришла в совершеннейшее запустение от беспрерывных междоусобных войн и беспорядков. В XI веке церковь в очередной раз была разрушена, и на ее месте король Эдуард Исповедник возвел новую — в виде креста.

Покровительство королевской власти сыграло большую роль в дальнейшем развитии монастыря. Само аббатство могло опираться только на местных ремесленников, король же приглашал лучших мастеров не только своей земли, но и из других стран. В это же время аббатство получило огромные доходы, недвижимые владения, светскую судебную власть и другие привилегии. К настоящему времени от аббатства того времени осталось немногое, так как король Генрих III заново перестроил его и придал ему тот вид, который почти без изменений сохранилсядоныне.

Начиная с 1065 года Вестминстер стал не только местом коронования английских монархов, но и усыпальницей членов английской королевской династии. Королевская усыпальница располагается в часовне короля Эдуарда Исповедника: в ней за решеткой видны два узких королевских кресла. Слева — самый древний трон, в котором заключен знаменитый камень Scone: на нем, по преданию, почивала в Вефиле голова патриарха Иакова, и на троне этом во время коронации восседали короли Шотландии. Камень этот в знак окончательного покорения Шотландии в 1247 году привез в Лондон король Эдуард I, и на троне с этим камнем восседали во время коронации уже английские короли. Сам камень представляет собой кусок красного песчаника, прикрепленный к трону желтыми крючками.

После Эдуарда Исповедника его наследники со временем расширили церковь, а в 1245 году Генри Рейне начал постройку собора. Он создал систему капелл, радиусами расходящихся от гробницы короля Эдуарда Исповедника. Капелла этого короля, в которой хранится рака с его мощами, находится в восточной части собора, прямо за алтарем. Рака богато украшена по заказу уже другого английского короля — Генриха III.

В 1502–1512 годах на месте одной из капелл XIII века к собору была пристроена великолепная капелла Генриха VII — настоящий шедевр поздней английской готики, удивляющий и восхищающий всех и до настоящего времени. Особенность ее — ажурные веерные своды с резными каменными подвесками, подобными искусственным сталактитам. Своды восьмигранного зала несут каменные нервюры, собирающиеся в один пучок на центральном столбе. Капелла с самого начала предназначалась для

усыпальницы, и придел с гробницей Генриха VII находится напротив самого входа. Возле нее, но в отдельном приделе, — гробница герцога Бэкингемского и гробница герцога Ричмонда. В северной пристройке капеллы расположились гробницы королевы Елизаветы, убитых принцев Эдуарда и Ричарда, а также Софии и Марии — малолетних дочерей короля Якова I и других коронованных монархов Англии.

Самой примечательной в капелле является гробница самого короля Генриха VII и его супруги Елизаветы — последней представительницы дома Йорков. Через несколько лет после их брака в Англии разразилась война между двумя династиями, известная как война Белой и Алой роз. Саркофаги короля Генриха VII и его супруги достойны удивления. Корона в пучке травы с цветами отсылает к сражению у Босворта, которое король Генрих VII выиграл у Ричарда III. Как рассказывают хроники, корона была найдена в пучке травы близ поля сражения брошенной или самим Ричардом III, или его придворными. И Генрих VII короновался ею прямо на поле сражения…

Под капеллой находятся склепы, устроенные королем Георгом II, в которых покоятся останки некоторых членов английских королевских династий. Среди них интересна группа скульптур Lady Nigttingale. Одна из них изображает Леди, защищаемую своим мужем от Смерти, выходящей из гроба. В правой руке Смерти стрела, которую она прицеливается пустить в жертву…

Однако после Генриха VII до короля Вильгельма III для аббатства ничего не было сделано. Потом начались гражданские войны, которые привели церковь в такое состояние, что едва можно было узнать ее прежний блеск и величие. Но наступило время, когда архитектору Кристоферу Рену предложили восстановить церковь в ее прежнем готическом стиле. Он присоединил к ней две колонны у главного входа с западной стороны и придал ей ее первоначальную форму. Особенно примечательным получился портал с северной стороны — самая древняя из сохранившихся частей храма, которую называют «Соломоновыми воротами». Внутренняя часть собора разделена на три части 48-ю колоннами из серого мрамора. Они держат высокие остроугольные своды и отделяют крестную часть собора от его остальной длины. Готические хоры — это сооружение уже новых времен, а алтарь, принадлежавший ранее другой капелле, Вестминстерскому аббатству подарила королева Анна. В южной стороне от хоров стоят памятники королю Зеберту, основателю самой первой церкви в Вестминстере, и Анне Clevens.

Внутреннее убранство Вестминстерского собора просто великолепно, особенно поражает он своим изяществом и изумительной готической архитектурой, хотя и загроможден сотнями надгробных памятников, ради установления которых строители не щадили даже стен самого собора. Некоторые исследователи даже считают, что в соборе слишком много украшений и рядом с чудесными часовнями королей Эдуарда Исповедника и Генриха VII нагромождено много новейших памятников — холодных и педантичных, а порой и просто безобразных.

В церкви Вестминстерского аббатства хоронили не только английских королей, но и всех достойных сынов Англии, каким бы родом деятельности они ни прославили свое отечество. Это поистине

национальный Пантеон Англии, ее храм славы, потому что упокоиться под сводами собора — величайшая честь, которую только может оказать нация своим великим и гениальным гражданам. Правда, в прошлые времена этой чести удостаивались и те, кто не заслуживал ее, поэтому в соборе можно увидеть целый ряд памятников, на которых значатся имена совсем неизвестные, но принадлежавшие богатым и знатным особам обоего пола. Однако в Вестминстере покоится столько великих людей, что их славные тени вполне затмевают всех этих неведомых лордов, леди, рыцарей и т. д.

Чаще всего иностранцы спешат в «Уголок поэтов», где находятся гробницы Дж. Чосера, Г. Спенсера, Ч. Диккенса, У.М. Теккерея и других сочинителей Англии; здесь же поставлены памятники, монументы, бюсты и статуи в честь В. Шекспира, Дж. Мильтона, *20 Сама гробница Джона Мильтона находится в небольшой церкви святого Джайльса.* О. Голдсмита, Б. Джонсона. В Вестминстере покоятся знаменитый актер Гарик, композитор Г.Ф. Гендель, историк Грот и другие.

От входа в собор вплоть до хоров тянется длинный зал со стрельчатыми сводами, по обеим сторонам которого расположены боковые галереи. В центральной части похоронен ученый И. Ньютон, на его надгробной плите выгравирована краткая, но красноречивая надпись: «Здесь покоится то, что было смертного в Исааке Ньютоне». Недалеко от его могилы нашел вечное упокоение прах Ч. Дарвина, в этой же части собора похоронены астроном У. Гершель и геолог Лайель.

В западном конце северной галереи расположился так называемый «Угол вигов», где похоронены видные деятели либеральной партии XVIII века. Здесь мирно покоятся министры Питт и Фокс — рядом друг с другом, хотя при жизни они были врагами и всегда действовали один против другого. Центральную часть храма от его боковых галерей отделяет сооружение, предназначенное для хора. Северное крыло известно под названием «Крыло государственных деятелей»: здесь упокоились прах Гладстона, Биконсфильда, Каннинга и других политических деятелейАнглии.

В западной части собора находится памятник майору Андре, который во время войны с северо-американскими штатами был пойман и повешен американцами как шпион. Тело его впоследствии перевезли в Англию и с почетом похоронили в Вестминстерском аббатстве. В Вестминстере погребены или имеют памятники политический деятель Р. Пиль, путешественник Д. Ливингстон, изобретатель Стефенсон, актриса Сидонс, лорд Пальмерстон и многие другие.

Вестминстерское аббатство — это еще и исторический памятник, с которым связаны все важнейшие события английской истории. Аббатство многое видало и испытало за свою длинную историю, в частности, во время бурных XIV–XV веков стены его становились свидетелями рукопашных схваток между представителями враждующих партий. В 1659 году в Вестминстер был торжественно перевезен прах Оливера Кромвеля, но вскоре после реставрации Стюартов прах его выкопали и бросили в Тибурн. Место, где была могила О. Кромвеля, сейчас обозначено только простым камнем…

УСЫПАЛЬНИЦЫ ГЕРАТА

В живописной долине, на скрещении торговых путей Ирана, Средней Азии, Индии и Китая, в глубокой древности возник город Герат —

столица Хорасана, упоминания о котором встречаются еще в священных книгах и клинописях древних персов. В XIII веке город сильно пострадал от нашествия монголов, когда Тули, сын Чингисхана, разрушил Герат и истребил почти все его население. Однако довольно быстро город отстроился, но в 1383 году его опустошила армия Тамерлана, разрушив большую часть Герата.

В XIV веке город сделал своей резиденцией Шахрух — сын Тамерлана, и с тех пор Герат, утопающий в садах и украшенный прекрасными зданиями, башнями и стройными минаретами, становится центром наук и искусств для всего Среднего Востока. Город подарил миру много блестящих умов и вдохновенных талантов: знаменитых Абдуррахмана Джами, Ха-теви, Халели, Бинаи; художников-каллиграфов Султана Али-и-Мешхеди, Мухаммеда Хандона, Рафики; гениального живописца Бехзада, музыкантов — Кул Мухаммеда Шейхи-Наи (т. е. «играющего на флейте»), Хусейна Уди («играющего на дуде»)… Все они были гордостью Герата, который современники называли «светильником всем городам».

Архитектурные сооружения Герата были широко известны за его пределами. Одним из шедевров зодчества города является гробница Гаурхад Бегум — красавицы жены султана Шахруха. Гробница же представляет собой сооружение с ребристым дынеобразным куполом, а облицовано оно плитками с глазурью голубовато-бирюзового цвета. Внутри находятся 5 строгих надгробий из черного гранита.

Великолепен и памятник «Ханейе Зарнегар» — остатки здания эпохи Тимуридов, стены и потолок которого покрыты позолоченными фресками. Среди многих надгробий с прекрасными орнаментами здесь выделяется место упокоения султана Шахруха — тимуридского правителя Герата. Надгробие на его могиле сделано из черного камня и украшено сложным орнаментом в стиле «хавткалям», характерном для гератской школы.

В этой же манере выполнено и надгробие Хусейна Бай-кара — сына султана Шахруха. Легенда рассказывает, что этот архитектурный шедевр вырубался мастерами из цельного куска черного гранита в течение 7 лет. А потом столько же времени его покрывали тончайшей кружевной резьбой, которая и доныне восхищает своей филигранностью.

В Герате находится и могила известного поэта и философа Абдуррахмана Джами, а неподалеку от нее расположился Газарагах — место захоронения знаменитого «гератского старца» — философа Хаджи Абдуллы Ансари. У его могилы часто можно увидеть так называемых «басти» — преступивших закон людей, неплательщиков долгов и других. В Газарагахе они находят прибежище, здесь их никто не трогает…

В Герате протекала жизнь и известного узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои, происходившего из тюркской феодальной знати. Навои означает «мелодичный»: по свидетельству историка Хондемира, Алишер еще в детстве проявил необыкновенные способности и «в короткое время вырвал трость первенства у своих сверстников». Свое образование Навои закончил в Самарканде под руководством Шейха Фай-зуллу Абу-Лайса, которого называли вторым Авиценной.

В 1469 году (по другим сведениям — в 1472-м) султан Хусейн, восхищенный умом и стихами молодого поэта, назначил его хранителем печати, а через 3 года — визирем (министром), даровав титул эмира. Алишер Навои много делал для того, чтобы превратить Хорасан в культурную и благоустроенную страну. Например, на караванных путях в степи при нем были построены прекрасные рабаты (постоялые дворы), через Гарируд и другие реки перекинуты мосты. В самом Герате, на берегу канала Инджиль, он выстроил целый квартал прекрасных зданий, здесь возникли больницы, школы, общежития для ученых и поэтов. Алишер Навои сам принимал живое участие во всех работах, и мастера видели в нем друга и художника.

Управляя государством, он стремился облегчить тяжелую участь простого народа, но в этом деле все его мероприятия наталкивались на противодействие со стороны придворных и родовой знати. По злому наговору недоброжелателей султан отправил его в почетную ссылку, назначив правителем Астрабада. Враги пытались его там отравить, и Алишер Навои самовольно вернулся в Герат. В 1476 году он оставляет должность и всего себя отдает поэзии и музыке.

Против меня луноликая меч обнажила,
Душу мою обнаженную заворожила.
Здесь и мессия бессилен меня уберечь —
Зря я зову, не спасет всемогущая сила.
Ты меня сглазила, заколдовала меня —
Синюю краску тоски на лицо наложила.
Что мне лекарство — вино твоих розовых губ,
Если ты ядом разлуки меня отравила?

Алишер Навои скончался в Герате 3 января 1501 года, и весь город хоронил любимого поэта — крупные политические деятели страны, ученые, поэты, простой народ. Обшитые шелком носилки с телом Алишера Навои вынесли на руках его друзья — вельможи и знатные люди Герата. Вопли народа потрясали небо, носилки передавали из рук в руки, и каждый считал честью для себя хотя бы кончиком пальца прикоснуться к ложу великого земляка. Весь Герат плакал у могилы Алишера Навои, и 7 дней народ справлял по нему траурные поминки.

Похоронили Алишера Навои в мечети, которую он сам для себя выстроил. Надпись на его могиле сообщает: «Место упокоения Шир Кабира Низамитдина Али Шера Навои. Родился в 1441 году, умер в 1501 году». Очень скромная надпись, но нет в мире человека, который бы не знал этого славного имени, не читал бы одну из самых поэтических легенд Востока — о любви Лейлы и Меджнуна, которая покорила даже горы. Своей сегодняшней известностью Герат во многом обязан Алишеру Навои…

УСЫПАЛЬНИЦА КИТАЙСКОГО ПОЛКОВОДЦА ЮЭ ФЭЯ

В XIII веке, когда в Южном Китае правила династия Сун, воинственные племена чжурчжэней вторглись в страну и подступили к ее столице — городу Ханчжоу. Навстречу врагу вышло войско генерала Юэ Фэя, и, хотя силы были неравные, враг был побежден и отброшен далеко за горы. Впоследствии военачальник совершил еще несколько героических

походов против чжурчжэней и нанес им не одно сокрушительное поражение. Однако военные успехи Юэ Фэя сильно обеспокоили знатных феодалов, и они решили погубить его. Под предлогом обсуждения обстановки в стране они вызвали народного героя в столицу, где он в 1141 году был казнен. Народ прославил своего защитника в песнях, сказаниях и легендах, и одно из преданий повествует о том, что во время казни Юэ Фэя деревья у его дома окаменели, ужаснувшись этой чудовищной несправедливости. Другое старинное предание рассказывает следующее:

В то время в Ханчжоу правил император, во всем слушавшийся своих советников. Один из них, первый министр империи Цинь Гуй, вершил все дела в государстве. Ему царь чжурчжэней послал золото и другие дорогие подарки и подкупил его. А потом потребовал: пусть Цинь Гуй делает что угодно, но погубит храброго генерала Юэ Фэя и его верных друзей. Первый министр прочитал послание царя чжурчжэнеп без удовольствия, так как поручение было не из легких, потому что народ любил своего генерала. Но за подарки надо расплачиваться, и Цинь Гуй решил посоветоваться с женой и со вторым министром, который тоже был подкуплен.

На другой день первый министр отправился во дворец к императору и, не жалея слов, стал расписывать свою безграничную преданность, которая вынуждает его сообщить о преступлениях человека, которому повелитель до сих пор полностью доверял. Цинь Гуй говорил более часа, нагромождая все новые и новые обвинения против Юэ Фэя, а в заключение сказал: «Надо посадить генерала в тюрьму, пока не поздно Солдаты любят его, и он очень опасен. До меня дошли достоверные слухи о том, что он осмелился говорить плохо даже о вас, наместнике Неба на Земле».

Поверив клевете, император приказал бросить в тюрьму и Юэ Фэя, и его верных друзей и соратников. Жители Ханчжоу были очень возмущены такой несправедливостью, но они не смели поднять голос против, так как власть первого министра была велика, а его палачи быстро расправлялись с каждым, кто выказывал хоть малейшее недовольство. Но Цинь Гуй все еще оставался в трудном положении, ведь надо было представить императорскому суду доказательства вины отважного генерала и его сподвижников. И тогда он снова решил посоветоваться — на этот раз со своей женой и женой второго министра Женщины сказали ему: «Ловить тигра опасно, но еще опаснее выпускать его снова на волю».

И Цинь Гуй употребил все свое красноречие, чтобы уговорить императора казнить узников без всяких доказательств их вины. Император во время его речи был занят сборами на охоту, и на этот раз послушался предателя. Ночью палачи ворвались в темницы узников и задушили их.

Прошло два года, и вдруг предатели и их жены внезапно заболели так сильно, что ни один врач не мог их вылечить. Вскоре они один за другим умерли. «Это расплата за их злодеяния», — говорили жители Ханчжоу, не забывшие Юэ Фэя и его друзей, защитивших страну от врагов.

Впоследствии самые знаменитые зодчие Китая возвели прекрасную гробницу, в которую перенесли останки героев. Усыпальница представляет собой небольшой комплекс сооружений, состоящий из четырех беседок и нескольких групп каменных фигур. Сама куполообразная могила возвышается под сенью вечнозеленых деревьев. По обе стороны идущей к

ней аллеи, словно охраняя сон Юэ Фэя, стоят высеченные из камня фигуры его боевых товарищей. А поодаль, под палящими лучами солнца, за железной решеткой стоят коленопреклоненные фигуры предателей и их жен, погубивших Юэ Фэя.

Прошли десятилетия, и казалось, что гнев народа немного приутих. Тогда наследники предателя Цинь Гуя ночью тайно выкрали статуи клеветников и выбросили их в реку. Но чугунные истуканы, хоть и были тяжелыми, не утонули, а поплыли по воде. Жители Ханчжоу выловили их и поставили на прежние места. Пекари и повара стали лепить из теста фигуры предателей и жарили их в масле, и до сих пор такое угощение в Ханчжоу называется «Жареный Гуй».

Сотни лет не зарастает аллея, ведущая к усыпальнице Юэ Фэя. Все приходящие подолгу смотрят на тяжелую надгробную плиту, на которой высечено знаменитое изречение полководца: «Честно служить родине». Уходя отсюда, каждый считает своим долгом плюнуть в лица предателей, хотя таблички запрещают делать это. В центре храма, посвященного памяти Юэ Фэя, установлена его огромная статуя — первая в Китае, имеющая портретное сходство.

В АББАТСТВЕ СЕН-ДЕНИ

К началу XX века Сен-Дени, расположенный к северу от Парижа, был небольшим городком, заурядным и скучным. Но его собор был главным храмом монастыря, основанного еще в III веке святым Дионисием — просветителем Франции. Базилику начали возводить в 1132 году при знаменитом аббате Сугерии и освятили в 1144-м. Она была одним из первых готических сооружений Франции, но через 100 лет башня базилики и часть нефа были разрушены грозой. Новое здание, возведенное святым Людовиком, в течение последующих веков тоже не раз перестраивалось, но король Луи-Филипп возвратил ему первоначальный вид. Правда, сейчас из оконной живописи храма сохранилась лишь большая розетка фасада XIII века, изображающая сцены из Ветхого и Нового Заветов.

Собор более 100 лет служил усыпальницей французских королей и полон их надгробными памятниками. Всего в соборе аббатства Сен-Дени находится 56 могил, но в особом склепе (20 ступеней вниз) справа от главного алтаря разместилась еще усыпальница позднейших Бурбонов. Двери этого склепа не открываются, и осмотреть его можно только сквозь решетку: тогда можно увидеть своды склепа и крышки гробниц.

Во время первой французской революции собор сильно пострадал: он поочередно служил храмом Разума, артиллерийским депо, театром и соляным магазином. А так как святых тогда не признавали, то было изменено даже название города, и Сен-Дени превратился во Франсиаду.

В разгар революции, в 1793 году, Конвент издал декрет, по которому должны были быть истреблены все могилы и мавзолеи бывших французских королей, размещавшиеся не только в аббатстве Сен-Дени, но и «повсюду, на территории всей Республики». В октябре того же года во Франсиаде приступили к вскрытию склепов. Начали с могилы маршала Анри де ла Тюренна, останки которого, к общему изумлению, оказались неистлевшими. Второй открыли гробницу короля Генриха IV, останки которого тоже хорошо сохранились. Труп вытащили из гроба и в саване бросили в проход; потом «короля» поставили, но какая-то женщина

пощечиной сшибла его опять на пол. К трупу подбежал солдат и саблей отрезал у «короля» часть бороды, чтобы сделать себе усы… Потом были вскрыты гробницы королей Людовика XIII и Людовика XIV, но стал распространяться невыносимый трупный запах, который пробовали заглушить уксусом и рассеять ружейными выстрелами, но тщетно. Тогда революционные солдаты вырыли две огромные ямы и в них без разбора свалили всех королей, принцев и героев…

Еще более печальная участь постигла сердца королей, хранившиеся в отдельных запечатанных сосудах. На них набросились художники, так как из сердец выделялась жидкость, служившая незаменимым по прочности лаком для покрытия картин. И большая часть королевских сердец исчезла… Хотя некоторые королевские мавзолеи были разрушены, что-то удалось спасти благодаря неутомимым стараниям А. Ленуара, который и перенес оставшееся в музей Малых августинок. *21 Ныне здание Академии изящных искусств.* Во время революции хотели даже уничтожить все склепы, а собор превратить в общественный рынок, сделав его капеллы торговымилавками.

Справа от клироса находится гробница короля франков Дагоберта I — самый любопытный памятник XIII века с новой статуей короля и статуей королевы Нантильды. Барельефы этой гробницы аллегорически изображают освобождение души из бренного тела и встречу ее на небе. На каждой стороне галереи, окружающей клирос, тоже находятся гробницы со статуями, и среди них усыпальница одного из храбрейших героев французского рыцарства — «благородного месси-ра Бертрана де Гесклена, графа Лонгвиль и констебля французского». На левом глазу статуи — рубец от удара копьем, полученным самим рыцарем в одном из сражений. Неподалеку от этой гробницы разместился памятник Людовику де Сансера — товарищу де Гесклена по оружию.

Из других памятников интересна гробница короля Генриха II и Екатерины Медичи, сделанная из белого мрамора и украшенная двенадцатью колоннами смешанных ордеров. На углах гробницы установлены бронзовые статуи, аллегорически символизирующие четыре христианские добродетели, и статуи, изображающие покойных, лежащих на гробницах (мертвых и нагих), и живых, стоящих на коленях и молящихся. Памятник этот был сооружен при жизни Екатерины Медичи, но королева посчитала, что нагие статуи непристойны, и их заменили драпированными, которые в настоящее время видны налево от самой гробницы.

В таком же стиле сооружена и гробница Людовика XII и его супруги Анны Английской, возведенная в XVI веке Жаном Жюстом. Королевская чета на этом памятнике тоже в двух видах: сначала в лежачем положении на саркофаге, потом над ним — на коленях. Изящно изваянные арки украшены статуэтками, изображающими 12 сидящих апостолов. Небольшие барельефы, украшающие цоколь, запечатлели вступление Людовика XII в Милан в 1499 году, переход через Генуэзские горы в 1507 году, победу при Аньянделе и покорение Венеции.

В отделении, оформленном в виде часовни, особенно замечательны две коленопреклоненные статуи: Марии-Антуанетты в венчальном платье и Дианы Французской, владелицы Монморанси. По воле короля Людовика XVIII эта часовня была сооружена в 1826 году: ее окружала низкая мрачная аркада приблизительно охватывающая то место, где могли быть зарыты

трупы Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Сначала казненных во время революции короля и королеву похоронили на кладбище святой Магдалины, бросив трупы в общую могилу и засыпав их необожженной известью.

Четыре плиты перед клиросом обозначают вход в склеп, устроенный по повелению Наполеона. Сначала подземелья находились только под одной частью церкви, но когда они заполнились гробницами, Людовик XIV после смерти своей супруги приказал увеличить их для королей Бурбонского дома, и тогда к подземельям прибавили часть склепа. Когда началась революция, Конвент, как указывалось выше, приказал уничтожить королевские гробницы, так как нации нужны были пушки и снаряды, для чего и решили воспользоваться находящимся на гробницах металлом. Останки покоившихся здесь в течение веков королей и героев опустили в два рва, засыпанных известкой. Правда, сохранился рассказ о том, что останки Анри де ла Тюренна сначала «подарили» бывшему привратнику храма, который поместил их в деревянный ящик и полтора года показывал всем любопытствующим; а желающим продавал вырванные у маршала зубы.

Наполеон I в 1806 году своим декретом спас здание церкви от полного разрушения, восстановил монастырский капитул, состоявший из каноников, и богослужение. Королевские склепы он назначил местом погребения для себя и своих наследников, но только один из принцев этого семейства был погребен в них — Карл Наполеон, сын его брата Людовика. Впоследствии гроб этого принца был перенесен в Сен-Ле, близ аббатства Санлис, и поставлен рядом с гробом Карла Бонапарта — отца Наполеона.

Впоследствии, после реставрации Бурбонов в 1817 году, Людовик XVIII повелел достать прах своих предков, и по приказу короля начались специальные поиски, в результате которых с трудом были найдены останки прежних королей. Их извлекли из общего рва и уложили в найденные и восстановленные мавзолеи, которые сначала поместили в подземном склепе, а потом установили на прежние места. Сам Людовик XVIII и несколько детей королевской фамилии — единственные из Бурбонов, погребенные в Сен-Дени после Реставрации. Карл X умер в Австрии, где и был погребен; Луи-Филипп назначил местом погребения для себя и членов своей семьи замок Дре. Он умер в 1850 году в Англии и был погребен в Вейбрижде… Декретом 1859 года Наполеон III назначил Сен-Дени местом погребения членов императорской фамилии, и тогда же началась полная реставрация собора. Однако и Наполеон III нашел свою могилу в чужой земле…

МОГИЛА ЧИНГИСХАНА

Осенью 1225 года Чингисхан вернулся из похода на восток. Основы Монгольской империи к этому времени были уже заложены, но оставалось непокоренным тангутское царство Си-Ся. Располагалось оно на сотни километров с запада на восток и с севера на юг — там, где ныне простирается песчаная пустыня Гоби. Непокоренное государство не давало Чингисхану покоя: предчувствуя скорую кончину, он торопился осуществить свои последние замыслы и в 1226 году поднял свое испытанное войско в очередной поход. Монгольская армия двинулась на Китай, государство Си-Ся стояло на ее пути, и в 1227 году оно перестало существовать. Завоеватели захватили столицу тангутов — город Хара-Хото — и жестоко

расправились с ее жителями. Мирное население по обыкновению того времени Чингисхан отдал «на поток и разграбление войску». Но в самый разгар победоносного наступления 65-летний властелин монголов скончался…

В Большой советской энциклопедии указывается и точная дата смерти Чингисхана — 25.08.1227 год. То же самое утверждают и другие источники, например, летописный труд «Алтын тобчи» — сочинение ученого ламы Лубсана Данзана (XVII), однако речь в нем идет о месте смерти, а не о месте захоронения. Правда, в других старинных сочинениях (в частности по сведениям Рашид-ад-дина) смерть монгольского полководца наступила еще до падения тангутского царства, и перед смертью Чингисхан будто бы сказал своим приближенным: «Вы не объявляйте о моей смерти, не рыдайте, не плачьте, чтобы враг не проведал о ней, когда же государь и жители Тангута выйдут из города, вы их всех сразу уничтожьте!»

По данным же «Юань чао ми ши»,*22 «Юань чао ми ши» — «Секретная история династии Юань» (монгольской), составленная в XII веке на монгольском языке в Монголии неизвестным автором.* Чингисхан находился тогда в горах Люпань и лично принял прибывшего с богатыми дарами для переговоров правителя тангутов. Некоторые поздние монгольские предания рассказывают о фантастическом единоборстве повелителя монголов с тангутским царем:

Правитель тангутов превратился в змея, Чингисхан — в мифическую Гаруду; правитель — в тигра, Чингисхан — в мифического льва арслана; правитель — в юношу, Чингисхан — в божество Хармусту… Но наконец Чингисхан пленил правителя тангутов, и тот будто бы сказал ему: «Если убьешь меня — тебе самому будет плохо. Если не убьешь, то потомству твоему потом будет плохо». Чингисхан убил правителя тангутов и пленил его жену Гурбэлджин Гоя-хатун, которая потом и убила полководца монголов.

Таким образом, в разных источниках обстоятельства и причина смерти Чингисхана указываются по-разному. Нет единого мнения по этому вопросу и среди ученых: Р. К. Дуглас считал, что великий полководец скончался «от скоротечной болезни», Абул Фарадж полагал, что у Чингисхана была малярия, вызванная нездоровым климатом тангутского государства, а «Секретная история» причиной смерти Чингисхана называет последствия падения его с лошади во время охоты на куланов. Джузджани считал, что правитель тангутов не только предсказал смерть завоевателю его царства, но и указал точное время — на третий день после собственной смерти: у Чингисхана действительно потекла из раны кровь, как белое молоко, и «он отправился в ад». Марко Поло в своих «Записках» указывает, что смерть великого хана наступила от старой раны, а францисканский монах Плано Карпини, посол римского папы к великому хану монголов, в 1247 году возвратился в Европу со всевозможными сведениями об азиатских кочевниках. И в этих сведениях сообщалось, что Чингисхан был убит ударом молнии.

Из всего вышесказанного видно, что обстоятельства смерти Чингисхана остаются до сих пор неясными, и с уверенностью можно сказать лишь одно: умер он в конце лета (или осенью) 1227 года на территории государства Си-Ся.

В «Сокровенном сказании монголов», выдающемся литературном памятнике истории и культуры монголов, сказано, что тело Чингисхана положили на колесницу и повезли к подножию горы Бурхан-Халдун, находившейся на родине повелителя монголов. С одного склона этой горы стекает множество рек, по берегам которых растут густые леса. Чингисхан сам заранее выбрал это место для погребения, когда, охотясь на Бурхан-Халдун, заметил одиноко растущее дерево. Оно понравилось великому хану, и он долго просидел под ним в приятной задумчивости, а потом повелел: «Это место прилично для моего последнего упокоения. Пусть его заметят: наше место для погребения и нашего уруга будет здесь».

Как обстоятельства смерти Чингисхана остаются таинственными, так и местом его захоронения называется не только гора Бурхан-Халдун. Есть сведения, что повелитель монголов был захоронен или на южном склоне Кэнтай-хана, или в местности, которая называется Йэхэ-Утек. Марко Поло утверждает, что местом захоронения Чингисхана и других монгольских государей был северный склон Алитай-хана:

И где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за 100 дней пути до той горы, его привозят туда хоронить… И когда тела великих ханов несут к той горе, всякого дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да еще приговаривают: «Иди на тот свет служить нашему государю!»… С конями они делаюгЛ то же самое: когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают на тот конец, чтобы они были у него на том свете.

Вот такие противоречивые сведения сохранились о месте захоронения Чингисхана. Ясно только одно: делалось все в глубокой тайне, чтобы скрыть смерть грозного владыки от врагов и уберечь его останки от надругательства. Сопровождавшие гроб воины действительно убивали всех, кого встречали на своем пути, а завершив погребение, прогнали по степи большой табун лошадей, копыта которых сровняли с землей могилу великого полководца. И память о ней исчезла, казалось бы, навсегда.

Я. Шмидт, монголовед и тибетолог XIX века, основываясь на том, что монголы не умели бальзамировать трупы, считает, что тело Чингисхана от тангутского царства до Монголии не довезли, а в Монголии похоронили только какие-то вещи и реликвии великого хана. А Огодой, взойдя на престол, принес в жертву духу полководца монголов 40 красивых девушек и много породистых лошадей.

В XVII веке местом захоронения Чингисхана считалось Ихэ-Эджен-Хоро (Великая ставка) в Ордосе, где стояла юрта, в которой якобы находилась серебряная рака с его останками. В конце XIX века эти места посетил русский путешественник и этнограф Г.Н. Потанин, который записал легенду о гибели великого хана и составил описание святыни монголов.

Ордос имеет три святыни — Великую, Среднюю и Малую ставки, которые представляют собой войлочные юрты. В Великой юрте покоятся останки Чингисхана, Средней — останки его жены-монголки из рода Далат, а в Малой — платье той жены, которую он отнял у какого-то другого хана. Пленница отвергла любовь повелителя монголов, бросилась в Желтую реку и утонула, труп ее искали, но не нашли, а нашли только платье…

Великая ставка, располагавшаяся на правом берегу речки Чжамхак, состояла из двух белых войлочных юрт, которые стояли между двумя песчаными барханами на искусственной насыпи высотой около 60 сантиметров. Короткие стороны прямоугольной насыпи были обращены к северу и югу. Задняя юрта примыкала вплотную к передней, и потому дверей ее не было видно; вход был только один — через южную юрту. В том месте, где юрты соприкасались, был устроен тайный проход. На юртах сверкали золотые маковки; войлоки, покрывающие своды юрт, по нижней кромке были вырезаны фестонами в виде языков, свисающих вниз.

Внутри передняя юрта представляла собой комнату с деревянными стенами и плоским деревянным потолком. У задней стены южной юрты, где должна была бы располагаться дверь в северную юрту, стоял стол и на нем 5 или 7 светильников. Этот жертвенник и закрывал вход в северную юрту, куда входить никому не разрешалось, кроме одного только ламы. В этой юрте и хранилась медная (или серебряная) рака, в которой покоились останки Чингисхана.

Все святыни Ордоса находятся под присмотром дархатов — очень уважаемого сословия, которое избавлено от всех налогов и повинностей. Каждый год, в 21-й день 3-го месяца по лунному календарю, ордосские монголы устраивали большой праздник Тайлга (жертвоприношение) в честь Чингисхана. Празднество совершается на другом, левом, берегу речки Чжамхак, куда к этому дню свозят все три святыни Ордоса. Каждая из них разбирается и укладывается на отдельную телегу, в которую впрягают трех белых верблюдов. На новом месте юрты вновь ставятся в ряд дверями к югу, в центре — Великая ставка с останками Чингисхана. Перед ней расстилают войлок, на который садятся ламы, чтобы читать молитвы в честь великого полководца монголов. Около юрты ставят стол, а на него — серебряную посуду и чаргун. На другом столике раскладываются вещи, которые будто бы принадлежали Чингисхану — кисет для табака длиной 30 сантиметров, огниво, трубка, лук, саадак и меч.

К западу от лам стоит большая «бадья из сандалового дерева» с молоком, окованная тремя серебряными обручами. Рядом ставят телегу, на которой возят эту бадью и футляр к ней.

К югу от лам на белом войлоке стоит конь яичной белизны, который сам (без пастуха) прибегает к этому месту в день праздника. Перед конем стоит корыто, в которое поклоняющиеся бросают деньги. К востоку от белого стоит саврасый конь Найман, на которого надеты узда и седло — те самые, которые были на коне при жизни Чингисхана. Белый конь стоит без седла, так он считался посвященным богам.

К северу от саврасого коня стоит человек, которого называют Алтын-хатасун. Он опирается на рог антилопы, а ноги его зарыты в песок. «Алтын-хатасун» означает «золотой кол», и по поводу этого существует следующая легенда: «Во времена Чингисхана с неба спустилась белая, как яйцо, лошадь, которую великий полководец привязал к золотому колу, но какой-то вор украл его. Вора поймали и привели к Чингисхану, и он сказал ему:

— Ты унес у меня кол, к которому я привязал белого коня. Будь же теперь сам вместо кола!

И после этих слов Чингисхан приказал закопать вора в землю по горло и привязать к нему белого коня. И повелел и впредь делать так же — закапывать в землю одного из потомков вора». *23 Завет Чингисхана исполняли в точности вора закапывали в землю по горло, и он умирал.* Так и возник праздник Тайгла, но теперь у вора в песок закапывают только ступни ног. В течение всего этого дня Алтын-хатасуну не дают ни пить, ни есть, и он должен стоять неподвижно. А на песке, в который зарыты ступни его ног, пишут несколько букв, и если к концу праздника их найдут испорченными, то «вора» бьют. Бьют и пастухов, если «насорят» священные лошади, участвующие в празднике.

Празднество, в котором участвуют только мужчины, *24 Попутно отметим, что при нем на Руси стала впервые употребляться бумага.* начинается с поклонения Великой юрте с останками Чингисхана, потом Средней и Малой, затем белой лошади, после чего идут к Алтын-хатасуну. ему тоже поклоняются и дарят деньги, а некоторые даже лошадь. После этого паломники идут к саврасому коню Найману, поклоняются ему и стараются прикоснуться лбом к уздечке или седлу Чингисхана.

От Наймана толпа паломников направляется к девяти белым верблюдам, по дороге обходя телеги, на которых привезли юрты. Задки телег подняты вверх, и на них сидят дети дарха-тов: большие — на телегах, маленькие — под телегами. Проходя мимо них, паломники произносят:

Да будет одеяло полно детей,
Да не будет у них ни чесотки, ни насморка!
А в возраст придете —
Да будете вы счастливы и сановиты.

А потом бросают в воздух деньги, и сидящие на телегах дети стараются поймать, но слезать с телеги им нельзя. Те деньги, которые они не поймали, достаются маленьким.

После этого паломники идут к верблюдам и стараются украдкой выщипать у них немного шерсти, которую потом зашивают в добу и носят на груди. На этом поклонение заканчивается и паломники смешиваются с толпой, ждущей того момента, когда начнут кропить молоком из «бадьи из сандалового дерева». Перед началом обряда по поверхности молока пускают плавать серебряные блюдечки, потом первым блюдечком черпают молоко три раза и выплескивают его в воздух. Делает это джинан — специальный распорядитель праздника, после него то же самое делают все остальные — князья и простой народ.

Во время поклонения самому Чингисхану люди останавливаются перед Великой юртой, кланяются ей три раза и становятся на колени перед ракой с останками великого полководца. Сама рака заперта на три замка, ключи от которых находились у панчен-ламы — духовного главы буддистов Тибета. Ордосские монголы верят, что к раке опасно приближаться с дурными намерениями, и если кто-нибудь все же решится на это — у него выпадут глаза.

Потом один из дархатов берет хатак (шелковый платок), разрывает его на узкие полоски, проводит ими по раке и раздает эти полоски народу. От трения о раку великого хана полоски наполняются его силой, и те, кому

достались эти полоски, носят их на шее.

Мясо принесенной в жертву лошади, когда оно сварится, делят между всеми присутствующими, которых очень много, поэтому каждому достается кусочек величиной с наперсток, но все они называются «счастье Чингисхана» Кроме лошади, в этот день закалывают еще особую овцу. Сначала ей разрезают грудь и еще у живой вырывают сердце, легкие и горло. Их кладут перед ракой с останками Чингисхана и читают над ними священные слова. На трепещущем сердце овцы выступают какие-то «знаки», по которым ламы угадывают настоящее и будущее и возвещают его народу. Только после этого овцу убивают.

Монголы Ордоса ожидают, что Чингисхан снова явится и уведет их на старую родину, которую они называют Алтай-хан-гой — «Золотое корыто».

Вопрос о месте захоронения Чингисхана уже не одно столетие волнует исследователей многих стран. Места, указываемые в старинных источниках, по прошествии почти 800 лет со смерти великого полководца, трудно увязать с нынешними местностями и названиями. В 20-х годах прошлого века возникло предположение, что захоронение великого хана может находиться в округе Гурван-нуур («Трехозерье»), расположенном на востоке Монголии. В 1962 году здесь даже был сооружен памятник к 800-летию со дня рождения Чингисхана. Под сенью высоких деревьев, почти достигая их вершины, взметнулся ввысь обелиск в виде языков белого пламени. На нем вырезаны слова Чингисхана: «Пусть погибнет тело мое, но вечно будет жить мое государство», а также сделана такая надпись: «Основателю Монгольского государства Чингисхану — от монгольского народа». Но, несмотря на сооруженный памятник, убедительных доказательств, что именно здесь находится могила Чингисхана, нет.

ПОД ГОЛУБЫМИ КУПОЛАМИ ШИРАЗА

Во время раскопок Персеполя, парадной столицы правителей Ахеменидской державы, археологам встречалось на глиняных табличках название поселения «Ширазиш». Позднее оно стало названием иранского города Шираз — одного из древнейших на Востоке, в облике которого слились следы более чем 2500-летней истории, запечатлевшей периоды его расцвета и упадка, разрушительных землетрясений и завоевательных набегов соседей.

Шираз, в отличие от шумных Тегерана и Исфагана, выглядит оазисом тишины и покоя. Десятикилометровая автострада, ведущая от аэропорта в город — административный центр провинции Фарс, состоит из двух прямых как стрела серых асфальтовых лент, разделенных широкой полосой. На этой полосе посажены розы — сотни тысяч кустов благоухающих крупных алых и чайных роз. Ширазцы гордятся своей, возможно, самой длинной в мире аллеей, и никому из жителей никогда не придет в голову сорвать здесь хоть один лепесток.

Город богат мечетями и старинными постройками древней иранской архитектуры, и многие из них (например мечети Шах-Чераг, Вакиль и др.) по своим художественным достоинствам и пластической выразительности не уступают исфаганским. А вот знаменитые «Ворота Корана»… Когда-то к арке этого монументального сооружения, украшенного многоцветной

мозаикой, была прикреплена священная книга мусульман, что считалось знаком доброго пожелания путникам, проходившим через эти ворота. Сейчас этот экземпляр Корана хранится в музее «Парс», окруженном роскошным субтропическим садом. Среди экспонатов музея, по уверениям гидов, — самая многочисленная на Востоке коллекция Коранов, написанных стилем куфического письма.

Но подлинную славу Ширазу, этой колыбели персидской цивилизации, создали великие поэты и мыслители — Саади и Хафиз, которые родились, жили и творили в этом городе. Кажется, все здесь связано с их именами: названия улиц, площадей, знаменитые розы, воспетые поэтами соловьи Шираза и стройные островерхие кипарисы, устремившиеся в безоблачное небо. Гробницы поэтов, ставшие национальными святынями, почитаются многочисленными поклонниками таланта и любителями литературы и изящной словесности. Каждый иранец считает своим долгом хотя бы раз в жизни побывать в Ширазе, и паломничество к этим гробницам превратило город в поэтическую Мекку Востока.

Жизнь Саади уместилась почти в целое столетие, вехи его рождения и смерти — 1203–1292 годы. И многое пришлось испытать ему в долгой жизни, поэт даже попал близ Иерусалима в плен к крестоносцам и был отправлен на каторжные работы в Триполи. Но звезда удачи не покинула Саади, и он был выкуплен из неволи одним богатым купцом. Годы странствий, бедствия и лишения закалили его волю, обогатили впечатлениями, помогли понять все стороны жизни.

«Земля, в которой погребен Саади, будет источать запах любви даже через 1000 лет после смерти поэта.»

Эта надпись, сделанная на воротах сада, в котором находится мавзолей, встречает каждого пришедшего поклониться великому поэту.

В зерцале сердца отражен прекрасный образ твой.
Зерцало чисто, дивный лик пленяет красотой
Как драгоценное вино в прозрачном хрустале,
В глазах блистающих твоих искрится дух живой.
Воображение людей тобой поражено,
И говорливый мой язык немеет пред тобой
Освобождает из петли главу степная лань,
Но я захлестнут навсегда кудрей твоих петлей
Так бедный голубь, если он привык к одной стрехе,
Хоть смерть грозит, гнезда не вьет под кровлею другой.
Но жаловаться не могу я людям на тебя,
Ведь бесполезен плач и крик гонимого судьбой
Твоей душой дай на миг мне стать и запылать,
Чтоб в небе темном и глухом сравниться с Сурайей
Будь неприступной, будь всегда, как крепость в высоте,
Чтобы залетный попугай не смел болтать с тобой
Будь неприступной, будь всегда суровой, красота!
Чтобы пленяться пустозвон не смел твоей хвалой
Пусть в твой благоуханный сад войдет лишь Саади!

И пусть найдет закрытым вход гостей осиный рой

Гробница Саади была построена в 1291 году у подножия горы, расположившейся на северо-восточной окраине города — месте, где размещалась последняя земная обитель поэта. Мавзолей Саади, разрушавшийся неумолимым временем, много раз перестраивался, и последний раз он был обновлен в конце 1950-х годов. Строгое монументальное сооружение, покоящееся на восьми колоннах, отделано красноватым мрамором. Гробница окружена цветами и вечнозелеными деревьями, а над самой могилой, как небесный свод, нависает бирюзовый купол, который виден еще издалека. С фасада перед гробницей устроена высокая колоннада, уставленная живыми цветами. Мавзолей украшен ажурными решетками и мозаикой, а на его каменных стенах — сложная вязь строк стихов Саади.

Судьба другого выдающегося поэта — Хафиза — тоже тесно связана с Ширазом, но в отличие от своего земляка и предшественника он всю жизнь прожил в родном городе, почти не выезжая за его пределы. Как и Саади, он получил богословское образование, благодаря феноменальной памяти и исключительным способностям выучил наизусть весь Коран и стал его ученым комментатором. Это обстоятельство и объясняет закрепившееся за поэтом имя «Хафиз», что означает «хранящий в памяти».

Путеводная звезда Хафиза взошла на поэтическом небосклоне, когда мир уже познакомился с непревзойденным мастером эпического жанра Фирдоуси и его поэмой «Шах-намэ», с родоначальником прекрасных рубай Абу Али Сина, с полными поэтической сладости стихами Омара Хайяма, с «Пятерицей» Низами Гянджеви. Казалось бы, на фоне творчества таких блистательных поэтов и мыслителей трудно, если вообще возможно, обратить на себя внимание. Однако Хафиз заставил говорить о себе весь поэтический мир: дар поэта проникать в человеческую душу и природу вещей был столь глубоким и всеохватывающим, что под его пером новыми гранями засверкали чувства, помыслы, надежды и чаяния людей.

Когда красавицу Шираза своим кумиром изберу,
За родинку ее отдам я и Самарканд, и Бухару
Налей мне, кравчий, полный кубок!
В раю не будут мне даны Сады в окрестностях
Шираза и лепет речки поутру.
Смутив, похитила наш разум толпа смуглянок озорных:
Так похищают угощенье отряды тюрков на пиру.
К чему возлюбленной прекрасной моя ничтожная любовь?
Нужны ли красоте румяна? Она отвергнет мишуру!
Юсуфа красоту постигнув, я понял: так всесильна страсть,
Что Зулейха решила сбросить заветной скромности чадру.
Меня осыплешь едкой бранью — молиться буду за тебя;
Твои уста роняют сахар — я этот сахар соберу!

Хафиз скончался в 1389 году и был похоронен в городском саду, который он очень любил. Через 60 лет после смерти поэта над его могилой возвели мавзолей — легкое сооружение на мраморных колоннах,

выполненное в виде беседки. Никогда не зарастает тропа к мавзолею Хафиза. Здесь под голубым куполом, формой своей напоминающим головной убор дервиша, всегда многолюдно. Восемь белых колонн, поддерживающих купол, как бы символизируют вечную связь поэта с народом и его непрекращающееся в веках общение с ним. На постаменте — колонна белого мрамора, на которой искусной рукой каллиграфа арабской вязью выписаны стихи Хафиза. Вокруг мавзолея застыли стройные кипарисы, словно охраняя покой поэта. Пышные сосны, могучие ветви которых устремились к бирюзовому куполу, укрывают своей тенью усыпальницу великого Хафиза.

Любовь к поэту и вера в его поэзию в древние времена породили добрую традицию у иранцев, которые приходят к мавзолею своего великого соотечественника угадать собственную судьбу. Приложив два пальца к гробнице поэта, люди наугад раскрывают томик его стихов, читают газели и верят, что пророчество Хафиза обязательно сбудется.

Мой друг, внимай моим советам — ведь старца мудрого совет
Поможет юношам счастливым прямым путем прийти к добру…

У обеих гробниц как символ вечной жизни — вода. У мавзолея Хафиза среди цветов расположился фонта… Рядом с усыпальницей Саади стекает с гор чистый прохладный ручей, собирающийся в небольшой подземный бассейн. Под его мерное журчание когда-то слагал свои газели знаменитый ширазец — автор бессмертного «Гюлистана».

УСЫПАЛЬНИЦА ДАТСКИХ КОРОЛЕЙ В РОСКИЛЛЕ

Роскилле — древняя столица Дании, откуда ее короли мечом и огнем водворяли на островах свою власть. Сейчас в этом небольшом провинциальном городке, расположенном неподалеку от Копенгагена, проживает чуть более 30 000 человек.

Из-за отсутствия природного камня в Дании при строительстве соборов использовали кирпич. Так было и при возведении собора святого Лукия, но храм получился великолепным, как и подобает собору в городе-резиденции датских королей. В X веке на месте нынешнего собора стояла небольшая деревянная церковь, но в XI веке здесь появилась уже каменная постройка. Согласно легенде, средства на ее возведение были даны королем Кнутом, который хотел искупить свой грех — убийство Улафа Йорка, брата жены. Королевское насилие и Роскилле на некоторое время оказались тесно связанными: Свен II, сын Улафа, был отлучен от церкви за убийство своих гостей во время богослужения.

В 1190-х годах под неусыпным оком епископа Педера Су-несона, находившегося под впечатлением от шедевров французской церковной архитектуры, на развалинах двух первых церквей был воздвигнут третий по счету храм. Возводили его в позднем романском стиле с нефом и хорами с обходом, к тому же собор увенчали две башни, напоминающие шишаки рыцарей. В последующие времена собор постепенно разрастался: со стороны северного нефа к нему пристроили капеллу, а у основания башен — еще две небольших капеллы.

К числу самых ранних королевских надгробий относятся памятники герцогу Кристофору, умершему в 1363 году, и королеве Маргарите Датской,

усилиями которой Дания объединилась с Норвегией. Королеву сначала похоронили в Бьерне-дикирке близ Соре, но в 1412 году останки ее перенесли в Роскилльский собор и положили в великолепную гробницу из черного мрамора, которая расположилась за высоким алтарем. Автором проекта этой гробницы был Иоганн Младший из Любека, создавший прекрасный образец готического надгробия. Случившийся в 1443 году пожар нанес собору большие повреждения, но их вскоре ликвидировали, и король Кристиан I был погребен уже в реконструированном соборе.

Начиная с этого времени собор в Роскилле становится традиционной усыпальницей датских королей и королев, и все последующие перестройки выполнялись в нем ради удобного размещения памятников и гробниц. Так, король Кристиан IV в 1615–1620 годы в северном нефе построил капеллу, план которой еще при жизни составил сам. Капелла эта занимает в соборе немного места, но в ней были погребены сам Кристиан IV, его первая жена королева Анна Катарина, его старший сын принц Кристиан, король Фредерик III и его супруга София Амалия. А при захоронении короля Фридриха V в 1772 году потребовалось снести капеллу Пресвятой Богородицы XIV века.

Всего в Роскилльском соборе похоронено 38 особ датского королевского дома. Погребен здесь и король Кристиан X, которого датчане очень уважают за то, что в годы немецкой оккупации он держался с большим достоинством. Когда гитлеровцы потребовали, чтобы евреи Дании носили на рукавах желтые повязки, король заявил, что он и члены его семьи первыми наденут такие повязки… Последним в Роскилле был похоронен король Фредерик IX.

В соборе покоится и прах принцессы Дагмары, ставшей русской императрицей Марией Федоровной. Летом 1864 года великий князь Николай Александрович нанес визит датской королевской чете: формально причиной визита была остановка цесаревича, возвращавшегося домой с голландского курорта Схевенинген. Однако родители умной и обаятельной принцессы Дагмары, король Кристиан IX и королева Луиза, догадывались об истинных мотивах приезда великого князя. По сердцу он и Дагмаре, и все идет в желанном русле: отъезд принца на родину за родительским благословением, а потом возвращение в Данию для официальнойпомолвки.

Молодые аристократы готовятся к брачному союзу, но тяжелый недуг внезапно сразил 21-летнего наследника российского престола, прежде чем зазвучали свадебные колокола. Умирая в Ницце в апреле 1865 года, он соединил руки своей невесты и младшего брата Александра, завещая им вступить в брак после своей кончины. Породнившись с самой могущественной монархией мира, принцесса Дагмара из династии Глюксбургов достигла высшего положения, которое было доступно женщине. Но триумф и трагедия переплелись в судьбе Марии Федоровны очень тесно, и на долю супруги императора Александра III, прожившей в России более 50 лет, выпало много трагических испытаний: свекор, император Александр II, скончался на ее глазах в Зимнем дворце, раненный бомбой террориста. Жертвой террора стал и один из братьев мужа — великий князь Сергей Александрович; Мария Федоровна перенесла смерть мужа, четырех сыновей и пятерых внуков, а в 1913 году был убит брат вдовствующей императрицы — принц Вильгельм, известный

под именем греческого короля Георга I.

В апреле 1919 года Мария Федоровна покинула Россию на английском корабле «Мальборо», глядя с его палубы на тающий в дымке крымский берег. Через Константинополь, Мальту и Лондон она возвратилась на свою историческую родину — в Данию. Сначала она жила в королевском дворце Амалиенборг, потом переехала в замок Видере, была очень популярна среди датчан и в меру своих возможностей помогала русским эмигрантам первой волны, которые продолжали считать Марию Федоровну императрицей даже тогда, когда не стало самой империи… Умерла она 13 октября (по новому стилю) 1928 года…

Мария Федоровна сначала была похоронена с южной стороны собора, в капелле Фредерика V, но потом королевская семья Дании решила перенести ее прах в склеп, расположенный в нижнем помещении западной части собора прямо под усыпальницей ее родителей — короля Кристиана IX и королевы Луизы.

В начале 1990-х годов в датской прессе обсуждался вопрос о перенесении останков Марии Федоровны в Русскую церковь Александра Невского, где в далеком 1928 году ее отпевали. Чтобы отдать последние почести русской императрице, в Копенгаген съехались тогда сотни русских эмигрантов из разных городов Европы, а также представители всех европейских королевских домов. Датский король Кристиан X, племянник Марии Федоровны, относился к своей тетушке как к бедной родственнице и не спешил устроить ей торжественные похороны, считая это событие делом семейным. Пытались замолчать это событие и большевистские представители в Дании. Лишь под давлением общественности и по настоянию дочерей Марии Федоровны — Ольги и Ксении — королю пришлось изменить свое решение.

Похороны прошли торжественно. Длинная процессия, во главе которой шли служители церкви в сопровождении эскорта датской гусарской гвардии, проследовала через Копенгаген к станции Естепарт. Далее задрапированный пурпуром гроб с телом датской принцессы, бывшей русской императрицей, направился к знаменитому Роскилльскому собору. Саркофаг русской императрицы стоит здесь в окружении трех русских икон, однако поклониться ее праху все эти годы можно было только по специальному разрешению администрации собора. Но в день рождения императрицы представители Русской церкви Александра Невского всегда служили молебен у ее гроба…

В 1945 году в Роскилле был установлен неотесанный гранитный камень, на котором высечены имена одиннадцати героев движения Сопротивления, расстрелянных гитлеровцами.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ УСЫПАЛЬНИЦА В КРЕМЛЕ

Первоначально на месте Архангельского собора Кремля, на южной стороне Боровицкого холма, была поставлена деревянная церковь в честь архангела Михаила — небесного покровителя русских князей в их ратных делах. Свидетельств о конкретном времени ее возведения, так же как и о имени создателя, не сохранилось. Правда, есть предположения, что ее начал возводить в 1247 году Михаил Ярославич Храбрый — владетельный князь Москвы, родной брат Александра Невского. Древние предания повествуют, что в самом начале XIV века в этой церкви были погребены

два московских князя — Даниил Александрович и его старший сын Юрий Данилович. Первый скончался монахом в 1303 году, второй был убит в Орде в ноябре 1325 года, но в том же году привезен в Москву и после отпевания погребен в храме.

В 1333 году при Иване Калите вместо деревянного сооружается каменный собор, у южных врат которого через 8 лет был похоронен и сам князь, и с этого времени вплоть до начала XVIII века Архангельский собор служил усыпальницей русских князей, великих и удельных, находившихся в прямом родстве с князьями Московского дома, а впоследствии — и почти для всех русских царей. Вместе с Иваном Калитой покоится и старший сын его — великий князь Симеон Гордый, вступивший на престол в 1341 году и державшийся правил своего отца: служа хану, он укреплял Русскую. *25 Попутно отметим, что при нем на Руси стала впервые употребляться бумага.*

Второй сын Ивана Калиты — Иоанн II Иоаннович — княжил только 6 лет, носил имя Кроткого, скончался монахом в 33-летнем возрасте. В его княжение внутренние и внешние враги, пользуясь тихим нравом князя, много беспокоили княжество Московское. Сын его, будущий князь Дмитрий Донской, внук Ивана Калиты, после смерти отца остался ребенком и первое время княжил под руководством митрополита Алексея. После Куликовской битвы он укрепил свое влияние во многих землях, так как битва стала поворотным моментом в отношениях между Москвой и Золотой Ордой. Великий князь погребен в Архангельском соборе, где позже похоронили и серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго — другого героя Куликовского сражения, двоюродного брата Дмитрия Донского. У самого иконостаса похоронен Василий Темный — внук Дмитрия Донского. На великий престол он вступил ребенком (около 10 лет от роду), и в Московском княжестве сразу же начались междоусобицы, продолжавшиеся 20 лет. Князь ослепил своего двоюродного брата Василия Косого, а потом сам подвергся такой же участи.

При великом князе Иване III на Соборной площади Кремля возводятся новые величественные сооружения — великокняжеский дворец, Успенский и Благовещенский соборы, колокольня Ивана Великого, поэтому скромная великокняжеская усыпальница уже не устраивала московских царей. В 1505 году храм времен Ивана Калиты был разобран, и на его месте итальянский мастер Алевиз Новый возвел Архангельский собор, завершивший ансамбль Соборной площади. После перестройки собора останки великих и удельных князей были торжественно перенесены во вновь возведенный храм.

Первая гробница от западных ворот к северной стене — царя Василия Ивановича Шуйского. Возведенный на престол после низложения Лжедмитрия, он, однако, не сумел приобрести расположения народа, к тому же в его царствование появился второй самозванец. Князь М.В. Скопин-Шуйский разбил войско Лжедмитрия II, и народ готовился к торжественной встрече его из похода. Однако во время торжеств пришла весть, что прославленный герой внезапно скончался, это всех сильно поразило и возбудило подозрения. Народ взбунтовался, и во время бунта царь В.И. Шуйский был свергнут с престола, насильно пострижен в монахи и отвезен в Польшу, где через несколько месяцев скончался.

Рядом с надгробием царя В.И. Шуйского расположены три так называемые «неизвестные» гробницы. Они стоят без надписи, нет даже преданий о том, кто в них погребен, поэтому в разное время их приписывали разным лицам, в основном основываясь на предположениях. Одни считали, что в двух из них покоятся братья В.И. Шуйского, а в третьей — князь В.В. Голицын, тоже умерший в польском плену. Прах последнего 23 года покоился в Варшаве, а в 1635 году по желанию царя Михаила Федоровича был перевезен в Москву. Однако многие исследователи считают, что прах князя В.В. Голицына и братьев царя В.И. Шуйского никак не мог быть погребен в Архангельском соборе — священной усыпальнице русских царей. Если гробница М.В. Скопина-Шуйского, находящаяся, впрочем, в приделе церкви Иоанна Предтечи, и указывает на подобное отступление, то надо все-таки помнить, что он был племянником царя В.И. Шуйского и погребен еще при жизни этого государя.

В летописях значатся имена великих князей, похороненных в Архангельском соборе, но гробниц этих князей в соборе нет. Ученые предполагают, что, может быть, они и похоронены в «безымянных» гробницах. Это могли быть тверской князь Дмитрий Михайлович, убитый в Орде, и Иван Иванович Малой — брат Дмитрия Донского. Последнее подтверждается и изображением на стене его ангела — святого Иоанна Богослова. В третьей гробнице, почти достоверно можно сказать, похоронен великий князь Андрей Иванович Старицкий, о чем сказано на надгробном камне, найденном при реставрации собора в 1835 году: «Въ лето 7045–1537 декабря въ 11 день преставися благоверный князь Андрей Ивановичъ Старицкш», сын Ивана III. Великий князь был человеком слабохарактерным и блестящих свойств не имел никаких, поэтому при дворе пользовался лишь внешними знаками достоинства и уважения. Однако он решился на бунт, за что был заключен в «тесную палату», где и умер через 6 месяцев.

Из 54 захоронений Архангельского собора 52 находятся под землей. Князья, великие и удельные, похоронены в тесаных белокаменных гробах, скрытых под полом, а над захоронениями возведены кирпичные надгробия. В XVIII веке на них были установлены белокаменные плиты с надписями и орнаментом. В 1903 году, чтобы охранить надгробия от разрушения, их заключили в медные чехлы.

На полу собора расположились две раки со святыми мощами. В одной из них покоятся останки святого благоверного князя-мученика, убитого в Золотой Орде в 1245 году, в другой — святого страстотерпца царевича Дмитрия (младшего сына царя Ивана Грозного), убитого в 1591 году в Угличе.

В царствование Екатерины II по воле императрицы была устроена рака для мощей святых черниговских чудотворцев — благоверного князя Михаила и боярина его Федора, погибших в Орде. Мощи черниговских чудотворцев сначала привезли во Владимир, потом в Чернигов, где они и почивали 330 лет. В 1572 году по желанию Ивана Грозного их привезли в Москву и сначала положили в построенный для них у верхних Тайницких ворот Черниговский храм. Когда же все строения и приказы, окружавшие этот собор, снесли, то мощи святых чудотворцев перенесли во дворцовый Сретенский собор, а уж оттуда — в ноябре 1774 года — в Архангельский

собор.

Для сооружения раки из Коллегии экономии в распоряжение Экспедиции строений Кремлевского дворца было отпущено 12 000 рублей. Наблюдать за исполнением работ поручили архитектору В.И. Баженову, который представил и рисунки барельефа, по его собственному признанию, «скорыми мыслями» за недостатком времени, но в точном соответствии с размерами гробницы. Первый рисунок представлял, как воины Батыя ведут князя Михаила через огонь, чтобы он поклонился идолам. На втором за князем следует его боярин Федор, и оба они от поклонения идолам отвращаются; на третьем изображено, как отступник-христианин отрубает благоверному князю голову, на четвертом — тела святых брошены на съедение псам, а над телами изображен сходящий с небес огненный столп.

Для работы В.И. Баженов пригласил венгра Ивана Пранка — золотых дел мастера, а для исполнения серебряной и чеканной работы — немецкого мастера Роберта Пиля. Пока шли приготовления для сооружения раки, В.И. Баженов составил барельефные рисунки уже в более тщательно отделанном виде. Императрица живо интересовалась сооружением раки и торопила мастеров, но разразившаяся в 1771 году моровая язва унесла жизни многих работавших над ракой, другие перед страхом смерти сами разбежались. Да и В.И. Баженов в июле 1771 года отказался от дальнейшего наблюдения за производством раки, сославшись на множество других дел. Работа возобновилась только в 1772 году и закончена была к 1774 году.

Во главе раки, в украшенном лаврами овале, была выгравирована молитва святым мученикам, а в ногах (в таком же овале) изображалось краткое описание их жизни. Вокруг рака украшалась изображениями ангелов, а крышка и карниз ее были испещрены резными пальмами и другими украшениями. На крышке на медной доске был исполнен образ лежащего в гробу князя.

В 1812 году Архангельский собор подвергся осквернению и разграблению. В надежде найти церковное золото французы до половины разрушили надгробие князя Ярослава Всеволодовича. Затем весь чугунный помост загромоздили бочками с вином, а уходя из Москвы, разбили все бочки и бочонки, и вытекшее вино залило соборный помост на несколько вершков. Была похищена и рака святых черниговских чудотворцев. Ее заменили бронзовой — высеребренной и с образами прекрасной работы как на самой раке, так и на столбе над ней.

Когда епископ Августин в первую ночь после ухода французов пришел в собор, то не обнаружил и мощей святого царевича Дмитрия. Но после выяснилось, что их сохранил Иван Яковлевич Виноградов — священник одного из храмов Вознесенского монастыря. После восстановления Архангельского собора преосвященный Августин 1 февраля 1813 года освятил храм по большому чину, и на другой день в него внесли мощи царевича Дмитрия. Рака царевича Дмитрия была тоже похищена, но к этому времени на средства московского купца Д.А. Лухманова устроили серебряную раку, на которую положили серебряный барельеф с вычеканенными на нем княжескими регалиями. Впоследствии перед ней поставили медно-серебряный подсвечник с круглой чашей, которую поддерживают 4 вызолоченных двуглавых орла. На чаше

отливными буквами сделана надпись: «1832 года усердием граждан города Углича».

На крышке раки запечатлен лик царевича в возрасте, когда он погиб. Из серебра вычеканены княжеские одежды и то ожерелье, которое дерзнул схватить убийца, занесший руку над ребенком. Вокруг юного чела царевича сияют два венца: один — земной, второй небесный — мученика. Над возглавием святых мощей царевича Дмитрия, за стеклом медного вызолоченного киота хранятся его личные вещи: деревянные складни с изображением «Деисус» и серебряный вызолоченный ковчежец с резным изображением царевича Дмитрия на крышке. В ковчежце хранятся волосы царевича, ореховые скорлупки, две ладанки из шелковой материи и другие вещи.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

Основание Троице-Сергиевому монастырю (с 1744 года — лавра) положили преподобный Сергий, в миру Варфоломей, и брат его Стефан. Сначала братья построили себе кельи, а потом на вершине холма Маковец построили небольшую часовню. Она предназначалась для чтения «часов» — псалмов и молитв, приуроченных к определенным часам дня.

Вскоре Стефан ушел в Москву — в Богоявленский монастырь, и Варфоломей остался один. Жил он скромно и достойно: бортничал, ловил рыбу, питался кореньями и орехами… По окрестностям растекалась молва об отшельнике и святости его жизни, и начали сюда приходить люди, желавшие спасения, — просили пристанища и селились рядом. Сообща поставили церквушку во имя Пресвятой Троицы, которую освятил митрополит всея Руси Феогност, со временем перебрались из землянок в добротные срубы, и вскоре вокруг церкви образовался небольшой монастырь. И кельи свои, и монастырь братья обнесли оградой, а потом избрали преподобного Сергия Радонежского себе начальником.

Дальнейшее развитие этой обители связано с активной деятельностью предприимчивого и энергичного игумена Никона — преемника преподобного Сергия, скончавшегося в 1392 году. В августе 1408 года полчища татарской конницы под водительством хана Едигея подошли к Москве и окружили город, рассчитывая взять его долгой блокадой. Месяц стояли вражеские войска под Москвой, грабя окрестные села. Был разграблен и Троицкий монастырь, однако в это время в самой Орде обострились раздоры, и Едигей, взяв с москвичей «откуп» в 3000 рублей, поспешил назад.

Когда Троицкие монахи возвратились в свою обитель, они увидели на ее месте только пепел от пожарища. С помощью великого московского князя игумен Никон отстраивает монастырь вновь, во всем следуя его прежней планировке. На месте старой церкви, где был похоронен преподобный Сергий, возводится новая — тоже деревянная, но больших размеров. В 1422 году преподобный Сергий был причислен к лику святых, его официально объявляют покровителем и заступником земли Русской, и в связи с этим над гробом его начинается возведение белокаменного Троицкого собора Поставленный «в похвалу» вьющихся заслуг Сергия Радонежского перед Отечеством и церковью, Троицкий собор стал, таким образом, одним из первых мемориальных памятников Московской Руси.

В это же время были обретены мощи преподобного, причем обретение их сопровождалось многими чудесами и исцелением недужных и больных людей. Мощи преподобного Сергия покоятся у южной стены Троицкого собора, близ иконостаса, и по сей день источают благодать и исцеление всем, кто приходит к ним с верой. Мощи почивают в богатейшей серебряной позолоченной раке, сооруженной царем Иваном Грозным. Стенки прямоугольной (по размеру гроба) раки покрыты тонким рельефным орнаментом, на фоне которых четко выделяются накладные фигурные клейма с замысловатой вязью текстов из «Жития Сергия». Одновременно был сделан и великолепный золотой оклад на надгробную икону Сергия в рост, служившую крышкой гроба. *26 В 1835 году эта икона была заменена ныне существующей крышкой гроба, также чеканенной из серебра и украшенной скульптурными изображениями херувимов в оформлении цветочных гирлянд.* У раки Сергия Радонежского торжественным «крестоцелованием» московские князья скрепляли союзы, совершали молебны перед походами и по окончании их, крестили наследников престола и отмечали другие события. Например, в 1552 году царь Иван Грозный перед походом на Казань приходил в монастырь и пред гробом преподобного Сергия получил невидимое благословение от Святого заступника небесного. Оно осенило царя, и пали перед ним твердыни Казанского ханства.

В Троице-Сергиев монастырь рака была передана через год после смерти Ивана Грозного — уже от имени царя Федора и царицы Ирины «с молением о чадородии».

Осеняющий раку серебряный балдахин, устроенный в 1737 году императрицей Анной Иоанновной, был виртуозно выполнен в мастерской московского чеканщика Давида При-фа. Балдахин, весящий более 400 килограммов, стоит на четырех фигурных столбах и пышно украшен замысловатыми орнаментальными рельефами. Перед ракой теплится серебряная вызолоченная Неугасимая лампада, а для свеч устроен большой серебряный подсвечник.

В юго-западном углу Троицкого собора почивают останки князя Андрея Владимировича, которому село Радонеж досталось в удел по духовному завещанию его отца — князя Владимира Храброго. Кроткий и благочестивый князь Андрей принял в обители схиму с именем Саввы, и по кончине над гробом его была укреплена медная доска с летописью.

За алтарем Троицкого собора покоятся останки представителей рода Горбатых-Шуйских, и среди них — Александр Борисович Горбатый-Шуйский, один из храбрейших воевод в покорении Казанского ханства, а потом наместник его.

Искусный в делах ратных и истинный христианин, он впоследствии стал первой жертвой Ивана Грозного во второй период учиненных царем казней. Боярина обвинили в злых умыслах на жизни не только самого царя, но и покойной царицы Анастасии и вместе с 17-летним сыном Петром приговорили к смерти. Оба шли к месту казни без страха, держась за руки. Сын не хотел видеть смерти отца, и первый склонил голову под меч палача. Но отец отвел его в сторону со словами. «Да не узрю тебя мертвого!», и юноша уступил отцу. А потом поднял его отрубленную голову, поцеловал ее, взглянул на небо спокойным взором и отдал себя в руки палача.

Когда скончался преподобный Никон, над гробом его была возведена церковь, которая находится у самого входа в Троицкий собор — у правой стороны его. Строители возвели не отдельно стоящее мемориальное здание, а прислонили его к мощной стене Троицкого собора, объединив два здания и увековечив в камне духовную связь основателя монастыря и его ученика и преемника. Мощи преподобного Никона почивают под спудом в юго-западном углу придела. Позолоченная рака преподобного Никона была устроена преосвященным Платоном — митрополитом Московским. Рака была покрыта басменным серебром, а перед ней на стенах стояли разные древние иконы. Но иконостас Никоновского придела и рака преподобного Никона до настоящего времени не сохранились. Заново они были сделаны в 1950-х годах под руководством профессора Ф.Н. Мишукова.

В Троицком соборе, ближе к Никоновской церкви, покоятся останки представителей рода Воротынских, к северу — представители рода Глинских и Голицыных. Среди последних — родоначальник рода Михаил Иванович Булгаков-Голица. Взятый в плен в битве под Оршей, он 38 лет томился в литовском плену и на родину вернулся только в 1552 году. Оставшуюся жизнь он посвятил Богу, приняв в обители схиму с именем Ионы. Под западным притвором собора упокоились представители родов Одоевских и Трубецких…

К южной стороне Троицкого собора пристроен каменный притвор с широкими окнами и лепным карнизом, устроенный в 1559 году над гробом новгородского епископа Серапиона, бывшего в 1495–1506 годах игуменом монастыря. Часто этот притвор называют Серапионовой палаткой, а устроен он по преданию на месте бывшей кельи преподобного Сергия, в которой он удостоился посещения Богоматери с двумя апостолами. Здесь, на южной стороне, взорам верующих предстает икона этого благодатного видения, которая украшена серебряной позолоченной ризой, золотым венцом и короной из драгоценных камней. Близ этого образа в особых ковчегах хранятся десная (правая) рука Святого первомученика архидиакона Стефана и камень от Гроба Господня.

Вне палатки, с южной стороны, находятся захоронения келаря Авраамия Суханова и Святого Дионисия, архимандрита Троице-Сергиевого монастыря и славного сподвижника келаря, вместе действовавших по спасению Отечества от нашествия поляков.

В 1618 году, во время нападения на монастырь польских войск под командованием полковника Владислава Чаплинского, келарь Авраамий приказал сжечь все находящиеся вокруг нее строения, чем принудил поляков отступить. Один только Троице-Сергиев монастырь устоял в то смутное время, ибо каждый его инок был воином, и ни один из них не запятнал изменой славы обители.

После занятия Москвы поляками архимандрит Дионисий послал из монастыря всю находившуюся в нем церковную утварь и сокровища казакам, которые не хотели идти сражаться. И умолял, чтобы они не расходились до окончания дела. Казаки, увидев все это, умилились и не взяли ничего, а потом успокоились и пришли в послушание своим начальникам.

Где еще можно найти другого Дионисия, другого Авраамия и подобную братию? Сам патриарх Иерусалимский Феофан, посланный вселенскими патриархами для поддержания на Руси православия, приходил в эту обитель подивиться на них…

При царе Иване Грозном, по образцу кремлевского Успенского собора, начал строиться Успенский собор Троице-Сергиевого монастыря, а окончен он был его сыном — царем Федором Иоанновичем. Внутри собора устроены три придела — во имя святого великомученика Федора Стратилата, во имя святой мученицы Ирины и во имя Святого Николая чудотворца. В юго-западном углу собора покоятся датская королева Марфа Владимировна (дочь Старицкого князя Владимира Андреевича) и дочь ее — королева Евдокия, в западной стороне — архиепископ Рязанский Моисей (скончался в 1651 г.), архиепископ Московский Августин (скончался в 1819 г.) и митрополиты московские Макарий и Леонтий.

Неподалеку от Успенского собора, против северо-западного угла его, покоятся бренные останки царя Бориса Годунова, его кроткой супруги Марии, невинного сына — царя Федора и дочери Ксении (в иночестве Ольги).

5 апреля 1605 года Борис Годунов, встав от обеда, поднялся на высокий дворцовый терем, с которого часто обозревал Москву. Но вдруг поспешно сошел оттуда и стал жаловаться на колотье и тошноту. Приближенные бросились за врачами и духовенством, а между тем царю становилось все хуже: из носа и ушей у него пошла кровь, он начал терять сознание… Едва успели причастить Бориса Годунова Святых Тайн и наскоро совершить пострижение в схиму с именем Боголепа, как он испустил дух, оставив семью и престол в роковые минуты.

На следующий день Бориса Годунова погребли в Архангельском соборе Кремля — усыпальнице московских государей, однако злоба людская преследовала царя и за гробом. Не признавая при жизни его прав на престол, бояре и мертвому не хотели дать ему места среди погребений властителей Московского государства. Через шесть недель, когда сын его Феодор был свергнут с престола и убит вместе с матерью, из Архангельского собора вынесли гроб с останками Бориса Годунова и зарыли с телами жены и сына на «убогом доме» Варсонофьевского монастыря. Но и здесь их прах не нашел вечного упокоения. Воцарившийся царь Василий Шуйский в сентябре 1606 года приказал перевезти останки Годуновых в Троице-Сергиев монастырь и похоронить на паперти против северо-западного угла Успенского собора. В 1781 году паперть собора была уничтожена, а над гробницами Бориса Годунова, его супруги, их сына Федора и дочери Ксении был устроен низкий каменный шатер.

Церковь во имя Сошествия Святого Духа в присутствии кроткой и добродетельной супруги Анастасии была заложена собственными руками Ивана Грозного после завоевания им большей части Ливонии. При этой церкви, в особой палатке, покоится прах невинного страдальца, инока Максима Грека — мужа незабвенного в российской церковной истории.

Церковь над мощами преподобного Михея построена в память явления Пресвятой Богородицы со святыми апостолами Петром и Иоанном Богословом преподобному Сергию. Этого видения удостоился и преподобный Михей — ученик преподобного Сергия Радонежского. Храм

был сооружен по повелению императрицы Анны Иоанновны в 1734 году. В 1781 году он был заново украшен старанием митрополита Московского Платона.

В 1744 году Троице-Сергиев монастырь приобрел статус лавры (от греч. laura). Так назывались лишь некоторые мужские православные монастыри. В России они подчинялись непосредственно патриарху, с 1721 года — Синоду. (На территории Российской империи имелись еще Киево-Печерская, Александро-Невская, Почаевско-Успенская лавры.)

На открытом пространстве Троице-Сергиевой лавры, между Троицким собором и колокольней, стоит обелиск высотой около 10 метров, сооруженный из дикого камня. На верху обелиска, украшенного мрамором, — позолоченный шар, на поверхности которого устроены солнечные часы. На четырех сторонах постамента вделаны белые мраморные доски, на которых вырезаны краткие описания заслуг Отечеству, которыми в разное время прославилась Троице-Сергиева лавра.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РУССКИХ КНЯГИНЬ, ЦАРИЦ И

В 1529–1530 годах, при царе Василии III, итальянский зодчий Алевиз Новый возвел в северо-восточной части Кремля (близ Спасских ворот) собор Вознесенского девичьего монастыря в честь Вознесения Господня — на месте прежнего, заложенного еще святой Евфросинией Московской — вдовой Дмитрия Донского (до пострига — великая княгиня Евдокия Дмитриевна).

Первый храм стали строить в мае 1407 года, но при жизни преподобной Евфросинии успели сделать немного, и дело продолжила ее невестка — великая княгиня Софья Витовтовна. Однако пожар 1415 года уничтожил стены и своды возводимого храма, и через 50 лет великая княгиня Мария Ярославна, супруга великого князя Василия Темного, хотела разобрать и заново построить Вознесенский храм. Однако некто Василий Ермолин придумал с мастерами-каменщиками обгорелые стены обложить новым кирпичом, своды храма, сломавши, возвести новые. И когда это было сделано, современники очень дивились сему, не видя ничего подобного в строительном деле. *27 Вознесенский храм впоследствии еще несколько раз подвергался пожарам, но каждый раз восстанавливался; окончательно он был возобновлен в 1721 году.*

Преподобная Евфросиния вела подвижническую жизнь, построила еще несколько церквей и монастырей и скончалась 7 июля 1407 года. Оплаканная сыновьями своими, боярами и всем народом, она была погребена на месте, заранее приготовленном ею самой — внутри еще строившегося храма Вознесения. Преподобная Евфросиния удостоилась прославления и после своей кончины: много раз видели, что у ее гроба сама собой возгоралась незажженная свеча, что являлось доказательством святости погребенной. Таким образом, в первой трети XV века в Кремле было две усыпальницы: Архангельский собор — для государей и Вознесенский — для их близких родственников. И до 1731 года Вознесенский собор оставался некрополем всех княгинь, цариц и царевен.

В Вознесенском соборепокоится и Мария Борисовна, дочь тверского князя Бориса Александровича. Она была обручена с московским князем Иваном III, когда ему было всего 7 лет. Через это обручение родители их, бывшие до того времени заклятыми врагами, заключили союз против вероломных действий князя Дмитрия Шемяки, стремившегося овладеть

Московским княжеством в ущерб законному великому князю московскому Василию. По отзывам «Русского летописца», Мария Борисовна была смиренной и доброй, но недолго она могла утешать своими добродетелями Ивана III. Прожив в супружестве 5 лет, великая княгиня внезапно скончалась в апреле 1467 года. Великого князя в Москве тогда не было, и усопшую со всеми почестями погребли в Вознесенском соборе митрополит Филипп I и мать Ивана III, великая княгиня Мария Ярославна. Последняя по кончине своей была погребена рядом — в юго-западном углу храма.

Направо от южных ворот первой располагалась гробница великой княгини Евдокии Лукиановны, второй супруги царя и великого князя Михаила Федоровича, скончавшейся в августе 1645 года. Через год на ее надгробие был сделан драгоценный бархатный покров и Поставлена золотая братина, принадлежавшая ей при жизни. В следующей гробнице похоронена великая княгиня Мария Ильинична — первая супруга царя и великого князя Алексея Михайловича. Она скончалась 3 марта 1669 года в возрасте 44 лет. В течение трех лет по ее кончине государь и супруг ее пожертвовал в монастырь две печатные книги бесед святого Иоанна Златоуста с надписью на них и устроил над надгробием великой княгини бархатный покров, а также подарил в монастырь серебряное золоченое блюдо.

В третьей могиле у южных ворот покоилась Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича и мать Петра I. В середине января 1694 года она почувствовала первые признаки предсмертной болезни и 20 числа призвала к себе патриарха Адриана с духовенством, приобщилась Святых Тайн, освятилась елеем и благословила обоих царей, Ивана и Петра. В следующие три дня государыня повелела отдать все свои царские одеяния в церкви, сокровища разделить между бедными, а накануне кончины своей (24 января) упросила царей сложить казенные долги и отпустить узников.

Петр I был глубоко опечален кончиной матери, велика была скорбь и всего народа православного, лишившегося в лице Натальи Кирилловны своей благодетельницы. Когда гроб с ее телом вынесли из царского дома, великое множество людей всякого звания бросилось к нему со слезами, и погребальное шествие с трудом могло двигаться среди рыдающей толпы к Вознесенскому собору.

Великие князья и государи российские много жертвовали в Вознесенский собор, и в его ризнице постепенно скапливались большие сокровища. Но в 1812 году французы, не пощадившие кремлевские дворцы и соборы, многое растащили и из Вознесенского собора. Правда, некоторые реликвии и вещи из утвари храма и ризницы уцелели благодаря игуменье Трифене, которая перевезла их в Вологду.

В 1822 году стараниями игуменьи Афанасии и на добровольные пожертвования над мощами преподобной Евфроси-нии была устроена бронзовая высеребренная чеканная рака с сенью над ней. Через 50 лет мать-игуменья Сергия устроила более благолепную раку с балдахином для мощей преподобной Евфросинии, тогда же был украшен драгоценными камнями и золотом и киот у ее гробовой иконы.

В 1929–1930 годы Вознесенский монастырь снесли, а на его месте построили школу курсантов им. ВЦИК (ныне — один из корпусов бывшего

Президиума Верховного Совета СССР). Благодаря стараниям комиссии, созданной архитекторами В.К. Клейном и Н.Н. Померанцевым, саркофаги не были уничтожены, и их перенесли в подвал южной пристройки Архангельского собора (Судную палату). Более того, во время переноса их вскрыли и исследовали. При вскрытии саркофага Софьи Палеолог ученые обнаружили ее останки, завернутые в саван из итальянской камки, сделанный куколем (то есть углом на голове). На белокаменной крышке сохранилась надпись в технике граффити, состоящая только из одного слова — Софья.

Софья (Зоя) Палеолог после гибели Византийской империи воспитывалась при дворе римского папы. В 1469 году римской престол предложил великому князю московскому Ивану III заключить с ней брак, имея при этом в виду далеко идущие планы — окатоличить Русь и привлечь ее к военному союзу против грозной опасности с Востока. Переговоры продолжались долго и только в 1471 году привели к желанному результату. После длительного путешествия через всю Европу Зоя Палеолог 12 ноября 1472 года прибыла в Москву, где в тот же день состоялось ее венчание с великим князем.

Долгая жизнь греческой царевны на новой родине была богата событиями, и одной из главных проблем был возникший в конце 1490-х годов вопрос о престолонаследии, так как у великого князя от первого брака с тверской царевной Марией Борисовной был сын, что не раз приводило к осложнениям отношений между супругами.

Великая княгиня умерла в 1503 году, считается, что в возрасте 60 лет, так как точная дата ее рождения неизвестна.

Софью Палеолог погребли в юго-западном углу Вознесенского храма. Над ее могилой не было надгробного памятника с резной плитой и надписью, так как она со всех сторон была окружена надгробиями соседних захоронений. Саркофаг ее был сделан с полукруглым изголовьем и мягкими плечиками. Как и в большинстве саркофагов данного некрополя, в головной части погребального сооружения Софьи Палеолог сделано специальное возвышение в форме ступеньки высотой 3 сантиметра. Снаружи гроб тщательно отделан, но на поверхностях внутренних стенок и на дне саркофага видны следы работы теслом.

Гробница Софьи Палеолог вскрывалась еще и в 1984 году. И в этот раз исследователи обнаружили только несколько мелких обрывков ее савана: другие остатки погребальных одежд великой княгини не сохранились. На лобной части черепа Софьи Палеолог была найдена также только часть волосника (сетчатой шапочки, в которую укладывались волосы), который по своей конструкции несколько отличался от традиционных головных уборов того времени.

Великие княгини, царицы и царевны погребались в основном в простой светской одежде, в монашеском облачении — единицы. Из цариц только Мария Долгорукова (первая жена царя Михаила Федоровича Романова) похоронена в парчовом платье. В саркофагах также отсутствовали какие-либо украшения, в том числе и кресты. Лишь у одной из сестер Петра I на пальце было золотое кольцо.

При вскрытии захоронения Марфы Собакиной (третьей жены Ивана Грозного)

28 Ученые предполагают, что ее, видимо, отравили сразу же после свадьбы. был обнаружен удивительный биологический феномен. Она лежала в гробу как живая и не была тронута тлением. Специалисты считают, что неизвестное ядовитое вещество, которым отравили новобрачную, со временем забальзамировало ее тело.

В настоящее время и мужские и женские захоронения русских князей, княгинь, царей, цариц и царевен находятся вместе — в Архангельском соборе. Исключение составляет только Соломония — первая жена царя Василия III, дочь Ю.К. Сабурова, потомка выходца из татарской Орды Мурзы-Чета.

После 21 года супружества они не имели детей. Великий князь и княгиня жертвовали вклады во многие монастыри, ездили на поклонение святым местам, применяли «чары и ворожбу», раздавали милостыни, но ничего не помогало. И тогда Василий III решился на развод, а Соломонию под именем Софьи постригли в монахини в московском Рождественском монастыре и сослали в Каргополь. Однако к ней шло очень много паломников, после чего решено было отправить ее в Суздаль — в Покровский женский монастырь.

Великий князь женился во второй раз — на Елене Глинской, и через 3 года у них родился сын Иоанн — будущий Иван IV Грозный. Таким образом, считается, что главной причиной пострига Соломонии была бездетность царицы, однако, по известной в научном мире «Легенде о принце Георгии», ее постригли, когда она была уже беременной.

Из Суздаля по всей стране расползались слухи, что ссыльная Соломония родила сына Георгия, и из документов известно, что это не было выдумкой. Чтобы обезопасить сына, Соломония будто бы отдала его на воспитание верным людям, а сама распустила слух о смерти младенца. Было инсценировано даже его погребение, когда с подобающими обрядами была захоронена деревянная кукла.

Гробница таинственного Георгия сохранялась до 1934 года под видом гробницы Анастасии Шуйской — дочери царя Василия Ивановича, сосланной вместе с матерью в 1610 году в Покровский монастырь Суздаля. Археологические раскопки показали: в открывшемся гробике-колоде была найдена кукла, завернутая в шелковую рубашечку и жемчужный свивальник. Костей погребенного ученые не обнаружили… По одной из версий «Легенды о принце Георгии» Иван Грозный всю жизнь охотился за братом, который будто бы стал знаменитым разбойником — атаманом Кудеяром. У исследователей есть даже основания предполагать, что Иван Грозный вел следственное дело о беременности Соломонии, но затем якобы все бумаги были уничтожены…

В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ НА ВАВЕЛЬСКОМ ХОЛМЕ

Старинный польский город Краков начинался на Вавельском холме, где возводились крепостные стены и башни, королевский замок и кафедральный собор, запечатлевшие тысячелетнюю историю польского народа. Вавель — это святыня, которая дорога сердцу каждого поляка.

В XIII веке на холме был построен каменный палатин, а позднее — кафедральный собор, который впоследствии не раз перестраивался. Таким образом, кафедральный собор возводился в разные эпохи, и нередко камни разобранных стен предыдущего храма становились стенами следующего.

Поэтому во внешнем облике кафедрального собора Кракова можно увидеть черты романской, готической, ренессансной и барочной архитектуры. Самый первый собор на Вавельском холме начал возводить во имя святого Станислава еще в XI веке король Болеслав Храбрый.

Святой Станислав был епископом Кракова во второй половине XI века. Он открыто критиковал короля Болеслава II за жестокость и развратный образ жизни и в конце концов отлучил его от церкви. Тогда король приказал убить епископа, и тот был убит прямо перед высоким алтарем собора. Святой Станислав был погребен в крипте первой церкви, возведенной на Вавельском холме, а в XVII веке его останки в резной серебряной раке перенесли на более почетное место. Голова святого Станислава, по преданию, хранится в сакристии собора в золотом ковчеге.

Первый собор на Вавельском холме просуществовал недолго, и в период 1090–1130 годов его сменила более массивная базилика с двумя нефами и четырьмя башнями. Базилика сильно пострадала во время опустошительного нашествия на Западную Европу монголов, но фрагменты ее сохранились: это фундамент Часовой башни, нижняя часть башни «Серебряные звоны» и крипта святого Леонарда. Крипта построена из огромных, тщательно отесанных каменных блоков, что придает ей особую суровость. Как и положено, эта древняя подземная часовня имеет собственное предание. Согласно ему, каждый год в ночь под Рождество все короли Польши, погребенные в кафедральном соборе, собираются здесь на совет, чтобы обсудить дела вековой давности. В крипте Святого Леонарда покоятся и останки легендарного польского короля Яна III Собесского — талантливого полководца и храброго воина, в 1683 году разгромившего турецкую армию, осадившую Вену.

Интерьер собора тоже производит впечатление величавой суровости, хотя он и моложе крипты на целых два столетия. Вдоль боковых нефов и пристроенных к ним часовен веками собирались шедевры польской скульптуры XIV–XVIII веков — гробницы королей и королев, епископов и крупнейших магнатов. Самая древняя из них — гробница Владислава Локетека, выполненная из серого известняка около 1340 года. Король изображен лежащим на саркофаге в коронационных одеждах и с королевскими регалиями в руках.

При Владиславе Локетеке на Вавельском холме в 1320 году начали возводить третий храм — в готическом стиле, а закончен он был через 40 лет — уже в царствование Казимира Великого, и с тех пор кафедральный собор является украшением старого Кракова. Перед входом в собор, возле кованой двери с монограммой Казимира Великого, на массивных цепях подвешены кости доисторических животных — берцовая кость мамонта, ребро кита и череп мохнатого носорога. По поверью храм будет стоять невредимым до тех пор, пока вход в него охраняют эти кости.

Монументальная гробница Казимира Великого — это уже образец зрелой краковской готики. Королевский саркофаг сделан из песчаника и красного мрамора и украшен тонкой резьбой. Большое портретное сходство изображения короля, тонкое чувство света и пластики материала, высокое мастерство резьбы по камню — все говорит о мастерстве резчика.

Гробница Владислава Ягеллона привлекает к себе внимание сочетанием готического саркофага красного мрамора с ренессансным

балдахином строгих изящных пропорций. Скульптор, высекавший этот саркофаг, видимо, прошел хорошую школу в мастерских Италии… Он с высоким профессионализмом создал портрет короля, а также удачно расположил композицию на саркофаге, у подножия которого поместил фигуры собак и соколов, напоминающие об охотничьей страсти Владислава Ягеллона. Выразительны и своеобразны «сарматские» типы плакальщиков на стенках саркофага, в фигурах которых скульптор изобразил представителей разных сословий Польши.

В 1447–1492 годах в кафедральном соборе возводилась часовня Святого Креста — своеобразный мавзолей для Казимира Ягеллона и его супруги королевы Елизаветы. Гробница короля, занимающая угловую часть часовни, — это одно из произведений Вита Ствоша, созданных им в Польше и подписанным его полным именем. Рядом с именем высечена дата «1492» — год смерти короля и одновременно год окончания работы над гробницей, которая, по обычаю тех лет, была заказана еще при жизни короля.

Гробница состоит из саркофага и балдахина, высеченных из камня. На стенках саркофага В. Ствош тоже изобразил плакальщиков из разных слоев общества, однако его скульптурные фигуры насыщены уже не «гробовым спокойствием», а беспокойством и драматизмом земной жизни.

В 1517–1533 годах итальянский архитектор Бартоломео Береччи по повелению Зигмунта Старого возвел монументальную «Часовню Зигмунта» — мавзолей последних Ягеллонов. Часовня эта — в плане квадратная, но массивность короба-куба архитектор старался «разрядить» изящными пилястрами и ромбами руста. Почти все пространство каждой стены восьмигранника занимают огромные круглые окна в тонкой лепнине обрамления.

«Часовню Зигмунта» накрывает чуть вытянутый золотой ребристый купол с фонарем, который венчается королевской короной. В нишах у основания купола расставлены мраморные бюсты святых, в медальонах изображены царь Соломон, которому придано сходство с королем Зигмунтом, и Давид — портрет Северина Бонета, королевского советника и крупного финансиста.

По проектам талантливого архитектора не только строилась сама часовня, но исполнялось и архитектурно-пластическое убранство ее интерьера. На внутреннюю отделку капеллы Б. Береччи и 30 его помощников (польских и итальянских мастеров) потратили 11 лет. Богатство лепных орнаментов, обилие рельефов на библейские и мифологические сюжеты, общий декор интерьера — все создает атмосферу более мирскую, чем мистическую. В нишах у стен расположились королевские гробницы: вверху — Зигмунта Старого, внизу Зигмунта Августа (автор последней — Санти Гуччи). По мнению искусствоведов, «Часовня Зигмунта» является «великолепнейшим образцом итальянского Ренессанса по эту сторону Альп». Обе часовни были заказаны еще при жизни королей, обе выполнены из красного полированного мрамора, и обе — в духе эпохи гуманизма, хотя разделяют их четыре десятилетия. Фигуры королей на саркофагах изображены не безжизненно, а как людей, уснувших вечным сном. Однако характерно и то, что в той же «Часовне Зигмунта» Санти Гуччи в 1477 году создал

надгробную плиту над саркофагом Анны Ягеллонки — самой, пожалуй, благочестивой и чопорной польской королевы. И перед нами предстает типично готическая плита с фигурой, застывшей в «покойницкой позе».

Перенос столицы Польши из Кракова в Варшаву и последующая цепь бедствий, обрушившихся на Краков, привели к упадку Вавеля. Довершил дело третий раздел Польши, после которого для Вавеля наступили черные дни. В 1846 году королевские земли окончательно переходят к Австрии, и на Вавеле вовсю начинают хозяйничать австрийские войска. На холме перестраиваются укрепления, для чего сносятся средневековые крепостные стены и башни. Когда завоевателям понадобился плац для военных упражнений, они снесли все, а также церкви Святого Михаила и Святого Ежи, стоявшие на внешнем дворе королевского замка, и некоторые другие постройки.

Саркофаги и гробницы из кафедрального собора они намеревались перенести из кафедрального собора в костел Святого Петра, чтобы огромное помещение собора очистить для проведения солдатских молебнов. Но польская общественность собрала огромный выкуп в 3 500 000 австрийских крон для строительства новых казарм за городом, и австрийцы покинули Вавель, а вскоре и Краков… После их ухода сразу же начались реставрационные работы.

Мы упомянули только о нескольких часовнях кафедрального собора в Кракове, всего же их в соборе 19; они последовательно нанизываются точно вдоль оси, параллельно центральному нефу. В гробницах этих часовен покоятся останки Тадеуша Костюшко — борца за независимость Польши, а также останки Адама Мицкевича и Ю. Словацкого, которых называли «пророками Польши». В крипте среди выдающихся людей страны упокоился и маршал Юзеф Пилсудский — первый президент независимой Польши…

МЕЧЕТИ СТАМБУЛА

В 658 году до н. э. греческие колонисты из Мегары основали на острове, расположенном между бухтой Золотой Рог и Мраморным морем, город Византии, который вскоре занял видное место среди других греческих полисов. В мае 330 года император Константин переехал в Византии со своим двором, так как решил сюда перенести столицу Римской империи. Он назвал город Новым Римом, но название это не прижилось, и город стал именоваться Константинополем.

Император стремился, чтобы новая столица превзошла красотой и великолепием Рим, поэтому по его приказу из других городов в Константинополь были привезены лучшие скульптуры, ценные рукописи, церковная утварь, мощи святых. Дело императора Константина продолжили его потомки, и город, раскинувшийся, как и Рим, на семи холмах, становился все прекраснее. Широкие улицы с крытыми галереями, просторные площади с колоннами и статуями, великолепные храмы, дворцы и триумфальные арки восхищали всех, кому доводилось в нем побывать. Поэтому неудивительно, что многие правители Востока и короли Запада мечтали овладеть Константинополем. Его осаждали греки и римляне, персы и болгары, дружины киевских князей, арабы и турки.

В XV веке Константинополь стал столицей Османской империи, и его переименовали в Истанбул (Стамбул). Город начал быстро приобретать

восточный облик, все стало приспосабливаться к турецкому укладу жизни, причем каждый строил свой дом там, где ему нравилось. Улицы сужались, дома отгораживались от внешнего мира глухими заборами, балконы затеняли и без того темные уличные проходы. Но город и украшался. Строились мечети, и их в Стамбуле столько, что перечисление только главных из них может занять довольно много времени.

Рядом с каждой мечетью, как правило, находятся могилы ее основателя, его жен и детей. В тюрбе (закрытых гробницах) хоронили только святых, султанов и очень важных лиц. Большинство тюрбе представляют собой восьмиугольные здания, в которых каждый угол соответствует именам Аллаха, пророка Мухаммеда и шести имамов. Гробница основателя всегда располагается против двери мечети, а могилы его жен и детей — в симметричном порядке вокруг тюрбе, величина которого зависит от положения усопшего. В тюрбе стоит гроб с прямоугольным основанием и с крышкой в форме призмы. Гробницы покрываются богато вышитыми золотом и серебром черными бархатными покрывалами, а иногда дорогими шалями, побывавшими в Медине, где они лежали на гробнице пророка, или в Мекке. В тюрбе очень знатных лиц есть особые сторожа (тюрбедары), которые постоянно читают Коран.

Над могилой султана Мехмеда II Завоевателя возвышается самая высокая гробница Стамбула, заложенная в 1471 году. Видная издалека, мечеть эта возведена на том холме, где когда-то император Юстиниан воздвиг церковь Святых Апостолов, считавшуюся самой красивой после собора Святой Софии. За историю своего существования церковь Святых Апостолов пережила много разрушений, грабежей и кощунств над могилами императоров и патриархов. А потом ее и вовсе разрушили вместе с храмом Цибис, но султан Мехмед Завоеватель повелел греку Христодулосу возвести нынешнюю мечеть. Постройка ее продолжалась 5 лет, в течение которых прах и кости смешались со щебнем, шедшим на фундамент.

Много раз разрушали эту мечеть и землетрясения, но каждый раз ее восстанавливали. Сейчас она занимает огромное пространство, на котором разместились 2 двора, 8 колледжей, госпиталь, кладбище с восьмиугольным мавзолеем Мехмеда Завоевателя, могилы его любимой жены Гюльбахар (матери султана Баязета) и разных государственных сановников.

Султану Мехмеду II приписывают и сооружение священнейшей мечети Эйюба, построенной турками в 1458 году — через 5 лет после завоевания Константинополя. Мечеть утопает в зелени деревьев, это настоящий сад кипарисов и тюльпанов, весь окутанный спокойствием и тишиной, навевающей мысли о вечном. Здесь глаза любуются хрупкостью орнаментов и пастельно-зелеными коврами, которыми устлан каждый уголок мечети. Около нее погребено много выдающихся людей турецкой истории, над могилами которых поставлены великолепные надгробные памятники.

Мечеть возвели в конце бухты Золотой Рог, на месте, где будто бы в 682 году был похоронен Эйюб Ансари — знаменосец султана Мехмеда, убитый во время первой осады Константинополя. Мощи Эйюба покоятся в отдельном тюрбе, представляющем собой небольшое здание, стены

которого внутри облицованы майоликой. В центре зала расположено небольшое надгробие, убранное темно-зелеными покрывалами, расшитыми золотом и серебром. Могила Эйюба окружена высокой серебряной оградой, в углах которой стоят массивные серебряные подсвечники. Ограда эта за прошедшие века зацелована так, что в медной доске у окошечка, через которое заглядывают в тюрбе, образовалось углубление. *29 Мечеть Эйюба была и коронационной: в ней будущего султана опоясывали мечом Османа.*

Мечеть султана Баязета II, сына и наследника султана Мех-меда Завоевателя, строилась на месте древнего форума императора Феодосия. В народе эта мечеть известна под названием Голубиной, так как не успеют еще на мраморном полу двора раскидать корм, как взвивается многочисленная стая голубей… По легенде, султан купил однажды у охотника пару лесных голубей, и от них развелось целое потомство. По другой версии, голуби расплодились от голубки, которая что-то важное проворковала на ухо пророку Мухаммеду, когда ему пришлось бежать из Мекки в Медину. В саду, позади мечети, находится гробница султана Баязета II, скончавшегося в 1512 году, но строилась она уже при султане Селиме I — отце султана Сулеймана Великолепного.

Около мечети самого Селима I стоят несколько тюрбе с куполами, покрытыми свинцовыми пластинками. К тюрбе султана Селима I ведет крытая колоннада, внутри стены его украшены майоликовым панно. На дверях мавзолея, отделанных, как и двери самой мечети, искусной резьбой, сделана надпись: «Здесь покоится Селим, гроза живых и мертвых, но гроб содержит только прах его, душа же витает на поле брани».

Архитектурными шедеврами Османской империи стали 13 великих мечетей, и среди них Сулеймание-джами, построенная архитектором М. Синаном по приказу султана Сулеймана Великолепного и считающаяся одной из красивейших в городе. Она возведена на вершине холма, господствующего над бухтой Золотой Рог, и потому лучше всего смотреть на эту мечеть с Галатского моста. Тогда видно, как вдоль фасада бежит длинная галерея из колонн с арками. Монументальные двери мечети представляют собой искусно выделанные панели с геометрическими узорами, которые в некоторых местах выложены перламутром. Полностью эти двери никогда не открываются, но в них имеется вход поменьше, закрытый кожаным занавесом.

На небольшом кладбище, где похоронены многие выдающиеся особы, к востоку от мечети находится гробница султана Сулеймана Великолепного, с именем которого связан период величия и расцвета Османской империи. Свои походы он распространил на всю Венгрию, осадил Вену, удачно воевал с Персией; турецкий флот господствовал при султане Сулеймане на морях вплоть до Испании и Индийского океана. Он покровительствовал архитектору М. Синану, который прославил свое искусство и правление Сулеймана множеством мечетей, возведенных во всех концах империи, сотней часовен, дворцов и мостов.

Гробница султана представляет собой восьмиугольное купольное здание, окруженное снаружи крытой галереей с мраморными колоннами, на которых держатся островерхие арки. Гробницу султана и его сыновей, Сулеймана II и Ахмеда II, украшает балюстрада резного орехового дерева, инкрустированная перламутром. Великолепный купол мавзолея изнутри

поддерживается четырьмя мраморными порфировыми колоннами, и получающаяся таким образом галерея извне освещается аркообразными нишами, снабженными шестью парными окнами. По обеим сторонам от саркофагов стоят большие подсвечники. Гробницы покрыты богатыми тканями, а в головах на них положены белые тюрбаны с султанами из перьев цапли. Вокруг монумента султана Сулеймана Великолепного на особых аналоях лежат великолепные свитки Корана и рельефная карта святых мест Мекки.

Рядом с гробницей султана Сулеймана Великолепного расположилось тюрбе меньшего размера, на котором висит табличка: «Гробница султанши Хюррем». История этой женщины удивительна и почти невероятна.

В небольшом городке под Львовом, на древней земле Галицкого княжества, жила 15-летняя девочка Анастасия. Ее судьба могла бы сложиться так же, как судьбы тысяч ее сверстниц, но из беззаботного детства она попала на пыльный стамбульский базар, где целомудренную рыжеволосую славянку охотно демонстрировал захвативший ее Ибрагим-паша — приближенный самого султана Сулеймана. Он верно рассудил, что жизнерадостная и образованная Роксолана (так назвал Анастасию новый хозяин) не останется незамеченной среди наложниц султана. В гареме Роксолана за острый язычок и раскатистый смех получила прозвище Хюррем, что означает «Смеющаяся».

Вскоре султана Сулеймана и Хюррем связала романтическая страсть: она родила ему сына и стала свободной, а через несколько лет он заключил с ней официальный брак по мусульманскому обычаю и назвал жену Хасеки — «Милая сердцу». Хюррем оказалась не только желанной наложницей, но и умной собеседницей, так как была сведуща и в государственных делах, и в искусствах. Одна из образованнейших женщин своего времени, она принимала иностранных послов, отвечала на послания иноземных государей и влиятельных вельмож.

Хюррем умерла раньше своего мужа и владыки, и тоскующий султан приказал архитектору М. Синану соорудить в саду у мечети усыпальницу. В восьмигранной гробнице, похожей на резную шкатулку, навеки упокоилась хрупкая женщина, которая при крещении была наречена православным именем Анастасия, а погребена по мусульманскому закону под именем Хюррем.

В 1543–1548 годы Синан в честь Магомета — любимого сына султана Сулеймана — возвел мечеть Принцев. Центральный купол этой мечети высоко вздымается над группой второстепенных куполов, так что верхняя часть всего сооружения производит впечатление необыкновенной легкости. А в прекрасном мавзолее покоятся останки принцев Магомета и Джехангира, павших жертвой ревнивой Роксоланы — матери принца Селима II, которая хотела видеть на троне своего сына.

Восьмиугольной формы тюрбе с останками принцев находится на востоке от мечети; его 8 внешних фасадов заканчиваются галереей, украшенной большими сквозными трилистниками. В горлицу входят через перистиль, образованный четырьмя колоннами — двумя из красного мрамора и двумя — из зеленого. Внутренность мавзолея прекрасно оформлена и до самых мелочей отличается законченностью своей отделки.

Стены облицованы персидским фаянсом, который придает залу вид печального величия. Свет проникает сюда из двух рядов окон с разноцветными стеклами: окон 32 — по четыре на каждой стороне восьмиугольника. Над гробницами устроен своеобразный балдахин высотой 4 метра, сделанный из орехового дерева и украшенный геометрическими розетками с перламутровой инкрустацией.

В Стамбуле много сооружений, возведенных архитектором Синаном, и среди них — мечеть Пири-паши, напоминающая о любимце султана Сулеймана, на которого были возложено завоевание Родоса. Мечеть Килих-Али-паши посвящена памяти отважного адмирала, который восстановил славу своей родины, поколебленную разгромом при Лепанто. Когда Килих-Али-паша попросил у султана необходимый для возведения мечети участок земли, тот указал ему на море. И тогда адмирал повелел возвести плотину, отвести воду, и на отвоеванном месте возвели мечеть. Внутренность ее украшена прекрасным персидским фаянсом, названным по имени города Кахан кахи.

А большая и красивая мечеть, живописно расположенная у самого входа в долину под Атмейданом, своим происхождением обязана другому адмиралу — завоевателю острова Хиос, хорвату по происхождению. Синан возвел эту мечеть в 1565 году: внутренность ее хоть и отличается простотой, но исполнена тщательно и носит отпечаток величия и значительности. Михраб мечети украшен фаянсом, тонко расписанным синей и белой краской; минбар украшен изваяниями, стекла окон вставлены в бронзовые (а не в железные) рамы. Основатель мечети построил скромный склеп для себя, где и покоятся останки его и детей.

У Садовых ворот, на террасе близ Рыбного рынка — против моста, соединяющего Галату со Стамбулом, находится мечеть султанши Валидэ, построенная в 1640 году архитектором Коджа Касимом. Своей тяжелой формой и куполами, нагроможденными один над другим, мечеть эта производит давящее впечатление. Возводилась она на месте одного из храмов султана Магомеда II, а храм этот за свою внутреннюю темноту был прозван храмом Мрака. *30 Теперь эта мечеть называется Праведной.* В большом погребальном зале мечети, сплошь облицованном фаянсом, покоятся, кроме праха султанши Валидэ, останки еще нескольких монархов Османской империи.

Из вышесказанного читатель видит, что на Востоке кладбища часто устраиваются вокруг мечетей прямо в городе. А вот тюрбе султана Махмуда II стоит одиноко — и этим отличается от других. Об истории возведения этой гробницы рассказывается такая история:

Как-то раз султан проезжал мимо этого места, тогда пустынного, как вдруг подувший с Босфора сильный ветер сорвал с его головы чалму. Тогда султан грустно задумался, а потом сказал паше, подносившему ему поднятую чалму: «Наверное, здесь и надо похоронить меня».

Абдуль-Меджид, сын султана Махмуда II, вспомнил слова отца и похоронил его на месте, где теперь располагается новая часть Стамбула и бегает трамвай. Внутри тюрбе султана царит тишина, на середине стоят два надгробных камня — султана и злосчастного Абдуль-Азиза, а вокруг них — несколько женских памятников. На саркофагах султанов лежат черные бархатные покрывала, богато расшитые серебром.

Кроме тюрбе, вокруг мечетей Стамбула находятся небольшие кладбища с множеством надгробных памятников. Арабской вязью на них вырезается надпись, начинающаяся стихом из Корана, а потом идет краткое изложение жизни покойного. Украшают могильные камни геометрические и цветочные орнаменты, а надписи сделаны очень сердечные или даже с юмором: «Бедный добрый Исмаил-эфенди, смерть которого вызвала глубокую печаль среди его друзей. Он заболел любовью в возрасте 70 лет, закусил удила и поскакал в рай». На одной из стел, например, изображены 3 дерева — кипарис, миндаль и персик и сделана такая надпись: «Я посадил эти деревья, чтобы люди могли знать мою судьбу. Я любил девушку с миндалевидными глазами, стройную, как кипарис, и я прощаюсь с этим прекрасным миром, так и не отведав персиков».

УСЫПАЛЬНИЦА В СМОЛЕНСКОМ СОБОРЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Основание Новодевичьего монастыря связано со Смоленской иконой Божьей Матери, которая, по преданию, была написана евангелистом Лукой. Сначала икона находилась в Иерусалиме, потом в Константинополе, а на Русь ее привезли в 1046 году. Византийский император Константин Порфирородный благословил ею свою дочь царевну Анну, когда отдавал замуж за князя черниговского Всеволода Ярославича.

В начале XII века образ Пресвятой Богородицы находился в Смоленске, а при великом князе Василии Дмитриевиче, сыне Дмитрия Донского, оказывается в Москве — в придворной церкви Благовещения. Но смоляне считали эту икону своей драгоценностью и просили великого князя Василия Темного вернуть им святыню. В 1456 году епископ Смоленский Мисаил прибыл с этой просьбой в Москву, и великий князь, посоветовавшись с митрополитом Московским Ионой, согласился. Сцена расставания москвичей со Смоленской иконой Божьей Матери, прославившейся многими чудесами, была очень трогательной. В церкви Благовещения собралась вся великокняжеская семья, даже маленького княжича Андрея принесли на руках. Сам великий князь «многие слезы пролил». С иконы было сделано множество списков, которые впоследствии тоже прославились как чудотворные. Великий князь проводил Смоленскую икону Божьей Матери до монастыря Саввы Освященного, а по другим сведениям — «до церкви Благовещения на Дорогомилове».

В 1514 году произошло долгожданное присоединение Смоленска, 110 лет находившегося под властью католической Литвы, к Русскому государству. В память этого события великий князь московский Василий III, отец Ивана Грозного, и решил основать на юго-западе Москвы женский монастырь. В 1523 году великий князь «идучи на свое дело к Казани», а вернувшись, приступил к возведению монастыря. Строителем его называют итальянского мастера Алевиза, который в начале XVI века построил в Москве еще многие каменные церкви. В 1525 году Новодевичий монастырь воздвигли на месте грустного расставания москвичей со святой Смоленской иконой Божьей Матери, так как в старину путь на Смоленск проходил по Девичьему полю.

Великий князь Василий III и его сын Иван Грозный дали новой обители льготные грамоты и пожертвовали несколько дворцовых сел и

деревень. Делали пожертвования и многие бояре, но в 1610 году Новодевичий монастырь разорили и сожгли поляки, однако уже в годы царствования Михаила Федоровича Романова он был восстановлен. В продолжение XVI–XVII веков на монастырском погосте формировался некрополь, где погребали родственников великих царей и церковных деятелей. Самое раннее из сохранившихся надгробий Новодевичьего некрополя — белокаменная плита боярыни Ирины Захарьиной-Юрьевой — датируется 1553 годом. Рядом с ней погребен ее сын Григорий Юрьевич Захарьин — приближенный боярин и воевода царя Василия III, а позже и Ивана Грозного. Здесь же погребена его жена Ульяна. Из этого древнего рода Захарьиных (впоследствии Романовых) была и Анастасия — первая жена Ивана Грозного; первенец этой четы — царевна Анна — умерла в 1555 году.

В Смоленском соборе погребены еще две родственницы Ивана Грозного, бывшие монахинями этой обители: княгиня Ульяна Удельная (из рода Полоцких) и царевна Елена из рода Шереметевых — вдова убитого Иваном Грозным сына Ивана.

И постриг и погребение царских лиц обычно сопровождались богатыми вкладами в монастырь. Так, например, после смерти Елены — «царицы-схимницы Леониды», как ее называли в монастыре, было пожертвовано «на помин ее души» 1000 рублей серебром.

К ранним захоронениям в усыпальнице Смоленского собора относятся и захоронения князей Кубенских. В 1537 году в северной части подклети была погребена княгиня Ульяна Кубенская — племянница великого князя Ивана III, рядом похоронен ее сын Иван, который дважды подвергался ссылке, а в 1546 году был казнен по повелению Ивана Грозного.

В усыпальнице были погребены 9 представителей рода крупнейших феодалов — бывших удельных князей Воротынских. Под двойным надгробием покоятся княгиня Стефанида и княжна Агриппина. Последняя погибла при нашествии на Москву в 1571 году Девлет-Гирея. Это были жена и дочь князя Михаила Воротынского, отличившегося при взятии Казани и разгромившего крымских татар в битве при Лопасне в 1572 году. Здесь же похоронены жена и дочь князя Ивана Михайловича Воротынского — сына знаменитого воеводы, а также семья последнего представителя этого рода — князя Ивана Алексеевича Воротынского, двоюродного брата царя Алексея Михайловича. На протяжении XVI–XVII веков князья Воротынские были одними из самых богатых вкладчиков монастыря. Пожертвования их «на помин души» состояли из крупных денежных сумм, драгоценной утвари и облачений, четырех больших колоколов, резной с ни для алтаря и др.

Надгробные памятники XVI века представляют собой белокаменные прямоугольные плиты с врезными надписями на верхней плоскости. Некоторые из них имеют расширение к изголовью. На надгробии Ульяны Захарьиной декоративные элементы в виде рамки и тяг с клеймами выполнены треугольно-выямчатым орнаментом. Четыре плиты (И. Захарьиной-Юрьевой, Г. Захарьина, У. Кубенской и И. Кубенского) имеют необычную форму вытянутого бруска. Этот уникальный тип надгробий известен только здесь.

Из рода Годуновых в подклети собора похоронена неизвестная схимница Анфиса, после смерти которой монастырь получил богатый вклад — «триста рублей, образ, украшенный жемчугом, кадило серебряное, стихарь золотный, всего на 400 рублей». Надгробие схимонахини представляет собой новый тип надгробий, который к середине XVIII века был принят уже как основной: плита становится крупнее и приобретает форму трапеции с расширением к изголовью.

Наиболее совершенное надгробие — белокаменная плита княгини Федосьи Голицыной, умершей в 1655 году. Крупная трапециевидная плита, кроме надписи и орнаментальной рамки, сверху и на боковых вертикальных гранях имеет декоративную резную полосу. Надпись выполнена очень тщательно и красиво: крупные, высокого рельефа буквы, наряду с рамкой жгутового орнамента, покрывают всю поверхность надгробия.

С конца XVII века на плитах усыпальницы появляются имена новой знати, выдвинувшейся не столько древностью, сколько личными достоинствами и той или иной близостью к царю. Это были люди, боровшиеся против местничества, чтобы «всем быть без мест и отеческих дел отнюдь не вчинять», а также не считаться «родовой честью». Из этой мелкодворянской среды выдвинулся Алексей Лихачев, игравший руководящую роль в правительстве царя Федора Алексеевича, а впоследствии ставший активным государственным деятелем при Петре I. В подклети собора погребена его родная сестра Матрона Дашкова — жена «думного дворянина» В. Дашкова.

В северо-восточном подалтарье находится семейная усыпальница боярина Богдана Хитрово — одного из самых просвещенных государственных деятелей XVII века. Тонкий знаток и ценитель искусства, он с 1665 года возглавлял Оружейный приказ, при котором были сосредоточены царские художественные мастерские. Расцвет их деятельности во многом определился личностью самого Б. Хитрового. В 1666 году он руководил обновлением росписи Смоленского собора и сам был крупным вкладчиком монастыря. Умер Б. Хитрово в 1680 году, и похоронили его в одной гробнице с дочерью Ириной; рядом находится могила его жены.

Дочери царя Алексея Михайловича (царевны Евдокия, Екатерина и Софья) наделяли Новодевичий монастырь особыми вкладами. Пожертвования начались с Евдокии Алексеевны, которая в 1677 году «состроила» напрестольный крест золотой, украшенный алмазами и бурмитским жемчугом и с частицами святых мощей. За нею тетка ее, Татьяна Михайловна, «построила» драгоценнейшее Евангелие с верхней доской из чистого золота. Оклад Евангелия украшали 4 крупных изумруда, 4 яхонта, алмазы и бурмитский жемчуг.

Царевна Софья в 1685 году жертвует Новодевичьей обители 9 серебряных лампад, и в том же году она «озаботилась» о гробнице княжны Анны — дочери Ивана Грозного, умершей в трехлетнем возрасте. Под алтарем соборной церкви монастыря есть каменная доска, свидетельствующая, что княжна Анна «погребена была в сем монастыре в деревянной церкви Богоотецъ Иоакима и Анны, на коем месте потом была построена церковь камена; а стояла не освящена многие годы… и (25 мая

1685 г. — Н.И.) изволением… благородной царевны и великой княжны Софьи Алексеевны… тело благородные царевны и великие княжны Анны в прежней каменной гробнице и с надписанной прежнею доскою перенесено и поставлено на сем месте». При перенесении останков княжны Анны присутствовала сама царевна Софья Алексеевна.

После стрелецкого бунта царевна Софья братом своим Петром I была заключена в Новодевичий монастырь, скончалась здесь после нескольких лет заточения и погребена в соборном храме — у южной стороны. Рядом покоятся останки и сестер ее — Евдокии Алексеевны и Екатерины Алексеевны. В Новодевичьем монастыре похоронена и первая супруга Петра I — царица Евдокия Лопухина. Надгробия этой группы, расположенные в юго-западной части четверика Смоленского собора, выделяются особо. Каменные гробницы их были поставлены на помосте храма, а над ними были устроены кирпичные надгробия, покрытые суконными и бархатными покрывалами с нашитыми на них крестами. Надгробные надписи, кроме титулов, дат рождения и кончины усопших, других сведений не содержали. Но над изголовьем царевны Софьи в стене укреплена еще и памятная доска.

УСЫПАЛЬНИЦА ТИМУРИДОВ В САМАРКАНДЕ

В XV–XVII веках вблизи самаркандского Рухабада («Обитель духа» — усыпальница шейха Бурнахеддина Сагарджи) располагались небольшая мечеть, наполненный водой хауз и ворота, от которых вымощенная белыми камнями дорожка вела к ансамблю зданий, связанных с именем любимого внука Тимура — наследного принца Мухаммед-Султана. Ансамбль этот включал медресе, служившее не духовной академией, а местом воспитания и подготовки юношей из лучших феодальных семей к будущей государственной деятельности. Входила в ансамбль и ханака — но не как странноприимный дом для нищих дервишей, а как место остановки знатных гостей и мистических бесед. Медресе и ханака были объединены закрытым квадратным двором с четырьмя минаретами по углам и парадным портальным входом.

В 1403 году во время похода в Иран юный принц Мухаммед-Султан скончался. Тело его доставили в Самарканд и временно поместили в ханаку, и тогда же Тимур повелел начать возведение в южной части ансамбля парадного мавзолея с погребальным склепом. Летом 1404 года сооружение мавзолея Гур-эмир (Могила эмира) было закончено, но неудовлетворенный его высотой Тимур распорядился о перестройке, которая продолжалась две недели. Перенос из ханаки в новый мавзолей тела Мухаммед-Султана задержался, так как в феврале 1405 года во время последнего (неоконченного) поход в Китай в городе Отрар умер и сам Тимур.

Разные авторы по-разному описывают смерть и погребение Тимура. Например, Шериф ад-дин в своем труде «Зафар-намэ» сообщает, что труп Тимура надушили благовониями (розовой водой, мускусом и камфарой), положили в гроб, который поставили на носилки, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, и темной ночью отправили в Самарканд. Но по дороге лица, сопровождавшие тело, должны были делать вид, что везут не усопшего повелителя, а одну из его жен или наложниц. Приближенные постарались скрыть от народа смерть повелителя, однако

слухи о ней быстро распространились, и всем стало ясно, что в огромной империи Тимура снова начнутся смуты и борьба за власть между царевичами и эмирами.

В Самарканде тело опустили в склеп, причем были выполнены только религиозные обряды. Когда же в город прибыли царицы, то вместе с другими знатными женщинами они выполнили обычные у кочевых народов траурные обряды: обнажили головы, расцарапали и почернили свои лица, рвали на себе волосы, бросались на землю, накрывали шею войлоком… При этом присутствовали бывшие в Самарканде царевичи, вельможи и представители ислама.

Через месяц после смерти Тимура, 18 марта — в день вступления на престол Халиль-Султана, печальные обряды с большей торжественностью были совершены еще раз, и в них принимало участие уже все население города, одетое в траурные одежды. Для упокоения души повелителя читали Коран, народу раздавали милостыню, несколько дней подряд для угощения людей резали лошадей, быков и баранов. В траурной церемонии принимал участие и походный барабан Тимура, который с плачем пронесли по городу, а потом кожу его разрезали, чтобы никому больше он уже не служил.

Спустя некоторое время тело Тимура переложили в стальной фоб, изготовленный искусными мастерами из Шираза. К гробнице были приставлены служители и чтецы Корана, а к медресе — привратники и сторожа. Могила Тимура пользовалась большим уважением и поклонением, и перед ней часто совершались молитвы и давались обеты. Князья, проезжая мимо нее, склоняли голову, а иногда даже сходили с коней. Правда, находившиеся в Самарканде пленники испытывали к усыпальнице совсем другие чувства. Рассказывают, что там, где был похоронен Тимур, по ночам раздавались стоны и вой, которые прекратились только после того, как пленников отпустили на родину.

Через некоторое время гроб с телом перенесли в куполообразную постройку — мавзолей Гур-эмир, так как Тимур будто бы желал, чтобы его похоронили у подножия гробницы сейида Береке — его духовного наставника.

Сейид Береке принадлежал к мекканским шерифам и прибыл в Хорасан незадолго до победы Тимура над эмиром Хусейном. Тимур не только уплатил все причитающиеся вакуфные *31 Вакуф — имущество, отказанное государством или лицом на благотворительные цели.* суммы, но и подарил Сейиду в пожизненное владение город Андхой. Впоследствии тот часто сопровождал Тимура в его походах, а однажды будто бы так ободрил его войско, что близкая к поражению битва окончилась блистательной победой над неприятелем. Тело Сейида Береке было первым погребено в Тур-эмире.

Повелителя, согласно его желанию, положили у ног Сейида. *32 В ту же «куполообразную постройку» перенесли прах Мухаммеда-Султана и похоронили рядом с Тимуром.* Правда, кроме Шериф ад-дина, из авторов больше никто не упоминает о перенесении праха Тимура и его внука из одного здания в другое. Например, Ибн Арабшах ничего не сообщает о предварительном погребении Тимура и первом совершении траурных обрядов. *33 По его сообщениям только вступивший на престол Халиль-Сул-тан привез тело Тимура в Самарканд Тимура похоронили в склепе медресе Мухаммед-Султана на могилу усопшего повелителя положили его одежды, по стенам были развешаны предметы его*

вооружения и утвари, украшенные драгоценными камнями и позолотой.

Гур-эмир представляет собой монументальное здание, причем монументальность определяется не только большими размерами мавзолея, но и простотой его объемных форм. Композицию усыпальницы Тимуридов формируют ее восьмигранное основание, цилиндрический барабан и огромный купол. Это была усыпальница членов правящей династии, вход в которую был открыт лишь для немногих избранных. Он вел из южного айвана двора, который композиционно соединял Гур-эмир с комплексом медресе и ханаки Мухаммед-Султана, но мавзолей Тимура воспринимался и как самостоятельное архитектурное сооружение.

В мае 1409 года Самарканд занял сын Тимура — Шахрух. Он посетил могилу отца, вновь совершил траурные обряды, утвердил приставленных к мавзолею чтецов Корана, служителей и сторожей. Как строгий блюститель шариата, Шахрух приказал очистить мавзолей от пышного языческого убранства и передать в казну находившиеся в гробнице вооружение, одежду и утварь Тимура.

Некоторые историки считают, что соединение в одном мавзолее гробниц Береке и Тимура было вызвано желанием последнего быть похороненным рядом с сейидом и благочестием Шахруха. Тем более что через некоторое время в Гур-эмир был перенесен прах другого сейида. В западной части мавзолея, на особом возвышении (суфе) находится гробница сейида Омара, занимавшего должность мухтасиба и строго следившего за точным соблюдением предписаний о дозволенном и запрещенном. Правда, довольно трудно объяснить тот факт, что Тимур, пиры которого были сплошным нарушением шариата, погребен в одном мавзолее со строгим мухтасибом. И советский ученый В.Л. Вяткин, производивший раскопки в Самарканде, предположил, что сейид Омар еще до постройки мавзолея был захоронен в этой местности; а когда возвели Гур-эмир, то не захотели нарушать его покой.

В медресе Мухаммед-Султана со временем стали хоронить и других представителей царской династии, и постепенно он становился усыпальницей Тимуридов. В 1419 году умерла Огэ-бегум, молодая жена Улугбека — дочь Мухаммед-Султана, и «ее похоронили рядом с отцом в его медресе». *34 До настоящего времени ее гробница не сохранилась.* В Гур-эмир похоронен и Шахрух — отец Улугбека, поэтому, по преданию, мавзолей был предметом особых забот этого правителя Самарканда.

При Улугбеке склеп был расширен, к основному зданию мавзолея пристроили несколько боковых помещений, облицованных прекрасными изразцовыми мозаиками. Они до сих пор сохранили на портале входных ворот имя Мухаммада — мастера из Персии, производившего эти работы.

Вероятно, во время правления Улугбека внутри центрального помещения была поставлена и ажурная резная решетка из мрамора, при нем же над склепами было устроено несколько вторичных надгробий. В 1425 году, во время похода против монголов, находившихся в верховьях реки Или, Улугбек приказал взять два найденных больших куска темно-зеленого нефрита и доставить их в Самарканд. Здесь их подогнали один к другому, придали форму надмогильного камня и положили в качестве наружного надгробия Тимура.

В июне 1941 года в Самарканде работала археологическая экспедиция Академии наук Узбекской ССР, которой руководил профессор Т.Н. Кары-Ниязов. В задачи ученых входило вскрытие могил Тимура и других представителей этой династии, и археологи с волнением приступили к работе. В огромном саркофаге (2 х 0,75 м), сложенном из массивных мраморных плит, находился деревянный, дочерна потемневший, но довольно хорошо сохранившийся, гроб, покрытый золотошвейным парчовым покрывалом. Из стального в деревянный гроб тело Тимура в свое время переложили тоже по повелению Шахруха, и это более соответствовало строгим правилам ислама, ревнителем которых он был.

С величайшими предосторожностями вскрывали ученые и саркофаг Улугбека — великого ученого Средневековья. Поднимая многопудовую крышку саркофага, ученые очень волновались: окажутся ли в нем останки правителя Самарканда, убитого по приказанию его сына. Тело Улугбека поспешно закопали возле селения, где он был предательски убит, а голову убийцы унесли, и она была выставлена на входной арке построенного им на площади Регистан медресе. Но, к великой радости ученых, череп великого астронома лежал на небольшой глиняной подушечке, аккуратно приставленной к костям плеч. Вероятно, во времена правления Абдуллы (племянника Улугбека) останки ученого перенесли в Гур-эмир и погребли в ногах Тимура. Тогда же на склеп положили намогильную плиту, в надписи на которой упомянули, что Улугбек погиб от рук отцеубийцы.

Могила Улугбека представляет собой каменный ящик, стенки которого вытесаны из одного куска серого мрамора. И погребение это было единственным из пяти вскрытых, где покойный оказался одетым. Мусульманский ритуал не допускает никаких одежд на усопшем, кроме савана. И только в тех случаях, когда человек умирает насильственной смертью и становится шахидом (мучеником), его погребают в той одежде, какая была на нем в момент смерти.

На саркофаге Тимура ученые прочитали, что это — гробница великого, милостивого хана, эмира Тимура Гурагана, эмира Тарагая, сына… и т. д. — до девятого колена, в котором родословная Тимура имеет уже общего предка с родом Чингисхана. А далее приводится родословная последнего — вплоть до легендарного сказания о непорочном зачатии одного из предков Чингисхана некоей женщиной по имени Аланкуви, «которая отличалась честностью и безукоризненной нравственностью». Однажды она забеременела от волка (по другой версии — от солнечного луча), проникшего к ней через отверстие над дверью. Приняв образ человека, волк объявил, что он — «потомок повелителя правоверных Али, сына Абу-Талиба». «Это показание, данное Аланкуви, принято за истину. Достохвальные потомки ее будут веками владеть над миром». Так написано на надгробном камне Тимура — знаменитом темно-зеленом, почти черном нефрите.

Нефрит — камень победителей, но Тимур не выбирал его для своего надгробия. Да и мавзолей, как указывалось выше, строил не для себя: прежде него здесь упокоились его потомки — и как раз те, на кого он возлагал большие надежды. Но после смерти Тимура мавзолей Гур-эмир стал почитаться именно его усыпальницей. «Здесь лежит бог войны — просьба не беспокоить». Так толковалась надпись на мозаичной плите над

восточным входом в мавзолей, устроенным Улугбеком, хотя буквально таких слов на плите нет.

Но в 1740 году дух Тимура все же потревожили: по приказу персидского шаха Надира, разгромившего Бухарское ханство, *35 В те времена Самарканд — бывшая столица огромной империи Тимура — входил в Бухарское ханство.* камень вывезли как трофей. Но лишь закончились победные торжества, как страх перед возмездием потревоженного духа войны заставил победителей вернуть нефритовую плиту на место. В начале XX века потревожили и надпись над входом в Гур-эмир. Духовные и светские чиновники Самарканда, обязанные заботиться о поддержании мавзолея в порядке, во время ремонта изъяли плиту с надписью и продали ее турецким купцам. И что удивительно — в Самарканде даже не заметили пропажи! Обратил на это внимание только заезжий европейский ученый-востоковед, который знал, что она должна здесь быть. Но когда он захотел полюбоваться на нее, то никак не мог найти… А турки тем временем за весьма приличные деньги продали плиту в Берлинский музей. Петербург, узнав об этой сделке, стал требовать возвращения реликвии, так как усыпальница Тимура тогда находилась уже в пределах Российской империи. Немцы в конце концов плиту отдали, правда, удержав с России 6000 марок. Но на прежнее место плиту не поставили, рассудив, что ей надежнее находиться в Эрмитаже.

Все это «дух войны» переносил с мрачным терпением, так как прах Тимуридов покоился не прямо под каменными надгробиями: они лишь повторяли контуры могил, расположенных ниже. Но дошла очередь и до них. Как указывалось выше, летом 1941 года в Самарканде работала научная археологическая экспедиция, которая и вскрыла гробницу Тимура — 18 июня…

НОВОДЕВИЧИЙ МЕМОРИАЛ

Древних захоронений на территории Новодевичьего монастыря не сохранилось, за исключением нескольких закладных плит XVIII века. Единственная дошедшая до нашего времени могила принадлежит первой игуменье монастыря Елене Девочкиной. Расположена она у апсиды северного придела Смоленского собора, на закладной доске виднанадпись:

«В лето 1524 г. Князь великий Василий Иванович воздвиже сию пречистую обитель, в ней же храм Пречистой Богородицы Смоленские и собра инокинь девического чину множество, им же бысть начальница благоверная и благочинная сия схимонахиня Елена Семеновна дочь, зовомая Девочкина и в сей обители преставися с миром в лето 1548…»

Елена Девочкина в старинных письменных святцах причислена к московским святым, рядом с ней впоследствии были погребены ее преемница схимонахиня Домникея и послушница Феофания. Перед их гробницей — каменная плита, вделанная в алтарную стену.

Со временем в монастыре стали хоронить представителей феодальной знати и лиц духовного звания, а позднее и лиц других сословий. В Отечественную войну 1812 года французы, оставляя Москву, готовились взорвать Новодевичий монастырь. Поставлены были бочонки с порохом, к которым уже и фитили были подведены. Уходя из монастыря, французы зажгли фитили, и обители грозило полное разрушение. Оставались какие-то секунды, но мужественная казначея Сарра с несколькими послушницами залили водой и фитили, которые уже

подбирались к пороху, и загоревшийся в некоторых кельях пол. В память спасения обители от разрушения в трапезной Успенской церкви был устроен особый придел и учрежден благодарственный ежегодный крестный ход. Близ Успенского собора находится и могила казначеи Сарры Николаевны, скончавшейся на 75-м году жизни в марте 1840 года.

Из захоронений XIX века на территории монастыря сохранились могилы участников Отечественной войны 1812 года, декабристов, ученых, литераторов, государственных и военных деятелей. Среди одиннадцати участников войны с Наполеоном, могилы которых сохранились до нашего времени, Денис Давыдов — один из самых известных героев. Поэт — создатель романтической гусарской лирики, он был также автором военно-исторических и теоретических трудов («Опыт теории партизанского действия», «Тильзит в 1807 году»), политических басен («Голова и ноги» и др.). В 1957 году на его могиле был установлен бронзовый бюст, выполненный скульптором Е. Рудаковым. И установлен он позади сохранившегося постамента старого надгробия, завершавшегося первоначально крестом с распятием.

Два других участника войны 1812 года — из рода князей Волконских. Сергей Александрович был капитаном московского ополчения, за отличие в сражении произведен в майоры, а в 1814 году стал комендантом города Реймса, занятого русскими.

Генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович был участником еще суворовских походов. Он умер в 1835 году и погребен в семейном мавзолее, возведенном из крупных плит белого известняка в первой половине XIX века. Несмотря на свои небольшие размеры, мавзолей этот очень торжествен и выглядит монументально. В науке есть предположение, что мавзолей Волконских является произведением знаменитого Д. Жилярди, много строившего для представителей этого княжеского рода.

О воинском пути генерала от инфантерии В.И. Тимофеева напоминают резные надписи: «Прейсиш-Эйлау», «Кенигсберг 1807», «Бородино 1812», «Замостье 1831». Они симметрично расположены по сторонам портретного барельефа в овальном медальоне на беломраморном саркофаге, увенчанном фигурами склоненных воинов. К сожалению, утрачены беломраморная урна и ограда, представлявшая собой цепи, укрепленные на врытых в землю пушках.

В битве при Аустерлице начал свой путь 17-летний кавалергард Михаил Орлов. Участвовавший во всех исторических сражениях с Наполеоном, он закончил войну генералом, приняв со стороны русского командования капитуляцию Парижа. Об этом сказано и в надгробной надписи на его могиле: «Генерал-майор Михаил Федорович Орлов родился 25 мая 1788 года, заключил условия сдачи Парижа, скончался 19 марта 1842 года».

В 1815 году М.Ф. Орлов подал императору Александру I адрес с проектом уничтожения в России крепостного права, что было первой гласной попыткой освобождения крестьян. Активный член ранних декабристских организаций, после восстания он был отстранен от всякой государственной деятельности и сослан. «Лев, сидящий в клетке», как назвал его А. Герцен, до самой смерти находился под надзором. Рядом похоронена его жена Екатерина Орлова, урожденная Раевская, старшая

сестра Марии Волконской — «женщина необыкновенная», по мнению А.С. Пушкина.

Рядом со Смоленским собором находится могила декабриста П.И. Колошина и его жены А.Г. Колошиной. Их могила, обозначенная саркофагом из черного полированного гранита с выступающими полями, окружена чугунной оградой.

Некоторые надгробные памятники начала XIX века обладали высокими художественными достоинствами, например надгробие князя С.С. Гагарина. Оно представляет собой трехчастную композицию из пирамиды, стоящего перед ней саркофага и скорбной фигуры, склонившейся у края саркофага. Рядом в одной ограде находится надгробие его супруги — княгини В.Н. Гагариной. На высоком основании темного гранита — беломраморная фигура полулежащего ангела, опирающегося на погребальную урну. Оба памятника проникнуты гармонией покоя и несуетной скорби.

Более эмоционально решен памятник Г.И. Бибикову. Центром композиции является колонна, установленная на мощном пьедестале. На урну, которая завершает колонну, опирается плакальщица, с другой стороны, у основания колонны — фигурка плачущего младенца.

К концу XIX века территория монастырского некрополя практически была уже вся занята, и в 1898 году игуменья обители Антония обратилась в Синодальное управление с прошением об освящении земли за пределами южной стены монастыря. Начались работы по расширению некрополя, которые велись по проекту и под непосредственным наблюдением профессора архитектуры И.П. Машкова.

Новое кладбище, площадью в 2,7 гектара, официально открыли в 1904 году, но первые захоронения появились здесь раньше.

Интересен памятник в виде изящной часовни-усыпальницы, построенный по проекту архитектора В. Покровского и установленный на месте захоронения Прохоровых — владельцев московской Трехгорной мануфактуры. Стены усыпальницы, сложенные из известковых блоков, покрыты великолепной резьбой со стилизованными изображениями ангелов и крестов. Угловые колонки сплошь украшены орнаментальной резьбой, а над пышным порталом — образ Спаса Нерукотворного, плат которого с двух сторон поддерживают коленопреклоненные ангелы.

На кладбище Новодевичьего монастыря похоронено много историков и исторических романистов, так, например, здесь погребены трое Соловьевых: отец — Сергей Михайлович и два его сына — Владимир и Всеволод. Их могилы расположены на пути следования к величественному Смоленскому собору. Первоначальное надгробие на могиле Владимира Соловьева не сохранилось; сейчас там стоит не очень удачный памятник, вернее фрагмент старого гипсового надгробия, установленный в 1950-е годы.

Чуть в стороне под проволочным балдахином-навесом находится могила с плитой, на которой значится имя М.Н. Загоскина — участника войны с Наполеоном, автора романов «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», «Рославлев, или Русские в 1812 году», «Искуситель», «Тоска по родине» и других. Писатель погребен вместе с супругой, а рядом расположились могилы некоторых их родственников. Балдахин со

временем утратил свой крест, и запущенная могила некогда знаменитого романиста говорила о забвении, коснувшемся последнего приюта безгранично доброго, честного, радушного и веселого Михаила Николаевича.

В глубине Старого кладбища похоронен И.И. Лажечников — тоже участник войны с Наполеоном, скончавшийся 26 июня 1869 года. Писатель, которому В.Г. Белинский посвятил восторженные строки, умер бедным, не оставив жене и детям никакого состояния, кроме своего честного имени.

Могильный холмик, под которым погребен И.И. Лажечников, располагался среди роскошных гробниц. На нем установили простой деревянный крест, а под образом Спаса прибили металлическую дощечку с надписью, что здесь похоронен «…русский Вальтер Скотт, из-под пера которого вышли знаменитые романы „Ледяной дом“, „Последний Новик“, „Басурман“. Потомки, зачитывавшиеся этими романами, даже не воздвигли писателю достойный его надгробный памятник…

Недолго жила память и на могиле замечательного писателя А.Ф. Писемского, скончавшегося в 1881 году. Хоть ему и был установлен памятник из серого гранита со словами „В руц Твои, Господи, предаю духъ мой“, но со временем оказалось, что нечего здесь искать ни венков, ни цветов. В начале XX века даже пожилые монахини и кладбищенские сторожа не могли вспомнить, чтобы родственники приходили на могилу А.Ф. Писемского и его жены. Одни только птицы любили сидеть на памятнике творца „Горькой судьбины“, „Тысячи душ“ и других романов…

В 1919 году кладбище, получившее название „Новодевичье“, стало местом захоронения рядовых москвичей, но таким оно оставалось меньше 9 лет. В 1927 году по решению ВЦИК его выделили „для захоронения лиц с общественным положением“. С той поры право покоиться на Новодевичьем кладбище стало в советском обществе одной из высших привилегий, и решения о погребении на нем при любых временах всегда принимала власть.

В 1930-х годах, в период наиболее яростного разрушения монастырских некрополей, и позднее, после проведения „благоустройства“ территории кладбища, могилы многих великих россиян были уничтожены. В 1934 году Новодевичий монастырь на правах филиала вошел в состав Государственного исторического музея. Перед научными работниками (а их в 1935 году было всего 3 человека) была поставлена задача — произвести реконструкцию старой композиции и подготовить новую, включив в нее и показ некрополя — вернее того, что от него к этому времени осталось. Половина памятников (даже больше половины) нуждалась в полном восстановлении, в частности памятники и надгробия поэта К.Н. Батюшкова, крупнейшего русского филолога и искусствоведа Ф.И. Буслаева, графа С.С. Уварова и многих других писателей, ученых и политических деятелей, чьи могилы были уничтожены еще в 1920-е годы.

В эти же годы с многих упраздненных кладбищ на Новодевичье перенесли останки и памятники ряда военачальников и выдающихся деятелей науки и культуры. Среди них — Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, СТ. Аксаков, А.С. Хомяков, И.И. Левитан, П.М. и СМ. Третьяковы, М.Н. Ермолова, В.В. Хлебников и другие…

К 1940 году на территории Новодевичьего монастыря были заасфальтированы главные дорожки, сделаны насыпи на местах могил, если их можно было определить по фотографии, а также определены сдвинутые со своего места памятники. Тогда же были восстановлены и заново оформлены старинные надгробия И.И. Лажечникова, А.А. Шаховского, В.И. Астракова.

При создании так называемой „Площадки писателей“ безвозвратно были утеряны могилы многих известных людей России, в том числе утрачены могилы четырех декабристов. Очень трагична, например, судьба могилы Н.Н. Муравьева — основателя „Союза спасения“, члена Военного общества и „Союза благоденствия“, участника Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, награжденного многими орденами. В 1930-е годы по его могиле была проложена асфальтированная дорога, по которой теперь во время Пасхального богослужения проходит Крестный ход. Современный памятник — невысокая стела из серого мрамора — в 1960-е годы была установлена в 10–11 метрах от места прежнего захоронения декабриста.

На новое место (рядом с могилой СП. Трубецкого) была перемещена и могила декабриста М.И. Муравьева-Апостола, ранее захороненного в западной части монастыря.

Недалеко от алтаря северного придела Смоленского собора был погребен А.А. Брусилов, в советское время — инспектор Красной кавалерии. Стела из красного гранита установлена на его могиле в 1940-е годы.

Сохранившийся некрополь литераторов невелик, но представлен очень известными именами. В их числе упоминавшийся уже князь А.А. Шаховской — популярнейший в свое время комедиограф, о котором А.С. Пушкин писал:

Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой…

Во время Отечественной войны 1812 года князь был командиром Тверского ополчения и написал интереснейшие „Записки о событиях 1812 года“. Могила его не сохранилась и была восстановлена условно. В 1850 году над ней был установлен памятник, стилизованный под жертвенник середины XIX века.

У алтаря Успенской церкви — место родовых погребений Рюриковичей Яковлевых. Здесь сохранились массивные гранитные саркофаги Алексея Александровича, Ивана Алексеевича и Льва Алексеевича — деда, отца и дяди А.И. Герцена.

Поэт А.Н. Плещеев похоронен возле своей рано умершей супруги Еликониды, с именем которой связаны его лучшие лирические произведения. Оба надгробия — беломраморный бюст поэта и крест на могиле его жены — находились сначала у западной стены монастыря и были защищены от непогоды застекленной часовенкой. Перезахоронение их было произведено в 1930-е годы.

На Новодевичьем кладбище покоятся — поэты М.В. Исаковский, А.Т. Твардовский; писатели А.И. Куприн, В.В. Иванов, М.А. Булгаков, А.Н.

Толстой, В.М. Шукшин; артист и библиофил Н.П. Смирнов-Сокольский, кинооператор Э.К. Тиссэ, актер Е.Я. Урбанский, драматург Н.Ф. Погодин, турецкий писатель и общественный деятель Назым Хикмет; художники В.А. Серов, А.А. Дейнека, И.Э. Грабарь; скульпторы С.Т. Коненков, В.И. Мухина; писатель и киносценарист Ю.С. Семенов; скрипач и дирижер Д.Ф. Ойстрах, актер и певец М.Н. Бернес, композиторы И.О. Дунаевский, А.И. Островский… Вот далеко не полный список имен тех, кто составляет гордость и славу отечественной культуры.

В октябрьские дни 1941 года, когда бои с фашистами шли на подступах к Москве, произошло одно нелепое событие: какой-то чиновник, заботясь о сохранении тайн государственных архивов, причислил к ним и сведения о… мертвых. Так оказались уничтоженными и многие документы о Новодевичьем кладбище, поэтому в силу случившегося более половины захоронений этого некрополя не имеет достоверных документов. Работу по выявлению утраченного начал С.Е. Кипнис, который с каждого памятного знака, с каждого надгробия и с каждой могильной плиты начал списывать все, что удавалось прочесть.

Новодевичье кладбище является своего рода и мартирологом сталинской тирании. Здесь покоятся сотни лиц, бывших в свое время узниками тюрем и лагерей. В их числе — главный маршал авиации А.А. Новиков, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, нарком авиации Шакурин, академики А.Н. Туполев, В.П. Глушко, Л.Д. Ландау, Берг, И.М. Майский; врачи В.Ф. Зеленин, Коган, Виноградов; артисты Лидия Русланова и Дикий, поэты Н. Заболоцкий, Я. Смеляков… На десятках надгробий есть надписи в память о расстрелянных и погубленных страшным ГУЛАГом.

Во второй половине прошлого века „вернулись“ из Лондона прах Н.П. Огарева (1966), из Парижа — прах Ф.И. Шаляпина (1984)…

БАШНЯ СЮЮМБЕКИ В КАЗАНИ

Несомненной жемчужиной Казанского кремля является стройная, устремленная ввысь Башня Сююмбеки, состоящая из семи ярусов. Часть дубовых свай, на которых покоилась Башня (высота ее 57 м), со временем ушли под воду, и она отклонилась от вертикальной оси примерно на 180 сантиметров.

Пожалуй, ни один памятник Казанского кремля не имеет столько легенд и преданий, как Башня Сююмбеки, но до сих пор загадка ее остается неразрешенной. Никто не может с точностью ответить на вопросы даже о том, когда и кем она была выстроена, хотя в науке существует мнение, что сооружена она была во времена Казанского ханства (конец XV — начало XVI в.). Доказательством этого считается тот факт, что Башня была возведена в честь Сююмбеки — жены двух последних казанских ханов.

Сююмбеки была дочерью ногайского мурзы Юсуфа. Отданная 12-летней девочкой в жены хану Джан-Али, она была привезена в Казань в 1532 году. После смерти мужа она была женой еще двух казанских ханов — Сафа-Гирея и Шах-Али. С Башней связано много легенд, и одна из них гласит, что:…царица Сююмбеки славилась своей красотой. Когда она выходила на балкон, даже солнце стыдливо прятало свой лик за тучи, птицы переставали петь, и луна скрывалась ночью, не смея спорить с очарованием Сююмбеки.

Услышав о красавице, русский царь Иван Грозный направил к ней послов с предложением стать московской царицей. Но гордая Сююмбеки отказала царю, что и стало причиной его похода на Казань. Когда русские войска осадили город, царица, не желая кровопролития и разрушения Казани, согласилась выйти замуж: за Ивана Грозного, но поставила условие. В качестве свадебного подарка русские строители должны были за неделю возвести башню выше всех минаретов Казани, а сам царь пощадить жителей города. Иван Грозный под страхом смертной казни приказал своим мастерам выполнить желание Сююмбеки.

И началось спешное строительство: в первый день возвели первый, самый большой ярус башни, во второй день — следующий… Работа спорилась, каждый день прибавлялся ярус, и требование Сююмбеки было выполнено в срок. Тогда и она должна была выполнить свое обещание и выйти замуж за русского царя.

Во время свадебного пира Сююмбеки пожелала в последний раз взглянуть на родной город и попрощаться с его жителями. Она поднялась на самую высокую площадку башни и бросилась вниз со своим малолетним сыном. Узнав о гибели невесты, Иван Грозный повелел разрушить Казань…

Хотя это предание очень романтично, но исторически неверно, потому что в 1551 году Сююмбеки вместе с малолетним сыном отправилась в Москву в качестве пленницы и доживала в Касимове, так и не приняв христианства. Долгое время существовало мнение, что на месте Башни раньше находилась поминальная мечеть-мавзолей, возведенная Сююмбеки над местом погребения второго мужа — Сафа-Гирея, внезапно умершего в 1549 году. Эта мечеть-мавзолей, которая стала называться мечетью Сююмбеки, пользовалась культовым почитанием, и перед отъездом в Москву царица долго плакала над местом упокоения мужа и прощалась с жителями города.

Царица же, войдя в мечеть, где лежал ее умерший царь, сорвала с головы своей золотой убор, и разорвала верхние свои одежды, и пала на землю возле царского гроба, терзая на себе волосы, раздирая ногтями лицо свое и колотя себя в грудь. И запричитала она жалобно и заплакала, горько рыдая и говоря так:

— О милый мой господин, царь Сафа-Гирей, взгляни на царицу свою, которую любил ты более всех жен своих; вот ведут меня с любимым сыном твоим в плен, на Русь, иноземные воины, как злодейку… Увы, жизнь моя дорогая, зачем рано зашла красота твоя от глаз моих в темную землю, оставив меня вдовою, а сына твоего, еще младенца, сиротою…

И долго еще так причитала царица и восклицала, лежа часа два, убиваясь у гроба на земле, так что и сам приставленный к ней воевода прослезился, так же и уланы, и мурзы, и все находившиеся там люди плакали и рыдали.

Есть предположение о том, что первый ярус Башни первоначально был минаретом, затем служил проездными воротами во дворец, а после разрушения мечети Сююмбеки название это перешло к дозорной башне, возведенной на месте мавзолея (или вблизи него). Недаром же, по преданию, под Башней похоронен благочестивый мусульманин, из черепа которого бьет родник Тайницкого ключа. Татары считали воду родника

священной, умывались ею для благополучия и здоровья, а по пятницам приходили к Башне Сююмбеки молиться. *36 Родник этот действительно существовал, но был засыпан в 1950-х годах при строительстве водозащитных сооружений.*

Подобные дозорные проездные башни возводили на Руси и в более раннее время, но ярусность появилась только в XVII веке. Своим архитектурным обликом шедевр Казанского кремля напоминает Боровицкую башню Московского Кремля, что дало основание некоторым исследователям отнести сооружение Башни Сююмбеки к концу XVII века. Однако ни в одном древнем документе нет указаний на то, что в этот период на территории Казанского кремля велись какие-либо строительные работы.

Учитывая, что в основе каждой легенды лежат исторические факты, а также другие сведения („На могиле хана воздвигла я каменную башню"), Н. Ханзафар пришел к выводу, что Башня Сююмбеки является священным памятником-зиккуратом. В досоветских словарях она и называлась монументальным памятником, мавзолеем над могилой хана Сафа-Гирея. У Брокгауза и Эфрона написано: „С падением Казани в 1552 году из Мавзолея полностью со всеми погребальными обрядами удаляется могила Сафа-Гирея, после чего Мавзолей несет функции дозорной башни. Для тех времен это был важный стратегический пункт, и именно это предназначение спасло ее от варварского разрушения".

Башня Сююмбеки по тем же архитектурным традициям, что и Вавилонская башня, является „родственницей" египетских пирамид и древнеиндейских сооружений Мексики. Башня имеет семь ярусов, олицетворяющих семь небесных сводов, которые в свою очередь символизируют семь ступеней рая. В стенах сделаны 4-угольные ниши, Башню украшает железная сетка, усыпанная звездами, каждая из которых имеет по 8 крылышек. Эта железная сетка-решетка на воротах поставлена одновременно с возведением самой Башни и располагается в самом нижнем этаже ее, то есть в самом основании зиккурата. Она не предназначалась для оборонительных целей хотя бы потому, что через ее отверстия свободно могли пройти стрелы, пули и даже пушечные ядра. Кроме того, прутья этой решетки можно было сломать почти без усилий.

Свод первого яруса Башни Сююмбеки имеет форму купола, продолжением которого и является „звездчатая" решетка. За этой „звездчатой занавесью" и был похоронен Сафа-Гирей, после смерти которого ворота в его усыпальницу открывались редко. „Ближайшее небо" над могилой хана тоже украшено „светильниками", то есть звездами. Возводя величественную башню-мавзолей своему безвременно ушедшему супругу, Сююмбеки вряд ли придавала особое значение архитектурным тонкостям, главным для нее было возвести мавзолей-памятник усопшему мужу. И было это в те времена, когда каждый мусульманин жил с мечтой через свои богоугодные дела вознестись в джаннат (рай).

Под „звездным" куполом входишь по направлению к северу, но вторые ворота Башни Сююмбеки не имеют такого оформления, таким образом, эта „звездная вуаль" выполняет роль занавески, за которой открывается „страна вечности". Иначе говоря, они являются границей, за которой начинается „тот свет".

Первые три яруса Башни имеют 4-угольную форму, остальные четыре яруса — 8-угольную. Квадрат изначально вбирал в себя такие понятия, как благородство, истина, справедливость, честность. В литературе о „справедливых царях“ четко отражены требования к правителям быть честными, милосердными, справедливыми, чего должен был придерживаться и Сафа-Гирей. Символ-квадрат истолковывался еще и как рубеж, и „граница“, так что человеку, отправившемуся в „Страну негаснущих звезд“, обратно пути нет. Ворота башни-мавзолея ведут только на Север — в „Обитель вечности“. Башня Сююмбеки является одновременно и великому мужу, и моделью мира, и компасом, и солнечными часами, и „страной негаснущих звезд“, и местом обращения к Аллаху, и памятником-усыпальницей великому хану.

МАВЗОЛЕИ ХУМАЮНА В ДЕЛИ

В 1526 году на севере Индии создалось новое государственное образование — империя Великих Моголов, основателем которой стал чагатайский тюрк Бабур, уроженец Ферганы, далекий предок Тимура. Первые правители этой династии, сам Бабур и его преемники — Хумаюн, Акбар, Джахангир и Шах-Джахан — остались в истории и в памяти народной не только как гибкие политики и умелые воины, но и как созидатели, покровители наук и искусств.

Наследовав престол, Хумаюн перенес двор из Агры в Дели, и здесь, на берегу реки Джамны, начал застраивать свой город, который назвал Динпанах. Хандемир, автор хвалебного сочинения „установлениям“ Хумаюна, писал в нем, что Динпанах строился специально для „людей желания“ *37 Это была одна из категорий, по которым молодой шах разделил своих придворных.* — поэтов, певцов, танцоров, красивых молодых людей. Для тех, кто должен придавать своим искусством блеск и пышность двору шаха Хумаюна. За 10 месяцев Динпанах был окружен стеной с башнями и парапетами, но Хумаюн недолго наслаждался изысканной жизнью города для „людей желания“: в 1540 году он был изгнан из Дели афганским правителем Шер-Шахом.

Хумаюн скончался в 1556 году, а через 8 лет после смерти, при шахе Акбаре, начал возводиться его мавзолей — один из самых выдающихся памятников могольской архитектуры. Он строился по замыслу Хамиды Банум Бегим — жены шаха Хумаюна, которая многие годы провела с мужем в изгнании в Иране. Возможно, она привлекла для строительства иранских мастеров и художников. К работе был привлечен и опытный архитектор Мирак Мирза Гхиаз, перс по происхождению. В результате совместных усилий местных и иноземных мастеров получилась великолепная двухэтажная усыпальница под огромным беломраморным куполом.

Мавзолей Хумаюна несет на себе следы иранской архитектуры, например, планировка и отделка внутренних помещений усыпальницы весьма схожи с мавзолеем хана Улджакту в Султание. Однако черты иранской архитектуры оригинальным образом преломились в индийской интерпретации, и гробница Хумаюна предстала уже не как отдельно стоящее здание, а как заключенный в стены ансамбль сооружений, составляющий с парком единое целое.

Входы в этот ансамбль, сделанные в виде массивных зданий, обращены по сторонам света: главный вход находится с западной стороны. В центре квадратной в плане композиции, на высокой платформе,

возвышается кубическая гробница, завершающаяся куполом. Его форма и конструкции, традиционные в Персии, необычны для Индии. Купол на барабане для облегчения веса имеет двойную оболочку, и только верхняя облицована белым мрамором. На фасадах устроен ай-ван — глубоко западающий в стену входной арочный проем.

В мавзолей Хумаюна, представляющий собой сооружение внушительных размеров (46,8 х 46,8 х 42 м), праздничное ликование вносят стоящие вверху по углам изящные купольные павильончики — типично индийские „чхатри". По-новому решен и интерьер гробницы: это не единый зал, как делалось прежде, а целый комплекс помещений (для захоронения членов семьи), которые сообщаются и с главным залом, и между собой коридорами, перекрытыми сводами. Световые проемы от яркого солнца затянуты изысканным каменным кружевом решетки, нарядность зданиям придают беломраморные обрамления проемов и вставки в их стены, выполненные из красного песчаника.

По общему признанию мавзолей Хумаюна своим великолепием уступает только Тадж-Махалу, прообразом которого он является. И действительно, сам мавзолей, ансамбль зданий и водоемов вокруг него — все представляет собой картину редкой красоты. Постамент мавзолея, обрамленный ожерельем арок из белого мрамора и красного камня, большой купол и маленькие башенки, венчающие многогранный корпус, белый на красном фоне орнамент, тонкая резьба по камню, искусно спланированный парк — все это вместе образует чудесную гармонию линий, форм и цвета.

УСЫПАЛЬНИЦА ИСПАНСКИХ КОРОЛЕЙ

В августе 1557 года произошла великая битва при Сент-Квентине во Фландрии, в которой испанцы одержали победу над французами. Эта битва стала вдвойне знаменательной датой для испанцев, так как день 10 августа был днем святого Лаврентия. Однако именно в этот день в ходе сражения была разрушена церковь его имени, и испанский король Филипп II поклялся построить для святого вместо разрушенной новую церковь. Король лично выбирал мастеров для возведения и украшения своих дворцов, сам следил за выполнением работ и нередко исправлял архитектурные проекты заказанных им построек.

Особенно много внимания Филипп II уделял Эскориалу, и в 1561 году он отправился в горы Сьерра-де-Гвадарама — в небольшой шахтерский городок Эскориал, название которого означает просто „груда шлака". По преданию, король нашел в горах укромное местечко, *38 Теперь это место называется «Вышка Филиппа».* откуда мог следить, как возводится Эскориал — дворец, монастырь и фамильный склеп. Его отец, король Карл V, оставляя трон, имел две просьбы к сыну: продолжать бороться с ересью и построить величественную гробницу для королевской семьи Испании.

К осени 1555 года Карл V, почувствовав упадок физических и нравственных сил, передал сыну монарший скипетр, который 40 лет держал в своей мощной руке. Он давно уже хотел сложить с себя заботы правления и после отречения удалился в монастырь иеронимитов, располагавшийся в горах Эстремадуры. Многие монахи этого монастыря прославились своей святой жизнью и ученостью, и, поселившись в обители, король устроил свою жизнь, сообразуясь с монастырским уставом,

насколько это позволяло его здоровье.

Каждое утро Карл V слушал обедню в монастырской церкви, после чего обедал в монастырской трапезной: он часто сам разрезал себе кушанья, но ослабленные подагрой руки не всегда его слушались. После обеда король слушал отрывки из любимых богословских сочинений, а по вечерам — проповедь одного из монахов. Карл V был строг в исполнении всех религиозных обрядов, а когда болезнь мешала этому, заменял исполнение обязанностей особенно строгим постом и бичеванием, и сек себя так жестоко, что часто вся плеть покрывалась кровью.

Забота о спасении собственной души внушала Карлу V и строгость к другим. Заметив, что некоторые молодые монахи дольше положенного разговаривают с женщинами, приходившими в монастырь, король объявил: „Всякая женщина, которая подойдет к монастырским воротам ближе, чем на два выстрела, должна быть наказана 100 ударами плетьми“.

Время, свободное от религиозных обязанностей, он проводил в саду, ухаживая за молодыми растениями, а в плохую погоду занимался механическими работами. Обыкновенно говорят, что, отказавшись от престола, Карл V заживо похоронил себя, однако он не только сохранил интерес к делам государства, но даже влиял на некоторые из них. А Филипп II был так благоразумен, что во всех важнейших вопросах политики полагался на суждения отца.

Во время болезни Карл V искал утешения в Священном Писании и особенно в псалмах, которые ему читали каждый день. Около двух часов пополудни 21 сентября короля посадили в постели, в правую руку подали зажженную свечу, левой он старался удержать серебряное Распятие, которое было в руках его супруги, королевы Изабеллы, в час ее смерти. Когда архиепископ Толедский закончил читать псалом „De profundis“, король сделал усилие, чтобы поцеловать крест, но силы оставили его: он упал на подушки, громко крикнул „Ave Jesus!“ и умер.

Тело Карла V набальзамировали и положили в свинцовый гроб, который в течение трех дней находился в монастырской капелле. В завещании своем король пожелал, чтобы его похоронили в монастырской церкви перед алтарем таким образом, чтобы голова и верхняя часть тела находились бы на том месте, где во время литургии стоит священник. Желание его выражало искреннее смирение, однако строгие служители церкви засомневались в возможности похоронить монарха на таком святом месте. Начался спор, в результате которого решили изменить завещание. Короля предали земле в присутствии всех монахов, придворных и множества лиц, съехавшихся из окрестных провинций. Но могила для Карла V была вырыта не под алтарем, а возле него, так что ноги короля оказались на том месте, где он желал, чтобы находилась его голова. Правда, прах короля недолго находился в скромной монастырской церкви: Филипп II перенес его в строящийся Эскориал, где покоятся останки и королевы Изабеллы.

При возведении Эскориала перед взором Филиппа II представало нечто большее, чем просил отец. Он видел гигантский монастыре базилику и дворец, соединенные в единое целое, хотя монастырь и светский дворец — обычно трудносовместимые вещи. И все же иногда случается, что светская власть поселяется под одной крышей с духовной хотя бы на

время: путешествующий монарх пользуется гостеприимством монастырского настоятеля или член королевской семьи в заботе о спасении души делает вклады в монастырь, чтобы монахи молились о нем.

Более миллиона тонн гранита ушло на возведение Эскориала — самого большого здания на свете, с 4000 комнат и сотнями километров коридоров. Выстроенный из серо-розового гранита дворец-монастырь органически сливается с серовато-голубоватыми далями пустынного пейзажа. Он стоит примерно в 50 километрах от Мадрида и представляет собой огромный параллелограмм (207x167 м) с четырьмя башнями по углам (высота башен 55 м), увенчанными острыми шпилями. Над ним возвышаются две колокольни и церковный купол.

В Эскориале под одной крышей разместился целый городок с дворцами, жилыми помещениями, церковью и пантеоном. Архитектор Хуан Батиста де Толедо и его преемники объединили все это строгими симметричными линиями. Построенный в стиле итальянского Возрождения и в подлинно испанском духе, Эскориал принадлежит к величайшим творениям мирового зодчества. Но „восьмое чудо света“ было мрачным и суровым: тяжелой громадой встает замок-монастырь, как бы олицетворяя неприступный нрав Филиппа II, стремившегося подчинить себе весь мир. Король задумывал Эскориал как монумент, подчеркивавший величие королевской власти в эпоху, когда на испанской земле пылали костры инквизиции. Даже по своей конфигурации Эскориал напоминает перевернутую решетку: четыре его башни как бы являлись ножками, а выступающий с южной стороны летний дворец — ручку, напоминая ту самую решетку, на которой был сожжен святой Лаврентий. Писатель Лион Фейхтвангер в своем романе „Гойя“ так писал об Эскориале: „Огромной внушительной каменной глыбой стоит он в том холодном великолепии — мрачный, неприветливый“.

Королевские покои размещались в Эскориале таким образом, чтобы непосредственно из них король мог пройти в церковь. Когда Филипп II был уже стар и немощен, он все равно имел возможность видеть главный алтарь церкви прямо со своего ложа. А под главным алтарем расположился „Пантеон испанских королей“, в котором упокоился и прах дона Карлоса — мятежного сына короля.

Обвинив сына в отступничестве от веры, Филипп II повелел арестовать его, и вскоре приближенные ко двору лица убедились — король решил никогда не выпускать его из заточения и совершенно устранить от престола. За принцем был установлен строгий надзор, а один из стражников даже ночью дежурил в его комнате. Днем лица, приставленные к принцу, должны были занимать его беседами, но тщательно уклоняться от тем, связанных с его заключением. Им было запрещено выполнять какие-либо поручения за пределами отведенной для дона Калоса комнаты. Все, что происходило во дворце, должно было оставаться для него тайной, если только сам король не сообщит о чем-либо.

Никакое светское сочинение не допускалось в его темницу, и принц мог иметь книги только духовного содержания.

Нездоровый воздух темницы и недостаток движения расстроили здоровье дона Карлоса: он худел с каждым днем, его истощала лихорадка… Чтобы уменьшить невыносимый жар, принц прибегал к

средствам, которые не улучшали его положения, а наоборот, вели к медленной, но верной смерти. Так, например, он поливал водой пол своей комнаты, а потом часами, босой и полураздетый, прохаживался по нему. Ночью он по несколько раз приказывал класть в свою постель пузырь со льдом и снегом, а то выпивал большое количество снеговой воды. Иногда в течение нескольких дней принц не принимал никакой пищи, а потом зараз съедал очень много, запивая еду тремя галлонами холодной как лед воды. Никакой организм не мог бы долго выдержать такого насилия над своей природой, и силы дона Карлоса стали быстро таять.

После смерти тело дона Карлоса (по его желанию) облекли в францисканское платье и положили в гроб, обитый черным бархатом и богатой парчой. При виде торжественного погребального шествия жители Мадрида сожалели о принце, которого хотели видеть на престоле. Процессия направилась к собору San Domingo Real, избранному для вечного упокоения дона Карлоса. С великой торжественностью здесь была отслужена заупокойная панихида, а потом в нишу церковной стены опустили останки принца. В1573 году по повелению короля их перенесли в Эскориал.

Фамильный склеп испанских королей долгое время и после смерти Филиппа II оставался незавершенным. Возведению его помешали подземные воды, и только в 1654 году, когда инженеры осушили фундамент под Эскориалом, усыпальница испанских королей была закончена.

Холодной строгостью отмечено архитектурное убранство и внутренних апартаментов Эскориала. Однако наследники Филиппа II предпочитали более пышные и просторные апартаменты, к тому же они не горели желанием всегда видеть перед собой главный алтарь. Да и время смягчило суровый облик Эскориала. В результате реставрационных работ, проводимых здесь в 1960-х годах, были восстановлены и реконструированы здания, разрушенные временем и изъеденные термитами, переделаны внутренние помещения дворца, который в настоящее время превращен в музей. Сверкающая мраморная лестница ведет в Пантеон, где в нишах в четыре этажа установлены каменные гробы, в которых покоятся останки почти всех испанских королей.

ЗАХОРОНЕНИЯ МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ

Одним из главных событий в бурной истории острова Мальта является так называемая Великая осада, когда рыцари-иоанниты остановили османское вторжение в Средиземноморье. После победы рыцари по-настоящему принялись обустраивать остров и в соответствии с требованиями военной науки возводить новую столицу. Идеальным местом для нее они посчитали пустынный мыс Скиберрас, который лежал между двух глубоких естественных гаваней и позволял наблюдать за ними.

Но после Великой осады казна Ордена Святого Иоанна Иерусалимского была истощена, и для пополнения ее Великий магистр Жан Паризо де Ла Валлетт составил план, который разослал разным государям Европы. В нем он разъяснял европейским монархам, какое важное значение имеет Мальта, ставшая оплотом против турок и всего мусульманского мира. План Ла Валлетта был встречен всеобщим одобрением, и многие европейские монархи внесли значительные

пожертвования в пользу Ордена, а добыча мальтийских кораблей еще больше увеличила эту сумму.

Казна Ордена была пополнена, и в конце марта 1566 года, уже через полгода после изгнания турок, вновь загремели пушки, возвещая на этот раз о закладке первого камня. Великий магистр в парадной одежде в присутствии многочисленных рыцарей и жителей острова положил первый камень в основание будущей столицы. Собственными руками обтесав этот камень, он вырубил на нем латинскую надпись „Valetta“, которая потом стала названием города, хотя сам магистр назвал новую столицу „Umillima“ (Скромнейшая), так как скромность у рыцарей-иоаннитов почиталась первейшей добродетелью.

Более 80 000 человек возводили новый город, и Ла Валлетт лично следил за всеми работами. Его всегда можно было видеть на разных участках строительства: он здесь обедал, обсуждал с членами Капитула дела Ордена и даже назначал аудиенцию лицам, приезжавшим из чужих земель. Однако завершенными Великий магистр увидел только небольшую часовню и несколько бастионов. Однажды занимаясь своей любимой забавой — соколиной охотой, магистр в жаркий июльский день получил солнечный удар, от которого с ним приключилась горячка. Вскоре всем стало ясно: организм Ла Валлетта, истощенный продолжительными усиленными трудами, не сможет долго бороться с болезнью.

Перед смертью Великий магистр призвал к себе рыцарей и говорил с ними о том, как вернее исполнить планы, которые приведут к упрочению Ордена. Он говорил, чтобы они всегда хранили единство и согласие, а в духовном завещании освободил своих рабов (их было 50) и просил, чтобы в новом городе была выстроена часовня во имя Пресвятой Девы Марии и в память Великой победы. И чтобы после смерти его погребли в этой часовне… Сделав последние распоряжения, Великий магистр Ордена Святого Иоанна Иерусалимского прожил еще недолго и 21 августа 1566 года скончался.

Последняя воля Жана Паризо де Ла Валлетта была исполнена в точности: гроб с телом Великого магистра поставили на адмиральскую галеру, всю покрытую черным. Галеру сопровождали 4 корабля, на которых находились родственники усопшего и члены Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. С кормы кораблей свешивались в воду мусульманские флаги, отбитые у неприятеля во время осады Мальты. Выйдя на берег, траурная процессия отправилась по улицам строящейся столицы к часовне Божьей Матери, в которой со всей пышностью и торжественностью была совершена церемония погребения Великого магистра. Вокруг его могилы толпилось много народа, пришедшего со всех концов острова, чтобы отдать последний долг герою.

Большинство старинных зданий Валлетты построено в стиле позднего Возрождения выдающимся итальянским архитектором Джероламо Кассаром. Он же является и автором проекта величественного кафедрального собора Святого Иоанна, который начали возводить в 1573 году при Великом магистре Ля Касспере. Однако внешний вид собора вызвал много замечаний, и после смерти архитектора составленный им проект был переработан. К собору пристроили два придела, а для лучшего освещения фресок увеличили размеры окон.

Все недостатки внешнего облика собора с его аскетическим фасадом, подобным скромному одеянию монашествующего рыцаря, с лихвой компенсирует пышность его внутреннего интерьера. Посреди собора стоял дорогой серебряный жертвенник, а по сторонам от него еще восемь таких же жертвенников — по числу языков. Украшен собор и дорогими лампадами, между которыми находилось золотое место для Великого магистра, обитое бархатом с позументом.

Центром собора является необыкновенно высокий неф с капеллами, принадлежащими восьми различным языкам (или отделениям) Ордена. В 1604 году орденский Капитул выделил каждому из языков — церквей, из которых состоял Орден, по приделу, и рыцари различных национальностей, соревнуясь между собой в пышности и великолепии, бросились украшать их. Они собирали для этого лучшие произведения европейского искусства, но главной достопримечательностью собора являются даже не фрески знаменитого итальянца Маттеа Прети и не фламандские гобелены, выполненные по картинам П.П. Рубенса и Н. Пуссена, а прекрасно исполненные надгробья над могилами Великих магистров. Все они, начиная с основателя города Ла Валлетта, похоронены в крипте собора — низком купольном помещении, выстроенном в стиле барокко. *39 Исключение составляют лишь Гомеш, сдавший Мальту Наполеону Бонапарту, и магистры более позднего времени. Их прах покоится в капеллах центрального нефа.*

В храме есть особой придел — Oratorium, из которого и идет ход в склеп, где в саркофагах покоится прах Великих магистров и старших кавалеров Ордена. Склеп располагается пол алтарем собора: спустившись в него и пройдя в подземный коридор, вы увидите нишу, в которую поставлена гробница Л а Валлетта, окруженная гробами храбрых рыцарей, вместе с ним сражавшихся за веру Христову. Много в соборе Святого Иоанна и монументов, воздвигнутых в память других Великих магистров и храбрых кавалеров с описанием всех их заслуг перед Орденом.

Пол самого собора Святого Иоанна, вымощенный цветными мраморными плитками, привлекает особое внимание путешественников. Он представляет собой великолепную мозаику, которая изображает надгробные надписи на тех самых местах, под которыми погребены великие магистры и старшие кавалеры Ордена. Если подняться на балкон и взглянуть вниз, то покажется, будто они, прижавшись плечом к плечу, сомкнулись в едином строю. На одной из надгробных плит сделана надпись: „Сегодня вы ступаете по мне, завтра так же будут ступать и по вам“.

ГРОБНИЦЫ ИВАНА ГРОЗНОГО И ЕГО СЫНОВЕЙ

В 1963–1965 годы в Архангельском соборе Кремля производилось вскрытие гробниц царя Ивана Грозного и его сыновей — Федора и Ивана. Сам Иван Грозный еще при жизни завещал похоронить себя в дьяконнике алтаря — святыне собора, видимо, желая подчеркнуть свою особую роль первого русского царя-самодержца. Сверху гробницы Ивана Грозного находится сделанный в начале XX века медный кожух с чехлом и именем, под ним — кирпичное надгробие, под ним — вырубленный из цельного известняка саркофаг, полукруглый в изголовье и несколько расширяющийся соответственно положению плеч покойного. Саркофаг закрыт белокаменной плитой, на которой красивой вязью XVII века

сделана надпись — имя погребенного и даты его жизни и смерти. Рядом — саркофаги его ранее похороненного сына Ивана и сына Федора. Это были последние представители рода Ивана Калиты, правившие Русской землей в течение 300 лет. Дом Калиты гордился своей родословной, которую они выводили от легендарного Рюрика; в 1598 году со смертью царя Федора Иоанновича род этот прервался…

Многие события из жизни Ивана IV, состояние его здоровья в последние годы и причина смерти до сих пор неясны, хотя написано об этом очень много. Историки в свое время даже спорили о дате смерти грозного царя, так как летописи довольно скудно говорят о том, что царь умер 19 марта 1584 года. А Псковская летопись называет датой его смерти 18 марта. Прежде последнюю дату считали ошибочной, но на надгробной плите саркофага указан именно день 18 марта: Иван Грозный умер к вечеру, и весть о его кончине распространилась только на другой день.

Умер он внезапно, в припадке ярости, которую нарочно вызвал один из его приближенных. В „Записках“ английского дворянина Д. Гарсея сказано, что за игрой в шахматы (или шашки) Иван Грозный вдруг „ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — к аптекарям… за духовником и лекарями. Тем временем царь испустил дух и окоченел“.

Над умершим самодержцем был совершен обряд пострижения, на труп надели монашескую схиму и нарекли покойного Ионой. Так была исполнена воля Ивана Грозного, желавшего принятием монашеского сана искупить грехи и мерзости своей жизни.

Вскрытие царской гробницы велось в научных целях, чтобы по черепным костям восстановить облик Ивана Грозного, поэтому участвовали в нем сотрудники кремлевских музеев, Института судебно-медицинской экспертизы и других научных учреждений под руководством М.М. Герасимова — археолога, антрополога и скульптора. В результате исследования выяснилось также, что и раньше предпринимались попытки вскрыть царские гробницы, отчего левая ступня Ивана Грозного была задета. Но кем и когда это было сделано — сейчас точно сказать невозможно.

Схима, в которой похоронили Ивана IV, за четыреста с лишни лет настолько истлела, что при малейшем прикосновении к ней рассыпалась, а местами сохранились только ее контуры по швам. Изымать такую „одежду“ ученым приходилось, лишь подкладывая под нее плотные листы бумаги. В саркофаге находилось большое количество гумуса (черно-бурого порошкообразного тлена), содержащего частицы ткани одеяния и мелких тканей покойного. Череп царя был слегка повернут влево, основание его и левая височная кость оказались хрупкими и легко крошились. Необычно располагались кости правого предплечья: они были согнуты в области локтевого сустава таким образом, что концы пальцев как бы соприкасались с нижней челюстью… В основном же кости скелета Ивана Грозного сохранились довольно хорошо, и ученые, судя по ним, пришли к выводу, что царь обладал большой физической силой.

В изголовье саркофага стоял стеклянный кубок с густой жидкостью желто-бурого цвета и плотной массой на дне. В этой массе (как и в гробах сыновей Ивана Грозного) ученые обнаружили хитиновые скелеты мух и

жуков-жужелиц, которые могли заползти в негерметично закрытые саркофаги. Особенно прекрасной работы был голубой кубок, который стоял в одном из углов саркофага. Неизвестны были ни место, ни время изготовления этого кубка, ни повод или событие, с которыми он был связан. И началась кропотливая работа ученых по установлению истории кубка, который представляет собой стакан на ножке общей высотой 18 сантиметров. Расписан он золотом и эмалями в четыре цвета (красный, желтый, зеленый и белый). Само стекло кубка синее — прозрачное в средней части и едва просвечивающее внизу.

В результате исследований было установлено, что кубок связан с придворной мастерской Рудольфа II — сначала эрцгерцога Австрийского, а затем императора Священной Римской империи. Видимо, это был подарок, так как связи Ивана Грозного и Рудольфа II были очень живыми и тесными, особенно во время подготовки к переговорам со Стефаном Баторием.

Кубок сделан из венецианского стекла, поэтому он легок и изящен, в руках быстро теплеет, и синий цвет его напоминает цвет сапфира. А камень этот, как отмечали русские лечебники, делает „человека спокойным, честным, набожным и милосердным“. Иван Грозный, по сведениям упоминавшегося выше Д. Гарсея, очень любил сапфиры, называл их „покровителями милосердия и врагами порока“. Золотая полоска по краю кубка местами стерлась, как это бывает от частого использования. Вероятно, подарок нравился русскому царю, и в день погребения чья-то рука поставила кубок рядом с покойным…

Останки сыновей Ивана Грозного — убиенного царевича Ивана и царя Федора Иоанновича — были завернуты в шелковые покрывала из камки и спеленаты тесьмой. Годы правления царя Федора Иоанновича казались временем тихим и безмятежным: царь ни во что не вмешивался, ездил на богомолья, отстаивал долгие церковные службы и даже звонил на колокольнях. Он и слыл царем „освятованным“, готовящимся к кончине и будущей вечной жизни. Казалось, он должен был бы перед кончиной постричься в монахи, а он лежит в гробу в мирском платье — в кафтане, подпоясанном ремнем. Видимо, внезапная кончина помешала царю вступить на дорогу вечного блаженства, что отчасти подтверждается и надписью на его гробнице. Она гласит, что царь Федор Иоаннович умер 6 января 1598 года, а похоронен 8 января. Надпись делал искусный резчик, все буквы вырезаны красиво и четко, но мастер, видимо, торопился и не докончил букву „б“ в слове „благочестивый“. И получился царь названным „глагочестивым“. Недостало времени и для подбора дорогого кубка для миро, и в гробнице царя был установлен неприлично простой для царственной особы кубок.

ГДЕ ПОХОРОНЕН ШЕКСПИР?

В марте 1585 года Вильям Шекспир предпринял первую поездку из своего родного Стратфорда в Лондон, чтобы попытать счастья в большом городе. Тогда жизнь для него еще скрывалась за туманом неизвестности, ожиданий и надежд, но как сильно билось его сердце во время этого путешествия! Словами наследника французского престола это свое впечатление В. Шекспир описал потом в пьесе „Генрих V“: „Когда я еду верхом, я несусь по воздуху, как сокол; мой конь летит над землею, которая словно поет под его прикосновением; каждый удар копыта звучит

музыкальней дудки Гермеса“.

Вернулся В. Шекспир в Стратфорд через 28 лет. Теперь жизнь лежала позади, действительность превзошла все его былые мечты и ожидания: он достиг славы, стал богатым человеком, возвысился над сословием, из которого вышел, но почему-то не чувствовал себя счастливым. Более полувека прожил он в многолюдном городе, но не привязался к нему, потому и покидал без особого сожаления, мечтая лишь о деревенской тишине. Жизнь началась для Шекспира, как бурный поток, а заканчивалась тихой сменой дней — однообразных, как падение дождевых капель.

Сведений о той поре жизни Шекспира очень мало, последнее важное событие происходило для него 10 февраля (по старому стилю) 1616 года. В этот день он праздновал свадьбу своей младшей дочери, выходившей замуж за хозяина винного погребка Томаса Кунея. На праздник из Лондона будто бы приехали Бен Джонсон и Майкл Драйтон, но единственное свидетельство об их приезде — запись стратфордского пастора Дж. Уорда, к тому же сделанная им 50 лет спустя: „Произошло веселое свидание между Шекспиром, Драйтоном и Бен Джонсоном. Они выпили при этом слишком много, вследствие чего Шекспир заболел лихорадкой и умер“.

Итак, 10 февраля состоялась свадьба, а 10 недель спустя — 23 апреля (по старому стилю) последовала смерть. Шекспир действительно мог увлечься пиром, но, по другой версии, не вино свело его в могилу, так как промежуток времени от свадьбы до смерти все же очень велик. В Стратфорде и без пиршественных излишеств можно было легко заболеть тифозной горячкой, которая постоянно пребывала в нечистом и нездоровом климате.

Вестминстерское аббатство, как рассказывалось в одной из глав, для англичан то же самое, что для французов их Пантеон. Но прах Вильяма Шекспира, величайшего английского драматурга, не покоится в национальной усыпальнице Англии. Его похоронили 25 апреля 1616 года под алтарем страт-фордской церкви Святой Троицы. Такая честь оказывалась богачу и джентльмену, и в надгробной надписи ничего не говорилось о Шекспире-поэте.

Согласно сообщению конца XVII века, Шекспира „положили на глубине пяти-шести метров, достаточно глубоко“. Некоторые исследователи считают это маловероятным, так как неподалеку протекал Эйвон. Над могилой Шекспира находится надгробная плита из „простого дикого камня“ с надписью:

Друг, ради Господа, не рой
Останков, взятых сей землей;
Нетронувший блажен в веках,
И проклят — тронувший мой прах.

Некоторые исследователи творчества В. Шекспира (в частности советский литературовед М. Морозов) считали, что стихи написаны очень плохо и скорее всего принадлежали какому-нибудь местному поэту, сочинявшему надгробные эпитафии. Ни имени, ни фамилии на надгробной

плите нет, но существует предание, будто бы эпитафия эта была сделана самим Шекспиром, который распорядился высечь ее на своей могиле. *40 Есть некоторые сведения, что, живя в Стратфорде, Шекспир с особой любовью сочинял серьезные и сатирические надгробные надписи для друзей и знакомых.* В Стратфорде более чем в других местах практиковалось перенесение долго лежавших останков в общий склеп, и стихи должны были защитить останки великого драматурга, так что поэтическое парение здесь было излишним. Кто бы ни был автором этого „проклятия“, но оно успешно выполнило свое назначение: никто не тронул останков, погребенных в этой могиле. „Да и кто бы мог прийти в церковь с лопатой в руках и раскопать ее?“ — задается вопросом известный американский шекспировед С. Шенбаум. Он считает, что проклятие относилось к церковным сторожам, которым из-за недостатка места порой приходилось разрывать могилы и переносить кости в примыкавший к церкви склеп. В 1694 году Уильям Холл, который впоследствии стал пребендарием в церкви Святой Троицы, писал Э. Твейтсу — известному знатоку англосаксонской литературы:

В той церкви есть место, которое называется „помещением для костей“, — в нем хранятся все вырытые кости, которых так много, что ими можно было бы нагрузить множество телег. Поэт, желавший, чтобы его кости остались нетронутыми, произвел проклятие на голову того, кто их тронет; и поскольку он обращался к причетникам и церковным сторожам, по большей части невежественным людям, создавая надпись, он опустился до их низкого умственного уровня, сбросив с себя одеяние того искусства, которое никто из его современников не носил более безупречно.

Недалеко от могилы, возле северной стены церкви, под аркой, родственники Шекспира еще в 1622 году поставили каменный бюст, выполненный голландским мастером Джерардом Джонсоном. Для двух коринфских колонн скульптор использовал белый и черный мрамор, а для инкрустированных панелей — черный базальт. Колонны поддерживают карниз, на котором расположились два маленьких херувима: левая фигурка с лопатой в руках олицетворяет труд, правая с черепом и опрокинутым факелом — покой Херувимы расположены по сторонам от герба рода Шекспиров, на котором изображены нашлемник и геральдически украшенный щит, высеченные в виде барельефа на прямоугольной каменной плите. Верхняя часть памятника выполнена в виде пирамиды, на вершине которой помещен еще один череп — с пустыми глазницами и без нижней челюсти.

Одетый поверх кафтана в мантию без рукавов, Шекспир держит в правой руке гусиное перо, *41 В конце XVIII века это перо было похищено каким-то студентом из Оксфорда.* левая рука его лежит на листе бумаги, а обе они покоятся на мешке с шерстью — символе процветания этого края. Вид у Шекспира цветущий: высокий лоб без морщин, короткая толстая шея, локоны на висках закручены, усы и борода ухожены; глаза, слишком близко посаженные, безучастно смотрят вперед. И нет ничего в этом упитанном джентльмене, что бы напоминало о великом поэте.

Под бюстом сделаны две надписи. Одна из них, написанная по-латыни, гласит:

По разуму Нестор Пилосский, по гению Сократ, по искусству Вергилий. Земля его оплакивает, народ плачет о нем, Олимп его имеет.

Английскую надпись приписывают Бен Джонсону или Драйтону:

Стой, путник, удели время на твоем пути,
Прочитай, если можешь, кто здесь положен
Это могила Шекспира, с которым умерла вся природа!
Ничто не украшает камня лучше сего имени,
Так как высокий смысл его произведений
Подчиняет ему живое искусство
Умер Anno Domini 1616 г, 53 лет от роду, в день 23 апреля.

Бюст, высеченный из мягкого камня, первоначально был выкрашен, и можно было видеть, что у Шекспира — светло-карие глаза и каштановые волосы. В 1793 году бюст выкрасили в белый цвет — под мрамор, но в 1861-м белую краску соскребли, и сейчас бюст снова имеет свои первоначальные цвета: на щеках Шекспира „заиграл румянец, локоны сделались рыжеватыми, а кафтан — алым".

Какое впечатление произвела кончина Шекспира за пределами Стратфорда, сейчас уже трудно установить, так как ни один из современных писателей не упоминает о ней и в литературе нет никаких сведений на этот счет.

По рассказу американского писателя Вашингтона Ирвинга, в начале XIX века, когда рабочие клали свод, смежный с могилой Шекспира, земля обрушилась и образовалось отверстие, через которое свободно можно было пробраться к его могиле. Но никто не дерзнул коснуться останков великого поэта, охраняемых грозной эпитафией А чтобы никто из любителей древностей не покусился на грабеж, пономарь двое суток сторожил могилу, пока не был закончен свод и не заделали отверстие Сам он пытался несколько раз смотреть в отверстие, но не заметил ни гроба, ни костей, и кроме пыли, там ничего не было. К этому рассказу сам В. Ирвинг прибавляет:

Здесь как бы господствует мысль великого поэта, и сама церковь кажется мавзолеем, воздвигнутым в честь его. Сомнения, закрадывающиеся в душу при виде других мест, хранящих будто бы память поэта, исчезают здесь, потому что перед вами очевидна истина — его могила Когда я проходил по гулкому полу, меня как-то странно поражала мысль, что под моими ногами покоятся останки Шекспира. Долгое время я был не в состоянии расстаться с этим местом, а когда проходил через кладбище, то сорвал ветку с тисового дерева — единственная драгоценная вещь, привезенная мною из Стратфорда.

В 1883 году высказалось намерение открыть гроб Шекспира, чтобы исследовать его череп, но муниципалитет Стратфорда воспретил тревожить прах поэта. Почему? И здесь снова возникает вопрос об авторстве Шекспира. Ни при его жизни, ни в течение полутора веков после смерти никто не выразил сомнения в том, что именно Шекспир был автором приписываемых ему произведений. Но впоследствии сомнения эти возникли и разрослись в целую проблему. Разительное несоответствие между Шекспиром-актером и Шекспиром-поэтом весьма смущало исследователей его творчества, а некоторые даже приводили данные,

позволявшие считать, что актер Шекспир имел весьма отдаленное отношение к литературе. Но если есть основания предполагать, что не актер Шекспир является творцом „шекспировских пьес“, то кто? Версий по этому поводу существует несколько, и в разное время назывались разные имена. Еще в 1772 году некий Г. Лоренс, друг знаменитого актера Давида Гаррика, заявлял, что все шекспировские пьесы сочинил философ и государственный деятель Фрэнсис Бэкон.

С тех пор в течение вот уже более двух веков назывались разные имена, но „шекспировский вопрос“ до сих пор остается без ответа. А искать его, как считает Н. Кастрикин (покойный автор журнала „Чудеса и приключения“), нужно в стратфордской церкви Святой Троицы — в необычайно глубокой могиле В. Шекспира и надписи на надгробной плите. (Повторяем эту надпись в другом переводе.)

О, добрый друг, во имя Бога,
Ты прах под камнем сим не трогай,
Сна не тревожь костей моих,
Будь проклят тот, кто тронет их!

Эту плиту с угрожающим проклятием, по мнению Н. Кастрикина, поставили отцы Стратфорда, когда в 1623 году в предисловии к первому изданию пьес В. Шекспира драматург Бен Джонсон написал об их авторе: „Ты — надгробный памятник без могилы“. Причем положили эту надгробную плиту весьма срочно. Не для того ли, чтобы предотвратить вскрытие могилы? Ведь даже жену В. Шекспира, завещавшую похоронить себя рядом с мужем, погребли по соседству, так и не осмелившись вскрыть его могилу. И медная доска на могильной плите жены Шекспира расположена слева от надгробной плиты В. Шекспира Но какую же страшную тайну хранит эта могила?

Уже в наши дни с помощью рентгеновского просвечивания (искали рукописи) удалось установить: могила величайшего из англичан — пуста: ни рукописей, ни гроба, ни останков — ничего нет. Что и предсказывал Бен Джонсон… Невольно напрашивается предположение о тайном перезахоронении останков В. Шекспира, совершенном, вероятно, еще до того как появилась плита с угрожающей надписью. И произведено оно было для того, что предотвратить впоследствии перенос его останков в Вестминстерское аббатство. А осведомленность об этом Бен Джонсона, подозреваемого в связях с тайной полицией, может быть, как раз и говорит о причастности самой полиции к перезахоронению. Недаром же Бен Джонсоном заранее была предсказана пустота могилы, ее нарочитая глубина и угрожающая надпись на могильной плите…

ТАДЖ-МАХАЛ

На берегу реки Джамны, в двух километрах от индийского города Агра, высится мавзолей Тадж-Махал, возведенный в память о нежной любви падишаха Шах-Джахана, правителя из династии Великих Моголов, к своей красавице жене Мумтаз (в девичестве — Арджуманад Бану Бегам). В 19-летнем возрасте она вышла замуж за тогда еще принца Кхуррама, и во время свадебной церемонии отец жениха, грозный Джан-гир, нарек невестку (племянницу своей жены) Мумтаз Махал — „Украшение дворца“.

Молодые супруги нежно любили друг друга. Французский врач, философ и путешественник Ф. Бернье, проживший в Индии 12 лет, отмечал в своих записках, что „Шах-Джахан был так влюблен в свою жену, что не обращал внимания на других женщин“. А ведь у него, как у всякого восточного владыки, был гарем — и большой!

В 1629 году, через год после восшествия на престол, Шах-Джахан во главе войска вышел из Агры и направился на юг, чтобы покарать наместника мятежного Декана. Восстание было подавлено, наместник смещен, но в Агру Шах-Джахан вернулся один. Мумтаз Махал, никогда не разлучавшаяся с мужем, во время этого похода умерла у него на руках, родив ему четырнадцатого ребенка. Горе Шах-Джахана было так велико, что он хотел покончить с собой.

Сначала Мумтаз Махал похоронили в городе Бурзанпуре (территория нынешнего индийского штата Мадхья-Прадеш), поскольку в нем стояло лагерем войско Шах-Джахана. Через 6 месяцев гроб с ее телом перевезли в Агру, где впоследствии над могилой Мумтаз Махал вознесся мавзолей, который по замыслу падишаха должен был олицетворять красоту его усопшей супруги.

Возведение его стало делом государственным, и сначала был созван совет, после заседания которого гонцы поскакали во все соседние страны, приглашая в Агру искусных мастеров — архитекторов, художников, каллиграфов, каменщиков… И съехались в город мастера из Шираза и Самарканда, Бухары и Багдада, встретившиеся в Агре с лучшими индийскими мастерами. Правда, некоторые исследователи приписывают создание этого памятника мирового искусства европейским зодчим. Однако изучение архитектурных особенностей Тадж-Махала позволило сделать вывод, что в нем воплотились лучшие черты средневекового зодчества Ирана и Средней Азии, соединившиеся с монументальным искусством Древней Индии.

„Создатель Тадж-Махала, даровав своим искусством бессмертие Шах-Джахану, сам не пожал славы, хотя и создал творение, которое является самым значительным во всей истории индийской архитектуры. В те времена мастера оставались безымянными“, — с горечью писал впоследствии индийский исследователь С.Н. Канунго. Однако другие ученые автором этой „поэмы в камне“ называют нескольких вполне конкретных лиц. В Европе, например, подлинным творцом Тадж-Махала объявили итальянца Джеронимо Веронио, будто бы жившего в Индии более 350 лет назад. *42 Имя венецианца Джеронимо Веронио впервые было названо в «Путевых заметках о паломничестве в Индию» католического миссионера Себастьяна Манрике (португальца), побывавшего в Агре в разгар строительства Тадж-Махала.* Другие утверждают, что прославленный мавзолей возводился под руководством француза Аугустина де Бордо. Не исключено, что создателем одного из проектов Тадж-Махала был сам Шах-Джахан, обладавший незаурядным художественным вкусом.

Собранные в Агре мастера привезли с собой планы и чертежи всех выдающихся сооружений мира, известного тогда индийцам; были испробованы и отброшены многие варианты, ведь нужно было возвести здание, равного которому не было еще нигде. По существующей сейчас в науке версии в конце концов остановились на проекте индийского

каменных дел мастера Устада Исы, предложившего вариант, понравившийся всем мастерам. *43 «Путевые записки о паломничестве в Индию» С. Манрике в середине XX века были изданы в Лондоне и прокомментированы иезуитом Хостеном и католическим священником Гайсинтом. Оба они дружно утверждают, что венецианец Д. Веронио и есть тот самый Устад Иса Хан, которого индийцы считают главным зодчим Тадж-Махала, однако документальных подтверждений этой версии нет.* Шах-Джахан повелел вырезать из дерева модель будущего сооружения, одобрил ее, и только после этого началась подготовка к будущему строительству.

Возведение мавзолея, превосходившего своими размерами и роскошью все остальные, бывшие тогда в Индии, продолжалось более 20 лет — примерно с 1630 по 1652 год. В строительстве этого грандиозного сооружения участвовало 20 000 человек, согнанных со всех концов Индии, в карьерах Раджпутана выпиливали глыбы белого мрамора, мастера чертили линии будущих куполов…

Тадж-Махал (Коронный дворец) — жемчужина среди индийских гробниц. Поэты называли его „мечтой, воплощенной в мраморе“, „поэтическим мрамором, облеченным немеркнущей славой“. Но ни один из эпитетов, никакая кисть художника, ни одна картина и фотография не передадут великолепия и удивительной легкости Тадж-Махала, стены и купола которого как будто висят в воздухе. Ровная водная дорожка ведет к подножию мавзолея, и он отражается в ней такой же легкий и невесомый.

Тадж-Махал построен так, что его полная высота равна ширине фасада, то есть мавзолей точно вписывается в квадрат со стороной в 75 метров, причем высота его портала равна половине высоты здания. Возводя это удивительное по своим пропорциям сооружение, строители добились того, что зрители не видят ни квадрата, ни пропорций и созерцают только Красоту.

Стены Тадж-Махала выложены белым полированным мрамором, но если присмотреться к деталям, то можно заметить, что в него местами вкраплен орнамент из красного песчаника. Но он вкраплен так неназойливо, что замечаешь его только вблизи. В окна и арки мавзолея вставлены ажурные решетки, его сводчатые переходы украшены арабской вязью, которая перенесла на камень 14 сур Корана.

Тадж-Махал стоит на квадратной платформе, а по углам ее возведены четыре минарета. Большая платформа вмещает в себя не только сам мавзолей и минареты, но еще мечеть и крытую галерею, сложенные из красного песчаника. Архитектор специально выбрал для них не белый мрамор, а красный песчаник, чтобы мечеть и галерея отступали на второй план, своей скромностью сильнее подчеркивая блистающую белизну мавзолея.

Вокруг Тадж-Махала — на участке земли, разбитом на четыре части, был посажен великолепный сад. Он распланирован так, чтобы мавзолей, помещенный в начале сада, лучше смотрелся. Вдоль оросительного канала с фонтанами посажены кипарисы, очертания крон которых гармонируют с куполами минаретов.

Напротив Тадж-Махала, на другом берегу Джамны, Шах-Джахан думал возвести еще одну гробницу — для себя. По его замыслу новый мавзолей должен был воспроизводить формы Тадж-Махала, но сделан бы он был не из белого, а из черного мрамора. Оба мавзолея должны были соединяться мостом, однако замыслам Шах-Джахана не суждено было

осуществиться.

Когда он тяжело заболел, встал вопрос, кто из сыновей должен занять престол. После нескольких лет междоусобных войн Аурангзеб разбил своих братьев и вошел в Агру с войском. Здесь он узнал, что отец благополучно выздоровел и не собирается освобождать трон. Но власть, однажды попавшую в руки, нелегко отдать добровольно, и Аурангзеб приказал заточить отца в Красную крепость Агры, откуда Шах-Джахан уже не вышел.

…Шел 1659 год. У тюремного окна стоял правитель из династии Великих Моголов, властитель Индии, величие которого когда-то было безграничным, имя которого повергало соседей в трепет, взгляд которого был страшнее молнии… Теперь ничего этого не было, и у тюремного окна стоял больной и немощный старик. У него остались только две радости в жизни: похлебка, которую приносили вечером, и узкое окно-бойница в метровой толщине стены, которое открывало только кусочек мира. Окно не вмещало в себя ни рыжих пропыленных долин, ни темных кущ манговых деревьев, ни глиняных деревенских домиков. Из тяжелой каменной рамы окна был виден лишь легкий, как облако, белый мавзолей давно умершей Мумтаз Махал. Только вид мавзолея и совершенство его строгих линий смягчали горькие мысли тяжелобольного и отстраненного от власти Шах-Джахана. Часами он смотрел из агрской крепости на Тадж-Махал, а после смерти и его погребли в этом же мавзолее — в одном склепе с женой, которую он так любил. Сейчас прямо над склепом, в центральном зале мавзолея, лежат две каменные плиты: одна — над могилой Мумтаз Махал, другая — над могилой Шах-Джахана.

Внутри Тадж-Махал не так строг и лаконичен — перед глазами посетителей сразу же возникает роскошный „ковер“: стены, пол и надгробья инкрустированы агатами и алмазами, вкрапленными в завитки орнаментов. Ветки сказочных деревьев переплетаются с цветами, причудливыми узорами разбегаются по стенам листья и лепестки… Инкрустация сделана по тому же белому мрамору, из которого сложен сам мавзолей, и драгоценные камни слегка светятся на нем красными, зелеными и голубыми огоньками…

Красота Тадж-Махала многогранна. Его минареты, купола и ажурные решетки всякий раз предстают в каком-то новом свете: при ярком солнце он ослепляет белизной своих стен, в пасмурный день излучает мягкий желтовато-молочный свет, а лунной ночью вырисовывается величественной громадой на фоне темного южного неба и потому кажется таинственным и неземным…

Через полтора века после возведения Тадж-Махала в Агру ворвались британские колониальные войска, предварительно подвергнув город артиллерийскому обстрелу. Многие уникальные сооружения были тогда разрушены, и камень пошел на сооружение солдатских казарм. Бесценный мрамор продавали прямо с открытых торгов, а позднее англичане даже решили разобрать Тадж-Махал, чтобы по частям продать с аукциона, и это дивное творение было оценено всего в 200 000 рупий. Вероятно, мавзолей тоже лежал бы в развалинах, если бы англичане не опасались, что в „случае разрушения Тадж-Махала туземцы поднимут мятеж“, как о том писали газеты. В Агре, рядом с парком Поливал, стоит

небольшой мавзолей, а возле него две могилы. В одной из них покоится Устад Иса Хан, который после Тадж-Махала ничего больше уже не построил. Когда он выполнил в деталях чертежный проект гробницы и сделал деревянную модель, Шах-Джахан приказал отрубить мастеру кисти обеих рук, чтобы он не мог создать ничего подобного. А потом осыпал мастера милостями и подарками, назначил ему высокое содержание и повелел следить за возведением мавзолея. Так рассказывает старинное предание…

В СВЯЩЕННЫХ ЛЕСАХ МАХАФАЛИ

На мальгашское искусство (остров Мадагаскар) большое влияние оказали религия и магия. Особенно развит здесь культ предков, которые символизируют созидательную силу, благотворно действующую на весь род. Отсюда развилось особое почитание умерших и чувство родства с ними. Мальгаши сооружают в честь предков памятники, ставят им статуи и мавзолеи, которые призваны стать пристанищем усопших.

У населения восточных и южных прибрежных районов острова могилы предков нередко окружали галереями, украшенными небольшими деревянными фигурками. А юго-западный край Мадагаскара населяют племена махафали — „те, кто делают много запретного“. Чтобы выжить в суровых условиях, махафали отбросили многие запреты, которые неукоснительно соблюдают жители богатых тропических лесов и плодородных плато, и берутся за любое дело, если оно облегчает их существование. На сегодняшний день они, наверное, единственные из мальгашей, кто отваживается беспокоить „обитель разана“ — духов предков, зарабатывая себе на жизнь под землей, в каменноугольных шахтах.

К югу от Тулеара, единственного крупного города земли махафали, появляются странные топографические знаки — черные квадратики, увенчанные рогами зебу. Эти знаки обозначают местоположение кладбищ махафали, расположенных в их священных, а значит запретных лесах. Посторонним добраться до этих кладбищ нелегко, так как махафали не любят выдавать места погребения своих предков. К тому же они убеждены, что разана по ночам покидают свои гробницы. А чтобы они не потревожили своих здравствующих родичей, кладбища свои махафали устраивали подальше от деревень, а следовательно и от дорог.

Но если кому-то и удастся добраться до этих укромных уголков, кладбища все равно нелегко обнаружить. Махафали считают, что „обитель предков должна находиться в уединенном и тенистом месте, наводящем на соответствующие размышления“, поэтому могилы скрыты густыми зарослями самых зловредных растений, ощетинившихся острыми шипами (саблевидных агав, молочая с иголками, достигающими в длину 30 сантиметров, гибких дидирей с когтистыми ветвями, на которых листья прячутся под колючками, и др.). Махафали верят, что этот священный лес бережет покой предков, а сплошная стена колючек охраняет его даже от малейшего дуновения ветерка. В неподвижном пространстве кладбища замирает сама природа: не слышно ни щебета птиц, ни трескотни цикад, лишь деревья, почти лишенные зелени, да усыпанные кроваво-красными цветами кроны сикомор склоняются над красным, словно пропитанным кровью песком.

Похороны вождей (королей) разных родов были для махафали настоящим праздником. Со всех окрестностей съезжались лучшие танцоры, музыканты и певцы; атлеты состязались в ловкости, воины — в метании копья, женщины — в приготовлении вкусных угощений… Таким образом участники этих празднества как бы клялись усопшему вождю, что будут продолжать его дело, беречь традиции разана и умножать род махафали. Не случайно каждые такие похороны заканчивались „ночью любви“, в которой могли участвовать все, кто съезжался на погребение. Ребенок, зачатый в эту ночь, считался особенно желанным, так как олицетворял веру махафали в то, что „умерший человек призывает к жизни“.

Каждый могильник — это семейное кладбище, и многое могут рассказать его памятники. Обычно могильники махафали представляют собой сложенный из множества мелких камней (осколков белого мрамора) или красного кварца могильный холм (квадрат со сторонами 10–12 метров) высотой почти в полтора метра. В центре такого квадрата, чуть ниже уровня почвы, помещаются гробницы, накрытые каменными плитами. В них и покоятся останки умершего, вместе с которым зачастую лежат его оружие и некоторые дорогие вещи. Часто здесь погребали и нескольких невольников и невольниц, принесенных в жертву во время погребения, чтобы их господину не пришлось в загробном мире скучать в одиночестве. Могильник обкладывался рогами зебу: острия рогов обычно направлены к гробнице, и тем самым как бы создается преграда, не позволяющая духам выйти наружу. Но на некоторых могилах рога повернуты в сторону от нее: так маль-гаши хоронили любимых матерей, дух которых всегда был желанным в доме детей. К тому же рога зебу, повернутые остриями наружу, охраняли и саму могилу от злых внешних сил.

Среди осколков мрамора устанавливались многочисленные алуалу — деревянные столбы, увенчанные разными скульптурками. Порой их было так много, что они сами представляли собой непроходимый лес. С одной стороны, алуалу — это дивные произведения народного искусства, а с другой — говорящие памятники. В верхней их части красовались барельефы, представляющие людей более чем в половину их роста или увенчанные фигурками зебу, которые символизируют изобилие. Ниже — пара птиц, чаще всего голубей, которые на Мадагаскаре считаются символом любви. Могли быть на алуалу и коровы — священные животные, которые и сопровождали покойного в иной мир, а птицы олицетворяли самые благородные качества умершего. Иногда на алуалу изображались крокодил, супружеская пара, носильщик с грузом, гончар за работой и т. д. Люди выглядят весьма обобщенно, пропорции их тел несколько смещены, нарочито подчеркнуты признаки пола, и тем не менее человеческие тела и лица, хоть и выполненные в абстрактной манере, очень выразительны.

Однако эти фигуры необязательно отражают облик того, кто под ними покоится. Скорее всего, по предположениям ученых, они передают его внутренние качества или символизируют обстоятельства, при которых человека застигла смерть. Например, поднесенный ко рту палец указывает, что человек погиб при печальных обстоятельствах. Изображение женщины, обхватившей живот, показывает, что она умерла при родах… Мужчина, воздевший кулаки к небу, ушел из жизни из-за болезни… А некоторые

сюжеты отличаются просто необузданным эротическим смыслом. Европейцы, впервые увидевшие в запретных лесах махафали подобные алуалу, посчитали их пошлыми и скабрезными. Некоторые ученые предполагают, что в такой форме мальгаши выражают свою месть покойному, который насолил людям при жизни, и потому после смерти на его алуалу они ставили „клеймо“ распутника. Третьи утверждают, что большинство „эротических“ памятников сами покойники заказывали себе еще при жизни. Однако откровенные изображения на малагасийских могильниках вовсе не свидетельствуют о безнравственности жителей Мадагаскара. Французский этнограф М. Арни правильно подметил, что такие изображения над могилами недвусмысленно провозглашают торжество жизни над смертью: это ликующее утверждение идей плодородия и берущего начало в любви продолжения рода, выраженных весьма откровенно. Создавая подобные алуалу, художники наверняка не думали о том, насколько это будет пикантно; они просто запечатлевали великий акт зарождения жизни в наиболее выразительной, с их точки зрения, форме.

Когда солнце поднимается из-за леса, алуалу начинают отбрасывать длинные узорчатые тени, которые для махафали полны глубоко смысла. Каждый ромб, каждый треугольник или кружок, каждый элемент деревянных кружев алуалу — это не просто деталь украшения, а священный символ. Определенное чередование этих фигур и знаков расшифровывается снизу вверх — „от земли к небу“ — и повествует о том, кто покоится под данным алуалу, сколько у него было детей, как он относился к соплеменникам и т. д. Но остается все меньше стариков, которые умеют читать эти символы, заимствованные мальгашами у полинезийцев. А в былые временами такое „чтение“ было доступно всем, и когда длинные тени резных столбов ложились на площадки могильников, махафали говорили: „Это солнце напоминает о том, кем были наши предки“. Отсюда и произошло название алуалу — посредник между миром живых и миром мертвых…

Есть у малагасийцев и такое понятие как „фасана анирит-ра“ — временное погребение, в котором хоронят тех, кто умер вдали от родины. Но закон предков требует, чтобы останки покойного были возвращены на родину, в родовое погребение — „фасану разану“. Существует у мальгашей и обычай, какого, пожалуй, нет ни у каких других народов, и называется он „переворачиванием“ (перезахоронением). Это большой праздник, день всеобщего веселья. Участники церемонии к этому дню мастерят себе новые наряды, порой залезая в большие долги; убивают лучших быков для угощения, созывают родственников и друзей. Во время обряда плакать нельзя — это очень большой грех. Плакать — значит разгневать предков, которые должны радоваться, что к их обществу прибавляется новый „член коллектива“, поэтому музыканты стараются вовсю, чтобы до утра звучали песни и танцы. Во время колониального господства этот старинный и один из самых почитаемых на Мадагаскаре обычай колонизаторы использовали в своих целях, запрещая совершать обряд „переворачивания“, пока не будут выплачены все налоги.

Одновременно с местными культами на юге Мадагаскара действовали и различные протестантские миссии, но они не столько

боролись, сколько приспосабливались к этим культам. И даже действовавшей в центральных районах острова католической церкви, выступавшей против всего подлинно мальгаш-ского, не удалось победить разана. Поэтому даже на современных кладбищах многих народностей Мадагаскара не увидишь крестов. Теперь кладбища сакалавов, антандраи и других племен больше всего напоминают ослепительно белую детскую площадку, так много на них красок, поэзии и жизни. Здесь на изящных столбиках-алуалу, красуются яркие „игрушки“: солдатики в зеленых мундирах, крестьяне в желтых широкополых шляпах, красные автомобили, синие паровозики…

В ЛОНДОНСКОМ СОБОРЕ СВЯТОГО ПАВЛА

Когда архитектор Кристофер Рен делал свои первые наброски к проекту собора, ему было немногим более 30 лет. В 1711 году, когда английский парламент объявил строительство законченным, архитектору шел уже восьмидесятый год…

Собор Святого Павла расположен почти в самом центре Сити — одном из древнейших районов Лондона. Место, на котором он стоит, видимо, было священным еще в языческие времена, а первая христианская базилика, посвященная святому апостолу Павлу, появилась здесь в 609 году. Через 50 с небольшим лет она сгорела, но была немедленно восстановлена, однако и ее уничтожил новый пожар 1087 года. На пепелище был построен храм, который сгорел в 1666 году. После этого пожара перед Кристофером Реном и была поставлена задача — не просто восстановить храм, который 10 лет стоял в развалинах, а возвести новое грандиозное сооружение. Это должен был быть крупнейший протестантский храм, который смог бы противостоять самому большому католическому храму мира — собору Святого Петра в Риме. Но если последний строил весь католический мир и лучшие архитекторы всей Италии, его поочередно старались докончить многие римские папы в продолжение сотен лет, то собор Святого Павла всего строил один город и один архитектор под наблюдением одного лондонского епископа.

С конца XVIII века собор Святого Павла становится и традиционным местом захоронения английских знаменитостей. Здесь нашли свой последний приют некоторые деятели английской культуры и науки, но в основном он стал усыпальницей выдающихся военачальников. В память о них в соборе установлено множество надгробных памятников, бюстов и медальонов с эпитафиями. Тела их покоятся в склепах под храмом, который, таким образом, наряду с Вестминстерским аббатством становится как бы вторым Пантеоном Англии. В частности, в северном крыле собора установлен памятник Крымской кавалерии, в память офицеров и солдат, погибших в Крымскую войну 1855–1856 годов.

Всех путешественников внутренность собора Святого Павла поражает громадностью своих размеров, и хотя около стен белеет множество мраморных изваяний, пространство остается свободным. Русский поэт и публицист М.Л. Михайлов отмечал, что…многие генералы, память-которых тут увековечена, изображены классически, то есть вообще „в голом одеянии“. Вот, например, обнаженный воин сваливается с коня, и богиня победы подает ему венок. В другом углу умирает герой, хоть и одетый по всей форме, но опускается он на руки обнаженной мужской

фигуры. Даже почтенный лексикограф Самуил Джонсон предстает из-под классической тоги настоящим „купидоном“.

В соборе Святого Павла без аллегорических групп почти нет ни одного памятника: везде слава или победа с лавровыми венками, везде Британия в виде победы или британский лев.

Справа, под средней аркадой, возвышается великолепный монумент герцогу Веллингтону. Бронзовая статуя его покоится на высоком саркофаге под мраморным балдахином, опирающимся на 12 коринфских колонн. Вверху — две группы колоссальных аллегорических статуй: Храбрости и Трусости, Истины и Лжи.

Слева от входа в главный неф собора стоит памятник адмиралу Горацию Нельсону.

Адмирал Г. Нельсон скончался во время Трафальгарской битвы, которая закончилась победой в течение того самого часа, когда угасала жизнь прославленного адмирала. 20 вражеских кораблей были взяты в плен, либо потоплены, а остальные спаслись бегством. Ни один британский корабль не затонул, но вся нация была убита горем, что наложило свой отпечаток и на празднование великой победы…

Вначале января 1806года тело Г. Нельсона доставили в Англию и в простом гробу, сделанном из мачты французского адмиральского корабля „Ориент“, установили в соборе Святого Павла для торжественного прощания. Тысячи плачущих людей прошли мимо этого гроба, а потом его по Темзе перевезли в Уайтхолл, где всего на один день выставили для прощания в Адмиралтействе.

На следующий день, 9января, гроб с телом Г. Нельсона поместили в саркофаг черного мрамора. Из Адмиралтейства саркофаг с гробом вновь повезли в собор Святого Павла — на катафалке, изображавшем корабль „Виктория“. Траурное шествие открывали их королевские высочества, за ними шел отряд легкой кавалерии, а после него двигался печальный кортеж с саркофагом, покрытым балдахином. На балдахине была изображена аллегорическая фигура Славы и сделаны следующие надписи: „Уничтожение неприятеля было его успокоением“; „Трафальгар“; „Награда достойному“.

Перед кортежем шло много герольдов, несших многочисленные трофеи Г. Нельсона, за ними следовало восемь карет, покрытых свисающим до земли черным бархатом: на каретах были выставлены кавалерские знаки адмирала — перчатки, шлем, корона, мантия и щит. Затем опять шло много герольдов и маршалов в трауре, а за ними двигался ряд черных карет, в которых развевались флаги и трофеи Г. Нельсона. Траурная процессия растянулась на целых две мили, и когда легкая кавалерия, возглавлявшая ее, уже подходила к собору, последние участники процессии только еще выходили из Адмиралтейства.

Собор был убран с печальной торжественностью: хоры, скамьи и подмостки его были обиты черной материей, а колонны обернуты черным флером. Гроб с телом Г. Нельсона внесли в собор 12 матросов с корабля „Виктория“, одетых в черную одежду. Когда гроб с телом адмирала Г. Нельсона опускали в могилу и священник произнес заключительные слова, то маршал Англии переломил свой маршальский жезл и положил его на гроб; на него были положены и флаги с „Виктории“.

Так Англия прощалась со своим прославленным адмиралом, который принес ей великую победу. Впоследствии над могилой адмирала Г. Нельсона был установлен памятник работы скульптора Флаксмана — лучший из всех, представленных в соборе.

Облокотившийся на якорь прославленный адмирал изображен в почетной шубе, подаренной ему турецким султаном. Справа от него изображена аллегорическая фигура Британии, слева — британский лев. На карнизе пьедестала вырезана надпись, напоминающая о победах Г. Нельсона: „Копенгаген, Нил, Трафальгар". Аллегорические фигуры представляют Северное, Восточное, Средиземное моря и Нил.

В южном крыле собора стоит памятник известному филантропу Джону Говарду, умершему в России в 1790 году во время своей поездки для оказания помощи чумным больным. В этой же части собора покоится и прах архитектора Кристофера Рена. Над могилой его на мраморной плите написано: „Здесь лежит Кристофер Рен, который построил сию церковь… Он жил более 90 лет не для себя, а для своих сограждан. Странник, если ты желаешь видеть памятник ему, осмотрись кругом".

КОВЧЕГ И РАКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В мае 1723 года Петр I, будучи в Александре-Невской лавре Санкт-Петербурга, „повелел обретающиеся в Владимирском Рождественском монастыре мощи Александра Невского перенести сюда". Чтобы перенести святые мощи благоверного и благочестивого князя, одного из храбрейших и достойнейших сынов Древней Руси, И.П. Зарудный, суперинтендант Святейшего синода, должен был сделать в Москве ковчег с балдахином. Ему был послан рисунок, изображавший ковчег на восьми „подножках" в форме львиных лап с головами херувимов. Ковчег был украшен еще и львиными масками — традиционным на саркофагах символом Воскресения, а на крышке ковчега помещалась княжеская корона. Ковчег стоял на подставке, а над всем сооружением возвышался балдахин, у основания которого были укреплены золотые доспехи.

Ритуал перенесения в Санкт-Петербург мощей Александра Невского был разработан в самых мельчайших деталях. Еще в начале июля 1723 года был составлен маршрут следования процессии и определено: „Нести оный ковчег и над ним балдахин людьми с переменою, чего ради во всех городах, селах и деревнях брать как из посадских, так и из ямщиков и из крестьян, чего бы оные ведения ни были". В пути святые мощи князя должен был безотлучно сопровождать сокольничий М.В. Собакин — один из последних представителей этого дворянского рода. В городах и крупных селах ковчег должны были нести священники и монахи, встречавшие процессию у городских ворот.

Через год, в июле 1724 года, во Владимир отправилась комиссия из духовных и светских лиц, которая должна была сопровождать мощи князя до Новгорода. Составленный ритуал соблюдался строго: по пути следования повсюду устраивались встречи, в соборах и церквах служили молебны, войска салютовали артиллерийскими залпами. От Новгорода на специально приготовленной яхте мощи Александра Невского должны были водным путем следовать до Санкт-Петербурга. Навстречу святым останкам к устью Ижоры на галере выехал Петр I. Он сам перенес мощи с яхты на

галеру, сопровождающим велел сесть на весла и сам управлял рулем. Встретить мощи у Александро-Невской лавры под штандартом был выведен „Ботик“ Петра I, а на берегу были расставлены военные полки. Когда государева галера пристала к берегу, под пушечную и оружейную пальбу Петр I поднял раку и сам перенес ее во второй этаж церкви Животворящей Троицы на заранее приготовленное место.

Перенесением мощей святого князя Александра Невского царь хотел ознаменовать заключение Ништадтского мира между Россией и Швецией. В честь и память об этом событии торжества и празднества продолжались целых 3 дня. А впоследствии ежегодно, 30 августа, по повелению Петра I должно праздноваться перенесение мощей святого князя Александра Невского. Повелевалось также для праздничных торжеств выводить в этот день „Ботик“ к Александро-Невской лавре. *44 Тогда же Петр I намеревался учредить и орден в честь Александра Невского, но намерения своего исполнить не успел. Орден Александра Невского учредила в 1725 году его супруга Екатерина I.*

В 1752 году по повелению императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I, ковчег был заменен серебряной ракой.

Ее сделали из первого серебра, выплавленного во время ее царствования на Колыванских рудниках. Рака была изготовлена в виде прямоугольного саркофага, обложенного серебром и золоченой медью. На крышке ее был сделан образ святого Александра Невского в схимническом одеянии, а по борту раки шла надпись:

„В сей сребропозлащенной раце положенные святые мощи благоверного и Христолюбивого князя Александра Ярославича, во иноцех преподобного Алексия, Невского и Владимирского и всея Руси чюдотворца, внука бывша Всеволоду, правнука Владимиру Мономаху, иже был правнук великому князю Владимиру Святославичу, во святом крещении нареченный Василий, просветившему Российскую землю святым крещением, от него же осьмый степень великих князя Александра сей.“

Рака Александра Невского украшена прекрасно вычеканенными барельефами, в лицах рассказывающими о подвигах святого князя. На ней также располагается сочиненная М.В. Ломоносовым надпись:

Святой и храбрый князь здесь телом почивает;
Но духом от небес на град сей призирает,
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо ПЕТРУ способствовал.
Являя дщерь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого сребра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

На верху раки по атласу был написан образ святого князя Александра Невского; при нем находился зеленый бархатный покров, шитый золотом бишью и золотой канителью. *45 Впоследствии в постановлении Святейшего синода указывалось, чтобы отныне святого Александра Невского в монашеской одежде «николи не писать», а писать в одежде великокняжеской. В такой одежде и был выполнен образ благоверного князя для крышки гробницы неизвестным художником XIX века.* На середине другого покрова, пожалованного императрицей Екатериной II в 1768 году, располагался знак ордена

Александра Невского из бриллиантов и бурмитского жемчуга. К восточной стороне раки была приделана большая серебряная пирамида, на которой сделана надпись, тоже составленная М.В. Ломоносовым. Она разместилась на двух серебряных щитах, которые держат в руках два серебряных ангела.

БОГУ Всемогущему и АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ Благоверному Российскому Князю

защитнику, презревшему прещение мучителя……и т. д.

В 1776 году императрица Екатерина II повелела построить в Александро-Невской лавре новую соборную церковь вместо церкви Животворящей Троицы, в которой были обнаружены различные повреждения. Новый храм возводился по проекту архитектора И.Е. Старова, и 30 августа архиепископ Гавриил положил в основание собора частицу мощей святого Андрея Первозванного и серебряную доску. Храм строился 11 лет, и в день освящения (29 августа 1787 года) Екатерина II послала в дар собору золотые церковные сосуды, декорированные бриллиантами, украшенный финифтевыми изображениями золотой потир, дискос, блюдца и другие дары. Вечером того же дня мощи благоверного князя Александра Невского были перенесены в нижний этаж собора и поставлены посреди него под балдахином, сделанным из золотого глазета с серебряными кистями на шнурах.

Над ракой Александра Невского в праздники подвешивалась золотая лампада с подвесной кистью, сделанной из драгоценных камней — бриллиантов и жемчугов. Лампада эта была пожалована в 1791 году императрицей Екатериной II, а в 1806 году император Александр I подарил храму аналой с киотом для частиц святых мощей и подсвечник с 12-ю серебряными тандалами. В киоте, который сверху закрывается стеклом, находится частица Животворящего креста Господня, а также пять небольших ковчежцев с мощами святых угодников.

После Октябрьской революции мощи святого благоверного князя Александра Невского перенесли в петроградский Казанский собор, где разместился Музей религии и атеизма. В 1989 году их возвратили в Александро-Невскую лавру, а рака в настоящее время представлена в экспозиции Эрмитажа.

ЦЕРКОВЬ ШВЕДСКОГО ДВОРЯНСТВА НА ОСТРОВЕ РИДДАРХОЛЬМ

В середине XIII века остров Риддархольм в Стокгольме занимал территорию вдвое меньшую, да и сейчас он невелик: его площадь 250х200 метров. Набережная островка плотно и довольно беспорядочно застроена различными по архитектуре зданиями. Часть этих зданий увенчана невысокими круглыми башенками, словно перестроенными из боевых башен крепостных стен.

Риддархольм назывался сначала „Козьим островом“, так как служил пастбищем для коз. Первыми здесь появились францисканские монахи, которые во второй половине XIII века начали строить монастырь, в состав которого входила и Риддархольмская церковь. Остров стал называться Францисканским, но с началом Реформации монастырь был разрушен, и на острове разрешили селиться людям из низших сословий. Однако через 100 лет, во время правления короля Густава Адольфа, земли на Францисканском острове стали жаловать представителям высшей знати и отличившимся в войнах полководцам. На месте постепенно исчезавших монастырских построек они стали возводить свои дворцы и резиденции, и с

тех пор остров стал называться „Рыцарским“.

Главной на острове является площадь с памятником Биргеру Ярлу — основателю Стокгольма. Монумент этот представляет собой фигуру короля, которая установлена на средневековой колонне, вырастающей из ступенчатого восьмигранного основания. На восточной стороне площади стоят два возведенных в 1640-х годах дворца. Например, „Дворец дворянства“ представляет собой оригинальное кирпичное здание, которое Симон де ла Вале построил в форме длинного четырехугольника. По карнизу его идут замысловатые надписи по-латыни, а на фронтоне представлены сюжеты исторических событий. Большой зал Дворца, где заседали представители шведского дворянства, украшен гербами всех дворянских фамилий Швеции и фресками. Другой зал украшен прекрасными портретами всех шведских маршалов и представителей дворянства начиная с XVI века. Исключение составляет лишь казненный в 1743 году генерал Левенгаупт, которого признали виновником неудачной войны 1740–1743 годов. В настоящее время в обоих дворцах расположились государственные учреждения и архив.

Главное место на площади занимает готическая Риддархольмская церковь, которую возводили еще с 1270 по 1310 год, но при последующих реконструкциях в ее облик были внесены новые архитектурные элементы. Об этом свидетельствует характер декоративных пиннаклей (завершений углов), высокая квадратная в плане башня и другие детали. Ажурный чугунный шпиль колокольни, которая хорошо видна издалека, был сооружен уже в середине XIX века немецкими мастерами.

Церковь шведского дворянства является усыпальницей шведских королей и местом погребения многих знаменитых людей (Кнутсона, Банера, Ленарта и других), а также собранием военных трофеев.

В церкви, где почти всегда царит полумрак, находятся тяжелые гранитные саркофаги с бронзовыми изваяниями захороненных шведских монархов, выдающихся полководцев и представителей знати, имена и гербы которых высечены на стенах и каменных плитах пола. Саркофаги размещаются под склепами в королевских капеллах, сооруженных кругом Рид-дархольмской церкви и вдающихся в церковную стену. Капеллы украшены военными трофеями, добытыми тем королем, саркофаг которого стоит в данной капелле. Особенно много трофеев на гробницах Карла XII, Густава Адольфа и Карла-Иоанна Бернадотта. Саркофаг последнего — высокий и сделан из красного порфира. Немало трофеев сложено и на могилах Банера и Торстензона — знаменитых полководцев времен Тридцатилетней войны.

В числе трофеев есть и русские, в частности на гробницах графов Левенгауптов, Ферзенов и др., но особенно много их на усыпальнице короля Карла XII, которая находится возле абсиды церкви. Капелла этого короля выполнена в тяжеловесных формах барокко, мало гармонирующих с масштабом и стилем всего храма. Усыпальница Карла XII служит предметом особого почитания, хотя прах этого короля был дважды потревожен: усыпальницу открывали в 1746 и 1859 годах. Целью исследователей было решить вопрос: „Был ли король убит выстрелом из крепости или изменнически застрелен французом Сигье, которого за 1000 червонцев подкупила сестра короля Элеонора?“ Во время последней

экспертизы комиссия, состоявшая из врачей и анатомов, пришла к заключению, что смерть короля произошла от вражеской пули…

ВОЗДУШНЫЕ КЛАДБИЩА ТОРАДЖЕЙ

Тораджи — это народ, который населяет глубинные области индонезийского острова Сулавеси, а Тана-Тораджа — один из интереснейших районов страны с самостоятельной культурой, самобытными обычаями и укладом жизни. Здесь дома построены в форме лодок, а кладбища висят в воздухе. Это единственное место на земле, где буйволы всю жизнь живут не работая, чтобы потом быть принесенными в жертву во время похоронной церемонии.

По своим религиозным убеждениям большинство жителей Тана-Тораджи являются последователями традиционной религии алук тудало, которая рассматривает смерть как путь к переходу в лучший мир, поэтому жизнь для них является лишь подготовкой к нему. Похороны у тораджей — пышная и торжественная церемония, к тому же такая дорогостоящая, что с ней не может сравниться даже свадьба. В зависимости от достатка семьи похороны длятся иногда целую неделю и даже дольше. Каждый день Тораджайское кладбище этой церемонии требует жертвоприношений — буйволов, свиней и кур, причем строго установлено, в какой день и сколько должно быть зарезано скота и птицы, в какой день что полагается есть. Особо почитаются тораджийцами, и потому стоят очень дорого, белые буйволы с черными пятнами. Свиней для погребального пиршества переносят на шесте: живых ногами вниз, зажаренных — ногами вверх.

Обычай также строго определяет, когда и в какой одежде следует участвовать в том или ином погребальном ритуале, какими песнями и танцами он сопровождается. Иногда танцы продолжаются целую ночь, так что некоторые танцоры от изнеможения падают без сознания.

Похороны иногда совершаются и через год после смерти усопшего, так как к погребению необходимо подготовиться. И все это время набальзамированное тело лежит в закрытом гробу цилиндрической формы, расписанном красной, черной и золотистой краской.

В погребальной церемонии в той или иной стелени принимают участие тысячи людей из окрестных деревень. Частью похоронного ритуала является и бой буйволов, которые сначала медленно, как бы нехотя приближаются друг к другу. Потом один из них, копнув раз-другой копытом мягкую землю и издав трубный звук, двигается на соперника. Тот принимает вызов, и начинается бой, в результате которого и победителя, и побежденного ожидает нож мясника.

Когда все требуемые обычаем обряды будут исполнены, похоронная процессия отправляется на кладбище — к подножию большой, почти отвесной скалы. Поверхность скалы на высоте от 30 до 80 метров испещрена квадратными отверстиями, напоминающими берег реки, в котором устроили свои гнезда ласточки. Некоторые отверстия закрыты деревянными ставнями, другие зияют темными провалами, но все они ведут в гроты в 2–3 метра глубиной, которые служат своего рода семейными склепами-усыпальницами. Выдолбить такую гробницу — дело нелегкое, порой работа продолжается несколько лет и, конечно, стоит очень дорого.

Рядом со склепом в скале выдалбливается неглубокая, но довольно широкая ниша. В эти ниши-балконы помещают сделанные из дерева и раскрашенные манекены — изображения тех, кто покоится в самом склепе. Манекены делаются в натуральную величину, на них надевают одежду, головные уборы и украшения, которые умершие носили при жизни. Когда смотришь от подножия скалы на эти ниши-балкончики, складывается впечатление, что видишь живых людей.

Обычай тораджей хоронить своих усопших в скалах ученые объясняют их стремлением обставить проводы в потусторонний мир как можно более пышно и торжественно, не жалея никаких средств и усилий. Кроме того, захоронение в местах, труднодоступных для злоумышленников, должно предотвращать разграбление могил. Бедняки же, которым не по карману платить за устройство могил в скалах, хоронят своих родственников в естественных пещерах.

Есть и еще более дешевый способ захоронения для людей несостоятельных. В одном месте к скале пристраивается крытый помост, снизу подпертый бамбуковыми шестами. На помост устанавливаются гробы — это и есть „висячие могилы“. Однако этим способом тораджи пользуются сравнительно редко, так как от времени, дождей и ветров помосты и держащие их опоры разрушаются, и гробы падают вниз.

СУДЬБА СТАРОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО НЕКРОПОЛЯ

До 1709 года в возводившейся северной столице не были отведены места под кладбища, и умерших погребали где попало и как попало. Например, на Выборгской стороне, близ въезда к Охте, где тела покойников вырывали голодные волки; погребали и на Аптекарском острове, где умерших выкапывали воры и разбойники, рыскавшие в лесах, окружавших Санкт-Петербург со всех сторон. Хоронили и в других местах, так как сначала никакого разрешения на погребение не требовалось.

Первое кладбище Санкт-Петербурга разместилось на Выборгской стороне при церкви святого Сампсония Страннопримца, основанной в 1709 году после Полтавской битвы Петром I, пожелавшим возблагодарить Бога за дарованную победу. Сначала церковь была деревянной и служила кладбищенской как для русских, так и для иностранцев. К 1728 году церковь обветшала, и вместо нее заложили новую — каменную.

В северной части Санкт-Петербурга существовали Георгиевское, на Большой Охте Малоохтинское православное и старообрядческое кладбища; Богословское, Порховское и Стародеревенское кладбища тоже начинали свою историю в XVIII веке. За Обводным каналом было устроено кладбище Новодевичьего Воскресенского монастыря, на котором совершено много исторических захоронений, поэтому памятники его отличаются высокой художественностью.

Петербург всегда был городом многонациональным и как европейская столица привлекал множество иностранцев — архитекторов, инженеров, ремесленников, художников, военных людей из разных стран. К XIX веку в российской столице сложились специальные иноверческие кладбища — армянское, персидское, татарское, финское, еврейское, католическое, лютеранское. На Невском проспекте, против Гостиного двора, располагалась римско-католическая церковь великомученицы

Екатерины. Место под нее было пожаловано еще императрицей Анной Иоанновной, а первый камень в ее основание был положен 16 июля 1763 года обер-церемониймейстером императорского двора графом Францем де Санте уже от имени Екатерины II. Обряд освящения камня совершал венецианец Иероним Пауло, монах Ордена капуцинов. В октябре этого же года церковь была торжественно освящена халкидонским архиепископом Иоанном Андреем Аркетти — посланником римского папы Пия VI. В феврале 1769 года русская императрица даровала церкви великомученицы Екатерины диплом, по которому церковь получала свободу отправления обрядов римско-католического исповедания, утвердила за церковью землю и находящиеся на ней строения и навсегда приняла ее под покровительство российского императорского дома.

В этой церкви был похоронен польский король Станислав-Август Понятовский, умерший в Санкт-Петербурге 1 февраля 1789 года. Обряд погребения через три недели после смерти совершили архиепископ Лаврентий Литта (посланник папской курии) и митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич, который положил на могилу короля надгробный камень с надписью. Во время погребальной церемонии войсками, построенными перед церковью, командовал будущий император Павел I.

В церкви великомученицы Екатерины был погребен и французский полководец Моро, умерший в Лауене 2 сентября 1813 года.

В 1831 году, когда в Санкт-Петербурге разразилась эпидемия холеры, было открыто Митрофаньевское православное кладбище на земле, принадлежавшей крестьянам Тентелевой деревни. Свое название оно получило по главному храму, посвященному святому Митрофану Воронежскому, хотя в народе его порой называли холерным Тентелевским кладбищем. Храм был возведен в русско-византийском стиле в 1839–1847 годах по проекту архитектора К.А. Тона и являлся копией военного собора в морской крепости Свеаборг.

Годы революции, Гражданской войны, красный террор, массовая эмиграция и другие причины оказались катастрофическим бедствием для дореволюционных некрополей, в том числе и для санкт-петербургского. До революции все кладбища находились в ведении духовных управлений и по государственному законодательству не могли быть отданы под пашню, а также не разрешалось возводить на них никакие строения. Но в декабре 1918 года специальным декретом Совнаркома за подписью В.И. Ленина кладбища были переданы в ведение местных советов, что вместе с национализацией монастырей нанесло огромный ущерб Русской православной церкви и положило начало уничтожению некрополей. Множество могил остались без родственного ухода, кладбища разорялись мародерами, надгробные памятники осквернялись и уничтожались.

Конечно, случаи небрежного и даже варварского отношения к намогильным памятникам встречались и раньше, но это ни в какое сравнение не шло с той вакханалией, которая началась в стране в 20—30-е годы прошлого века. Городские и районные Советы, а то и просто отделы по благоустройству самостоятельно принимали решения о сносе целых кладбищ и разбивке на их территории городских парков. Каменные надгробия использовались как строительный материал, а металлические ограды шли на переплавку. Размах разорения старых кладбищ был так

велик, что наркомпрос РСФСР во главе с А.В. Луначарским рассматривал вопрос о сохранении могил хотя бы выдающихся деятелей науки и культуры. Но все равно в результате такого отношения в Петрограде были полностью уничтожены Фарфоровское и Митрофаньевское кладбища, кладбище Троице-Сергиевой пустыни, находившейся на берегу Финского залива по дороге в Петергоф, и некоторые другие. Один из немногих уцелевших памятников Троице-Сергиевой пустыни — надгробие архитектора А.М. Горностаева, принимавшего участие в создании архитектурного ансамбля кладбища.

На Выборгском католическом кладбище первая часовня была возведена по проекту Н.Л. Бенуа в 1856–1859 годы, через 20 лет к ней пристроили башню-колокольню, и все здание было освящено как костел во имя Посещения Пресвятой Девы Марии. В нем находилась усыпальница семейства Бенуа, но в 1930-е годы костел закрыли, кладбище уничтожили, а в обветшавшем и перестроенном здании в 1990-е годы располагалась промышленная лаборатория.

На Болыпеохтинском кладбище Санкт-Петербурга был похоронен ярославский крестьянин Петр Елисеев, основатель известной торговой фирмы. Его внук П.С. Елисеев рядом с кладбищем выстроил в 1881–1885 годы большой пятикупольный храм в византийском стиле, ставший семейной усыпальницей представителей этого рода. Храм, спроектированный архитекторами К.К. Вергеймом и Ф.А. Миллером, был освящен в честь главной петербургской святыни — Казанской иконы Божьей Матери. Здание отличалось превосходной акустикой, но в 1929 году его снесли…

Близ ворот Смоленского кладбища в 1901–1904 годах по проекту В.А. Демяновского была построена Воскресенская церковь, стилизованная в необычных для Санкт-Петербурга формах нарышкинского барокко. В крипте этой церкви была установлена усыпальница, в которой похоронен, в частности, историк М.М. Стасюлевич. 10 августа 1921 года в этом храме отпевали поэта А.А. Блока… К настоящему времени церковное здание сильно обветшало, но в 1990-е годы в нем планировали разместить водокачку.

Не уцелели и кирпичные ворота, отмечавшие со стороны речки Волковки вход на Волково кладбище, где были похоронены многие выдающиеся личности русской истории: адмирал Ф.П. Литке, фельдмаршал И.И. Дибич — полный Георгиевский кавалер, поэт А.Х. Востоков, писатель Н.И. Греч и другие…

Только усилиями и подвижнической деятельностью общества „Старый Петербург“, в который входили краеведы и историки еще 1920-х годов, при всей ограниченности средств и возможностей удалось начать изучение кладбищ и описать примечательные надгробия. На кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря, основанного в 1849 году, несмотря на полувековое разорение, и сейчас сохранились десятки памятников, примечательных в историческом и художественном отношении. Например, надгробие генерала Д.С. Мордвинова отмечено характерной для памятников XIX века бронзовой скульптурой ангела, возлагающего розу на гранитный саркофаг. На этом кладбище были похоронены поэты Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, художник М.А. Врубель,

доктор С.П. Боткин.

Радуют обнадеживающие изменения, происходящие на Лютеранском кладбище Васильевского острова, за реконструкцию которого при поддержке городских властей взялся кооператив „Обелиск“. Захоронения XVIII века на нем ушли под воду, и чтобы увидеть их, надо было снимать слой грунта в метр толщиной. И это было сделано! Надгробия реставрировали и поставили на свои места. Иногда для этого приходилось более поздние захоронения перемещать в другие части кладбища, но в результате этих действий некрополь Лютеранского кладбища стал приобретать свой первозданный вид — такой, каким его могли видеть в XIX веке. Рядом с входом на кладбище, слева от ворот, был похоронен Энгельгардт — директор Царскосельского лицея пушкинских времен. Его надгробную плиту видели еще до Великой Отечественной войны, но сейчас на месте захоронения установлено стандартное надгробие. На этом кладбище покоятся знаменитый путешественник П.К. Козлов и Чинизелли — директор знаменитого цирка…

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

Исстари сохранилось предание, что на месте, лежащем при впадении Черной речки в Неву, святой и благоверный князь Александр Невский 15 июля 1240 года одержал победу над соединенными силами шведских, датских и лифляндских войск. Поэтому место это и было названо Виктории. *46 В летописях сказано, что победа эта была одержана на Ижоре, следовательно, место это названо Виктори по каким-то другим причинам.*

Весной 1704 года Петр I посетил урочище Виктори, покрытое тогда лесом и болотами, и решил основать здесь монастырь во имя святого воина Александра Невского — защитника земли Русской. Однако военные события помешали тогда приступить к выполнению задуманного, и только в 1710 году архимандрит Феодосии в присутствии государя и царского двора водрузил два креста. На кресте, поставленном на южном берегу Черной речки, была сделана надпись:

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа, повелением Его Царского Пресветлого Величества, на сем месте… создатися монастырь и поставлена на том месте часовня.“

Надпись на кресте на северном берегу Черной речки гласила:

Что сей крест образует,
Обонпольный то сказует… *47 Обонпольный — находящийся по другую сторону.*

Вскоре над вторым крестом была поставлена деревянная церковь, и несколько метров вокруг нее огородили палисадом. Через год в монастыре заложили деревянную церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, которую освятили в конце марта 1713 года. С этого времени мало-помалу стали стекаться сюда первые богомольцы — люди среднего сословия, удрученные старостью или недугами и искавшие себе приюта в стенах уединенной обители.

Церковь Благовещения существовала до 1756 года, потом ее разобрали и выстроили новую — тоже деревянную, с пятью главами. Через 30 лет разобрали и эту церковь, и на ее месте к Лазаревской церкви была пристроена трапезная. Лазаревская церковь была возведена в 1717 году

над могилой царевны Натальи Алексеевны, устроительницы первого в Санкт-Петербурге общедоступного театра. Совершив последний долг над прахом любимой сестры своей, Петр I и воздвиг над ее могилой лучший памятник — каменную церковь во имя святого Лазаря. Вокруг нее со временем образовалось кладбище, на котором хоронили лишь знатных особ по повелению царя; Петр I и сам часто присутствовал на погребениях. В 1719 году здесь был похоронен генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, и с этого времени в Александро-Невском монастыре было открыто погребение вьщающихся военачальников. Таким образом, Лазаревское кладбище, как и Благовещенская усыпальница, стало местом упокоения высших сановников государства Российского.

Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры является старейшим в Санкт-Петербурге, а позднее здесь были устроены еще два кладбища — Тихвинское (1823) и Никольское с церковью святого Николая Мирликийского, освященной в октябре 1871 года. Тихвинское кладбище сначала называлось Новолазаревским, но в 1869–1873 годах на нем по проекту архитектора Н.П. Гребенки и на средства братьев-купцов Полежаевых построили церковь-усыпальницу во имя Тихвинской чудотворной иконы Божьей Матери, новый храм дал название и кладбищу: здесь похоронены генерал-фельдмаршал князь Трубецкой, А.А. Хитрово, А.П. Шувалов, князь В.П. Кочубей и другие.

Лазаревское кладбище занимает небольшую территорию и наполнено множеством монументов, так что на каждом шагу посетителю встречаются имена известных и доблестных мужей. Надгробных памятников на этом кладбище было более 200: одни из них отличались великолепием, другие были просты, но привлекательны замыслом ваятеля. Например, на могиле князя Белосельского установлен памятник из каррарского мрамора, изображающий осиротевшее семейство его, с написанной поэтом И.И. Дмитриевым эпитафией:

Пусть Клио род его от Рюрика ведет.
Поэт к достоинству любовью привлеченный,
С благоговением на камень сей кладет
Венок, слезами муз и дружбы орошенный.

Надгробные памятники разрушались не только после Октябрьской революции, еще в XIX веке барон Н. Врангель писал, что „нигде не гибнет столько произведений искусства, как в России, где они исчезают бесследно. К их числу относятся и забытые и запущенные памятники петербургских кладбищ, и жутко смотреть на запустевшие петербургские кладбища, где похоронено столько замечательных людей“. И в пример барон приводит памятник княгине Е.С. Куракиной, который осенью и зимой даже не закрывается. А ведь это работа прославленного скульптора И.П. Мартоса: плавная нежность форм, трагическое движение плачущей фигуры над гробом княгини и красота силуэта делали всю скульптуру одним из лучших произведений русского ваяния XVIII века. Надпись на гробнице указывала и на время ее исполнения: „Сей памятник воздвигнут княгине Елене Степановне Куракиной как почтенной, чадолюбивой и добродетельной матери любовью, почтением и благодарностью к ней двух

ее сыновей князя Александра Борисовича и князя Алексея Борисовича Куракиных 1792 года“. Многие надгробные монументы на Лазаревском кладбище уже тогда находились в таком виде, что трудно было понять, кому и когда они были поставлены. На кладбище Александро-Невской лавры встречались надгробные произведения и других талантливых скульпторов, но и они порой находились в плачевном состоянии. Например, у скульптурной группы над могилой Строгановой (работа М.И. Козловского) руки и носы прекрасных мраморных фигур были отбиты, а часть бронзовых украшений уничтожена. А ведь на маленькой территории Лазаревского кладбища была погребена целая эпоха — почти все придворное общество императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II и императора Павла I. Над могилами этих людей стоят надгробия с плачущими над урнами женщинами, молящимися детьми, вазы, саркофаги… На египетском саркофаге на могиле мореплавателя и флотоводца В.Я. Чичагова высечена выдержка из письма императрицы Екатерины II:

С тройною силою шли шведы на него.
Узнав, он рек „Господь защитник мой!
Они нас не прогонят“
Отразив, пленил и победу получил.

На некоторых надгробных памятниках изображался сломанный грозой дуб — аллегорическое изображение погибшей молодой жизни, иногда вырезались портреты погребенных лиц, иногда портреты всех членов семьи, друзей и близких, оплакивающих покойного. Например, на могиле М.Б. Яковлевой установлен красивый саркофаг белого мрамора, семь птенцов и их отец-голубь оплакивают в опустевшем гнезде смерть матери.

Вот, дети, гроб ее — фоб матери почтенной,
Крушитеся по ней, — а я, муж, изнемог
Источник слез моих среди тоски иссох,
Подруги нет души — нет сей главы бесценной.
О, чада сирые, кто вас к груди прижмет?
Кто в слезном сиротстве у сердца вас согреет?

В Александро-Невской лавре похоронены М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, Н.И. Гнедич, баснописец И.А. Крылов и другие выдающиеся люди, которые трудами своими прокладывали в России путь просвещению. Над могилой М.В. Ломоносова граф М.Л. Воронцов воздвиг белую мраморную колонну высотой более двух метров, над могилой Н.М. Карамзина положена белая мраморная плита с бронзовым венком и надписью „Карамзин“ — красноречивая эпитафия историографу Российского государства..

Основание соборной церкви во имя Животворящей Троицы было положено в 1716 году по плану, спроектированному самим Петром I. Собор был отделан к 1753 году, но через два года в стенах его были замечены различные повреждения и трещины, поэтому собор разобрали до фундамента и щебнем от него стали посыпать Невский проспект. В 1776

году императрица Екатерина II повелела возвести в Александро-Невском монастыре новую соборную церковь по проекту архитектора И.Е. Старова, который по кончине своей был похоронен в лавре. Памятник ему сделан в виде полуколонны на постаменте из плит, увенчанной вазой-светильником. Рядом — надгробие генерал-лейтенанта М.Д. Хрущова, выполненное в виде мраморной скульптуры плакальщицы на гранитном саркофаге.

В 1931 году в Александро-Невской лавре началось создание музея-некрополя, в который вошли Лазаревское и Тихвинское кладбища и Благовещенская усыпальница.

В усыпальнице Благовещенской церкви похоронены лица царской фамилии, в частности царица Прасковья Федоровна — супруга царя Ивана V (брата Петра I), ее внучка — регентша Анна Леопольдовна, цесаревна Наталья Алексеевна — первая супруга императора Павла I, великие княжны Мария и Елизавета Александровны — дочери императора Александра I, грузинская царица Дарья Георгиевна… В 1762–1796 годах здесь покоился и прах свергнутого в результате дворцового переворота императора Петра III, а потом его перенесли в Петропавловский собор.

Под сводами Благовещенской церкви погребено и много знаменитых русских людей, горячо любивших отечество свое и сделавших великую пользу для общества: фельдмаршал князь В.В. Долгоруков, фельдмаршал граф А.Г. Разумовский, фельдмаршал граф И.Г. Чернышев, граф И.И Шувалов, Александра Александровна Бирон (урожденная Меншикова), генерал от инфантерии граф М.А. Милорадович — участник русско-шведской войны 1788–1790 годов, итальянского и швейцарского походов А. В. Суворова, русско-австро-французской войны 1805 года. В Отечественную войну 1812 года М.А. Милорадович командовал при Бородино правым крылом Первой армии, в заграничных походах — русской и прусской гвардией, 14 декабря 1825 года был смертельно ранен на Сенатской площади.

Монумент над могилой А.В. Суворова составляет бронзовая доска, украшенная воинскими знаками. Надпись „Здесь лежит Суворов“ была сделана самим полководцем незадолго перед смертью.

В некрополе лавры был похоронен и предок А.С. Пушкина — генерал-поручик А. П. Ганнибал, на могиле которого сделана такая надпись:

Зной Африки родил,
хлад кровь его покоил,
России он служил —
путь к вечности устроил.

На территории Тихвинского кладбища в 1935–1937 годы был создан мемориальный парк „Некрополь мастеров искусств“. В процессе его формирования сюда с других кладбищ, обреченных на уничтожение, был перенесен и перезахоронен прах 76 выдающихся деятелей литературы, театра, изобразительного искусства, а большая часть памятников самого кладбища разрушена. Создатели некрополя сохранили лишь те, которые, по их мнению, представляли несомненную историческую и художественную ценность. В их числе оказалось и надгробие П.И. Чайковского, однако в ходе дальнейшей реконструкции кладбища облик памятника был несколько

изменен, и он полностью потерял свое первоначальное окружение.

В „Некрополе мастеров искусств“ покоится прах балалаечника В.В. Андреева, организатора и руководителя первого оркестра народных инструментов. Здесь похоронены поэты В.А. Жуковский, Е.А. Боратынский, А.А. Дельвиг, актриса Александрийского театра В.Н. Асенкова, композиторы М.А. Балакирев, А.П. Бородин, Д.С. Бортнянский, писатель Ф.М. Достоевский…

УСЫПАЛЬНИЦА РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Петропавловский собор Санкт-Петербурга возводился в 1721–1733 годы, но погребения в нем производились еще раньше. В северном приделе нынешнего собора у дверей, ведущих в великокняжескую усыпальницу, помещены бронзовые доски над предполагаемым местом захоронения сына и четырех малолетних дочерей Петра I и Екатерины. В январе 1716 года у входа в собор, на месте будущего придела Святой Екатерины, было предано земле тело царицы Марфы Матвеевны — вдовы царя Федора Алексеевича, единокровного брата Петра. Потом под недостроенной колокольней появилась третья усыпальница, где была похоронена принцесса Брауншвейгская-Люксембургская Шарлотта — супруга несчастного царевича Алексея, скончавшаяся вскоре после родов сына — будущего императора Петра II. В последние дни июня 1718 года, в присутствии Петра I, рядом было предано земле и тело ее замученного мужа. Позднее в Петропавловском соборе упокоилась и Мария Алексеевна — сестра Петра I.

Но ранг императорской усыпальницы Петропавловский собор обрел только после смерти Петра I, скончавшегося рано утром 28 января 1725 года от тяжелой болезни, обострившейся после простуды, полученной им осенью 1724 года. Специальная траурная комиссия во главе с графом Я.В. Брюсом составляла программу траурной церемонии, в которой предусматривались и украшение траурного зала в старом Зимнем дворце, и шествие к Петропавловской крепости, и само погребение. 13 февраля 1725 года набальзамированное тело императора было выставлено в траурном зале: Петр лежал в фобу, одетый в парчовый зеленый камзол, украшенный брабантскими кружевами, в сапогах со шпорами, со шпагой и орденом Андрея Первозванного. Сорок дней страна прощалась с Петром Великим, а между тем в начале марта умерла младшая его дочь — Наталья Петровна, и ее гроб был поставлен рядом.

За два дня до погребения специальным указом „торговые лавки, вольные дома и кабаки“ были закрыты, „чтобы не было никакого шуму и ссор“. От дворца до Петропавловской крепости вся дорога была посыпана песком и устлана еловым лапником. По живому коридору, образованному 1200 гренадерами, под звон церковных колоколов и пушечную пальбу гробы с телами императора и его дочери перенесли по льду Невы из старого Зимнего дворца в Петропавловский собор. Впереди процессии шествовали 25 гвардейских унтер-офицеров с алебардами, обвязанными черной материей; за ними следовали гоф-курьеры, музыканты с литаврами и трубами, придворные кавалеры, иностранные купцы, представители остзейских городов и дворянства и т. д. Далее несли штандарты Адмиралтейства, русское знамя с государственным гербом и собственное знамя Петра I; затем следовала личная лошадь императора, а за ней два

рыцаря — черный и золотой; несли гербы царств, входивших в Российскую империю… Следом шло духовенство — в том же порядке, как и на выносе царей в Москве.

Петропавловский собор тогда еще не был достроен, поэтому в нем наскоро возвели временную деревянную часовню, стены которой покрыли черным сукном. *48 Черный цвет как знак траура впервые был употреблен в России именно в этой церемонии.* Гробы установили на возвышении под балдахином, участники траурной церемонии разместились частично в часовне и в недостроенном соборе, полки гвардии выстроились на крепостной стене. После отпевания тело Петра I посыпали землей, гроб закрыли и накрыли его императорской мантией. Шесть лет он оставался во временной часовне посреди строящегося собора, окруженный гербами и знаменами.

Постоянную усыпальницу Петру I соорудили только в 1731 году, а еще через два года Петропавловский собор был освящен. Гроб с телом императора предали земле у его южной стены, и с этого времени собор становится усыпальницей членов русской императорской фамилии. Здесь похоронены почти все русские императоры и императрицы, кроме Петра II, умершего в Москве в 1730 году и погребенного в Архангельском соборе, и императора Иоанна VI, свергнутого с престола младенцем и убитого в Шлиссельбургской крепости.

Петр I покоится в двойном гробу: внешнем — дубовом и внутреннем — металлическом, запаянном. Рядом с императором погребены его ближайшие родственники и преемники, в том числе и императрица Екатерина I.

Над гробницей Анны Иоанновны до революции находились две иконы — Иерусалимской Божьей Матери и Святой Анны Пророчицы — в золотых окладах, с жемчугами и драгоценными камнями. Неподалеку от Анны Иоанновны похоронены две дочери Петра I и Екатерины I — старшая Анна и младшая — императрица Елизавета Петровна.

Петра III первоначально погребли в Александре-Невской лавре, а по восшествии на престол Павла I останки убитого монарха торжественно перенесли в Петропавловский собор. Это произошло 5 декабря 1796 года одновременно с погребением императрицы Екатерины II, причем корону перед гробом императора нес Алексей Орлов — один из его убийц. На надгробии самого Павла I была укреплена бриллиантовая корона Мальтийского ордена, которая после 1917 года пропала. Кроме гробницы в Петропавловском соборе, в глубине парка существует еще мемориальный мавзолей Павла I, возведенный в 1805–1808 годах. Сооружение это, выполненное по проектам И.П. Мартоса и Тома де Томона с большим вкусом и изяществом, напоминает небольшой античный храм.

Порядок погребения лиц императорской фамилии регламентировался высочайше утвержденным церемониалом. В день погребения к Петропавловскому собору к заранее намеченному часу прибывали приглашенные лица со специальными билетами; для въезда в крепость кучерам полагалось иметь отдельный билет. Почетный караул оставался до закрытия могилы и заделывания свода гроба, после чего над могилой устанавливали сначала временную, а потом и постоянную гробницу. Императорские регалии (корона, скипетр и держава) отправлялись в Бриллиантовую комнату Зимнего дворца, личное оружие

императоров — в Оружейную палату Кремля, ордена передавались на хранение в Арсенал, где находилась и погребальная колесница. Иностранные ордена государственный канцлер возвращал выдавшим их государствам.

Императора Александра I погребли в марте 1826 года — через несколько месяцев после его кончины в Таганроге. И хотя гроб с телом покойного императора несколько дней стоял в Казанском соборе для прощания, в придворных кругах и в народе ходило много слухов.

Император скончался неожиданно — во время поездки по югу России в ноябре 1825 года. До сих пор распространена версия, что тогда Александр I не умер, а ушел в монастырь. А в гроб положили солдата, умершего в госпитале и лицом похожего на императора. Через много лет в Сибири появился творивший чудеса старец монах Федор Кузьмич. Некоторые из современников считали его Александром I, этой версии придерживался и Л.Н. Толстой. Однако великий князь Николай Михайлович Романов, внук императора Николая I, тщательно изучив все обстоятельства смерти Александра I, пришел к выводу, что легенда о Федоре Кузьмиче не имеет под собой никаких исторических оснований.

Не менее таинственной была и кончина супруги императора — императрицы Елизаветы Алексеевны. По официальной версии, она умерла неожиданно, вскоре после кончины супруга, в Белеве Тульской губернии, когда возвращалась из Таганрога в Санкт-Петербург. По другим сведениям, в 1834 году в Тихвине появилась неизвестная странница Вера Александровна, которая выделялась светскими манерами, знанием придворной жизни и иностранных языков. Уже в самом ее имени многие видели намек на происшедшие события: Вера — уход от всего мирского к Богу, Александровна — в память о венценосном супруге своем. С 1840 года она была молчальницей в Новгородском Сырковом монастыре, где и скончалась в 1861 году. Сохранился портрет Веры Александровны в гробу, очень похожий на портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. Легенда рассказывает…что смерти (или уходу из мира) императорской четы предшествовали странные события. Например, в октябре 1825 года, незадолго до кончины императора Александра I, в одну из ночей жители Таганрога видели над дворцом две звезды, которые три раза сходились и расходились. А потом одна звезда превратилась в голубя, который сел на другую звезду. Через некоторое время он исчез, а затем постепенно исчезла и вторая звезда.

Ходили слухи и о внезапной смерти императора Николая I, 30 лет железной рукой правившего Россией. Существовало даже мнение, что император отравился, не в силах пережить поражение в Крымской войне. Поражение, несомненно, приблизило смерть Николая I, но сама версия отравления в ученых кругах считается весьма сомнительной, хотя смерти этого императора предшествовал ряд таинственных и загадочных событий.

Великая княгиня Александра Иосифовна, невестка Николая I, рассказывала, что незадолго до кончины царя в его загородном доме в Гатчине ей и князю А.И. Барятинскому показался белый призрак. За несколько дней до смерти императора видение повторилось уже в Зимнем дворце, а в последние дни жизни императора большая черная птица, которая встречается только в Финляндии и считается там предвестницей

зла, каждое утро прилетала и садилась на телеграфный аппарат, находившийся на башенке над комнатой, где позже умер Николай I. Часового посылали прогонять птицу, и тогда она улетела к шпицу Петропавловского собора и исчезла. Но через 26 лет такая же птица вновь появилась в Зимнем дворце, и через несколько дней от бомбы террористов погиб Александр П.

Празднование всех исторических событий, связанных с жизнью того или иного монарха, всегда сопровождалось возложением даров, которые устанавливались на их монументах. Вместе с реликвиями, хранившимися на надгробиях с момента погребения императоров, они составляли сокровищницу Петропавловского собора. Больше всего таких реликвий украшало гробницу Петра I, у его подножия императрица Екатерина II положила трофей Чесменского сражения 1770 года — флаг капитан-паши турецкого флота. Потом на надгробии Петра появилось несколько памятных медалей: золотые — к 100-летию основания Санкт-Петербурга и 200-летию со дня рождения первого русского императора, золотая и бронзовая — к 200-летию Полтавской битвы, серебряная — к 200-летию взятия Нарвы и др. На стене около надгробия в 1898 году был укреплен серебряный барельеф, изображавший памятник Петру I в Таганроге; рядом в золотом окладе висела икона с ликом апостола Петра, примечательная тем, что своими размерами соответствовала росту Петра I при рождении…

Первоначально надгробия над усыпальницами русских императоров представляли собой четырехугольные продолговатые плиты разных размеров (мраморные или из путиловско-го камня). Все они были накрыты парчовыми покрывалами. *49 Над надгробиями малолетних детей Петра I надгробные знаки отсутствовали.* В 1824 году журнал „Отечественные записки“ сообщал, что во время путешествия по России мадам де Сталь захотела иметь сувенир с гробницы Петра I. Она попыталась отрезать кусочек парчового покрывала, однако церковный сторож заметил это. Мадам пришлось спешно покинуть собор, а успокаивать бдительного сторожа остался сопровождавший ее Вихман.

В 1865 году, во время крупной реконструкции собора, были установлены новые надгробия, проект которых выполнили архитекторы А.А. Пуаро и А.Л. Гун. Саркофаги сделали из белого каррарского мрамора с большими бронзовыми крестами на верхней грани. По углам императорских надгробий располагались бронзовые императорские орлы, в головах саркофагов крепились бронзовые доски с обозначением имени погребенного, его титула, места и даты смерти, а также даты погребения.

В 1906 году над могилами императора Александра II и его супруги — императрицы Марии Федоровны — были установлены новые надгробия. Их изготовили из полудрагоценных камней на Петергофской гранильной фабрике по проекту архитектора А.Л. Гуна. Надгробие императора было сделано из зеленой волнистой яшмы, императрицы — из розового с жилками орлеца.

В 1896–1908 годах рядом с Петропавловским собором по проекту архитектора Д. Грима и при участии архитекторов А. Томишко и Л. Бенуа была сооружена великокняжеская усыпальница на 60 гробниц. Она пристраивалась к собору с северо-восточной стороны и соединялась с ним крытой галереей.

После Октябрьской революции судьба Петропавловского собора складывалась трагично. В 1919 году его закрыли, а в самой крепости разместился отряд Красной армии. В конце 1918 — начале 1919 года у Васильевской куртины происходили массовые расстрелы заложников. Вероятно, здесь среди других были убиты и великие князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий и Николай Михайловичи. По предположению М.Д. Печерского и С.С. Белова, в 1919–1921 годах были разрушены гробницы в великокняжеской усыпальнице, а царские захоронения вскоре вскрыли чекисты, искавшие в них сокровища. *50 Тогда с надгробий исчезли многочисленные реликвии и сокровища богатейшей ризницы собора. В 1930-е годы часть этих предметов была продана за границу.* Врачи настолько искусно забальзамировали тело императора, что он лежал как живой, простершись во весь свой огромный рост. Правая рука его покоилась на эфесе шпаги, одет император был в зеленый мундир полковника Преображенского полка. Очевидец вскрытия впоследствии вспоминал, что у Петра было гордое лицо, обрамленное темными кудрями. При снятии крышки гроба руки императора неожиданно задвигались, и это было такое грозное зрелище, что комиссары в кожаных куртках кинулись к выходу, давя друг друга и роняя факелы. *51 Ученые предполагают, что движение рук было вызвано каким-то механическим приспособлением, устроенным голландскими бальзамировщиками.*

В конце мая 1992 года в усыпальнице Петропавловского собора был погребен великий князь Владимир Кириллович — правнук императора Александра II. Он умер в Париже, но завещал похоронить себя в России. В связи с этим начато восстановление всех надгробных плит великокняжеской усыпальницы.

МОСКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

В Москве умерших хоронили сначала при монастырях и приходских церквах, но в 1657 году царь Алексей Михайлович повелел устроить новые кладбища, так как приходские к тому времени были уже переполнены из-за случившейся в 1654 году моровой язвы. Смертность от этой эпидемии была такой высокой, что многие москвичи отводили места для погребений даже на своих огородах и во дворах. Такое положение и заставило царя издать в январе указ, „…чтобы церкви, и кладбища, и церковные земли, и на церковных землях дворы, и кто тех кладбищ и церковных земель к своим дворам и огородам принели, и кто близко тех церковных кладбищ и земель живет — переписать и переметить из Земского Приказа“. Через два месяца переписные листы были готовы, и в конце марта Алексей Михайлович повелел:…не погребать у четырех приходских кремлевских церквей мертвых для того, что у тех церквей в моровое поветрие погребены умершие многие люди с язвами и чтобы от тех язвенных, как у тех церквей учнут вновь погребать, моровое поветрие вновь на людей не учинилось. И те церковные кладбища огородить забором… Могилы, которые по необходимости остались за забором, были бы попличены, то есть покрыты каменными плитами и залиты известью.

После царского указа на приходских кладбищах стали хоронить только своих прихожан, чтобы сохранить больше места для будущих погребений. Но в Москве к этому времени было уже много пришлых людей из ближайших и отдаленных городов Русского государства, немало было и

иностранцев, и для них тоже требовались места погребений. Примерно в это время и было устроено Немецкое кладбище в Марьиной роще — для рейтар (гвардейцев) царя Алексея Михайловича. Расположено кладбище было в виде квадрата и окопано невысоким валом, на могилах устанавливали надгробные высокие продолговатые плиты. Верхняя часть почти на всех плитах была закруглена, кроме того, по краям они часто украшались виньетками.

В первое время на нем погребались не только рейтары, но и сравнительно бедные бесермены, проживавшие в Москве, а затем все знатные иностранцы. Одним из первых на кладбище был захоронен, как указывала надпись на самом древнем памятнике, Фриц Адольф, русский подданный Его Царского Величества, умерший в 1675 году. При Петре I здесь стали погребать и шведских пленных, а во второй половине XVIII века в основном военных и их жен.

До моровой язвы богатые и состоятельные люди, как указывалось выше, погребались при монастырях и приходских церквах, например все члены рода Нарышкиных — в стенах Высокопетровского монастыря в храме Боголюбской Богоматери. Здесь по обеим сторонам стояли ряды соединенных между собой каменных памятников с поставленными на них черными дощечками. На эти дощечки в сокращении были перенесены старинные надписи, высеченные на памятниках внизу. До нашествия Наполеона памятники над захоронениями Нарышкиных были покрыты красным сукном, но французы в надежде найти сокровища разломали памятники, уничтожили некоторые надписи и похитили сукно. В 1830-х годах на каждом памятнике были поставлены образы святых, соименных погребенным.

Так погребались люди именитые, но для большинства бедных и безродных тоже надо было устраивать кладбища, где бы их погребали за умеренную плату или даже вовсе бесплатно. В XVI веке тела умерших насильственной смертью или скоропостижно скончавшихся вне дома, а также безродных тюремных узников, странников и убогих клали в часовнях в людных местах для опознания — в надежде, что их, может быть, кто-нибудь узнает и тем самым даст властям ключ к отысканию виновника смерти (если она последовала от насилия) или к отысканию родственников покойного. В Москве такие часовни располагались на крестцах Китай-города: Никольском, Ильинском и Варварском. Но в летнее время держать умерших более 3–4 дней было нельзя, а их иногда набиралось столько, что в часовнях не хватало места. Поэтому со временем в санитарно-гигиенических целях в окрестностях Москвы стали устраивать особые помещения барачного типа, „оборудованные ямами со льдом“, для таких покойников и кладбища для погребения их. Так образовались Божьи (или Убогие) дома, которые, как и сами умершие, предоставлялись воле Божьей или благотворительности православных людей.

Обычно Божьи дома устраивались при окраинных монастырях и церквах, где к весне скапливалось большое количество покойников, так как зимой они почти не погребались. Православный люд стекался сюда в основном в весенние и летние праздники (на Пасху, Троицу и в другие), а осенью — под Покров и приносил свои посильные пожертвования на погребение „бездомных“, на совершение общей панихиды и на поминовение

умерших.

Так возникло кладбище Крестовоздвиженского убогого дома, окруженное владениями князя К.О. Щербатова, окольничего И.Ф. Пушкина, стольника И. Волынского и частью государевой земли. В то время местность эта была мало заселена и состояла по большей части из огородов землевладельцев и отдельных дворов, а речка Неглинная, с крытыми берегами и запрудами, в этом месте протекала открыто. Сначала это кладбище было незначительным по площади, но потом быстро расширилось. Другой Божий дом с собственным кладбищем располагался за Земляным городом и принадлежал Покровскому монастырю. Пашенные и кладбищенские земли монастыря соседствовали с землей митрополита Крутицкого, и иногда между владельцами возникали недоразумения из-за земель.

Со временем и на кладбищах при Божьих домах не стало хватать места, так как 10 октября 1713 года Петр I издал указ, согласно которому царю не понравилось, что в Москве и в других городах, при церквах и монастырях надгробные камни лежат сверх земли, так что препятствуют в хождении при церковных шествиях». Поэтому другим указом, от 12 апреля 1722 года, было приказано «надгробные камни при церквах и монастырях опускать вровень с землею, надписи на камнях делать сверху; которые же камни неудобно так разместить, употреблять их в строение церковное». Через полтора года новый указ (от 10 октября 1723 года) предписывал: «В Москве и других городах мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутри городов не погребать, а погребать их при монастырях и при приходских церквах вне городов».

В конце октября того же года Святейший синод, во исполнение царского указа и чтобы никто сомнения не имел, постановил: «Объявить, что от погребений внутри градов приключается воздуху повреждение, отчего бывают иногда и тяжкие болезни и прочие тому подобные злые припадки, человеческому здравию вредные». Указ Петра I и распоряжение Святейшего синода были вызваны быстрым ростом народонаселения Москвы и скученностью в городе построек. Например, к 1726 году незначительный приход при Крестовоздвиженской церкви сделался довольно значительным и имел уже 76 дворов. И власти Москвы распорядились «перенести Убогий дом от Воздвиженской церкви в поле — на Государеву землю», где и образовалось новое божедомское кладбище.

Однако указ Петра I выполнялся очень слабо, и 2 июля 1748 года последовал новый указ, которым императрица Елизавета Петровна, жившая тогда в Москве, запретила хоронить умерших при городских церквах на всем пространстве между Успенским собором и ее дворцом, находившимся на Яузе (близ Немецкой слободы). Могилы, имевшиеся около тех церквей, приказано было сровнять с землей, а для погребения умерших в приходах тех церквей, при которых запрещено было хоронить, императрица повелела отвести вне Москвы землю для кладбища и выстроить там церковь. Для устройства этого кладбища был составлен комитет, в который вошли игумен Сретенского монастыря Лаврентий, архитектор князь Ухтомский и другие лица, а место для кладбища выбрали за Мещанской слободой, близ Марьиной рощи. Так было учреждено кладбище, на котором в 1750 году выстроили деревянную церковь во имя

святого Лазаря. Однако до устройства кладбищ разрешалось погребать и при некоторых церквах, например при церкви Знамения в Переяславской слободе, церкви святого Панкратия близ Сухаревой башни и некоторых других.

С отъездом императрицы из Москвы и ее указ мало-помалу стал забываться, так что в ноябре 1755 года епархиальное начальство вынуждено было сделать строгое внушение священникам, обязав их хоронить умерших исключительно на Лазаревском кладбище.

В 1771 году в Москве вспыхнула эпидемия чумы, унесшая жизни почти 70 000 человек. В связи с этим бедствием указом Государственного сената от 24 марта 1771 года были отведены особые места за городом для захоронения умерших от чумы, а также места и для скончавшихся от обычных болезней и по старости. К тому же предписывалось «построить на оных кладбищах на первый случай хотя бы небольшие деревянные церкви», и возводились они под наблюдением архитектора В.И. Баженова и члена 2-го департамента Юстиц-коллегии А.И. Дурново. Так были устроены Ваганьковское кладбище с церковью святого Иоанна Милостивого, Дорогомиловское с церковью святой Елизаветы, Калитниковское с церковью Богородицы Всех Скорбящих Радости, Миусское с церковью святой Софии и ее дочерей Веры, Надежды и Любови, Пятницкое с церковью Преподобной Параскевы. *52 Существовало еще и Семеновское кладбище с церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы, но сведений о нем почти не сохранилось.* Таким образом, можно сказать, что русское законодательство о кладбищах стало действовать только в царствование императрицы Екатерины II, и изложено оно было во врачебном уставе. *53 К началу XX века погребение при церквах стало дозволяться лишь в виде исключения, по особому разрешению, и только лицам, оказавшим церкви большие услуги.* По русскому законодательству кладбища должны были устраиваться на расстоянии не менее 213 метров от последнего жилья, а в селениях — не ближе, чем на полверсты. Но на практике, особенно с ростом городов, часто приходилось отступать от этих требований.

Лазаревское кладбище сначала было небольшим и небогатым. В 1780 году церковь на нем по ветхости была разобрана, и с этого времени прекратилась выплата казенного жалованья причту. Новую кладбищенскую церковь решил выстроить именитый московский купец Лука Иванович Долгов, родственники которого погребались на этом кладбище. По кончине своей и сам он был погребен под одним из средних столбов церкви, на котором была сделана краткая надпись о его жизни и заслугах.

При церкви по распоряжению Л.И. Долгова было устроено и отделение для бедных, которые содержались на средства его семьи.

После эпидемии чумы некоторое время разрешалось хоронить умерших в Спасо-Андрониковом монастыре, Новодевичьем, Новоспасском, Донском и других, находившихся за Земляным валом. В 1781 году Синодальная контора посчитала, что можно разрешить погребение и в отдаленных церквах Москвы (у Знамения в Переяславской слободе, Тихвинской в Красном селе и других). Князь В.М. Долгоруков, главнокомандующий Москвы, согласился на это, но обер-полицмейстер Н.П. Архипов объявил, что распоряжение следует отменить, так как достаточно дозволения погребать при монастырях, которые находятся за Земляным валом.

После чумы были разобраны и многие церкви (Николаевская в Мыльниках, Саввы Стратилата на Знаменке, Иоакима и Анны близ Пушечного двора на Лубянке, Предтеченская на Ленивке и др.). С устройством городских кладбищ бывшие кладбища при приходских церквах запустели, приходские священники продавали землю, и обширные некогда погосты стали заселяться горожанами. Между тем время сокрушало и могильные памятники, так что каменные надгробия стали использовать для устройства церковных помостов или клали близ церквей как тротуары для пешеходов. Еще в 1775 году митрополит Платон Левшин прекратил продажу этой земли и обязал священников следить за тем, чтобы погосты не застраивались, а сохранялись бы в чистоте и были бы обнесены оградами.

После чумы возникло и Даниловское кладбище, получившее свое название за соседство с одноименной слободой и за близость к Свято-Данилову монастырю. Временную деревянную церковь на нем построил архитектор В.И. Баженов, но сведений о ней не сохранилось. Нынещняя была построена уже в 1832 году Ф.М. Шестаковым. Современная площадь кладбища равняется 35 гектарам, которые поделены на 39 участков.

Рядом с входом на кладбище располагается могила М.З. и А.Д. Третьяковых. Их знаменитые сыновья — Павел и Сергей — сначала тоже были похоронены рядом с родителями, и над их могилой возвышался большой крест под балдахином. Позже прах Павла Михайловича перенесли на Новодевичье кладбище, а Сергея Михайловича — на кладбище Свято-Да-нилова монастыря. Когда монастырское кладбище было закрыто, прах последнего перезахоронили в могилу брата. Теперь на их общей могиле стоит первоначальный памятник.

Даниловское — кладбище купеческого Замоскворечья, и много на нем упокоилось представителей этого сословия. Среди них были и меценаты, например, умерший в 1913 году Лепешкин Семен Васильевич. При жизни он открыл первое бесплатное общежитие для студентов Московского университета, для этого купил дом в Филипповском переулке (ныне ул. Аксакова, 11). Будучи за границей, он узнал о голоде в Москве и выделил крупную сумму денег для организации бесплатных столовых. Рядом с СВ. Лепешкиным похоронена его жена Варвара Яковлевна, основавшая в Москве профессиональное училище, в котором обучали швейному делу. Но до настоящего времени могила супругов не сохранилась.

Известной благотворительницей была и Александра Игнатьевна Осипова. В своем селе близ нынешнего Теплого Стана она построила великолепный храм и училище на 60 детей, в 1888 году внесла 300 000 рублей *54 Для сравнения: корова в те времена стоила 5 рублей.* на реставрацию храма Вознесения Господня, располагавшегося у Серпуховских ворот, передавала крупные суммы на строительство и реставрационные работы ряда соборов Москвы, Ялты, Оптиной и Зосимовской пустыней и в другие епархии. Она много жертвовала различным благотворительным учреждениям и выдавала ежемесячные пособия более ста семействам. Могила А.И. Осиповой на Даниловском кладбище, к сожалению, тоже не сохранилась…

Мансуров Николай Порфирьевич — автор первого учебника по венерическим заболеваниям. Он с отличием закончил Московский университет и работал в больнице для бедных. Был инициатором сбора денежных средств и автором проекта строительства кожно-венерической клиники, которая была открыта в Москве в 1895 году и впоследствии стала лучшей в Европе.

Для верующих на Даниловском кладбище самой почитаемой является могила Никоновой Матроны Дмитриевны (1881–1952). Родом она была из Тульской губернии, четвертым и последним ребенком в семье немолодых уже крестьян. Родилась Матрона слепой, но в семилетнем возрасте у нее появился дар чудотворения и исцеления. К девочке стали обращаться за помощью не только из ближних, но и из дальних деревень. Однако дети не понимали Матрону и часто обижали ее, и многие часы она проводила в одиночестве. В 1925 году Матрона переехала в Москву, и здесь к ней тоже обращались за помощью и исцелением, и порой она принимала вдень по 40 человек. Блаженная старица говорила: «После смерти моей приходите на мою могилу. Как принимала людей, так и принимать буду».

Пятницкое кладбище возникло за Крестовским путепроводом тоже после чумы 1771 года. Первое захоронение, которое видит посетитель, — склеп-часовня над могилой семьи Смирновых, известных производителей винно-водочной продукции. Благодаря пожертвованиям «водочного короля» — Петра Арсеньевича Смирнова — расширяли свою деятельность многие российские приюты, больницы и учебные заведения, некоторые из которых действуют до сих пор. Последние годы жизни П.А. Смирнов был старостой и псаломщиком Благовещенского собора в Кремле и тоже делал большие взносы в приходскую казну. К сожалению, могила его не сохранилась, на ее месте со временем встала кладбищенская контора, на стене которой укреплена мемориальная доска с надписью: «Петр Арсеньевич Смирнов (1831–1898), коммерции советник, выдающийся российский винозаводчик и благотворитель. Среди живых да не будешь забыт».

В 1855 году на Пятницком кладбище состоялись, наверное, самые многолюдные за всю его историю похороны, когда весь Московский университет вышел хоронить профессора истории Т.Н. Грановского. Лекции его имели небывалый успех, и не только студенты, но и многие москвичи ходили «на Грановского». Во время похорон почти у всех были на глазах слезы, а некоторые просто рыдали. Отпевали Т.Н. Грановского в университетской церкви святой Татьяны, и от Моховой улицы до самого кладбища — 6 верст — студенты на руках несли гроб любимогопрофессора.

Рядом с Т.Н. Грановским похоронен его друг — знаменитый актер Михаил Щепкин, которого называли «отцом русского сценического реализма». А недалеко от этих погребений находится могила человека, на похоронах которого присутствовало всего несколько самых близких друзей. Иван Захарович Суриков, на памятнике которого написано «поэт-крестьянин», всю жизнь не мог выбиться из нужды, и хоронил его на свой счет издатель К.Т. Солдатенков. Как и многие другие талантливые выходцы из народа, И.З. Суриков при жизни не удостоился признания, зато теперь ни одно русское застолье не обходится без песни «Что шумишь,

качаясь, тонкая рябина…», автором строк которой он был.

Много замечательных людей было похоронено на Пятницком кладбище в советское время, в частности на одном из отдаленных участков покоится профессор А.Л. Чижевский — выдающийся биофизик и основоположник гелиобиологии, намного опередивший свое время. В 1942 году он был репрессирован и отправлен работать в «шарашку». И он до такой степени был увлечен своей работой, что, когда вышел срок заключения, отказался покинуть «шарашку» до завершения работы.

За склепом семьи Смирновых начинается главная аллея кладбища, с левой стороны которой установлен оригинальный обелиск — большая гранитная голова на белом постаменте. Здесь похоронен поэт Борис Слуцкий — автор многих прекрасных стихов о Великой Отечественной войне.

СМОЛЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Смоленское кладбище официально было учреждено указом Сената от 22 мая 1756 года, в действительности же оно служило местом погребения с самого основания Санкт-Петербурга. Кладбище располагается в северо-западной части Васильевского острова, который до возведения северной столицы назывался Хирвисаари (Лосиный остров). Старинное предание гласит, что здесь поселилась пришедшая из Смоленска артель рабочих, многих из которых тяжелые условия труда, голод и холод быстро свели в могилу. Умерших свезли на берег Черной речки и там похоронили, с этого времени поле на южном берегу речки и стало называться Смоленским.

Да и где еще можно было хоронить покойников с Васильевского острова, особенно во время ледоходов, бурь и наводнений, когда сообщение с другими частями города прерывалось? Впоследствии, при возведении новых зданий, именно на южном берегу Черной речки и по западному берегу Малой Невы было найдено множество гробов. Привозили сюда и тех, кто был лишен христианского погребения, и тех, кого по каким-либо причинам не отпевал приходской священник.

В петровское время вокруг города шастали целые шайки разбойников, поэтому было много грабежей и убийств, но еще больше было людей спившихся. По закону приходские священники не могли погребать их возле церквей, и потому убитые горем родственники вынуждены были проводить захоронения вне церкви. Все покойники такого рода свозились на Черную речку, и кладбище быстро расширялось. О нем знало и светское и духовное начальство, но когда строили старый Андреевский собор и жители Васильевского острова просили открыть возле него кладбище, Святейший синод отказал им. На плане Санкт-Петербурга 1738 года Смоленское кладбище располагалось между Большим и Средним проспектами, за 23-й линией Васильевского острова. Но здесь был чрезвычайно низкий грунт, в дождливую погоду и при ветре с моря покрывавшийся водой, поэтому место было чрезвычайно неудобным и даже недоступным. Если здесь и погребали, то очень немногих, и в народе не сохранилось даже памяти об этом кладбище.

В царствование императрицы Анны Иоанновны Особая комиссия по делам строений вместе со Святейшим синодом постановила: «В Санкт-Петербурге погребению быть надлежит… на Васильевском острове у

Черной речки, между 18 и 23 линиями, к какому месту дорогу расчистить от вновь наростнаго кустарнику». Но и это пространство было довольно низким, так что Святейший синод еще предписал:

Для возвышения кладбищенских мест поделать вокруг и поперек каналы, в пристойных местах устроить пруды, вынутою землей возвысить места; самые кладбища огородить деревянным забором и построить при таких кладбищах деревянные покои для жития караульным и могильщикам и для содержания всяких потребностей к погребению. А те строения, каналы, пруды и городьбу делать и впредь содержать в добром порядке из церковных доходов.

Порядок на кладбище должны были поддерживать могильщики, которым вменялось могилы копать глубиной не менее двух метров, зарывать их, потом утаптывать и делать могильный холмик высотой около 70 сантиметров. Они же обязаны были «содержать на кладбище караулы, с переменой всегда по два человека, и часы городские слушая или песочные имея, в колокол звонить по обыкновению».

Кладбищенское место на Васильевском острове принял священник Андреевской церкви Никифор Никифоров. Церкви на кладбище не полагалось, а отпевание и поминовение усопших проводилось в приходских и домовых церквах. Но какие же могли быть доходы для производства работ и содержания кладбища в порядке, если не было самого источника доходов — церкви? А у Святейшего синода не было средств на возведение храма…

По этому поводу возникла переписка между светским и духовным начальством, но только в 1760 году, уже в царствование Елизаветы Петровны, была построена деревянная церковь во имя Смоленской иконы Божьей Матери. Кладбище обнесли забором, а на западной стороне от поля его отделили еще и каналом. Наблюдение за кладбищем было поручено отставным солдатам из городской богадельни.

Губернская канцелярия считала кладбищенскую церковь своей собственностью, забирала ее доходы, а на церковные потребности внимания обращала мало, поэтому неудивительно, что со временем церковь пришла в упадок. В 1768 году церковь на Смоленском кладбище была передана в ведение Конторы экономии, и смотреть за ней поручили находящемуся при богадельне комиссар-прапорщику Петру Шураеву, под начало которого выделили трех сторожей. В 1772 году к церкви пристроили два придела, но и эта церковь, как и первая, не отличалась ни красотой, ни богатством утвари, поэтому доходы ее были весьма незначительны. Тогда Контора экономии испросила разрешения «в церкви Михаила-архангела, на Смоленском кладбище, отпевать детей, умерших от оспы», с того времени церковь стали называть еще и оспенной. За младенцами «потянулись» и взрослые покойники, и мало-помалу установился обычай отпевать и в кладбищенской церкви.

Священники и причт Смоленского кладбища жалованья никогда не получали и жили только тем, что зарабатывали служением заупокойных литургий и панихид, отпеванием покойников и поминовением их. Могильщики получали плату за рытье могил, обкладывание их дерном, за устройство надгробий, памятников и т. д.

Сначала Смоленское кладбище ограничивалось тем участком, который впоследствии стал называться Старым кладбищем. Но через 20 лет мест для погребений на нем не стало хватать, и в 1783 году к кладбищу присоединили смежный с ним участок, занятый дотоле городскими богадельнями. В том же году стараниями протоиерея Георгия Петрова в кладбищенской церкви был устроен придел во имя архистратига Михаила, но главное здание церкви к этому времени уже сильно обветшало, и тогда же было заложено каменное — с колокольней и папертью. Возведение церкви было закончено через 10 лет, а в 1808 году к ней стали пристраивать с северной и южной сторон пристройки, а над колокольней возвели второй этаж. Однако наводнение 1824 года полностью разрушило церковь. Все кладбищенские заборы были свалены, мосты и мостики уничтожены, земляные насыпи на могилах смыло водой, каменные и металлические надгробия сдвинулись с места, много памятников под напором волн было свалено. Кресты с могил унесло на Выборгскую сторону, и в Морском госпитале ими целую зиму топили печи.

Вода залила подвал церкви, уничтожила хранившийся там архив, затопила и богадельню: три старушки, спасаясь, забрались на печь, но утонули. Другие схоронились на чердаке, но их убогие пожитки были унесены водой. Кладбищенская церковь размыло до такой степени, что после наводнения служить в ней было нельзя.

Во время наводнения утонуло много людей, другие умерли впоследствии от простудных заболеваний, и потребовалось много мест для их погребения, а между тем на Смоленском кладбище уже и раньше чувствовалась нехватка площади. Император Александр I, побывав на кладбище и в церкви Смоленской иконы Божьей Матери, повелел присоединить к кладбищу пустопорожние земли. Он утешил пострадавших от наводнения старушек, приказал обеспечить их теплой одеждой и обувью и доставлять им пищу в течение трех месяцев.

В 1829 году разрушенную наводнением церковь во имя Смоленской иконы Божьей Матери разобрали и на ее месте воздвигли каменную — во имя Святой Троицы с двумя приделами: один во имя архистратига Михаила, другой — в честь мучеников Сергия и Вакха.

На Васильевском острове находились Российская академия наук, Академия художеств, Горный институт, ряд военно-учебных заведений, и Смоленское кладбище сложилось в основном как пантеон русской науки и культуры. Но еще в 1807 году причт кладбища получил от митрополита предписание — приготовить места для кавалеров Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Сначала те были погребены на Каменном острове, но потом гробы с их останками по каким-то причинам перенесли на Смоленское кладбище, причем некоторые даже ночью. Однако в церковные книги об этом записано не было, а потому о них ничего и не известно.

Одной из самых известных на Смоленском кладбище является могила блаженной Ксении Петербургской. Происхождение Ксении Григорьевой (таковы ее настоящие имя и фамилия) неизвестны, а замужем она была за придворным певчим Андреем Федоровым, состоявшим в чине полковника. Оставшись в 26 лет вдовой, она все свое имущество раздала бедным, надела одежду мужа и 45 лет под его именем ходила по

Санкт-Петербургу, нигде не имея постоянного жилища. Главным местопребыванием ее стала Петроградская сторона, в основном — приход святого апостола Матфея. Рассказывают, что особым уважением Ксения Петербургская пользовалась у извозчиков, которые наперебой предлагали услуги, едва завидев ее. Считалось, что кому хоть немного удастся подвезти ее, у того весь день будет удачным.

…24 декабря 1761 года блаженная Ксения, как всегда, ходила по Петербургской стороне и всем встречным говорила: «Пеките блины, пеките блины. Вся Россия будет печь блины». Этим, как говорят, она предсказывала смерть императрицы Елизаветы Петровны, умершей на другой день.

Год смерти самой Ксении Петербургской неизвестен, предположительно — на рубеже XVIII–XIX веков. С 1820-х годов на ее могилу хлынули толпы паломников и разобрали всю могильную насыпь. Сделали новую, но разобрали и ее, положили плиту — ее разбили и обломки унесли по домам. Ломая плиты и разбирая землю, посетители оставляли на могиле посильные денежные пожертвования, которыми пользовались нищие. Тогда могилу Ксении Петербургской обнесли оградой, к которой прикрепили кружку для пожертвований. На собранные деньги блаженной Ксении поставили памятник в виде часовни, а кружку оставили у памятника. Одно время половина собранной суммы поступала в пользу попечительства о бедных, а другая половина оставалась в церкви на неугасимую лампаду Ксении Петербургской.

На могиле ее впоследствии кто-то сделал надпись: «Кто меня знал, да помянет мою душу, для спасения своей души». На Смоленском кладбище нигде не служится столько панихид, сколько на могиле Ксении Петербургской. Рассказы о творимых ею чудесах распространялись не только по Санкт- Петербургу, но проникали и в другие города, привлекая на кладбище много посетителей.

ВОЛКОВО КЛАДБИЩЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Свое название это кладбище, устроенное по указу Сената от 11 мая 1756 года, получило от деревни Волковой и Волкова поля. В старинных документах оно называлось «кладбищем Адмиралтейской стороны, по сю сторону деревни Волковой», «кладбищем Московской стороны, что у деревни Волковой» или просто «что в Волкове». Название деревни и кладбища идет от множества волков, которые «зимою бродили там целыми стаями — по 30 и более штук — и часто нападали на людей и запряженных лошадей».

Сама деревня Волково существовала задолго до основания Санкт-Петербурга и упоминалась в исторических документах еще с 1640-х годов — в Писцовых книгах Ижорской земли. Причем носила она и угро-финское название Суттила (или в другом произношении — Сютила), то есть Волково.

Учреждено оно было взамен закрытого Ямского кладбища, располагавшегося у Крестовоздвиженской (Предтеченской) церкви. Место для Волкова кладбища отвели на левом берегу Черной речки, в устье которой располагался Невский монастырь. Устроено оно было при Елизавете Петровне, так как прежнее Ямское кладбище находилось очень близко к городу, а так как императрица любила гулянье на Ямской в Семик

и Прощеное воскресенье, ей совсем не нравилось близкое соседство кладбища. Ямское кладбище решено было закрыть, но до времени разрешили хоронить здесь лиц знатных.

Сначала для Волкова кладбища отвели место на 120 саженей в длину и ширину, и находилось оно против Расстанной улицы. Эту территорию предписано было огородить и устроить на ней деревянную часовню, а для наблюдения за постройками и заведования кладбищем назначить обер-офицера и двух унтер-офицеров, подчинив их ведению губернской канцелярии. К концу лета 1756 года кладбище было открыто для погребений, а к концу года на нем было похоронено уже 898 человек. На осушение кладбища, проведение на нем дорожек и другие благоустройства и тогда и много позже внимания не обращалось, так как точных правил на этот счет не было, да и средств тоже. Так что все «заведование» им ограничивалось лишь приемом покойников со свидетельствами от приходских священников и полиции, записью их в кладбищенскую книгу и наблюдением за рытьем и закрыванием могил. Даже в выборе мест для могил не было никаких правил: выбирали их родственники покойного, и потому могилы вырывались не рядами, по прямой линии, а без всякого порядка, так что впоследствии трудно было проводить дорожки, не повредив могилы.

К концу 1759 года на Волковом кладбище была построена первая церковь, освященная 3 декабря — во имя Спаса Нерукотворного Образа. Возвели ее на месте прежней, разобранной по ветхости и находившейся не на самом кладбище, а около него. О внешнем виде этой церкви, ее внутренней отделке и утвари известно очень мало: она была небольшой, деревянной, на каменном фундаменте, однопрестольная… и очень холодная. Служить в ней зимой было трудно: священники были одеты в овчинные тулупы и валенки, а руки грели в муфте или над жаровней.

Впоследствии на кладбище были назначены четверо рабочих из содержавшихся в богадельне наиболее крепких и здоровых солдат, для которых выстроили большую избу. Эти могильщики обязаны были по очереди ночью караулить и «часы городские слушая, или песочные имея, в колокол звонить». Другие обязанности в церкви исполняли пономари, которые в документах называются «указными сторожами». Они наблюдали за чистотой церкви, благовестили по благословению священника, приготовляли церковные облачения и т. д. Пока в церковь не был назначен староста, пономари также продавали свечи, собирали огарки, принимали погребальные документы, следили за рытьем могил, докладывая обо всем священнику. От губернской канцелярии причт не получал ничего, «довольствуясь мирским подаянием» за погребения.

А погребали на Волковом кладбище в основном людей бедных, которых, как правило, хоронили за ничтожную плату или вообще даром. Это были, в частности, солдаты с семьями и жители Ямской слободы, которые считали вправе пользоваться даровыми местами погребения, так как кладбище было устроено на их земле. Благоустройством его по-прежнему мало кто занимался, да и точных правил приведения его в порядок не существовало. Правительство требовало только одного — хоронить умерших по свидетельствам и записывать о том в кладбищенскую книгу.

Со временем церковь обветшала, но все просьбы причта о ремонте ее оставались без внимания, хотя церковь и кладбище были уже переданы в ведение Коллегии экономии. Потеряв терпение переносить зимний холод во время служб, причт склонил одного из состоятельных посетителей — купца Н.Д. Швецова — построить теплую деревянную церковь, и в октябре 1777 года новая церковь была освящена «в память обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме». Постройка храма обошлась купцу в 500 рублей, поэтому церковь была очень простой, без всякой роскоши.

1782 год начался для Волкова кладбища несчастливо. В Новый год, в 10 часов вечера, в притворе теплой церкви произошел пожар, и она вся сгорела: спасти удалось только часть ризницы и утвари. Сделав строгое внушение причту о соблюдении осторожности, консистория повелела приступить к возведению каменного храма. Причт ревностно принялся заготавливать строительный материал, в феврале был составлен и одобрен план, потом заготовили лес и заключили с купцом Лавровым соглашение о поставке кирпича-железняка и бутовой плиты. Остальной материал причт просил разрешения брать с александро-невских кирпичных заводов. Начатая в мае 1782 года постройка шла медленно, и только через три с лишним года главная церковь — без намечавшегося ранее придела — была готова к освящению. Летом 1785 года к кладбищу проложили булыжную мостовую, и к 16 августа — дню освящения церкви — было открыто более удобное сообщение города с кладбищем.

В 1798 году настоятелем церкви назначили бывшего священника полотняной фабрики Ивана Григорьева, при котором к кладбищу впервые прирезали землю — с восточной стороны до речки. Его стараниями была устроена и новая ограда с воротами со стороны Расстанной улицы, для осушения прорыты прямые канавы, внесена была и некоторая регламентация в получение доходов. Не было никаких правил о продаже мест под погребения, поэтому одни делали посильные взносы в церковь, другие просто забирали и огораживали лучшие места. Новый настоятель повелел обнести ближайшую к церкви территорию оградой и за погребение здесь установил взнос до 25 рублей ассигнациями.

К началу XIX века Спасская деревянная церковь совсем обветшала, и в 1809 году богослужения в ней прекратились. Новый храм решено было ставить в западной части кладбища южнее нынешних Смотрительских мостков. Автором проекта его стал городской архитектор В.И. Беретти, который хотел не только возвести пятикупольный храм с четырьмя четырехколонными портиками, но и создать целый ансамбль — с двумя воротами, двумя площадями и четырьмя часовнями. Проект был грандиозный, но осуществление его затягивалось из-за медленно поступавших средств. И тогда новый церковный староста, купец П.И. Пономарев, отреставрировал старый храм, в котором с 1812 года вновь стали проводить богослужения. А новый храм был заложен только в 1837 году: возводить его стал Ф.И. Руска, основательно переработавший и упростивший прежний проект В.И. Беретти.

С 1848 по 1871 год к Волкову православному кладбищу причислялось так называемое Холерное кладбище, находившееся в двух верстах от него — вверх по Монастырской речке. Холерное кладбище было

открыто в 1831 году во время свирепствовавшей тогда эпидемии для погребения умерших от нее. Потом оно служило для погребения самоубийц, а в низменной его части зарывали палый скот. Когда в конце 1840-х годов на Волковом кладбище не стало хватать места, то здесь стали хоронить скончавшихся в Николаевском сухопутном госпитале.

Погребения на Холерном кладбище совершались без участия причта Волкова кладбища, а часто и вообще без священников. Покойников привозили уже после отпевания в больницах и хоронили чаще всего в общей могиле. В отдельных могилах хоронили людей богатых и из высших сословий. Погребения на Холерном кладбище продолжались до 1871 года, а потом в Санкт-Петербурге были открыты Успенское и Преображенское кладбища, и Холерное было закрыто. Но еще несколько лет город содержал на нем сторожа для охраны памятников.

Третья по времени возведения каменная церковь называется Пономаревской — по имени купца, на средства которого она возводилась. Первоначально ее хотели освятить во имя Успения Божьей Матери, но потом освятили во имя Всех Святых, «чтобы ангелы всех усопших призываемы были на месте их погребения». Под храмом был похоронен и сам купец П.И. Пономарев, и его близкие. Четвертый каменный храм Волкова кладбища в просторечии назывался Крюковским, так как строился он на средства П.М. Крюковой над могилой ее мужа — потомственного почетного гражданина Иова Михайловича Крюкова.

Если, как указывалось выше, на Волковом кладбище сначала хоронили бедных людей, мелких чиновников, небогатых купцов и отставных офицеров, то впоследствии оно становится уже всесословным. Хотя на нем по-прежнему погребали многих простолюдинов, однако на могильных памятниках и надгробиях стали появляться имена князей Голицыных, Масальских, Трубецких, Тенишевых и представителей других родовитых семей, а также богатые купеческие фамилии Варгуниных, Жуковых, Яковлевых… Хоронили священников, проповедников, богословов, и уже в первой половине XIX века здесь нашли свой последний приют многие люди, служившие науке, искусству, просвещению и культуре России. На этом кладбище похоронен А.Н. Радищев — автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». Впоследствии, к сожалению, могила его была забыта, но предполагается, что находилась она близ Воскресенской каменной церкви. В память об этом на стене здания в 1987 году была установлена мемориальная доска.

На Волковом кладбище похоронен и поэт А.А. Дельвиг — ближайший друг А.С. Пушкина, скончавшийся в январе 1831 года. В 1846 году здесь обрел вечный покой критик, писатель и журналист Н.А. Полевой, деятельность которого вызывала самые противоречивые оценки. Однако В.Г. Белинский, несмотря на серьезные расхождения во взглядах с Н.А. Полевым, назвал его «замечательным человеком, оказавшим литературе и общему образованию величайшие заслуги». Через два года не стало и «неистового Виссариона», которого похоронили в конце мая 1848 года в восточной части Надтрубных мостков, пересекающих Волково кладбище с запада на восток. Впоследствии И.И. Панаев вспоминал, что немногие провожали великого критика в последний путь:

За гробом шло человек двадцать приятелей умершего, а за ними, как это обычно водится на всякого рода похоронах, тащились две извозчичьи четвероместные колымаги… Это были литературные похороны, не почтенные, впрочем, ни одной ученой или литературной знаменитостью. Даже ни одна редакция журнала (за исключением редакций «Отечественных записок» и только что возникшего «Современника») не сочла необходимым отдать последний долг своему собрату, который честно всю жизнь отстаивал независимость слова и мысли, всю жизнь энергически боролся с невежеством и ложью…

Когда покойника отпели, друзья снесли гроб его на своих плечах до могилы, которая уже до половины была наполнена водою, опустили гроб в воду, бросили в него по обычаю горсть земли и разошлись молча, не произнося ни единого слова над этим дорогим для них гробом.

Могила В.Г. Белинского не забылась и не затерялась. Кто-то установил над ней простую плиту с именем и датой смерти, и впоследствии сюда стали приносить цветы и венки. В 1861 году рядом с В.Г. Белинским похоронили Н.А. Добролюбова. И.И. Панаев писал: «Смерть соединила Добролюбова с Белинским. Возле благороднейшего литературного деятеля нашего поколения лег благороднейший и талантливейший деятель нового поколения. Белинский дождался достойного гостя». В 1866 году обе могилы обнесли общей чугунной оградой. Тогда же обветшавшая плита из песчаника на могиле В.Г. Белинского была заменена гранитным жертвенником с крестом (работа А. Долгина).

В 1868 году на Надтрубных мостках похоронили Д.И. Писарева, рядом с ним упокоился писатель-разночинец Ф.М. Решетников. В 1875 году рядом с В.Г. Белинским и Н.А. Добролюбовым положили писателя-этнографа А.С. Афанасьева-Чужбинского. В том же году вдали от Надтрубных мостков, на Конной дороге, появилась могила поэта и общественного деятеля В.С. Курочкина — редактора журнала «Искра». «Подле Белинского» хотел быть погребенным и И.С. Тургенев, скончавшийся во Франции в конце сентября 1883 года. Гроб с телом писателя был доставлен на Варшавский вокзал Санкт-Петербурга, и в траурном шествии на Волково кладбище приняли участие более 400 000 человек. Место «рядом с Белинским» было отдаленным, его сочли недостаточно престижным, и могила И.С. Тургенева сначала разместилась у стены пятиглавой церкви во имя Спаса Нерукотворного. *55 В 1930-е годы при создании музея-некрополя «Литературные мостки» прах И.С. Тургенева и надгробный памятник писателя перенесли в некрополь, так как территория Спасского собора была отведена под завод «Монументальная скульптура».*

С 1870-х годов Волково кладбище становится широко известным во всей России. Участок за Воскресенской церковью стал почитаем как место погребения писателей, ученых, общественных деятелей. Здесь похоронены М.Е. Салтыков-Щедрин, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов… Дорожка, ведущая к могиле В.Г. Белинского, в конце XIX века получила название «Литераторские мостки».

ПАРИЖСКИЙ ПАНТЕОН

Покровительницей Парижа является святая Женевьева, которая еще при нашествии гуннов на Лютецию убедила их вождя Аттилу оставить город. С тех времен и возникло празднество в честь святой, а поклоняться ей начали с 1129 года при короле Луи Толстом. Холм святой Женевьевы,

возвышающийся на высоту 60 метров над уровнем Сены, является сердцем Латинского квартала. На этом холме, самом высоком месте левобережной части французской столицы, расположился Пантеон, судьба которого во все времена его существования была полна всевозможными превратностями.

Христианский храм на месте Пантеона существовал издавна. Еще в VI веке король Хлодвиг воздвиг здесь базилику в честь святых Петра и Павла, а столетие спустя в нее были перенесены мощи святой Женевьевы. Во время нашествия на Париж норманны сожгли базилику, но впоследствии на ее месте был устроен монастырь. Нынешний храм заложен в 1764 году королем Людовиком XV, который, тяжело заболев, дал святой Женевьеве обет, что в случае выздоровления построит ей храм. Поправившись, король поручил возведение храма архитектору Суффло, но тот не увидел своего детища завершенным. Зодчий умер в период бесконечных придворных споров о том, какими должны быть барельефы на фронтонах храма, надо ли строить колоколенки и т. д. Споров по этим поводам было немало, ведь все придворные, в особенности дамы, считали себя «специалистами». В конце концов король, «уступая мнению настойчивого господина Суффло» (собственные слова Людовика XV), решил все же колокольни построить, но колоннаду возвести только со стороны главного входа в храм.

Храм, возведение которого закончили в 1790 году, построен в форме греческого креста с размерами 110 х 82 х 83 метра. Главный его фасад (западный), наподобие римского Пантеона, украшен портиком с колоннами. К нему с площади ведут 11 ступеней, а перед главным входом в храм установлена знаменитая скульптура О. Родена «Мыслитель», приобретенная на народные пожертвования. Гигантский купол храма окружен 32 коринфскими колоннами (высотой 20 и диаметром 2 м), которые размещены в три ряда. Видимые снаружи стены не имеют окон и украшений, кроме идущей по фризу гирлянды. Именно эта архитектурная деталь и придает всему зданию вид некрополя. С балкона, расположенного на верху купола храма, открывается величественный вид на Париж и окрестности, а под храмом разместилось 300 склепов, в одном из которых покоится и прах архитектора Суффло.

Храм посвятили святой Женевьеве, но в 1791 году Конвент решил превратить его в Пантеон для увековечения памяти знаменитых людей той эпохи. Колокольни, из-за которых когда-то разгорались придворные споры, были снесены, крест с храма сняли, заменив его фигурой Славы, на барельефе фронтона над главным входом святую Женевьеву сменила аллегорическая фигура Родины-матери, а под барельефом появилась надпись: «Великим людям благодарное Отечество».

Вход в склепы, разделяющиеся кирпичными перегородками, находится в самой церкви, позади главного алтаря. Своды подземных помещений поддерживаются двадцатью столбами. Первым в 1791 году здесь похоронили Мирабо, и во время его погребения были поставлены и «памятники» Вольтеру и Руссо — деревянные ящики, расписанные серым цветом. На «памятнике» Вольтеру сделана надпись:

Поэт, историк и философ, он расширил человеческий дух и научил его тому, что он должен быть свободен. Он защищал Каласа, Сирвена, де

ла Бара и Манбаллъи; боролся с атеистами и фанатиками, внушал терпимость и провозгласил права в противоположность рабству феодализма.

На гробе Ж.-Ж. Руссо была нарисована рука, держащая факел, который находится как бы в могиле. Эта композиция аллегорически намекает на свет, который распространил по миру «женевский гражданин». Надпись гласит: «Здесь покоится человек природы и истины». В 1793 году якобинцы одним из первых своих декретов постановили «вынести из Пантеона прах дворянина Мирабо», и «отец Французской революции», в одночасье ставший классовым врагом, был заменен «доктором Маратом». Однако через два года, когда якобинцев сбросили, тело Марата в свою очередь тоже покинуло Пантеон. Останки Мирабо впоследствии были перенесены на кладбище Пер-Лашез, а тело Марата сбросили в сточную трубу на одной из улиц Монмартра. Гробы Вольтера и Руссо тоже сейчас пусты, так как останки обоих философов после 1815 года были тайно унесены и погребены в неизвестном месте.

После реставрации Бурбонов в 1822 году надпись «Великим людям благодарное Отечество» стерли и храму возвратили его первоначальное религиозное назначение. Все скульптуры на его фронтоне были вновь заменены христианскими статуями, и началось «переселение» праха покойных. Вольтера и Руссо убрали в крипту под перистилем.

После революции 1830 года новый «буржуазный» король Луи-Филипп вновь переименовал церковь в Пантеон, вернул на прежние места прах Вольтера и Руссо, а также (уже в который раз!) сменил барельефы на фронтонах. На сей раз Родина-мать раздавала венки своим детям, а История записывала, кому и за что… Налево, под покровом Свободы, на барельефах изображены лица, отличившиеся на гражданском поприще — Мирабо, Мальзерб, Фенелон, Монж, Манюэль и знаменитый генерал Карно; потом идут изображения химиков Бертоле и Лапласа. Во втором ряду — живописец Давид, Кювье, Лафайет, Руссо и медик Биша. Направо, подле Истории, — солдаты Республики и Империи. Появился среди них и Наполеон, но не император, а просто генерал Бонапарт… Позади его — старый гренадер, опирающийся на ружье, и знаменитый маленький барабанщик из Арколя.

Под портиком возвышаются две группы, изваянные скульптором Мендроном: святая Женевьева, умоляющая Аттилу пощадить Париж-Лютецию, и крещение короля Хлодвика. Внутреннее пространство Пантеона тоже величественно, но все же главное его достоинство составляет купол. При всей своей грандиозности он, однако, не производит того впечатления, которое от него ожидал сам архитектор Суффло. Рассказывают, что он умер не только из-за придворных споров и интриг, но еще и от печали, осознав, что купол слишком тяжел для поддерживающих его колонн. Назначенный после смерти Суффло архитектор Ронделе должен был, прежде чем закончить работу, заменить колонны столбами, соединяющимися между собой массивными арками.

В 1850 году физик Леон Фуко повесил под куполом Пантеона свой знаменитый маятник, наглядно демонстрировавший вращение Земли. Маятник тоже несколько раз то убирали, то снова вешали — в зависимости от политического момента.

Наполеон I во время своего правления тоже повелел погребать в Пантеоне знаменитых людей, например математика Лагранжа, моряка Бугэнвилля, маршала Ланна и других, а также сенаторов.

В 1851 году принц-президент (впоследствии Наполеон III) вновь назвал Пантеон церковью святой Женевьевы, и опять — на веки веков! — над храмом водрузили крест. Ровно через 20 лет коммунары убрали крест, заменив его красным знаменем. Через два года Третья республика вновь водрузила крест, а когда в 1885 году умер великий писатель и изгнанник В. Гюго, та же республика опять переименовала церковь в Пантеон и похоронила «виконта» В. Гюго рядом с Вольтером.

Надпись «Великим людям благодарное Отечество» восстановили, но оставили и крест на куполе. Зато во внутреннем устройстве храма все предметы и даже признаки религиозного культа удалены, причем с таким старанием, что своими оголенными стенами он производит печальное впечатление опустошения. Его с трудом скрывают даже превосходные фрески Пювиса де Шавана и музейные изваяния, совершенно теряющиеся под недосягаемыми сводами храма. Фрески П. де Шавана полностью посвящены иллюстрации жизни и благочестивых подвигов святой Женевьевы. Помимо этого живописца, стены Пантеона на ту же тему украсили своими произведениями и другие художники, например, на запрестольной стене храма известный баталист поместил яркую аллегорическую картину «К славе». На своем полотне художник изобразил безумную атаку кирасир, с развернутым знаменем мчащихся под руководством смерти, одетой тоже кирасиром. Перед этой картиной стоит сложная и громоздкая, но эффектная гипсовая группа «Национальный Конвент» работы скульптора Сикарда. В левом крыле храма поставлена конная статуя Жанны д'Арк.

Впоследствии в Пантеон перенесли останки великого врача Кабаниса, позднее здесь похоронили Э. Золя и вождя французских социалистов Ж. Жореса. Недавно в Пантеон перенесли прах Марии и Пьера Кюри, а после них прах философа нашего времени А. Мальро — одного из руководителей французского Сопротивления и впоследствии министра культуры Франции.

РОГОЖСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Практически сразу после реформ патриарха Никона московские старообрядцы стали погребать своих умерших на отдельных погостах, обособленно от «никоникан». Первоначально они имели небольшие кладбища и молельни близ Донского монастыря и за Тверской заставой. Но во время эпидемии чумы 1771 года, когда запрещено было хоронить внутри Камер-Коллежского вала, граф Г.Г. Орлов, присланный в Москву для борьбы с чумой, отвел места за Рогожской заставой и за Преображенским валом.

После раскола в Русской православной церкви старообрядцы разделились на несколько толков и направлений, которые либо признавали священничество и священников, либо не признавали их. Во время чумы московские власти разрешили энергичному купцу-старообрядцу Илье Ковылину устроить карантин в районе села Преображенское, где привыкшие к критическим ситуациям старообрядцы стали ухаживать за

чумными и утешать здоровых. Да так ухаживали, что многие православные в специальных медных тазах перекрещивались в старую веру. Таким образом, Преображенское кладбище, где вначале хоронили умерших от чумы, стало важнейшей частью старообрядческого центра беспоповцев. Селившиеся вокруг него староверы даже основали целый пригород, но после смерти Ильи Ковылина Преображенская община стала постепенно приходить в упадок.

Рогожское кладбище тоже было основано во время чумы 1771 года. Место за Рогожской заставой было выбрано не случайно, так как там издавна находилась старообрядческая деревня Новоандроновка, и вполне вероятно, что неподалеку от нее имелось уже кладбище. Состоятельные московские старообрядцы постоянно делали щедрые пожертвования Рогожской общине, в результате чего со временем здесь вырос целый городок. Кроме храмов, в нем были «палаты» для священнослужителей, частные дома, приюты, богадельни, гостиницы для паломников, детские училища. Так возник еще один крупный центр старообрядчества, но уже приемлющего священничество, получивший свое название по находившейся здесь Рогожской ямской слободе, обслуживавшей сообщение по тракту на село Рогожь *56 Ныне город Ногинск.* и дальше на Нижний Новгород.

На Рогожском кладбище умерших от чумы хоронили в братской могиле, на которой вскоре был поставлен каменный обелиск, украшенный головой Адама и высеченным стихотворным описанием ужасов эпидемии. Рядом с ним стояла деревянная колокольня, в которой хранились старообрядческие реликвии — древние рукописи, полотняные церкви, ценная утварь. На кладбище была сооружена погребальная, неподалеку от нее возвели богадельню и лечебницы. Потом здесь разбили большой фруктовый сад, а два проточных пруда, большой и малый, наполнялись водой из четырех родников через специальный канал. На берегах прудов росли липы и ветлы, через водопроводный канал был переброшен деревянный мостик, а через главный пруд устроен большой крестообразный мост на пяти арках. На мосту соорудили деревянный, крытый железом балдахин для водоосвящения, называемый «Иорданом». К этому источнику в день Богоявления, несмотря на сильные морозы, целыми обозами тянулись старообрядцы за святой водой. Виталий Лебедев, священник единоверческой церкви Рогожского кладбища, отмечал, что территория кладбища имела вид зажиточного помещичьего имения, устроенного с собственным хозяйством — скотным двором, сторожами, экономом, старостой, конторой.

Сначала на кладбище существовала лишь небольшая деревянная часовня, но уже в 1776 году на ее месте на средства московских купцов-старообрядцев был сооружен храм во имя Николая Чудотворца. Старообрядцы никогда и ничего не жалели для благоукрашения своих храмов и потому часто добавляли в отливаемые колокола немало серебра. А по рассказам, некоторые колокола и вовсе отливались из чистого золота, потому таким звучным и был их перезвон. Между холодной и теплой часовнями был устроен выстланный кирпичами помост, называвшийся «поприщами часовенного пути».

В 1791 году старообрядцы Рогожской общины, руководимые Никитой Павловым, добились разрешения на строительство большого храма Община, в которую входили московские купцы Рахмановы, Солдатенковы, Оловянниковы и другие, была богатой и потому пригласила для возведения храма знаменитого архитектора М Ф. Казакова. Через два года огромный Покровский собор был готов, а 35-летие основания кладбища было отмечено возведением величественного храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Главными хозяевами Рогожского кладбища были поповцы, последователи поповщинского согласия. Их еще называли часовенниками, так как они не имели права открыто иметь свои церкви и потому собирались для молитвы в часовнях Рогожского кладбища и в других. Мужчины приходили на богослужения в длинных кафтанах с крючками на левой стороне, сборками вокруг талии и с прямыми рукавами Замужние женщины под платком должны были иметь еще и косынку, а под ней — повойник. Во время молитв все крестились двумя перстами, а творить крестное знамение следовало вперед поклона. В левой руке все должны были держать лестовку, похожую на четки, но отличающуюся от них своей плоской формой и искусно переплетенными, продолговатыми в ремнях бумажными валиками Валиков в лестовке должно быть 109: они соответствуют числу 9 чинов апостольских, числу лет земной жизни Иисуса Христа (33), числу недель пребывания младенца Иисуса во чреве Пресвятой Богородицы (38), числу апостолов (12) и числу пророческих книг (17).

С православной церковью старообрядцы общаться не хотели и отвергали даже отколовшихся от себя прежних единоверцев. Если часовенным порой и приходилось сталкиваться в часовнях с единоверцами, то они выжидали, пока те помолятся. Если же случалось молиться вместе, то часовенные считали своим долгом обязательно очиститься от этого невольного греха.

Сопровождая своих усопших к могилам, старообрядцы избирали не тот путь, который удобнее и короче, а тот, который дальше отстоял от единоверческой церкви, под сводами которой следовало бы проходить из часовни. И чего только они не делали, чтобы изжить на своем кладбище единоверие!

Император Александр I благоволил рогожским промышленникам и передал во владение общины большие земельные наделы, но вот царствование императора Николая I тяжело сказалось на старообрядцах обоего толка. С их молитвенных часовен были сняты кресты, запрещен всякий ремонт, а указом 1827 года император запретил принимать беглых попов, и вскоре в Рогожской общине на 100 000 верующих осталось всего три священника. Одно время даже запрещалось отмечать старообрядцев наградами и записывать их в купеческое сословие. В 1830-х годах некогда процветавшая Рогожская община была приравнена к простому богадельному дому.

В 1855 году новый император Александр II повелел опечатать алтари рогожских храмов, а вскоре правительство и церковь, чтобы ослабить влияние старообрядцев, открыли в Рогожской и Преображенской слободах единоверческие храмы. При сохранении внешних староверческих

обрядов в храмах стали служить священники, подчинявшиеся епархиальному начальству. От таких притеснений сильно пострадала Федосеевская община Преображенского кладбища, рогожцам же в который уже раз удалось сохранить свои обычаи.

В августе 1854 года группа рогожских старообрядцев подала прошение на имя московского митрополита Филарета о принятии их в лоно апостольской церкви и о преобразовании Никольской часовни в единоверческий храм. По благословению Святейшего синода 23 сентября того же года было совершено освящение часовни. В 1866 году по инициативе и на средства купца Никандра Матвеевича Аласина к старой деревянной церкви архитектор Н В. Карнеев пристроил каменное здание наподобие колокольни высотой около трех и шириной около двух метров с иконой Спасителя, беседующего с самаритянкой.

Возрождение старообрядчества, особенно Рогожской общины, началось с указа о свободе вероисповедания, подписанного императором Николаем II в апреле 1905 года. Освобожденное от более чем 200-летних преследований старообрядчество сразу же стало делать колоссальные успехи. В 1912–1913 годы, в память распечатывания алтарей своих храмов, старообрядцы под руководством архитектора Ф. Горностаева приступили к возведению громадного храма-колокольни, который строился в стилизованных формах древнерусской архитектуры.

На старообрядческих кладбищах не встретишь, как на большинстве других, рельефных саркофагов, классических надгробий, скульптур и медальонов. В конце XIX — начале XX века здесь господствовала основная форма надгробия — восьмиконечный деревянный крест-голубец, зачастую с двускатным покрытием. Более богатые могли себе позволить каменные восьмиконечные кресты или массивные полированные саркофаги из черного камня, без украшений.

До Октябрьской революции на Рогожском кладбище хоронили только старообрядцев, но и потом, когда погребение перестало быть религиозным обрядом, на этом кладбище все так же появлялись могучие кресты-голубцы. Их и сейчас здесь еще довольно много, хотя после революции старообрядческие некрополи пережили тяжелые времена. Богатейший архив Рогожского кладбища, насчитывавший сотни ценнейших рукописей, отвезли в центральный архив, а богатейшую библиотеку, хранившуюся в специальном помещении под колокольней, переправили в библиотеку им В.И. Ленина. Рогожско-Симоновский райсовет Москвы, отличавшийся особой ненавистью к культовым сооружениям, в 1929 году принял решение снести Рогожское, Андроньевское, Симоновское и Всехсвятское кладбища. Старообрядческая община выступила категорически против такого решения, чем и спасла свой некрополь. Но сегодняшнее состояние старообрядческих кладбищ несет на себе отпечаток варварской чистки прошедших десятилетий. Старые надгробия являются на них лишь вкраплениями среди новых могил, сделанных на месте убранных памятников. Саркофагов дореволюционного времени на Рогожском кладбище осталось очень мало. В советское время у «капиталистов-эксплуататоров» часто экспроприировались и надгробия с могил, и в годы первых пятилеток Рогожское кладбище исправно «поставляло» гранит на стройки социализма, в том числе и для

Московского метро. Исчезли надгробия, забыты или даже заняты места могил многих людей, имевших великие заслуги перед всей Россией. Нет надгробий у известных купцов Оловянниковых и прославившегося своей благотворительной деятельностью издателя К. Солдатенкова, владевшего одним из крупнейших состояний России. Он столько средств вложил в благотворительность, что даже трудно перечислить все больницы, богадельни и дома призрения, которые он финансировал или которые целиком были учреждены на его счет. В частности, ведь благодаря огромным пожертвованиям этого купца-миллионера была построена городская клиническая больница (ныне Боткинская). По его завещанию Румянцевский музей получил в дар великолепную картинную галерею и богатейшую библиотеку.

На Рогожском кладбище был похоронен «фарфоровый король» М.С. Кузнецов, на могиле которого в настоящее время планируется установить памятную стелу.

Однако и то, что уцелело на Рогожском кладбище, может многое рассказать нашим современникам. Например, слева от центральной аллеи виднеется темный каменный обелиск, вокруг которого расположилось несколько каменных саркофагов. Это семейные захоронения известных купцов Рахмановых. Во многом благодаря Дмитрию Рахманову началась в 1859 году деятельность старообрядческих архиепископов Москвы и всея Руси.

На Рогожском кладбище под сенью обширного, недавно отреставрированного узорчатого балдахина стоит кованая часовня — семейный склеп славных представителей известной купеческой семьи Морозовых. Трудно найти в старой Москве другую такую семью быстро разбогатевших крепостных, вокруг которых было бы сплетено так много различных легенд.

На могиле промышленника С.Т. Морозова стоит памятник работы Н.А. Андреева — беломраморный крест с рельефным распятием и оригинальным мраморным саркофагом, выполненным в виде декоративной резной ограды. На памятнике сделана короткая надпись: «Здесь погребено тело Саввы Тимофеевича Морозова. 1861–1905». Но до сих пор остается загадкой его неожиданная смерть в Канне — то ли он покончил с собой, как гласит официальная версия, то ли кто-то от него избавился…

На центральной дорожке Рогожского кладбища находится место захоронения старообрядческого духовенства. Участок здесь чуть приподнят над кладбищем и обнесен оградой на высоком гранитном цоколе. Белые кресты здесь стоят стеной, поэтому их видно еще издали. Под крестами — два ряда черных блестящих саркофагов, на которых золотым полууставом написаны сведения о погребенных, но прочитать это сейчас почти невозможно.

Для старообрядцев на кладбище сакральное значение имеет могила монахини Севостьяны (в миру Ольга Иосифовна Лещева). Когда-то она была регентом Никольского храма — единственного православного храма в Рогожской слободе. Однажды в дни революции, когда шел молебен, в храм явились комиссары и арестовали батюшку. Но матушка Севостьяна продолжила службу, а те места в молебне, которые должен был пропеть иерей, она вдруг стала петь густым мужским голосом. Сейчас на ее могилу

приходит множество паломников, и матушка Севостьяна по молитвам верующих помогает им.

ВАГАНЬКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ В МОСКВЕ

Территорию, на которой в настоящее время разместилось Ваганьковское кладбище, в старину занимало село Ваганьково. В XV веке царь Иван III, дед Ивана Грозного, основал вблизи села Псарный двор, где разводили охотничьих собак, а еще через 100 лет знаменитый боярин Василий Шуйский (будущий царь) разбил в окрестностях села вотчину. Когда в Смутное время в Тушине появился Лжедмитрий, в Ваганькове было собрано московское войско для борьбы с поляками.

В стародавние времена территория эта была местом, на котором москвичи «ваганили» — устраивали игрища и потехи. Эту «безлепицу», как назывались тогда всякие увеселения и потехи, в 1629 году запретил царь Михаил Федорович, а в 1696 году здесь отвели место под кладбище. Но официальным годом его основания считается 1771-й.

На территории Ваганьковского кладбища сохранился замечательный архитектурный комплекс, который охраняется государством. Он состоит из Воскресенской церкви, двух флигелей и ворот, а сооружен был в 1822 году по проекту известного московского зодчего А. Г. Григорьева В советское время (1977) на месте ветхих церковных домиков возвели двухэтажный белокаменный колумбарий.

Кладбище делится на 60 участков разной величины и формы, а дорожки и аллеи на нем носят имена известных людей, похороненных неподалеку (аллеи Есенина, Баумана, Тимирязева, Мочалова и др.). За более чем 230-летнюю историю официального существования кладбища на нем похоронено свыше 500 000 человек, но к настоящему времени сохранилось чуть более 100 000 могил. Здесь обретали свое последнее пристанище главным образом представители московской интеллигенции: профессора Московского университета, выдающиеся артисты (Зоя Федорова, Олег Даль, Андрей Миронов и др.), писатели и поэты (С. Городецкий, Рюрик Ивнев, В.И. Даль, Н.Н. Златовратский, И.Е. Забелин — историк Москвы, Ю.Н. Тынянов, Б.С. Житков, Т.З. Семушкин и др.), художники (В.В. Пукирев — автор картины «Неравный брак», В.А. Тропинин, А.К. Саврасов, В.И. Суриков и др.), композиторы (А.Н. Верстовский, автор оперы «Аскольдова могила», известная цыганская певица В.В. Панина, А.И. Фатьянов и др.), архитекторы, медики, юристы, русские революционеры — от декабристов и народовольцев до участников революций 1905 и 1917 годов, а также герои Гражданской и Великой Отечественной войн.

В настоящее время на Ваганьковском кладбище сохранились могилы семерых декабристов. По главной аллее справа выделяется установленный на постаменте надгробный памятник из розового гранита, представляющий собой изображение звездного неба. Небесная сфера с четырех сторон обрамлена факелами, на постаменте укреплена памятная доска с надписью: «Декабрист Фролов Александр Филиппович — 1804–1895». Член Общества соединенных славян, он был осужден по второму разряду к каторжным работам на 20 лет, потом срок этот сократили до 15 лет А.Ф. Фролов отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе.

В этой же ограде находится и другой памятник — стела из розового гранита, установленная декабристу П.С. Бобрищеву-Пушкину. Член Южного общества, он принимал участие в сокрытии «Русской правды», по четвертому разряду был приговорен к 12 годам каторжных работ (с последующим сокращением до 8 лет).

Слева от этой ограды стоит памятная стела с цветником из красного мрамора, на которой начертано: «Хотяинцев Иван Николаевич; декабрист, член Союза благоденствия, участник войны 1812 года».

По главной же аллее, но уже дальше, находится чугунная ограда с памятной доской из белого мрамора, на которой написано: «Декабрист Бестужев Михаил Александрович». На его могиле сохранилось старое надгробие в виде прямоугольной гробницы из розового гранита с надписью: «Здесь положено тело потомственного дворянина Михаила Александровича Бестужева, скончавшегося в 1871 году июня 22 дня на 70 году своей жизни». В этой же могиле покоится прах Бестужевой Прасковьи Михайловны — матери четырех декабристов; здесь же погребены рано умершие дочери декабриста — Елена и Мария — и его сестра Елена, которая вывезла из Сибири бестужевскую портретную галерею декабристов.

На четвертом участке Ваганьковского кладбища находится могила декабриста А.П. Беляева, обозначенная памятником цилиндрической формы из черного гранита, пересеченного кубом. Мичман Гвардейского полка, А.П. Беляев был одним из основателей Общества Гвардейского экипажа, автор его «статутов» и член «Ордена восстановления». В «Северном обществе» он формально не состоял, но был тесно связан с К. Рылеевым, принимал непосредственно участие в подготовке восстания и на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года вышел с батальоном Гвардейского экипажа. Был осужден по четвертому разряду и приговорен к 12 годам каторги. После возвращения из Сибири поселился в Москве на Смоленском бульваре, где его посещал Л.Н. Толстой, задумывавший писать роман «Декабристы».

С середины XIX века Ваганьковское кладбище сделалось излюбленным местом вечного упокоения актеров, писателей и других деятелей свободных профессий. Хоронить здесь актеров вошло почти что в правило со времен московского полицмейстера Шульгина, который очень способствовал упорядочению кладбища: пристроил к главной церкви придел во имя святой Акулины и вообще всячески покровительствовал Ваганькову. А так как сам обер-полицмейстер был близок к театральному миру, то деятели искусства и стали предпочитать Ваганьковское кладбище другим. Причина предпочтения именно этого кладбища для места вечного упокоения, наверное, заключалась еще и в том, что оно ближе других располагалось к центру и лучше других было обустроено (исключая монастырские кладбища). Поэтому погребать актеров на Ваганькове настолько вошло в обычай, что администрация кладбища даже отвела для них особое место, сгруппировав артистические могилы в юго-западной части — неподалеку от колонны, воздвигнутой над прахом артиста С.В. Шумского. Из представителей артистического мира на Ваганьковском кладбище погребены Д.Т. Ленский, М.Д. Львова-Синецкая, И.В. Самарин и

многие другие; есть здесь и семейные артистические могилы — Сабуровых, Лавровых, Васильевых, Рыкаловых, Колосовых и др., так что Ваганьковское кладбище — это настоящий артистический некрополь Москвы. На нем похоронены те, о ком поэт А.Ф. Иванов-Классик писал:

Вот талантов театральных
Прах под мрамором лежит,
О трудах их гениальных
Надпись громкая гласит.

Гениальный трагик П.С. Мочалов, скончавшийся в марте 1848 года, был похоронен в северо-восточном углу кладбища; рядом упокоились его отец Степан Федорович — известный в свое время актер на роли драматических любовников, брат Платон (тоже актер), жена Настасья Ивановна и другие родственники П.С. Мочалова.

Над прахом гениального трагика были установлены два памятника. Один из них (из сердобольского гранита) поставила дочь артиста, на нем была сделана надпись: «Павел Степанович Мочалов, родился в 1800 году, 3 ноября, скончался в 1848 году, марта 16-го дня, в 9 часов пополудни». Впоследствии почитатели таланта П.С. Мочалова собрали деньги на другой памятник, и с разрешения дочери ее памятник отодвинули на могилы других родственников. Второй памятник, воздвигнутый в начале 1860-х годов, представляет собой колонну из финского гранита, которая прежде была увенчана треножником с зажженным светильником. Наискось был прикреплен кинжал с крестообразной рукояткой, треножник и крест обвивал лавровый венок, а чуть ниже лежали маска и свиток. Чугунные эмблемы были прочно прикреплены толстыми железными штырями, но со временем их отломали и украли, и постепенно могилы Мочаловых приняли печальный вид. На втором памятнике сохранилась надпись:

Ты слыл безумцем в мире этом,
И бедняком ты опочил
И лишь пред избранным поэтом
Земное счастье находил.
Так спи, безумный друг Шекспира,
Оправдан вечности отцом.
Вещал он, что премудрость мира
Безумство пред Его судом.

Может быть, строки эти принадлежат Д.Т. Ленскому, который особенно усердно хлопотал об установлении памятника, а потом хотел поднять вопрос о забытой могиле П.С. Мочалова аж на таком торжестве, как юбилей М.С. Щепкина. Впоследствии памятники на могилах Мочаловых были приведены в порядок: их промыли, увенчали крестами, надписи на них вызолотили и всю могильную площадку Мочаловых обнесли железной оградой — прочной и довольно изящной, на которой укреплена доска: «Могила артиста П.С. Мочалова охраняется на средства Русского театрального общества».

Рядом — сиротливая, никем не охраняемая могила артиста и режиссера С.П. Соловьева, а неподалеку — могила даровитого автора водевилей Д.Т. Ленского. *57 «Лев Гурыч Синичкин», «Война с тещей», «Стряпчий под столом» и еще 40 водевилей.* Между их могилами расположилась ограда, принявшая в свое время артистов СВ. Васильева и Е.Н. Васильеву, Н.В. Лаврова… На пьедестале сделана надпись: «Сергей Васильевич Васильев, артист императорских театров, родился 7 сентября 1827 г., скончался 5 июня 1862 г.»; на пьедестале установлен и ангел с крестом, со временем все более принимающий положение Пизанской башни.

На средства Русского театрального общества охраняется и могила Д.М. Ленского, на которой установлена черная цилиндрическая колонна на мраморном фундаменте, венчающаяся крестом: «От друзей и почитателей таланта». На лицевой стороне колонны сделана надпись: «Дмитрий Тимофеевич Ленский, скончался 9 декабря 1860 г.», а ниже — следующие строки:

Об этот камень лишь ступилося перо,
Которым он писал не злобно, но остро.

На колонне укреплена эмблема — лира, свиток и сова, сгруппированные вокруг урны. Со временем эту эмблему тоже сбили, и могила стала приходить в запустение. Но потом памятник восстановили и поставили на нем массивный крест.

На кладбищенских задворках расположены могилы И.В. Самарина, В.И. Живокини, С.В. Шумского. Когда хоронили С.В. Шумского, траурный путь был покрыт цветами, а венки несли от разных обществ и учреждений — от студентов, присяжных поверенных, от артистов и университетов… За гробом шла многотысячная толпа, но потом венки и цветы завяли, и общий вид могил стал больше говорить об ее запустении и заброшенности, а не о памяти потомков…

До Октябрьской революции самыми привилегированными кладбищами Москвы являлись Новодевичье, Донское, Даниловское и Введенское, Ваганьковское же никогда не было чопорным и пышным. С самого начала своего существования оно прочно вошло в московский быт — и в смерть, и в жизнь, причем в наиболее разгульную часть этой жизни. Недаром Михаил Лазарев, организатор тотализатора, частенько приводил пушкинские слова: «И пусть у гробового входа // Младая будет жизнь играть…», намекая на соседство кладбища и ипподрома.

Другое характерное соседство Ваганькова — ресторан «Яр», и как-то раз «шутники» из шайки «Червонные валеты» устроили следующий розыгрыш:

Поутру на квартиру одного из «валетов» доставили дорогой гроб, покрывало и саван, чин чином отпели «покойного» и торжественно поволокли гроб на кладбище. А у «Яра», к изумлению прохожих, вдруг остановились, сняли гроб с катафалка и с музыкой внесли его в ресторан. Там «покойный» поднялся из гроба, скинул саван и, оставшись в модном костюме, потребовал шампанского за свое воскресение.

Против него, конечно же, возбудили дело, а подержанный гроб и «поношенный» саван за бесценок купил гробовщик, и на следующий день

во всем этом уже хоронили настоящего усопшего — некоего купца. И появилось еще одно дело — против родственников купца, позволивших такое неслыханное святотатство…

Такое вот лихое было Ваганьковское кладбище, и могильщики на нем, еще со времен В. Шекспира слывущие юмористами, были самыми веселыми — со своей жизнеутверждающей философией: «Семерых сегодня хоронил, двоих пить воду к колодцу водил, трех младенцев в рай отправил и склеп старой бабушке поправил».

Работники кладбища никогда не жаловались на бедность, как, наверное, и постоянно обитающие здесь нищие. Многие пытались нажиться на Ваганькове, и наживались. Дошли, например, до того, что свинтили бронзовые коньки с памятника фигуристке Л. Пахомовой, причем не в качестве сувенира, а как дорогостоящий цветной металл.

Поэт М. Дмитриев более 150 лет назад писал, что на Ваганькове

Добрые люди сошлись в ожиданьи весны воскресенья.
Тут я хотел бы лежать, под зеленой травой и под тенью!

А некоторые не дожидались своего часа и прибывали сюда сами. Так, например, в 1881 году «Московский телеграф» писал: «Сторож Ваганьковского кладбища, проходя по нему 1 мая, заметил неизвестную женщину, намеревавшуюся повеситься на могильном кресте. Женщина эта показала, что решилась на самоубийство вследствие бедности».

Через 13 дней после этого случая некий крестьянин, назвавший себя Михаилом Романовым, лег близ кладбища на рельсы перед поездом, но машинист его заметил и успел остановить состав. «Самоубийца» оказался мертвецки пьян и ничего не помнил…

В декабре 1925 года на Ваганьковском кладбище вырос небольшой «есенинский холмик». А через некоторое время, «на могиле Сережки, — как писал поэт Вадим Шершеневич, — нашли мертвую Галю (Бениславскую. — Н.И.). Она выстрелила в себя несколько раз, но револьвер дал осечки. Тогда она покончила с собой острым кинжалом. Рядом лежал револьвер, и в нем несколько патронов были с надбитыми капсюльниками». Галину Бениславскую похоронили рядом с Сергеем Есениным.

Круглый год утопает в живых цветах могила Владимира Высоцкого, у которой в день рождения и смерти певца и поэта устраиваются целые манифестации. Очередь к ней начинается чуть ли не от самой станции метро «Беговая».

Ваганькову обязан и известный альманах «Метрополь». Виктор Ерофеев, один из его создателей, впоследствии вспоминал: «Когда я снимал квартиру напротив Ваганьковского кладбища и каждый день в мои окна неслась похоронная музыка, мне пришла в голову веселая мысль устроить, по примеру московских художников… „бульдозерную“ выставку литературы».

«ИМПЕРИЯ СМЕРТИ» ПОД ПАРИЖЕМ

Старый Париж не сохранил до настоящего времени своих некрополей, хотя их на протяжении длинной истории города было довольно много. «Кладбищенский след» Парижа начинается только с XIX века, а

более древние захоронения исчезли. В античную эпоху все кладбища галльской Лютеции располагались по римскому обычаю за городом, прилегая к нему по большим дорогам на юге, севере и востоке. Этими тремя кладбищами местное население «довольствовалось» вплоть до XI века, а потом рост города потребовал увеличить отводимую для погребений территорию. Христиане стремились хоронить своих усопших поближе к храмам, и парижский магистрат стал постепенно открывать кладбища возле церквей. Самым известным некрополем средневекового Парижа было кладбище Инносан, занимавшее ту территорию, где в начале XX века располагался центральный рынок Парижа. Кладбище долгое время было не огорожено, и потому здесь собиралось много темного люда. Потом король Филипп (1165–1223) приказал огородить его и по ночам держать на запоре. Несмотря на небольшую территорию, это кладбище целых восемь столетий обслуживало 22 прихода, приютив в своих недрах добрую треть всего парижского населения.

Но так как уже в Средние века Париж был застроен довольно плотно и бесконечно расширять церковные кладбища стало невозможно, то в парижской кладбищенской практике выработался свой способ хранения человеческих останков. Кости усопших вынимали из старых могил и складывали в так называемых nharniers (от латинского слова «carnanum» — кладовая для мяса). Они представляли собой крытые галереи вдоль церковных стен, и в них плотными рядами (на высоту около 2 метров) лежали человеческие кости. Деревянный потолок галереи, покрытый более или менее искусной резьбой, предохранял их от дождя, но доступ воздуха был полный, и под его воздействием смертные останки превращались в прах. На это и намекала традиционная надпись над фронтоном таких nharnier: «Memento, homo, quia pulvis es et in pulverem revertens».

До XVIII века парижане мало заботились о гигиеничности грандиозного склада человеческих костей, покоившихся у всех на виду. Только в 1763 году власти решили вынести nharniers за пределы города, однако против этого выступили приходские священники, не желавшие лишаться источника доходов. Решение властей тогда не было выполнено, но через 15 лет произошел большой обвал земли, осевшей под тяжестью костей, нагроможденных в одной из галерей. Несколько домов рухнуло, вот тогда парижане и призадумались.

Как известно, вся юго-восточная часть Парижа расположена над древними каменоломнями, из которых со времен римского владычества брали строительный материал для сооружения домов и укреплений, возводившихся для защиты столицы от вражеских набегов. Значительную часть этих каменоломен решено было превратить в катакомбы, чтобы захоронить в них останки с упраздненных кладбищ и те, которые находили во время строительных работ. Еще в 1777 году в Париже была создана Генеральная инспекция по каменоломням, которая должна была изучить их расположение и укрепить пустоты. Лишь к 1785 году неторопливый дотоле Государственный совет наконец-то принял решение закрыть кладбища. В результате огромной работы была составлена генеральная схема парижских подземелий. Власти принялись за дело уже энергичнее, и более 20 парижских кладбищ было перенесено в загородные кварталы.

В конце XVIII века по Франции прокатилось несколько эпидемий чумы, болезнь косила людей тысячами, особенно бедняков. И тогда Учредительное собрание, чтобы избежать новых вспышек эпидемии, в 1791 году издало указ, согласно которому все внутренние кладбища Парижа предназначались на снос в течение 10 лет. С этого времени погребать в церковных оградах запрещалось. В апреле 1796 года архиепископ Парижа торжественно освятил каменоломни, и с тех пор они уже официально стали называться катакомбами. Потом более года сюда свозили скорбный груз со всех кладбищ Парижа и опускали его в подземелья через так называемый черный колодец.

В конце XIX века в катакомбы были перенесены останки еще с 30 парижских кладбищ. В бурные периоды французской истории сюда же сбрасывали жертв кровавых столкновений и трупы казненных. Здесь свое вечное упокоение нашли обезглавленные вожди Великой французской революции Ж.Ж. Дантон, М. Робеспьер и К. Демулен, а также великий ученый А.А. Лавуазье…

В парижские катакомбы ведут около 70 лестниц, но осмотр начинается с площади Denfert-Rochereau («Адские ворота»). В Средние века здесь стояли въездные ворота в город, и стража взимала с каждого входящего весьма изрядную мзду. Перед входом в камне выбиты слова: «Остановись! Здесь начинается империя смерти». И это действительно так: в подземельях под городом, в его многочисленных коридорах и ответвлениях от них, протянувшихся на 285 километров, покоятся останки более 6 000 000 парижан.

Вниз, на глубину 30 метров, спускаются по лестнице (ровно 120 ступенек), ведущей к очень узкому коридору, в котором с трудом могут разойтись два человека. И то в определенных местах! Стены этого коридора выложены камнем, а потолок — из природной скалы. По сторонам коридора часто встречаются темные боковые галереи, закрытые цепями. Через 10–15 минут ходьбы по этому коридору перед посетителями открывается небольшой зал, своды которого поддерживаются двумя колоннами. Отсюда и начинается вход в настоящие катакомбы, где покоятся кости усопших.

Катакомбы Парижа перерезаны многочисленными галереями и переходами, образующими настоящий лабиринт. И все стены этих бесконечных коридоров на высоту двух метров обложены человеческими костями. Два ряда черепов (один — посреди этой «облицовки» из костей, другой — в виде карниза) сплошной стеной «вьются» вдоль дороги. Многочисленные надписи обозначают те кладбища, с которых были перенесены останки, и те парижские улицы, где происходили народные столкновения, жертвы которых тоже погребены здесь.

Часто встречаются выложенные из костей кресты и каббалистические знаки. Темные тени носятся под неровным потолком, жмутся в его углах, а кругом — кости, ребра, черепа… Здесь воочию можно увидеть пращуров не в оставшихся после них творениях, а в останках их собственных тел. Здесь лежат кости коммунаров и версальцев, якобинцев и роялистов, сеньоров и рабов, галлов и римлян. Они думали и мечтали, спокойно жили или содрогались от страха; они были и прошли, и поток неудержимо несущейся жизни принес их сюда, превратив в «облицовку»

для подземных галерей. Черепа ста поколений смотрят на посетителей своими пустыми глазницами, и мистический ужас охватывает людей, идущих в гробовом молчании вдоль стен, выложенных человеческими останками. Глухо и гулко раздаются шаги в бесконечно переплетающихся галереях и скудно освещенных залах, исхоженных миллионами ног. Местами пол в них мокрый из-за просачивающихся грунтовых вод, проходящих неподалеку. В одном месте катакомб находится так называемый «фонтан Самаритянки», который бьет здесь на глубине 15 метров ниже среднего уровня воды в Сене.

На стене одной из галерей можно увидеть изображение крепости Мак-Магон, которая находится на Балеарских островах. Французы взяли эту крепость в 1757 году, и один из освобожденных узников, солдат по имени Декюр, поступил служить в здешний карьер. Привыкший за годы заключения к жизни в подземелье, он начал вытесывать в каменоломне подобие своей прежней крепости-тюрьмы и так увлекся этим делом, что просидел под землей еще 5 лет, но уже добровольно. Здесь он и погиб, задавленный обвалом….

Мифологическая традиция связывает парижские подземелья с катакомбами первых христиан. Настоящей сенсацией стал слух об открытии неким Дюбуа подземелий — таких длинных, что он шел по ним 7 часов, а потом наткнулся на подземный храм Осириса и Изиды. Его открытие якобы подтверждает старинные легенды о культе Изиды в древней Лютеции. По рассказам Дюбуа, «храм» Осириса был будто бы «круглой формы, в центре его поддерживали 18 мраморных аркад; тут же находился серебряный алтарь, украшенный двенадцатью золотыми статуями».

Парижские катакомбы опасны для праздных любопытных. Рассказывают, например, историю о Ф. Аспере, ключнике госпиталя Валь де Грае, обнаружившем в подвале железную дверь, а за ней — вход, который вел в одну из подземных галерей. Он пошел по ней, но, споткнувшись, разбил фонарь и оказался в полной темноте. И его скелет со связкой ключей нашли — совершенно случайно! — только через 11 лет, причем в 50 метрах от выхода, до которого он не смог доползти…

В 1938 году под площадью Denfert-Rochereau было сооружено бомбоубежище, но по своему прямому назначению оно не использовалось, так как немцы Париж не бомбили. Лишь в августе 1944 года бойцы французского Сопротивления устроили в нем свой штаб: оборудовали небольшие кабинеты и спальни и установили маленькую электростанцию. Здесь они прятались от немецких патрулей, отсюда совершали дерзкие набеги на немецкие комендатуры, здесь же укрывали раненых и тех, кого фашисты намеревались отправить в концлагеря. *58 Все галереи, ведущие в бывшее бомбоубежище, сейчас замурованы. В нем находится научный центр, где ведутся исследования, требующие подземных условий.*

В послевоенные годы катакомбы не раз использовались молодежью, которая устраивала в них концерты андеграунда. Проводились здесь и нелегальные мероприятия, а также в запутанных лабиринтах подземелий прятались гангстеры и наркоманы. Одна из легенд гласит, что в центре огромного подземелья был склад винных бочек и продуктов знаменитого парижского бара «Ле Гелер». Хозяин его, узнав об измене жены, в

бешенстве поджег его, и все сгорело: остались лишь закопченные стены, которые можно увидеть и сегодня. А еще будто бы сохранились две стеклянные бутылки с ароматным напитком, уцелевшие от пожара и последующего разграбления. По преданию, нашедший их будет богат и счастлив…

ПАРИЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ

Название кладбища Пер-Лашез произошло от имени иезуита Лашеза — духовника короля Людовика XIV. Патер Лашез никогда не был собственником земли, на которой теперь располагается это самое пышное кладбище Парижа. Но некогда ему принадлежал загородный дом, окруженный огромным садом и располагавшийся как раз на месте нынешней кладбищенской часовни. После патера Лашеза его дом перешел могущественному Ордену иезуитов и оставался в его владении до 1763 года, когда иезуитов изгнали из Франции. После этого дом несколько раз менял своих хозяев, а в 1804 году он был куплен городом. Когда в начале XIX века у властей зародилась мысль об открытии нового кладбища, то в первую очередь остановились на наследии отца Лашеза. С тех пор ограда Мон-Луи (так назывался дом патера Лашеза) значительно расширилась, и теперь кладбище занимает площадь почти в 50 гектаров.

Кладбище Пер-Лашез было открыто 1 прериаля двенадцатого года Республики (21 мая 1804 года). Оно служило местом погребения для усопших жителей северных кварталов Парижа, то есть для всего правого берега Сены. Но купить на нем место для погребения мог каждый, а в высшем обществе почти вошло в моду заранее делать распоряжения о погребении именно на кладбище Пер-Лашез.

В Париже места для погребения разделялись на вечные, временные, условные и бесплатные (последние только за городом). На внутренних кладбищах места продавались только в вечную собственность, а на загородных — на 30лет. В вечную собственность место для погребения могли приобрести только жители Парижа, желавшие основать фамильный склеп.

Длительную сохранность могилы могли позволить себе лишь люди с достатком. Бедняки погребались во временной могиле, которая приобреталась на определенный срок, а по истечении его на могильном холмике появлялась дощечка с другим именем. И таким образом, временно похороненный бедняк, уходя в землю, в прямом смысле слова исчезал с ее лица вместе с надгробной надписью о себе.

Кладбище Пер-Лашез раскинулось по склонам высокого холма, с вершины которого открывается обширный вид на Париж. Пер-Лашез — самое богатое и интересное кладбище французской столицы, в нем нет ничего унылого и тоскливого, кроме северо-восточной стены, где в конце мая разыгрался последний акт Коммуны 1871 года. Сюда версальские войска под командованием генерала Галифе загнали последних коммунаров, и 28 мая на этом месте были в упор расстреляны несколько тысяч человек. По традиции возле стены Коммунаров, изнутри украшенной красными венками, а снаружи — символическим барельефом, ежегодно 1 мая проводились социалистические манифестации. Этот замечательный барельеф создал скульптор Моро-Вотье, запечатлевший на нем расправу версальцев с коммунарами. На барельефе — трагическая и вдохновенная

скульптура женщины, сродни «Марсельезе» скульптора Франсуа Рюда.

Среди многочисленных монументов на Пер-Лашез выделяется часовня, монументальный вход в которую украшен замечательным барельефом «Aux morts de la Commune. 21–28 mai 1871» (Погибшим коммунарам), посвященным всем усопшим и изображающим сошествие в могилу.

Простреленное, опаленное порохом знамя Коммуны впоследствии было на вечное хранение перенесено в Мавзолей. Тогда по Красной площади Москвы впереди колонны старых и седых людей шел Поль Камелина — последний коммунар, по сторонам от него шагали Клара Цеткин и Феликс Кон, и ветер шевелил старое знамя, когда-то развевавшееся на парижских баррикадах.

На кладбищенских воротах есть надписи: с одной стороны — «Я знаю, что мой избавитель живет и что я воскресну в день последнего суда», на другой — «Их надежда полна бессмертия. Кто верует в Меня, тот оживет, хотя бы был мертв».

На кладбище Пер-Лашез похоронены многие герои французского Сопротивления. Луи Торез (брат Мориса Тореза — деятеля французского и международного коммунистического движения), расстрелянный в августе 1942 года; Поль Семар, отважный руководитель фракции железнодорожников, расстрелянный в марте 1942 года; 17-летний вожак парижской молодежи Ги Моле — один из 27 заложников, расстрелянных немцами 22 октября 1941 года в одном из страшных концлагерей… Памятник героям Равенсбрюка представляет собой две могучие заломленные руки, взметнувшиеся в небо. На Пер-Лашез похоронен и полковник Фабьен (Пьер Жорж) — легендарный герой Сопротивления, павший в борьбе за свободу, как и молодой Сент-Жюст, на самой заре жизни. Полковнику Фабьену было всего 24 года, на могиле выбит его девиз: «Победить и жить!» Памятник жертвам Маутхаузена, сооруженный из серого гранита, представляет собой уходящую ввысь лестницу. На ней изображен треугольник, опознавательный знак узников этого лагеря, и выбита надпись: «Помните о них!».

На Пер-Лашез покоится и прекрасный поэт Поль Элюар — певец французского Сопротивления. Неподалеку от него похоронен писатель Анри Барбюс, умерший в 1935 году в Москве. Обелиск на его могиле сделан из розового мрамора, присланного с Урала.

Самым лучшим на кладбище Пер-Лашез считается памятник Пьеру Абеляру и его возлюбленной Элоизе Он был ученым богословом и женился на своей ученице, но ревнивые родственники девушки обезобразили П. Абеляра и развели его с ней. Позже ученый основал Параклетское аббатство, там приказал изготовить себе саркофаг, украшенный собственным изображением и изображением Элоизы. Этот саркофаг долгое время хранился в музее Младших августинцев, а в 1817 году его перенесли на кладбище Пер-Лашез. Здесь его поместили под высоким готическим балдахином, сооруженным из остатков Па-раклетского аббатства и украшенным медальонами обоих супругов. Балдахин прикрывает статуи Пьера и Элоизы, которые считаются покровителями несчастных влюбленных, и потому их гробница часто украшается венками и цветами.

На Пер-Лашез похоронен Николай Владимирович Ханыков — выдающийся русский ученый-востоковед, проживавший во Франции. Его авторитет был бесспорным по целому ряду вопросов, однако многие труды этого талантливого и трудолюбивого исследователя до сих пор не переведены на русский язык. Немало солидных научных обществ Европы и Северной Америки числили Н.В. Ханыкова своим почетным членом, и только императорская Российская академия наук «не сочла возможным» избрать его в академики. А ведь он был гордостью мировой ориенталистики, но на родине не нашел места, которого заслуживал.

НА МОНМАРТРСКОМ ХОЛМЕ

История Парижа тесно связана с холмом Монмартр, возвышающимся на 100 метров над уровнем Сены и царящим над французской столицей. Есть два Монмартра: один — это площадь Пигаль и улица Мартир, Монмартр ночной с его красными фонарями и увеселительными заведениями. И Монмартр исторический — со старинной церковью святого Петра, кладбищем Кальвэр, площадью Тертр на вершине холма, представляющей собой, собственно, и не площадь, а небольшой сквер, территорию которого заполняют деревья и столики с зонтиками над ними. Когда-то на Монмартрском холме жили многие великие художники — Ван Гог, М. Утрилло, А. Марке, П. Пикассо и другие, а также знаменитые писатели и поэты — Поль Элюар, Мак Орлан и т. д. Художники организовали общину, которая называлась «Свободная коммуна Монмартра», встречались в дешевых ресторанчиках и кафе, спорили за кружкой пива или чашечкой кофе, иногда устраивали выставки своих работ, расставляя холсты тут же — у стен домов или под деревьями.

В течение долгих столетий Монмартр был занят виноградниками, ветряными мельницами и крестьянскими домиками и многих привлекал своим чистым воздухом. Однако здесь собирались и религиозно настроенные люди, так как неподалеку от нынешней площади Тертр высился храм Марса, а западнее, ближе к городу, — храм Меркурия. В начале III века из Афин пришел сюда проповедовать святой Дионисий со своими последователями и учениками. Однако близкое соседство христиан не понравилось служителям культов Марса и Меркурия, святой Дионисий был схвачен вождем галлов Ферсением Сигиеном и за отказ поклониться языческим богам обезглавлен около одного из родников, которыми когда-то изобиловал Монмартр. Существует легенда, согласно которой мученик взял свою окровавленную голову и вымыл ее в ручье…

По одной версии название холма составилось из слияния двух слов — Mons Martis и Mons Mercuri. По другой версии, которая считается более правдоподобной, слово «Монмартр» произошло от Mons Martyrum, Marte, Martre (лобное место), недаром здесь до сих пор существует улица Мучеников.

Множество богомольцев стекалось к Монмартру, и в конце XII века из остатков храмов Марса и Меркурия были выстроены часовня Мучеников и церковь святого Петра, являющаяся самой старой в Париже. Но еще в 1133 году большую часть Монмартрского холма занял бенедиктинский монастырь, основанный королевой Аделаидой — супругой короля Людовика VI. Аббатство за время своего существования знало процветание

и богатство, нищету и оскудение. В тяжелые годы, чтобы не умереть с голоду, монашки спускались с Монмартрского холма и искали помощи у своих более состоятельных парижских сестер.

В XVI веке на Монмартре была открыта подземная церковь с грубым каменным алтарем, на котором обнаружили вырезанный византийский крест. Духовенство и народная молва сразу же приписали эту церковь святому Дионисию, а в 1534 году Игнатий Лойола с шестью учениками служил здесь мессу, после которой и был основан Орден иезуитов. Его влиянию монастырь был обязан своим процветанием: при иезуитах три огромные и богатые церкви и целый городок, окруженный крепостными стенами, увенчали Монмартрскую гору.

Но в 1790 году аббатство в очередной раз впало в нищету, лишившись всех своих доходов. Послушницы в ту суровую революционную зиму голодали, впрочем как и все парижане. В довершение бедствий в начале августа им приказали очистить жилые помещения монастыря. 16 августа секционеры Монмартра, к тому времени переименованного в Монмарат, *59 В память о деятеле революции Марате и тех днях, когда он в самом начале своей карьеры (зимой 1789) искал в его каменоломнях убежище.* нашли монастырь пустым. Монахини разбежались, имущество аббатства было продано за гроши, золото и серебро свезено на монетный двор. Настоятельница монастыря нашла себе убежище в Шато-Бонди, но оно оказалось ненадежным. Местные крестьяне выдали ее, и 6 термидора глухая и слепая женщина предстала перед революционным трибуналом. Прочитать предъявленные документы, на основании которых против нее были выдвинуты обвинения, она не могла, так же как и отвечать на вопросы, которых не слышала. Но «за глухую и слепую конспирацию против революции» старую женщину осудили на смертную казнь, и 8 термидора последняя настоятельница монастыря поднялась на эшафот.

Кладбище Кальвэр, открытое рядом с величественным собором Сакре-Кер в 1831 году трудами монахинь Ордена Нотр-Дам de Calvane, располагалось в церковной ограде. В 1837 году к его территории присоединили еще почти такой же участок, но через 20 лет отобрали назад — для нужд города, и, таким образом, несколько парижских улиц проложены в буквальном смысле на человеческих костях. Новые погребения из-за тесноты территории не производятся уже с XIX века, поэтому носят скорее музейный характер.

Монмартрское кладбище прорезает высокий виадук, с которого можно увидеть общий характер местности и охватить взглядом прихотливо разбросанную «усыпальницу опальных и изгнанных». Так назвал это северное кладбище Парижа, полное элегического настроения, немецкий поэт Генрих Гейне, нашедший себе здесь последний приют после бурной жизни.

О существовании кладбища Кальвэр сейчас знают немногие. Могилы заросли травой, надгробные надписи стерлись, и уже трудно прочитать, кто покоится под темными плитами. Осталось на этом кладбище около 30 могильных памятников, да и то часть из них упала или покосилась, в траве лежат обломки крестов; дорожки, по которым давно уже никто не ходит, заросли, и нога тонет в траве, как в мягком ковре. Раз в год приходят сюда монахи служить заупокойную литургию, а потом

кладбищенские ворота снова закрываются.

А могилы здесь были удивительные. Вот, например, склеп семейства Дебрэй, на верхушке которого вместо креста установлена маленькая чугунная мельница. В склепе покоится целое поколение владельцев мельницы, которая вошла в историю Монмартра под названием «Мулен де ля Галет». В начале XIX века на холме можно еще было найти большие сады, виноградники и ветряные мельницы. В воскресные дни, если они выдавались теплыми и солнечными, парижане группами отправлялись «наверх» — завтракать на траве или в тени деревьев. В старой мельнице Дебрэя за небольшую плату можно было получить хлеб и кружку парного молока. Мельничиха была приветливой женщиной, а старик Дебрэй — веселым и гостеприимным хозяином, и постепенно в их саду стала собираться молодежь, любившая повеселиться и потанцевать. Дела семейства процветали, и предприимчивый мельник открыл на своей мельнице танцевальный зал. Вместо молока стали продавать вино из местного винограда; маленькие булочки, которые когда-то так ловко выпекала хозяйка, исчезли, и вместо них появились пирожные. Домашняя скрипка сменилась оркестром, и по вечерам пол старой мельницы сотрясался под каблуками отплясывавшей молодежи… *60 «Мулен де ля Галет» просуществовала до 1925 года. Сейчас на ее месте выстроены уже настоящий танцевальный зал и новая, декоративная мельница.*

На семейном склепе Дебрэй высечена надпись:

Пьер-Шарль Дебрэй

Собственник мельницы на Монмартре.

Скончался 30 марта 1814 г., убитый противником на верхушке своей мельницы.

В этот день русский корпус генерала Ланжерона штурмовал Монмартр, на вершине которого было установлено 9 орудий. Во время штурма погибли три брата Дебрэй, но старший Дебрэй и его сын, уже получившие приказ прекратить огонь, встретили русских у ворот своей мельницы картечью. В мгновение ока пушки были взяты, и командир русского отряда потребовал выдать того, кто приказал открыть огонь. Пьер-Шарль Дебрэй вышел вперед и в упор выстрелил в офицера, но тут же был изрублен, и части его тела привязали к крыльям мельницы. Ночью вдова сняла останки мужа и тайно похоронила их на кладбище Кальвэр…

Неподалеку от склепа семейства Дебрэй находится могила Ф. Денорма — первого мэра Монмартра, избранного в страшный 1790 год.

В самом дальнем углу кладбища Кальвэр лежат две могильные плиты, на которых дожди и ветры стерли надгробные надписи. Но на одной из них все еще можно кое-как прочитать:

Николай Сергеевичъ Свечинъ

Генерал отъ Инфантерии родился…

Н.С. Свечина любили при дворе, хотя он мог прекословить самому императору Павлу I. А будущий император Александр I в письмах обращался к генералу не иначе как к своему «милому другу». Н.С. Свечин был назначен комендантом дворца и военным губернатором Санкт-Петербурга, и карьера для него открывалась блестящая. Но в столице уже носились неясные слухи о готовящемся дворцовом перевороте, и губернатор не мог не знать о них. Наверное, поэтому он и не

был удивлен, когда в самый день назначения к нему явились с таинственным предложением встать на сторону заговорщиков, завладеть дворцом и объявить императора Павла I низложенным. Н.С. Свечин отказался…

Через несколько дней предложение вновь было повторено, но и на этот раз со стороны генерала последовал решительный отказ. Однако партия заговорщиков оказалась сильнее военного губернатора, и вскоре он узнал о своем смещении. Ночь покушения на Павла I навсегда погубила карьеру Н.С. Свечина: придворные сразу же стали к нему враждебны, и «милый друг» цесаревича сделался неудобным свидетелем.

Он пытался уединиться в деревне. Но к тому времени жена его перешла в католичество, и новая вера супруги заставила Н.С. Свечина покинуть Россию. За границей жизнь их довольно быстро наладилась: у СП. Свечиной был в Париже свой салон, как когда-то в Санкт-Петербурге, и она устраивала приемы. При доме выстроили капеллу, в которой Софья Петровна по утрам молилась, а потом отправлялась в церковь святого Франциска Ассизского. Салоны, церковь, молитвы, посещение бедных и госпиталей… Время текло быстро, и незаметно подступили старость и болезни. Н.С. Свечину было уже за 90 лет, но он еще держался бодро и прямо. По вечерам выходил в салон, разговаривал с гостями о политике и ругал деятелей 1848 года. Умер он неожиданно — за чтением утренней газеты — от апоплексического удара. Скончался русский генерал православным, и потому с большим трудом удалось выхлопотать разрешение похоронить его на католическом кладбище Кальвэр.

На главной аллее кладбища над могилой жертв переворота 1852 года возвышается колонна, справа от нее — памятник писателю Эмилю Золя. *61 Прах писателя в июле 1908 года перенесли в Пантеон.* В еврейской части некрополя установлены мраморная колонна на могиле художника Деляроша, памятники Т. Готье со статуей Поэзии, композитору Г. Берлиозу, графам Потоцким, Э. Ренану, А. Дюма-сыну, Г. Гейне…

По аллее Тройон на могиле артиста Рувьера стоит статуя Гамлета; ниже — памятники композитору Ж. Оффенбаху, социалисту-утописту Ш. Фурье, писателям братьям Гонкурам, А. де Виньи. Имеются на кладбище Кальвэр памятники и русским, например, прекрасная часовня княгини Салтыковой и монумент графу Муравьеву-Амурскому — завоевателю Амурского края.

МОНПАРНАС

Монпарнасское кладбище, открытое в 1827 году, расположено на ровном месте, геометрически наиболее расчерчено и поэтому ориентироваться на нем легче, чем на других кладбищах французской столицы. Слова Генриха Гейне о Монмартре применимы и к некрополю Монпарнаса, особенно к той его части, где долгое время погребали политических изгнанников.

Если на кладбище Пер-Лашез на каждом шагу встречаются могилы французских государственных деятелей, на Монмартре — имена литераторов, то надгробия Монпарнаса познакомят вас с длинным рядом имен представителей науки и клира, хотя духовенство очень часто погребалось и в общих могилах. Теперь эти могилы сохраняют для потомства только имена почивших (без фамилий), объединенных одним

словом: «De Profundis».

Историки и знатоки Монпарнаса утверждают, что с тех пор, как в центре квартала разместилось это южное кладбище Парижа, веселья на соседних улицах заметно убавилось. К кладбищу прилегает улица Гетэ, что в переводе и означает «веселье», одно время улица так и называлась — «Радостная». Когда-то здесь находилась застава, разделяющая Париж и прилегающую к нему с юга деревушку Кламар. К этой деревеньке, как и к подобным ей у других парижских застав, вплотную подходили многочисленные винные лавочки и кабачки. Вино, не обложенное парижским налогом, было в них намного дешевле, и сюда часто забредали столичные жители. К этим веселым заведениям льнули и другие: театры, кабаре, балаганы и танцульки «генгет», которых тут было множество. Естественно, кладбище омрачило веселье, приняв на вечное жительство многих удалых завсегдатаев этого парижского холма. Впрочем, улица Гетэ не окончательно утратила свое веселье и после открытия кладбища. Не пожелал расстаться с Монпарнасом поэт Шарль Бодлер, который в пику любителям странствий даже хотел повесить недалеко от своего дома вывеску: «Отсюда не уходят».

В западной части кладбища разместилась старинная деревенская мельница, выстроенная чуть ли не в XIV веке. Когда-то вокруг нее размещались три крестьянские фермы и луга, по которым любил гулять Вольтер. Первые захоронения у края поля произвели монахи городского монастыря святого Иоанна, но только в 1824 году префект Парижа купил 10 гектаров для кладбища, которое предназначалось для захоронений загородных жителей. Впоследствии территория Монпарнасского кладбища была расширена до 18 гектаров, но до сих пор оно остается самым маленьким во французской столице.

Архитектурой своих каменных надгробий Монпарнасское кладбище не может соперничать с другими парижскими некрополями, однако и здесь есть примечательные могилы, всем известные имена и незаурядные скульптуры. К их числу относится и знаменитая скульптура «Поцелуй» кубиста Константина Бранкузи. Французские путеводители рассказывают о ней мимоходом, но русский паломник, разглядев на камне надпись «Танюша», сразу же ощутит витающий над могилой горький аромат любовной трагедии.

…Эта история случилась на довоенном Монпарнасе. Юная русская студентка Таня Рашевская безоглядно влюбилась в молодого врача-румына, но любовь была безответной, и девушка покончила с собой. Растроганный этой драмой скульптор К. Бранкузи, земляк доктора, отдал для установки на могиле свою только что завершенную статую «Поцелуй», увековечив любовную трагедию, каких много было на Монпарнасе. Неподалеку от старинной мельницы можно увидеть более традиционную, но не менее трогательную скульптурную группу «Разлучение влюбленных». Раньше эта группа стояла в Люксембургском саду, но потом парижская мэрия почему-то нашла ее нескромной, и скульптуру перенесли подальше с глаз — в кладбищенские заросли Монпарнаса. Сам скульптор К. Бранкузи, большой друг художника Амедео Модильяни, тоже похоронен на этом кладбище — напротив могил композитора Камиля Сен-Санса и молодой актрисы Джин Себерг,

62 Снималась в фильме Жана Люка Годара «На последнем дыхании». погибшей при таинственных обстоятельствах.

На Монпарнасском кладбище похоронен и другой известный скульптор — Ф.-А. Бартольди, автор знаменитой нью-йоркской статуи Свободы и «Больфорского льва». Недалеко от места его захоронения можно увидеть могилу полковника Альфреда Дрейфуса, судебный процесс против которого когда-то всколыхнул всю Францию и поделил французское общество на два лагеря.

На надгробных камнях этого некрополя можно прочитать немало известных имен. Вот, например, могила Пьера Лаваля — главы коллаборационистского правительства Виши в 1942–1944 годах. В 1945 году он был осужден, а затем расстрелян в тюрьме Френь. Неподалеку от него покоятся известный философ и писатель Жан Поль Сартр и его жена — писательница Симона. На Монпарнасском кладбище погребен и философ-анархист Прудон, заявлявший, что собственность — это кража.

Из творческих людей здесь упокоились писатель Ги де Мопассан и поэт Шарль Бодлер, сюрреалисты Робер Деснос и Тристан Тиара, скульптор Э.А. Бурдель, уже упоминавшийся выше композитор К. Сен-Сане, шахматный гений России и Франции Александр Алехин и многие другие В их числе и создатель универмага «Бон марше» Букико, и основатель русского ресторана «Доминик» Аронсон, более известный в Париже как «месье Доминик».

Монпарнасское кладбище помнит шумные похоронные процессии, например, похороны в 1908 году русского революционера-террориста Григория Гершуни — одного из организаторов и лидеров партии эсеров, главы Боевой организации. Он был в 1904 году осужден на смертную казнь, потом помилован, бежал из Сибири в Париж, где прожил всего два года. Неподалеку от него покоится и другой русский революционер — Петр Лавров, один из членов организации «Земля и воля». Он бежал из вологодской ссылки в Париж, где принял участие в боях Парижской коммуны, потом был парижским представителем «Народной воли» и скончался во французской столице в 1900 году.

В 1926 году Монпарнасское кладбище увидело большое стечение украинцев и русских во время похорон Симона Петлюры — бывшего главы украинского демократического правительства и национальной армии. Он был убит средь белого дня таинственным террористом, которого суд оправдал, и тот мгновенно сгинул без следа.

На русском участке Монпарнасского кладбища можно увидеть и могилу князя Ивана Гагарина — секретаря русского посольства в Париже. В 1842 году он перешел в католичество и вступил в Орден иезуитов, но деятельность князя была вполне плодотворной: он основал Славянскую библиотеку в Париже и богословский журнал, первым издал «Философические письма» П.А. Чаадаева, первым оценил стихи своего друга Федора Ивановича Тютчева и способствовал их публикации…

Под православным крестом из красного гранита покоится художник Иван Пуни, родившийся неподалеку от Петербурга. Вместе с Казимиром Малевичем он подписал знаменитый «Манифест супрематизма», а потом больше 30 лет прожил в Париже. Неподалеку от него погребен художник Хаим Сутин, выходец из Белоруссии, но ставший очень известным во

Франции, где его называли «французским Рембрандтом». Этот странный и несчастный человек перед самой войной вдруг стал очень богат и известен, в войну прятался в Париже, боялся выходить на улицу и умер в 1943 году…

Выходцы из России составляют, конечно, лишь небольшую часть «населяющих» Монпарнасское кладбище знаменитостей. Среди них и выдающийся математик Анри Пункаре, и физик Румкорф, и политик Поль Рейно, и музыкант Цезарь Франк, и Шарль Гарнье — архитектор Парижской Оперы… В тиши кладбища спряталась и могила до сих пор любимого парижанами певца, композитора и поэта Сержа Гэн-сбура (Люсьена Гинзбурга)…

МАВЗОЛЕИ В ШАРЛОТТЕНБУРГЕ

У Бранденбургских ворот, прорезая с востока на запад весь Тиргартен, начинается шоссе, которое ведет в Шарлоттенбург. Своим возникновением этот пригород Берлина обязан Софии-Шарлотте — супруге короля Фридриха I. В 1705 году по соседству с деревушкой Литцон она основала свою летнюю резиденцию, которую впоследствии и назвали Шарлоттенбургом. В административном отношении разросшийся со временем городок был совершенно самостоятелен, но уже на рубеже XIX–XX веков он почти слился с Берлином, развив в себе столичную роскошь.

Обилие цветов и зелени в Шарлоттенбурге было еще изумительней, чем в самой немецкой столице. Сначала глаз не может наглядеться на обилие зелени, на гирлянды дикого винограда и плюща; потом начинаешь утомляться от прекрасной архитектуры улиц, за которыми следуют другие, такие же прекрасные улицы и площади. На одну из таких площадей выходит своим главным фасадом замок Шарлоттенбург, в парке которого находится мавзолей — главная местная достопримечательность.

Королевский замок был возведен архитектором Шлютером в 1695–1696 годах, а через десять лет он был расширен архитектором Э. фон Гетэ. Сам же мавзолей был построен в 1810 году по планам Шинкеля, а в конце XIX века был расширен. Приютившись в самой глубине парка, он по своему внешнему виду не представляет ничего выдающегося, как будто специально построен таким незначительным, чтобы лучше укрыться в мирной тишине зарослей, В склепе мавзолея покоятся останки большинства членов правившей в Германии династии, умерших в XIX веке: королевы Луизы, короля Фридриха-Вильгельма III, принца Альбрехта, императора Вильгельма I и др.

Прусский король Фридрих-Вильгельм принадлежал к числу тех монархов, кто царствовал для блага своего народа и отечества. Судьба подвергла его самым тяжким испытаниям, в которых он показал всю силу души, все величие ума своего, редкую твердость характера во времена бедственные и завидную скромность при победах.

Будучи еще юношей, он совершил в 1792 году кампанию против французов, находился с армией при взятии Франкфурта, при осаде Майнца, при блокаде Ландау; сам командовал отдельным отрядом, с которым несколько раз одерживал победы над французами. Тогда Фридриху-Вильгельму было всего 22 года, но он удивлял самых опытных генералов своей неустрашимой храбростью и дельными советами.

В декабре 1793 года он сочетался браком с принцессой Луизой Мекленбург-Стрелицкой, но не расчеты политиков устроили этот брак. Красота, ум и добродетели принцессы покорили Фридриха-Вильгельма, и он не ошибся. Пруссия долго помнила ангельскую доброту, ум и благотворительность будущей королевы.

Вступив на престол в ноябре 1797года, молодой король вместе с супругой уже следующей весной отправился осматривать важнейшие города и земли своего государства, чтобы лично увидеть их положение. Так принял он бразды правления, и народ с надеждой обращал на своего короля взоры, зная уже о доброте его характера, обширности ума и силе воли. Возвратившись из путешествия, 27-летний король произвел ряд полезных преобразований, например, уничтожил постановление 1788 года, касавшееся вероисповедания граждан, а также упразднил табачный откуп, дававший много поводов ко всяким злоупотреблениям.

После вступления на престол Фридрих-Вильгельм III нашел государственную казну истощенной, промышленность была почти уничтожена, государственные доходы собирались нерегулярно, армия почти не знала дисциплины и тоже не всегда исправно получала жалованье. В июле 1810 года скончалась королева Луиза, и вся Пруссия оплакивала ее как родную мать. Горю короля не было предела, но дела государственные потребовали от него сосредоточения всей его воли. После водворения мира и спокойствия в Европе после низложения Наполеона король занялся гражданским устройством своей державы, и вскоре развитием торговли и промышленности были залечены раны, нанесенные государству беспрерывными войнами. Фридрих-Вильгепьм III покровительствовал ученым, поощрял их деятельность, уважая их труды и ученость.

Беспрерывные труды и забота о благе государства подточили здоровье Фридриха-Вильгельма III: 7июня 1818года по всей Пруссии распространилось горестное известие о его смерти, и вся страна погрузилась в траур. Окна берлинских магазинов наполнились траурным крепом, черными шляпками, платками, перчатками, зонтиками, лентами… В день погребения множество жителей Берлина, Потсдама и окрестностей собрались около Соборной церкви, чтобы проститься с усопшим монархом. С обеих сторон помоста, по которому должна была идти траурная процессия, в несколько линий были выстроены гвардейские батальоны. Исполняя волю покойного, Фридриха-Вильгельма III перевезли в Шарлоттенбург и погребли рядом с покойной супругой его.

Посетителей вводят прямо в капеллу мавзолея, в которой в эффектном голубом освещении возвышается мраморная статуя ангела (работа Энке). В правом переднем углу капеллы — канделябр с тремя парками (работа Рауха), левый канделябр с горами принадлежит работе Тика, а Распятие в алтарной части выполнил мастер Ахтерман из Рима. Но главную достопримечательность мавзолея составляют два саркофага работы Рауха с лежащими на них фигурами короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. Другие два саркофага (работы Энке) посвящены императору Вильгельму I и императрице Августе.

КЛАДБИЩА РИМА

Крупнейшим кладбищем итальянской столицы является Верано, расположенное в черте города. Основано оно было в начале XIX века, а начало ему положил наполеоновский указ администрации Рима о запрещении по санитарным соображениям хоронить умерших в городских церквах. Однако указ Наполеона исполнялся очень медленно, так как римляне не желали отказываться от традиционных погребений в церквах. В 1817 году папа Пий VII подтвердил силу наполеоновского указа, но только в 1835 году, после освящения кладбища римским викарием — кардиналом Карло Одескольки, захоронения на нем стали совершаться более-менее регулярно. С середины века на Верано стали появляться могилы и благородных римлян.

В 1852–1859 годы на кладбище построили церковь во имя Святой Марии делла Мизерикардия, колоннаду Куадрипор-тико и главные ворота, а чуть позже — две капеллы и групповые склепы в старой зоне кладбища. По проекту 1872 года Verano разбили на части, и планировка эта сохраняется до нашего времени. Кладбище это католическое, но с середины XIX века на специально выделенных участках разрешили хоронить и некатоликов. После Второй мировой войны захоронение некатоликов в семейных итальянских могилах было разрешено на всей территории кладбища.

Территория Верано занимает площадь более 80 гектаров, но некатолические захоронения на нем сосредоточены на двух небольших участках — евангелическом и для иностранцев. Всего же на кладбище насчитывается до 1000 участков, и на некоторых из них встречаются могилы выходцев из России. А на одном из участков был похоронен князь Александр Никитович Волконский — сын известной княгини Зинаиды Алексеевны Волконской, умерший в Италии в 1878 году, но могилу его обнаружить не удалось. По некоторым сведениям (возможно, не совсем точным), могила его была разрушена во время бомбардировки Рима в 1943 году авиацией союзников. *63 В компьютерной картотеке кладбища имя князя А.Н. Волконского не значится.*

Несколько человек похоронено в безымянной русской могиле, и в их числе — артист-импровизатор Юрий Барсук. На его плите сделана надпись: «Незабвенному Юрочке осиротевшая мама».

Значительную территорию занимают еврейские захоронения. Армянские могилы (захоронения 1920—1940-х годов) размещаются на старом участке кладбища, где погребали многих выходцев из турецкой Армении. Несколько армянских могил обнаружено и в других частях кладбища, но большинство могильных плит сейчас находятся в плохом состоянии.

Римское кладбище Тестаччо считается одним из самых красивых в мире: художественные надгробия, античная стена, пирамида Цестия, напоминающая о заупокойном культе древних египтян, благородные кипарисы и пинии, прекрасные цветы — все образует необычайно выразительный архитектурный ансамбль. Меланхолическое очарование этого кладбища усиливается тишиной и покоем, которые так несвойственны вечно бурлящему Риму.

Тестаччо — одно из первых в Европе кладбищ современного типа, то есть не средневековое — при церкви, а расположенное на городской

окраине. Свое название оно получило от городского района Testaccio (двадцатого — в соответствии с современным административным делением итальянской столицы). А сам район назван по главной своей достопримечательности — искусственному холму Monte Testaccio, высота которого равняется 52 метрам. Топоним «Тестаччо» одни ученые возводят к латинскому слову «testa» (глиняная ваза), другие — к «testula» (черепок). И археологические раскопки свидетельствуют, что холм этот действительно вырос из колоссального количества битых амфор. В древние времена в этих амфорах доставляли в городской порт вино и оливковое масло, а потом за ненадобностью «тару» выбрасывали. Но амфора вошла даже в эмблему района, и этот «восьмой холм Рима» неофициально называют еще «Черепичной горой». Современные римляне часто именуют этот район вообще по-другому — «У пирамиды» — по единственной в городе античной пирамиде, сооруженной в 12 году до н. э. для семейного склепа претора и трибуна Гая Цестия.

Тестаччо расположилось на южной окраине района — у Аврелиевой стены, которая являлась границей античного Рима, поэтому о нем еще упоминается как о кладбище святого Павла у Аврелиевой стены или как о кладбище у ворот святого Павла. С западной стороны его проходит улица Nicola Zabaglia, которая отделяет Тестаччо от военного кладбища солдат Британского содружества, павших при освобождении Рима в годы Второй мировой войны.

На Тестаччо нашли свой последний приют люди из разных стран, объединенные любовью к берегам Тибра и судьбой, которая уготовила им провести свои последние годы под небом Италии. Здесь похоронены англичане, немцы, шотландцы, шведы, швейцарцы, американцы и представители других «некатолических» наций (всего более 4000 человек). Среди них почти 1000 выходцев из России (художник Карл Брюллов, поэт В. Иванов, князь Ф. Ф. Юсупов, представители русских аристократических фамилий — князья Барятинские, Волконские, Гагарины, Голицыны, Трубецкие, Щербатовы; графы Мусины-Пушкины, Соллогубы, Строгановы, Шереметевы… Здесь же упокоились и менее известные или вовсе забытые россияне — скромные паломники и безвестные путешественники, священнослужители Русской православной церкви святителя Николая Мирликийского и, конечно, эмигранты…

МОГИЛА М.И. КУТУЗОВА В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

После 11-дневной болезни 16 апреля 1813 года в городе Бунцлау скончался фельдмаршал М.И. Кутузов. Тело прославленного полководца набальзамировали и поместили в цинковый гроб, с левой стороны от головы поставили небольшой сосуд, в котором находилось забальзамированное сердце М.И. Кутузова. 27 апреля траурная процессия с гробом, установленным на колеснице, в которую была впряжена шестерка лошадей, направилась в Санкт-Петербург. Это скорбное шествие продолжалось полтора месяца, и на всем пути следования траурному кортежу устраивались торжественные встречи и проводы с речами и пушечными салютами. Жители городов и окрестных сел выпрягали лошадей и везли колесницу на себе, усыпая путь живыми цветами.

24 мая процессия прибыла в Троице-Сергиеву пустынь, находившуюся около Стрельны — в 15 верстах от Санкт-Петербурга. Здесь

ее встретили родные и близкие покойного и духовенство монастыря. Ковчег с телом М.И. Кутузова внесли в церковь и поставили на амвон, после этого началось богослужение, а потом ковчег положили в приготовленный гроб и поставили посреди церкви — на амвон под балдахином. Вокруг амвона на табуретки положили ордена и другие знаки отличия, которыми был награжден М.И. Кутузов. Пока тело фельдмаршала находилось в монастыре, читалась псалтырь и служилась ежедневная панихида по усопшему.

При отправлении траурной процессии из Троице-Сергиевой пустыни гроб с телом М.И. Кутузова с дорожной переставили на городскую колесницу под балдахином, запряженную шестеркой лошадей под траурными попонами, на поверхности которых были нашиты гербы светлейшего князя. 11 июня кортеж двинулся к столице Российской империи, и опять простые люди, несмотря на протесты властей, выпрягали лошадей, а в двух верстах от города «добрые и благочестивые граждане пожелали нести останки к месту их грустного назначения на своих плечах и руках».

В Санкт-Петербурге процессия через Невский проспект проследовала к почти достроенному Казанскому собору, где решено было похоронить М.И. Кутузова, хотя родственники склонялись к тому, чтобы тело покойного было погребено в Александро-Невской лавре. В Казанском соборе внесенный гроб установили на пышный высокий катафалк, сооруженный по проекту архитектора А.Н. Воронихина. Катафалк был задуман им как торжественное сооружение без знаков печали и слез. К высокому помосту с аркой с двух сторон вели ступени, от углов катафалка трофейные французские и турецкие знамена поднимались кверху и склонялись над гробом, вокруг стояли огромные канделябры в виде пушек. Множество свечей бросало блики на почетный караул, состоявший из свиты фельдмаршала.

Два дня жители Санкт-Петербурга шли к Казанскому собору прощаться с полководцем, а 13 июня — в день погребения — в соборе собралось высшее духовенство в траурном облачении. Божественную литургию совершил митрополит Новгородский с назначенным духовенством, проповедь говорил архимандрит Юрьева монастыря Филарет — ректор Санкт-Петербургской духовной академии, профессор богословских наук.

Гроб с телом М.И. Кутузова установили в склепе, в северном приделе собора; при опускании гроба в могилу были произведены трехкратные пушечные и ружейные залпы. Могилу замуровали гранитной плитой и обнесли железной решеткой самой искусной работы. В стену над могилой вделали красную мраморную доску, на которой золочеными буквами сделана надпись: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский. Родился в 1745 году, скончался в 1813-м в городе Бунцлау».

Первоначально в оформление могилы М.И. Кутузова входили три иконы, до настоящего времени сохранилась только Смоленская икона Божьей матери, особо почитаемая фельдмаршалом, которая находилась у гроба 11–13 июня. В оформление могилы входит и картина известного русского художника Ф.Я. Алексеева «Крестный ход на Красной площади

после освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году». Хотя картина была установлена здесь еще в 1810 году, она органично вписалась в образное надгробие над склепом М.И. Кутузова. По подписи самого художника картина изображает «…чудо от иконы Казанской Божьей Матери в Москве… когда, спустя несколько дней после очищения Москвы от супостатов, рать русская приняла участие в великом торжестве прославления Чудотворной иконы Казанской Божьей Матери».

В декоративное оформление надгробия введены и элементы геральдики, например, на передней стенке решетки и внизу на стене помещены изображения гербов М.И. Кутузова — родового, дворянского и княжеского. Герб рода Кутузовых (общий для всех ответвлений рода) представляет в голубом щите черного одноглавого орла с распростертыми крыльями, над головой его — дворянская корона, в правой руке — серебряная шпага. Щит увенчан дворянским шлемом с короной и тремя страусовыми перьями… Выполненный в литье геральдический барельеф, в котором объемный герб положен на низкий рельеф из развернутых знамен, является в общей композиции символом победы.

В 1813 году могилу М.И. Кутузова с мраморной плитой обнесли строгой бронзовой оградой, сделанной тоже по проекту архитектора А.Н. Воронихина. Для ее оформления он использовал атрибуты, характерные для классического декора: с трех сторон ограда состоит из вертикалей в виде древков знамен, увенчанных пиками. Строгому ритму этих вертикалей вторит тщательный повтор золоченых лавровых венков в двойных горизонтальных планах. Передние угловые столбики выполнены в виде пушек, увенчанных лавровым венком и шлемом.

Могилу М.И. Кутузова фланкируют два пилястра, на которых укреплены 6 трофейных французских знамен и штандартов и 6 связок ключей от взятых русской армией крепостей и городов. Знамена закреплены в специальных кронштейнах, для ключей были сделаны 8-угольные бронзовые золоченые доски.

РУССКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В СТОКГОЛЬМЕ

«Сегодня в полдень прибыли 56 русских пленных из Финляндии… Я распорядился направить их в Мариеберг.»

Так писал шведскому королю Густаву III во время четвертой Русско-шведской войны (1788–1790) его вельможа Нильс Лилльеспарре. Во второй половине XVIII века Мариеберг еще не был частью Стокгольма, и здесь располагалась фарфоровая фабрика, основанная в 1758 году немецким химиком и агрономом К. Эреншильдом. Во время войны фабрика не работала, так как ее территорию превратили в лагерь для русских военнопленных. *64 После морского сражения при Свенсксунде в плен попало около 700 русских воинов.* Некоторые из них умерли в плену и были похоронены на территории фабрики, где сейчас расположилось Русское посольство в Швеции.

После заключения Верельского мира начался обмен военнопленными, многие из узников Мариеберга возвратились на родину, но кто-то навсегда остался лежать в чужой земле.

В XVII–XVIII веках у православных Стокгольма не было своего кладбища, и умерших хоронили при лютеранских церквах святой Екатерины, Святой Марии, Адольфа Фредерика. *65 В память о них Русское посольство в Швеции намеревается установить мемориальный камень.*

В XIX веке русских стали погребать
при старинной Сольна-кирке и на соседнем с ней Северном кладбище, но нередко покойных отправляли для погребения на родину.

Сольна-кирка, расположенная в северной части шведской столицы, была построена в середине XII века, а может быть и раньше. Первоначально это было круглое в плане трехэтажное здание, сложенное из камней. Одновременно оно служило и небольшой крепостью. При церкви было маленькое кладбище, которое в начале XVIII века расширили и на средства королевы Ульрики Элеоноры обнесли каменной стеной. В 1724 году пострадавшую от пожара старую кирку восстановили, а в середине XIX века кладбище при ней еще больше расширили, так как к нему несколько раз прирезали земли.

На этом кладбище похоронены умершие в Стокгольме российские дипломаты — граф П.К. Сухтелен (лютеранин по вероисповеданию), А.Я. Дашков (могила его, к сожалению, не сохранилась), Г.Н. Окунев; протоиерей П.П. Румянцев и другие члены русской диаспоры. Самое старое из русских надгробий находится вблизи кирки и принадлежит «российскому посланнику при Королевском шведском дворе» — графу Петру Корниловичу Сухтелену. Представитель голландского титулованного дворянства, Ян Петр ван Сухтелен в 1783 году переселился в Россию, где был принят на службу в звании инженер-полковника. В этом качестве он строил Ре-вельский военный порт, инспектировал укрепленные пункты вдоль русской границы, участвовал в ряде военных кампаний рубежа XVIII–XIX веков и в Русско-шведской войне 1808–1809 годов. Особую известность принесла ему осада Свеаборгской крепости, которую защищал адмирал шведского флота Кронстедт. Русские овладели крепостью, избежав кровопролития, так как П.К. Сухтелену удалось склонить коменданта к капитуляции.

После окончания войны он был направлен послом в Швецию, где его встретили сначала холодно и даже враждебно, так как именно он был главным виновником того, что Швеция потеряла Финляндию. Но потом благодаря своему мягкому и общительному характеру, любезным манерам и огромной эрудиции графу П.К. Сухтелену удалось завоевать уважение шведов, и он пробыл на посту посла почти 30 лет. Швеция стала его новой родиной, и за долгие годы пребывания в ней он так свыкся с этой страной и полюбил ее, что заранее выбрал себе место на кладбище. Хоронили П.К. Сухтелена поистине с царскими почестями:

По улицам расставлены были шпалерами гвардейские полки; одна батарея артиллерии и отряд норвежских егерей поставлены по пути, где шла процессия до церкви Адольфа Фредерикса… Генералы и полковники несли ордена; члены дипломатического корпуса несли гроб. Все сословия посетили дом русского посла. Музыка гвардейских полков играла траурные марши. С крепости Шепсгольм было выпущено 64 выстрела.

Могилу русского посла украшает высокий гранитный обелиск, под которым, согласно надписи на нем, похоронен и брат П.К. Сухтелена.

От кладбища при Сольна-кирке шоссейной дорогой отделяется Северное кладбище, основанное в начале XIX века. В 1815 году по распоряжению шведского правительства участок земли, принадлежавший королевскому имению Карлсберг, был отведен под общественное кладбище

шведских приходов. Официальное открытие Северного кладбища состоялось через 12 лет, и с тех пор оно находится в ведении шведского муниципалитета. Из центра кладбища веерообразно расходятся широкие аллеи, разбивающие массив некрополя на отдельные участки. Таким образом, различные городские общины (лютеранская, римско-католическая, еврейская и др.) получили собственные некрополи в границах общегородского кладбища.

Северное кладбище богато историческими захоронениями (Август Стриндберг, Альфред Нобель, Ингрид Бергман и др.), которые делают его своеобразным музеем с обилием монументальных надгробий.

Православного участка на кладбище нет, и русские могилы разбросаны в разных концах его, но сохранилось их не очень много. Те, за которыми не ухаживали, со временем обветшали, а потом и вовсе были уничтожены. Не сохранилась могила Виктора Владимировича Ролло — одного из зачинателей отечественного воздухоплавания. О его жизни известно очень мало, да и была она необыкновенно короткой — 1870–1890 годы. Родился он в Минске, увлекся сначала акробатикой, затем полетами на воздушном шаре, был постоянным ассистентом знаменитого Шарля Леру, погибшего осенью 1889 года. А в следующем году трагически закончился и 51-й по счету полет самого В.В. Ролло. Катастрофа произошла в окрестностях Стокгольма, тело разбившегося воздухоплавателя не стали перевозить в Россию и предали земле в стране, видевшей его последний полет.

В юго-западной части Северного кладбища находится самое известное из русских захоронений Стокгольма — могила Софьи Ковалевской, умершей в шведской столице в феврале 1891 года. Через 5 лет на ее могиле установили памятник, выполненный по проекту Н.В. Султанова на средства, собранные комитетом Высших женских курсов и другими женскими организациями России.

Чтобы добраться до этой могилы, надо… пройти все кладбище, летом утопающее в живых цветах. Кусты белой и лиловой сирени душистыми ветками обнимают могильные плиты и говорят о трогательной заботливости живых к усопшим красноречивее затейливых надгробных сооружений… Могила Ковалевской находится в сосновой роще, на самом скате холма, возвышающегося над остальным пространством кладбища. Темная мраморная плита с надписью «Софье Васильевне Ковалевской — ее русские друзья» и простой мраморный крест обозначают место упокоения этой замечательной личности. В жестяном футляре со стеклянной крышкой — фарфоровый венок с надписью на белых с траурной каймой лентах: «От комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам».

КЛАДБИЩЕ РЕКОЛЕТА В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

«Реколета» — так называется стихотворение аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса, открывающее его первый изданный сборник. 24-летний автор, созерцая умиротворяющую и величественную торжественность надгробий, приходит к такому умозаключению:

Видя этот покой, мы думаем вот она — смерть,

и мечтаем о смерти, а на самом деле хотим
отрешенности и забытья.
Смерти нет — бурлящая в страстях и сражениях,
спящая в листьях плюща, существует жизнь.
Время и пространство — ее обличья,
волшебные сказки души.

В своем стихотворении Х.Л. Борхес говорит о Реколете как о будущем «пристанище его праха», но судьба распорядилась иначе. Через 64 года он умер в Женеве и был похоронен на местном кладбище Пленпале, неподалеку от могилы Жана Кальвина — вождя Реформации.

«Да покоятся в мире!» — гласит надпись на колоннаде при входе на кладбище Реколета. По иронии судьбы в аргентинской столице в одном квартале сосредоточены главное злачное место города с самыми изысканными ресторанами и самыми шикарными автомобилями и национальный некрополь страны. Слово «реколета» означает «сосредоточенная на божественном», «придерживающаяся строжайших правил». Такое название этот район Буэнос-Айреса получил от монахов-францисканцев, которые в начале XVII века купили здесь землю и построили на ней свою обитель с базиликой Богоматери Пилар. Цена, которую они заплатили владельцу земли, была вполне божеской; ему дали плащ из грубой ткани, пару подштанников да кое-что из земледельческой утвари. *66 Сейчас один квадратный метр на Реколете стоит столько же, сколько на фешенебельной Пятой авеню в Нью-Йорке.*

В 1822 году на месте старого монастырского погоста было устроено общегородское кладбище, и с той поры на нем похоронены представители семи поколений самых именитых семейств Аргентины. Если русские кладбища своим видом напоминают сад или парк, то Реколета похожа на странный игрушечный город — город мертвых внутри города живых. Здесь нет земли — только камень, монотонность которого нарушают лишь живые цветы. Вдоль тесных проходов, вплотную друг к другу, стоят часовни со склепами (их здесь 6400), а на перекрестках аллей — мемориальные монументы.

Кладбище Реколета окружено высокими современными зданиями, из окон которых открывается хоть и не вполне оптимистический вид, зато заставляющий порой задуматься о вечном. Гнездящиеся на кладбище летучие мыши часто залетают в открытые двери балконов, и такие «посланцы с того света» пугают еще больше, заставляя многих людей вздрагивать от страха.

Знатоки утверждают, что по художественным достоинствам своих памятников Реколета занимает второе место после кладбища в Генуе. Например, одна из часовен (вмещающая 60 саркофагов) построена в виде древнегреческого храма со скульптурами и золотой инкрустацией. Рядом со склепами — образцами классического зодчества — образцы других архитектурных стилей. У дверей склепов возвышаются статуи, словно бы шагнувшие из-за рокового порога бравый солдат в парадном мундире, боксер в халате, хрупкая девушка с собачкой… Если бы они заговорили, то, несомненно, могли бы о многом рассказать. Но умершие молчат, и только кладбищенские сторожа хранят в памяти своей истории достоверные и

невероятные.

Достопримечательностью Реколеты является могила Факундо Кироги, колоритнейшего персонажа аргентинской истории XIX века, героя войны между федералистами и унитариями. «Тигр льянос» (так прозвали этого человека за неукротимый нрав) — единственный на Реколете, кто похоронен стоя: таким было его завещание. Надгробие на его могиле венчает высеченная из каррарского мрамора фигура скорбящей вдовы.

А вот загадочная легенда о склепе, значащемся в кладбищенской книге, но канувшем в неизвестность…

В нем, согласно записи, была погребена Исабель Валевская — внучка Наполеона Бонапарта. Ее отец — французский дипломат Александр Жозеф Колонна — был незаконнорожденным сыном французского императора и польской графини Марии Ва-левской. В 1847 году его назначают послом в Аргентину, и в Буэнос-Айресе у него рождается дочь Исабель, которая прожила всего месяц. Вскоре А.Ж. Колонна возвращается в Европу, где его блестящая карьера продолжается. Проходят годы, и память об умершем ребенке тает как дым. Где теперь могила внучки Наполеона Бонапарта — не может сказать никто…

Самое красивое скульптурное произведение Реколеты находится не внутри кладбищенских стен, а за их пределами. Это памятник генералу Альвеару — герою войны за освобождение, установленный на шумном городском перекрестке. Статуя, выполненная выдающимся французским скульптором Э.А. Бурделем (любимым учеником О. Родена), была открыта в 1926 году. Альвеар восседает на боевом коне, правая рука генерала высоко поднята вверх, как будто он зовет солдат на битву или обращается с пламенной речью к потомкам. По углам гранитной пирамиды, служащей постаментом, установлены 4 аллегорические фигуры: Сила, Красноречие, Свобода и Победа.

На Реколете покоится и прах Эвы Перон — супруги президента Хуана Доминго Перона, которую любили в народе и ласково звали Эвитой. Ее сравнивали с Жанной д'Арк, а в парадно-официальном обиходе именовали «духовной руководительницей нации», «полномочной представительницей трудящихся», «знаменосицей обездоленных» и т. д. У входа в склеп Эвы Перон прикреплены таблички с высказываниями усопшей: «Я чувствую неодолимое желание сжечь свою жизнь, если это пламя сможет осветить аргентинскому народу дорогу к счастью», «Я вернусь и стану миллионами»… Она была больна раком, и жизнь ее оборвалась 26 июля 1952 года. Было ей 33 года.

Эве устроили поистине королевские похороны. В стране объявили 30-дневный траур, по инициативе профсоюзов на три дня была остановлена работа на всех предприятиях, Буэнос-Айрес превратился в мертвый город. Прощание с покойной длилось 13 дней, очередь к ее гробу порой вытягивалась на несколько десятков кварталов. Активисты Красного Креста едва успевали оказывать помощь обессилевшим в многочасовых стояниях людям. Так продолжалось до тех пор, пока тело не перевезли в здание Всеобщей конфедерации труда, где оно должно было находиться до сооружения памятника.

Тело Эвы решили забальзамировать, для чего пригласили испанского врача Педро Ара, считавшегося крупным специалистом в этой

области. Работа заняла целый год, но когда бальзамирование было завершено, возведение монумента с мавзолеем все еще оставалось делом далеким. Поэтому в здании Всеобщей конфедерации труда соорудили пока временную часовню. Тело Эвы было помещено на ложе, покрытом атласной тканью, под стеклянным колпаком.

После сентября 1955 года, когда президент Х.Д. Перон был свергнут и к власти в Аргентине пришли военные, идея сооружения монумента-колосса Эве была постепенно забыта. К тому же у рабочих, в условиях наступившего в стране кризиса, уже не было ни возможности, ни желания делать добровольные взносы на крупнейший в мире памятник. Согласно декрету, изданному новой властью 5 марта 1956 года, в стране все символы режима Х.Д. Перона были запрещены, нельзя было иметь у себя «фотографию, портрет или скульптурное изображение перонистских функционеров и их родственников». Нарушителям грозило тюремное наказание сроком от 30 дней до 6 лет. Знаменитые драгоценности Эвы, предмет затаенной зависти многих аристократок, были распроданы на аукционе. *67 Х Д. Перон обещал поместить их в предполагавшемся внутри монумента музее, чтобы они служили гарантией займов, предоставляемых бедным семействам для строительства собственных жилищ.*

Новая власть была озабочена и тем, чтобы останки Эвы не были превращены в своего рода святые мощи. Тело в ноябре 1956 года исчезает в неизвестном направлении, и следы его с этого времени надолго теряются. Хотя власти и утверждали потом, что оно было погребено в соответствии с христианским обычаем, но ходили разговоры, будто труп «королевы оборванцев» сожгли и прах развеяли по ветру, а по другой версии — бросили в море с самолета.

В начале сентября 1971 года аргентинский посол в Испании передал Х.Д. Перону, жившему в эмиграции в Мадриде, тело его жены. Как выяснилось, несколькими днями ранее оно было эксгумировано на кладбище в Милане, но лишь в ноябре 1974 года останки Эвы вернулись на родину. К этому времени Х.Д. Перона уже не было в живых, и Эву похоронили рядом с мужем в президентской резиденции Оливес. Однако в 1976 году в Аргентине произошел очередной военный переворот, после чего останки супругов были разлучены. Каждый из них был отправлен в свой фамильный склеп: Х.Д. Перон — на кладбище Чакарита, Эва — на Реколету. Могила ее — единственная на кладбище, где каждое утро появляются свежие цветы.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА В ДОМЕ ИНВАЛИДОВ

В последние месяцы своего заточения на острове Святой Елены император французов чувствовал себя очень плохо, а 17 апреля 1821 года врач сообщил, что у Наполеона полный упадок сил. Через три недели, несмотря на приезд еще двух врачей, сердце императора перестало биться. Сразу после смерти было сделано вскрытие, и оно показало, что узник скончался от рака. Рыдающий камердинер Jl. Маршан принес серую походную шинель императора и накрыл ею тело усопшего… Поклониться покойному пришли губернатор острова, офицеры английского гарнизона, чиновники и комиссары — наблюдатели Франции, Австрии и России.

Через 4 дня состоялись похороны, в которых, кроме солдат гарнизона и моряков со сторожевых кораблей, участвовали почти все жители острова. Прогремел салют из 20 пушечных залпов — последняя

воинская честь, отданная великому полководцу, много лет вершившему судьбы Европы. Похоронили Наполеона в заранее выбранном им месте — в долине Гераней, в тени трех раскидистых ив, на могилу положили тяжелую каменную плиту. Французы требовали, чтобы на надгробном камне была высечена одна-единственная надпись — «Наполеон», но губернатор острова Г. Лоу настаивал, чтобы рядом с именем усопшего стояла его фамилия — «Бонапарт». Стороны не пришли ни к какому соглашению, и надгробная плита так и осталась без всякой надписи.

В этой могиле гроб с телом Наполеона пролежал 19 лет, хотя еще после июльского переворота 1830 года король Людовик-Филипп и вся французская нация громко заявили о своем желании возвратить на родину прах своего императора. Но большинство представителей французского правительства это предложение отвергли, так как стране тогда нужен был мир, а перенесение праха Наполеона могло бы в значительной степени поднять воинственный дух французов. Однако к 1839 году затихший было народ вновь воодушевился, и А. Тьер, премьер-министр правительства при Людовике-Филиппе, убедил короля обратиться к англичанам с просьбой возвратить останки Наполеона на родину. Начались переговоры с Англией, и та охотно пошла навстречу желанию Франции.

Для перенесения праха Наполеона назначены были фрегат «Ла Бель-Пуль» под командованием принца Жуэнвильского и корвет «Ла Фаворит» под началом капитана Гюйо. Множество лиц осаждали правительственные учреждения просьбами, чтобы им разрешили сопровождать экспедицию, однако всем было отказано, кроме верных слуг Наполеона, которые добровольно разделяли его заточение на острове Святой Елены.

9 октября 1840 года принц Жуэнвильский сошел на берег острова Святой Елены и отправился сначала к губернатору, а потом — в Лонгвуд, последнее земное пристанище их императора. Оно оказалось запущенным, и англичане были заметно смущены, что гости нашли дорогое для них место грязным и ветхим. Две трети бывшей спальни Наполеона занимала ручная мельница, а чтобы она могла в ней поместиться, потолок был специально выломан. Пол совершенно сгнил, на голых стенах проглядывала глиняная замазка, двери выломаны, окна разбиты… Можно представить, что почувствовали те из французов, которые некогда в этой же самой комнате окружали смертное ложе своего императора и закрыли ему глаза!

В ночь вскрытия могилы (с 14 на 15 октября) дул пронзительный ветер и шел мелкий дождь, более похожий на плотный туман. Месяц подернулся облаками, и только пламя факелов освещало работу могильщиков. Сначала они сняли железную решетку, за ней последовали каменные плиты, покрывавшие могилу, и наконец добрались до земли, которая в середине так провалилась, что французы стали опасаться, не раздавила ли она гробницу. Всех, кто не был допущен присутствовать при вскрытии захоронения, отправили за установленную цепь, могилу обсыпали хлором, а потом при помощи рычага и заранее приготовленного кольца подняли плиту… Все присутствовавшие, в том числе и рабочие, обнажили головы, невзирая на усилившийся дождь.

Гроб извлекли из могилы и поставили в специально приготовленной палатке, где уже находился присланный из Парижа гроб эбенового дерева,

а в нем — свинцовый. Когда открыли гроб, в котором лежало тело Наполеона, присутствующие увидели непонятную массу: *68 Этой массой была шелковая вата, которой была выложена внутренность гроба.* из-под нее высовывались сапоги с прогнившими подошвами, а в дырах виднелись пальцы. После осмотра над гробом разостлали императорскую мантию, специально привезенную из Парижа, и перенесли его на колесницу. 15 октября прах Наполеона был передан французскому фрегату, и на другой день после заупокойной службы фрегат был готов к отплытию, но окончательное составление протокола задержало его еще на 2 дня…

14 декабря 1840 года останки Наполеона прибыли во Францию, где многолюдные толпы народа приветствовали прах своего императора. День 15 декабря был назначен для перенесения праха в Дом инвалидов, и погребальная церемония усопшего императора при исступленных криках народа была очень величественна. В глубине храма святого Луи воздвигли алтарь, по сторонам которого для придворного штата короля возвышались две трибуны, а между ними было растянуто огромное знамя с вензелем Наполеона. Были устроены и трибуны для государственных сановников…

Церковная служба продолжалась около двух часов, а в 5 часов пополудни архиепископ окропил святой водой гроб и произнес отпущение грехов. Церковь святого Луи оставалась открытой для всех в течение нескольких дней, и более миллиона французов за это время пришли поклониться праху своего императора.

Позднее в центре храма была сооружена низкая каменная ограда, за которой находится круглый открытый склеп, а посреди него огромной саркофаг (4 х 2 х 4,5 м), воздвигнутый в 1859 году. Саркофаг весом в 35 тонн сделан из красного финского гранита, присланного русским императором Николаем I; высокий пьедестал саркофага сооружен из темно-зеленого гранита с Вогезских гор.

Полированные стенки саркофага украшены мраморными барельефами, изваянными скульптором Симором. Их аллегорические фигуры изображают Восстановление порядка, Конкордат, Административную реформу, Государственный совет, Свод законов, Университет, Счетную палату, Общественные работы и Учреждение ордена Почетного легиона. Гроб Наполеона окружают 12 колоссальных крылатых гениев, разделяющих эти барельефы, а между ними поставлены щиты с австрийскими знаменами — трофеями Аустерлицкого сражения; здесь же хранятся шляпа Наполеона из-под Эйлау, шпага и цепь ордена Почетного легиона. На полу вырезаны названия мест сражений: Риволи, Пирамиды, Маренго, Аустерлиц, Иена, Фридланд, Ваграм, Москва…

В глубине церкви — голгофа, под которой расположен запертый вход в склеп. Замочная скважина бронзовых дверей склепа имеет форму буквы «N» и увенчана розеткой ордена Почетного легиона, по обеим сторонам дверей — две огромные аллегорические фигуры Гражданской и Военной мощи. Над дверями начертаны слова из завещания Наполеона: «Я желаю, чтобы прах мой покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так любил». Массивная крышка саркофага поднимается лишь в исключительных случаях, и тогда сквозь стекло можно увидеть потемневшее при бальзамировании лицо Наполеона.

Но через 128 лет в газетах появились сенсационные сообщения: «Останков Наполеона нет в Доме инвалидов! Тело императора было подменено англичанами». И вслед за предположением об отравлении Наполеона стали обсуждать эту версию, автором которой был известный французский историк Жорж Ретиф де ла Бретонн. *69 Первым историком, который на основании фактов пытался доказать, что в Доме инвалидов покоится двойник Наполеона, был П. Газобон. В 1964 году версию о двойнике Наполеона взялся обосновать в своей книге «Страннее всего» английский писатель Ф. Эдварде. С кратким изложением их версий читатель может ознакомиться по публикации журнала «Знак вопроса» (1999, □ 1).* В своем предположении он, по его собственному утверждению, «основывался на документах и свидетельствах, с которыми познакомился в процессе своих двухлетних исследований и которыми пренебрегали другие ученые». В кратком изложении версия французского историка выглядит следующим образом…

Когда гроб Наполеона подняли из могилы, французская комиссия, естественно, захоте, ла взглянуть на останки. Англичане согласились на вскрытие гроба не сразу, а потом назначили эксгумацию на полночь. Почему? Потому что надеялись, что при неверном свете факелов подлог будет не так заметен, к тому же цинковый гроб, в котором находилось тело Наполеона, оставался открытым очень короткое время, в течение которого никто из французов не высказал какого-либо замечания или протеста. По их свидетельствам, черты покойного мало изменились: лицо усопшего обросло бородой, на голове были видны остатки волос, мускулы на ощупь тверды, приоткрытый рот обнажил 3 белых зуба. Однако из записок, оставленных свидетелями смерти Наполеона, выясняется другое. Лицо и голова Наполеона были побриты уже после смерти, но, как известно, борода еще продолжает расти после смерти человека в течение нескольких часов. Лицо Наполеона было побрито 2 раза: сначала через 12 часов после смерти императора, затем — через 24 часа, поэтому оно должно было быть гладким. Рот тоже был закрыт, так что зубов не было видно.

Свидетели эксгумации обнаружили также, что руки покойного были вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты, каблуки сапог упирались в стенку цинкового гроба. А свидетели похорон утверждали обратное: ноги Наполеона не были согнуты и каблуки его сапог не упирались в стенку гроба.

Продолжая свою аргументацию, Ж..Р. де ла Бретонн переходит к одежде и указывает, что на мундире Наполеона появились пятна, к тому же на нем отсутствовал знак ордена Реюньон. В 1821 году поверх мундира была надета и большая лента ордена Почетного легиона, причем в нижней ее части имелся терминальный крест. При эксгумации эта лента оказалась уже под мундиром, и крест на ней отсутствовал.

Чулок на покойном императоре не было, носок одного сапога был прорван, и через дыры виднелись пальцы. А ведь на другой день после смерти, 6 мая, камердинер Маршан лично надел на ноги Наполеона белые шелковые чулки. В 1821 году шляпу императора положили на ступни, и она была с кокардой; в 1840 году шляпа лежала на бедрах, и кокарды на ней не было.

Ж..Р. де ла Бретонн обратил внимание и на другие несоответствия, в частности, в 1821 году два запаянных сосуда, в которых находились

сердце и желудок Наполеона, были положены врачом Антомарки в углы гроба, а в 1840 году они оказались между ногами покойного. В 1821 году в могилу поместили два прочных деревянных бруса (в ногах и в изголовье), которые служили опорой для гроба, так что земли он не касался. А в 1840 году эти брусья не были обнаружены: гроб покоился на каменной плите и оставил на ней след. Кроме того, под ним были найдены канаты и ремни, которые используются при опускании гроба в могилу. А в 1821 году эти канаты и ремни были вынуты, что отмечалось и могильщиком острова Святой Елены.

Исходя из этих несоответствий, французский историк предположил, что англичане могли подменить тело в гробу или и внутренний гроб тоже, причем вторая версия кажется ему наиболее вероятной. Но самым большим доказательством подмены Ж..Р. де ла Бретонн считает то, что обнаружилось при сопоставлении гробов. При похоронах цинковый гроб помещался в свинцовом, а тот — в гробу из красного дерева. При эксгумации же было обнаружено 4 гроба: красного дерева, затем свинцовый, потом опять красного дерева и последний — цинковый. Французский ученый объясняет это следующим образом. В 1821 году граф де Монтолон сделал подробное описание гробов для заказа гробовщикам. И фальсификаторы точно следовали этому описанию, однако они не учли, что заказ тогда не был выполнен точно: изготовили не 4 гроба, как предполагалось, а только три. Поэтому и можно предположить, что при извлечении гроба для подмены тела могилу вычистили, поэтому при эксгумации в ней и не обнаружили деревянные брусья, служившие опорой.

Подмена, по утверждению Ж..Р. де ла Бретонна, была совершена в 1828 году, когда губернатор острова Г. Лоу был переведен на Цейлон. Однако он приезжал на остров Святой Елены с какой-то таинственной целью, после чего отплыл в Англию. Как предполагает французский историк, Г. Лоу перевозил останки Наполеона, которыми англичане всегда стремились завладеть, хоть и утверждали обратное. Открыто это сделать они не могли, опасаясь взрыва возмущения во Франции, но всегда ждали удобного случая.

А дерзкий план мог возникнуть у англичан еще в 1821 году, когда через 42 часа после смерти Наполеона английский врач Бертон снимал с лица умершего слепок для маски. Сделал он это с большим трудом, т. к. мускулы покойного стали быстро разлагаться. Таким образом, маска отразила бы образ Наполеона уже постаревшего, опухшего и была бы очень отталкивающей. Французы из свиты императора не хотели, чтобы именно такая маска была показана публике и тем более распространена в многочисленных копиях. И они похитили слепок, но Бертон стал требовать его возвращения и даже обратился за помощью к властям своей страны. Но, к своему великому изумлению, поддержки не получил: ему ответили, что слепок является собственностью французов. Англичане знали, что французы сделали слепок с лица другого человека, умершего за 3 года до Наполеона. Этот человек был на 10 лет моложе французского императора, но энергичные черты его лица несколько напоминали черты лица Наполеона. Вот эта маска и была представлена как маска Наполеона, а англичане воспользовались обстоятельством: подмена маски навела их на мысль о подмене останков, что они и сделали. Из могилы на острове

Святой Елены было извлечено тело Ф. Чиприани, которым подменили тело французского императора. Ф. Чиприани был домоправителем ссыльного Наполеона, который давно знал этого человека, еще на Корсике воспитывавшегося в их семье, и потому питал к нему особое доверие. Но тот оказался предателем и все то время, что провел на острове Святой Елены, шпионил в пользу англичан. Когда французы разоблачили его, Ф. Чиприани принял крысиный яд и через несколько часов умер. До этого он был совершенно здоров, что задержало разложение тела и дало возможность снять с лица слепок спустя длительное время после смерти…

70 Излагая данную версию, Ж.Р. де ла Бретонн при всей категоричности своих утверждений не ссылается на какие-либо конкретные исторические источники. На основании документов его предположения попытался проанализировать советский ученый Э.А. Натансон, о чем читатель может подробнее узнать в журнале «Вопр. истории» (1969, □ 8). Рекомендуем прочитать работу этого же автора «Двойники Наполеона» (Вопр. лит-ры. 1966, □ 10).

НА ГОРЕ МТАЦМИНДА

Ощетинившись скалистым гребнем, с запада над Тбилиси нависает святая гора Мтацминда — крутая, обрывистая, с резко обнажившимися пластами песчаников и сланцев. Гора эта известна еще и под названием Давидовой (или Давидовской), и связано это с именем инока Давида, прибывшего из Сирии для распространения в Грузии христианства. На искусственной террасе у подножия склона сооружена церковь Мамадавити. В VI веке это место было облюбовано святым Давидом — одним из тринадцати отцов-миссионеров, но сначала на месте церкви находилась лишь часовня монаха-подвижника. Потом здесь воздвигли небольшой храм, однако в эпоху средневековых войн он был разрушен. Нынешняя купольная церковь Святого Давида возводилась в течение Шлет — с 1861 по 1871 год. С церковным родником, вытекающим из расселины скалы, связано одно старинное поверье: женщине, загадавшей сокровенное желание, надо смочить в родниковой воде камушек и приложить его к церковной ограде. Если камушек удержится, значит, Всевышний услышал молитву счастливицы и желание ее исполнится.

Второе название — Мтацминда (Святая гора) относится к IX веку. В феодальную эпоху на склонах ее уже существовало кладбище, на котором хоронили наиболее выдающихся людей.

Площадка, на которой размещаются церковь и Пантеон грузинских писателей и общественных деятелей, где похоронены великие люди Грузии, образовалась еще в незапамятные времена в результате обвала горы. Со временем масса отвалившейся земли укрепилась, а потом люди образовали здесь уступ с грунтом, на котором удобно было возводить памятники.

Свое официальное название Пантеон грузинских писателей и общественных деятелей получил в 1929 году, когда отмечалось 100-летие со дня гибели А.С. Грибоедова. Пантеон размещается на двух террасах, расположенных на разной высоте: на нижней находится небольшой грот с каменной аркой, верхняя площадка располагается вокруг храма. Осмотр Пантеона начинается с грота А.С. Грибоедова — гениального русского писателя, поэта, драматурга, музыканта, дипломата и общественного деятеля. На стене грота с каменной аркой вьется вечнозеленый плющ, на фасаде грота сделана надпись на грузинском языке: «Здесь покоится прах Грибоедова — памятник этот сооружен его женой Ниной, дочерью князя

Александра Чавчавадзе в 1832 г.». Со временем надпись эта стерлась, но в 1955 году ее восстановили по редкому снимку из коллекции историка П. Иоселиани. Благодаря фотографии были восстановлены и пришедшие в ветхость фасад и внутренний вид грота, что придало ему первоначальный вид.

Сам А.С. Грибоедов называл гору Давида «пиитической принадлежностью Тифлиса», любил эту гору и еще при жизни не раз просил жену: «Не оставляй костей моих в Персии; если умру там, похорони меня в Тифлисе, в монастыре Святого Давида». Над могилой поэта застыла бронзовая скульптура плачущей женщины, прижавшейся лбом к кресту. У ног ее — две книги: на корешке одной сделана надпись — «Горе от ума», на другой изображена лира. На пьедестале статуи изображен барельеф А.С. Грибоедова, а под ним сделана надпись:

[illegible]естале вырезаны другие слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, Но для чего пережила тебя любовь моя!»; справа — «Незабвенному его Нина».

Рядом с А.С. Грибоедовым впоследствии была похоронена и его супруга, за памятником на ее могиле лежит маленький надгробный камень Нине Николаи — племяннице Нины Чавчавадзе и дочери А.П. Николаи, министра народного просвещения. С севера покоится прах племянника Нины Александровны — Николая Астафьева, который, как и Нина, Николай умер в младенческом возрасте.

Русский поэт Я.П. Полонский, в середине XIX века живший в Тбилиси и часто посещавший эти места, так выразил свое впечатление от памятника А.С. Грибоедову:

Там в темном гроте — мавзолей
И скромный дар вдовы,
Лампадка светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись, и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горе от любви
И горе от ума

Справа от грота А.С. Грибоедова расположена лестница, по которой можно подняться к могильному памятнику выдающемуся грузинскому поэту Николозу Мелитоновичу Бараташвили. Памятник сооружен в виде колонны, которую венчает лира, установленная на квадратном постаменте. На каждой стороне памятника — выдержки из произведений поэта, например на одной — строки из поэмы «Судьба Грузии», касающейся вопроса о присоединении Грузии к России при царе Ираклии II.

Н.М. Бараташвили скончался в Гандже (Азербайджан) в 1845 году. Почти через 50 лет по инициативе фузинской общественности прах Н.М. Бараташвили перевезли в Дидубе (в Тбилиси) и в 1905 году на его могиле установили памятник. В 1938 году останки поэта перенесли на гору Мтацминда, а вместе с ними и памятник.

Неподалеку от этого памятника виднеется надгробный камень, на котором значится фамилия Семена Николаевича Джанашиа —

заслуженного деятеля науки Грузии, выдающегося историка, лингвиста, археолога и этнографа. По прямой линии за его надгробным камнем расположился памятник Д.И. Кипиани — общественному деятелю Грузии, литератору и публицисту, переводчику произведений Ж..Б. Мольера, В. Гюго и В. Шекспира на грузинский язык. Он был и одним из организаторов грузинского профессионального театра, основателем первой публичной библиотеки, а также Общества распространения грамотности среди грузин. За открытое выступление против тогдашнего экзарха Грузии Павла, небрежно отозвавшегося в одной из своих проповедей о грузинском народе, Д.И. Кипиани сослали в Ставрополь, где в 1887 году он был злодейски убит. Останки его перевезли в Тбилиси и захоронили на горе Мтацминда; во время их погребения траурную речь произнес поэт Акакий Церетели, вскоре после этого написавший стихотворение «Рассвет над Мтацминда», в котором воспел память Д.И. Кипиани.

На прямой линии с памятником Д.И. Кипиани расположились надгробные памятники на могилах двух крупнейших государственных деятелей Грузии — Миха Цхакая и Филиппа Махарадзе. Рядом с ними установлен памятник В.З. Барнову (Барнавели) — автору исторических романов «Разрушение Армази», «Поблекший Нимб», «Мученическая любовь», «Царица Византии» и др. Неподалеку от него покоится скульптор Я.И. Николадзе, на могиле которого установлен памятник с его бюстом, выполненный скульптором Окропиридзе и отлитый мастером С. Хадури.

Дальше размещается памятник-бюст драматургу Р.Д. Эристави. Внизу лицевой стороны памятника из камня вырезан герб рода Эристави, а над гербом — на отдельном свитке — слова в честь поэта, сказанные во время его похорон А. Церетели: «В дар и память вечную, как на этом, так и на том свете, достойнейший сын народа сам Эристави для родины поставил „Родину“». Этими словами А.Церетели отметил и подчеркнул значение пьесы Р.Д. Эристави «Самшобло» («Родина»), в которой показана героическая борьба грузинского народа против полчищ Шах-Аббаса.

Чуть в стороне от этого памятника расположилась надгробная плита на могиле книгоиздателя Захария Чичинадзе, а слева от нее — памятник выдающемуся деятелю народного образования и классику грузинской педагогики Я.С. Гогебашвили. Дальше стоит памятник старому большевику и переводчику произведений Демьяна Бедного на грузинский язык С. Тодрия.

Одним из самых замечательных произведений монументального искусства на Мтацминда — как по идее, так и по его художественному воплощению — является памятник писателю, поэту и общественному деятелю И.Г. Чавчавадзе, трагически погибшему у села Цицамури в конце августа 1907 года. *71 На месте злодейского убийства И. Г. Чавчавадзе был установлен обелиск с барельефом поэта.* В ограде у центральной ниши, на фоне красного камня, эффектно выделяется бронзовая женская фигура, держащая в руке лавровую ветвь. У ног этой символической фигуры сделана в две строки краткая надпись на грузинском языке: «Илья Чавчавадзе. 1837–1907 гг.».

Памятник на могиле И.Г. Чавчавадзе называется «Скорбящая Грузия», оплакивающая своего великого сына. Бронзовая фигура женщины была отлита в Париже в 1911 году известным скульптором Я.И. Николадзе, архитектурная часть памятника и орнаменты исполнены архитектором П.Г.

Мамрадзе. Рядом с И.Г. Чавчавадзе похоронена жена и верный спутник жизни поэта Ольга Фадеевна Гурамишвили.

Проход за церковью Святого Давида ведет в южную часть Пантеона, и здесь, с правой стороны, первым стоит памятник писателю Д.С. Клдиашвили — выдающемуся представителю грузинского критического реализма рубежа XIX–XX веков. Рядом установлен памятник Васо Абашидзе — крупному деятелю грузинского театра, замечательному комедийному актеру, которого называли «чародеем здорового смеха». Неподалеку лежит памятный камень на могиле Анастасии Михайловны Туманишвили-Церетели — известной детской писательницы и общественной деятельницы, переводчицы ряда книг с французского языка на грузинский. Дальше находится могила выдающегося грузинского поэта Акакия Ростомовича Церетели, скончавшегося там же, где он и родился. Десятки тысяч людей провожали его прах из села Схвитори до Тбилиси, где потом на горе Мтацминда поэту был установлен выполненный из черного Лабрадора памятник в виде четырех плит. Наверху лицевой стороны памятника изображена эмблема, указывающая на связь поэзии с музыкой, внизу на светлом фоне черные буквы обозначают короткое имя — «АКАКИЙ», столь любимое грузинским народом.

Оригинальным и своеобразным является и памятник певцу гор, поэту Важа Пшавела. Памятник, представляющий собой необработанную каменную глыбу, которую привезли с родины поэта, был сооружен в 1935 году ко дню 20-й годовщины со дня смерти В. Пшавела.

В Пантеоне грузинских поэтов и общественных деятелей похоронены и другие выдающиеся люди Грузии: замечательные поэты Галактион Табидзе (поэмы «Джон Рид», «Эпоха», «Революционная Грузия» и др.), Г.Н Леонидзе — автор историко-патриотических поэм «Самгори» и «Портохала», И.Г. Гришашвили (сборники стихов «Фантазия», «Хрустальная улыбка» и др.), Симон Чиковани — автор сборников стихов «Раздумья у берегов Куры», «Колхидские вечера», «Новые дневники» и поэм; писатель, драматург и общественный деятель Ш.Н. Дадиани — автор пьес «В подземелье», «Когда они пировали», «В самое сердце» и других; писатель Л.М. Киачели (романы «Тариэл Голуа», «Гвади Бигва», «Кровь», «Человек гор»), дирижер и композитор З.П. Палиашвили, замечательный актер Серго Закариадзе, гениально сыгравший в фильмах «День первый, день последний», «Отец солдата»…

МАВЗОЛЕЙ ПЕТРА НЕГОША

Историческая судьба народа Черногории, часто уходившего в горы, чтобы сохранить свою свободу, с давних пор была тесно связана с Россией. Черногорский владыка Данила побывал в загадочной для иностранцев России, где встречался Петром I. Долгим и оживленным был разговор двух монархов, и владыка Данила нашел у русского царя моральную, материальную и военную поддержку. Шли годы, и в свой предсмертный час черногорский владыка завещал народу крепить дружбу с Россией и грозил страшной карой тем, кто нарушит его заповедь.

Остался верен этому завету и другой правитель Черногории — поэт и архиерей Петр Негош, необычность судьбы которого заключалась в том, что ему выпала доля быть светским и духовным правителем государства, причем и государства необычного. Крохотная Черногория, сильно

урезанная в своих границах, единственная на Балканах выдержала натиск Османской империи, перед которой не устояла ни одна страна Юго-Восточной Европы.

В социальном отношении Черногория, оторванная от внешнего мира, была одним из самых отсталых государств. Жители ее обитали в скалистых труднопроходимых горах, где основным их занятием было пастушество. В конце XV века Джюрадж Черноевич, правитель Черногории, покинул страну, и в ней установилась теократическая система правления. Православная церковь взяла на себя роль связующего центра, владыки избирались на совете племенных старейшин, а затем их утверждала всенародная скупщина. Они заботились не только о душе своей паствы, но также вершили суд, поддерживали связи с другими государствами, и частенько вместо креста и посоха им приходилось брать в руки меч и вести свой народ в сражение.

Черногорские митрополиты, не имея прямого потомства, еще при жизни готовили себе преемников (обычно племянников), которых народ в свое время должен был облечь властью. Перед такой необходимостью встал и владыка Петр I (1747–1830), четвертый подряд представитель семьи Петровичей, выбранный главой страны. Семья жила в селе Негуши у подножия Ловчена — самого высокого горного массива Черногории.

Выбрать преемника Петру I удалось лишь с третьей попытки. Старший племянник неожиданно умер; средний, Георгий, по традиции был отправлен на учение в Санкт-Петербург, но надежд не оправдал. От духовного звания он отказался и подался в гусары, наделал долгов, и совестливый черногорский владыка постеснялся отправлять на учение в Россию следующего кандидата — младшего племянника Радивоя, которому было тогда 12 лет. Он был неграмотным мальчиком и пас овец на склонах Ловчена, но в 1825 году владыка призвал его в Цетинье, где находился монастырь, с XV века являвшийся духовным и государственным центром Черногории. Через 5 лет Раде предстояло взять на себя нелегкую ношу черногорского владыки.

В Цетинском монастыре он провел полгода, быстро научился читать и писать, и успехи его в учении радовали владыку, который любил повторять: «Этот мальчишка, если Бог даст, вырастет отменным юнаком и умным человеком. Вот было бы счастье, если бы я послал его учиться в Петербург». Сам владыка был человеком незаурядным и ярким примером того, как черногорские митрополиты «умели примирить мантию, крест и сверкающий ятаган». Почти 50 лет правил он Черногорией, боролся с внутренними врагами, воевал с турками, добился независимости страны, одержав победу над Мехмед-пашой Бушатлией, сражался с французами в 1813–1814 годах и, поддержанный русским флотом под командованием адмирала Д.Н. Сенявина, освободил Черногорское приморье. Французский генерал Мормон отзывался о своем противнике самым лестным образом, а сам владыка, когда однажды в беседе генерал неодобрительно отозвался о русских, тут же перебил его: «Прошу, генерал, не трогать моей святыни и знаменитой славы величайшего народа, которого и я тоже — верный сын. Русские — не враги наши, но единоверные и единоплеменные нам братья».

В его доме в Цетинье вырубленные в скале комнаты были похожи на монашеские кельи, на стенах — пистолеты, сабли и ятаганы с

выложенными серебром рукоятками. Тут же, сверкая, свисает крест священнослужителя, который, вероятно, напоминал Петру Негошу о том дне, когда его торжественно принимали в Венеции и служитель собора протянул для целования не сам крест, а цепь от него. Наклонился было владыка, но тут же отпрянул, вскинув гневный взгляд: «Черногорцы цепи не целуют!»

Под стеклом рабочего стола хранится письмо в «Общество русской истории и древностей российских», избравшее Петра Негоша своим почетным членом:

Благодарю Москву за внимание и за то, что она вспомнила о своем искреннем поклоннике, обитающем на краю славянского мира; за то, что не забыла атома, но атома, который ей принадлежит по всему, — атома, который ураганом времени занесен на страдания, в среду чужих! О, сколь Москва восхищает меня!.. Как усладительно внимание Москвы для души, пылающей пламенем величия и гордости славянской! Я — ее преданный сын, я — ее поклонник..

Через полгода владыка отправил племянника в Приморье — в школу монаха Саввинского монастыря Иосифа Троповича, который готовил послушников к принятию сана. Через полтора года юноша превзошел в науке своих учителей и в начале 1827 года вернулся к дяде в Цетинье со множеством книг самой разнообразной тематики и неуемной жаждой к учению. В Цетинье он помогает владыке в составлении писем, а вскоре находится для него новый учитель — известный сербский поэт Сима Милутинович-Сарайлия, приехавший в Черногорию осенью 1827 года. Он становится секретарем владыки и одновременно учителем Радивоя, однако «университеты» последнего закончились 31 октября 1830 года. В этот день владыка Петр I умер со словами: «Молись Богу и держись России».

Над гробом усопшего старейшины черногорских племен дали клятву верности Радивою Петровичу и тут же посвятили его в архидиаконы. В январе 1831 года он принимает постриг и становится архимандритом Петром II. Новому владыке Черногории было тогда 17 лет, и сам он чувствовал себя «недозревшим и неподготовленным» для управления страной, в которой к тому времени сложилась трудная обстановка. Племенная рознь в Черногории достигла такого накала, что владыка Петр I еще перед смертью своей заклинал народ хотя бы на полгода забыть все распри. И надо отметить, что все было исполнено в точности, однако уже в первый день по истечении назначенного срока молодому владыке с риском для жизни пришлось разнимать соотечественников, готовых поубивать друг друга.

Самой главной Петр II счел задачу объединения и укрепления государства и по примеру своих предшественников стал искать опоры в России. А в 1833 году он и сам едет в далекую страну, где «молодого, стройного и красивого черногорца», 20-летнего владыку, первым из черногорских владык посвящают в архиереи. На торжественной церемонии посвящения присутствовал император Николай I Петр II Негош знакомится со многими высшими русскими сановниками, а сама поездка укрепила его положение в собственной стране.

Вернувшись домой, владыка с головой погружается в государственные дела: он объезжает племена, организует сбор подати, который в ряде мест вызывает недовольство и сопротивление. Выполняя рекомендации русской дипломатии, пытается урегулировать отношения с соседями — турками и австрийцами, установить с ними четкие границы, удерживает соотечественников от пограничных конфликтов. Не оставляла его идея и о приобщении своего народа к культуре и просвещению, которая еще больше окрепла после возвращения владыки из России, откуда он привез типографию. Вслед за ним прибыл из России багаж — 11 сундуков с книгами. Наряду с церковной и учебной литературой, в багаже были произведения М. М. Хераскова, М.В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, а также сочинения античных и западноевропейских авторов.

Владыка Петр II Негош и сам был отмечен поэтическим даром, и в его собственных сочинениях часто встречались русские слова, которыми он хотел обогатить язык черногорцев. В 1834 году владыка выпустил свои первые книги — «Отшельник цетинский» и «Лекарство от ярости турецкой», написанные под впечатлением поездки в Россию. Но над головой владыки к этому времени начали сгущаться тучи. Его крутые государственные реформы у многих вызывали недовольство, особенно у жителей пограничных областей. К тому же лето 1836 года выдалось неурожайным и надо было просить помощи, чтобы спасти народ от голода.

Вторая поездка Петра II Негоша в Россию оказалась более драматичной, чем первая, хотя в Петербурге к проблемам Черногории отнеслись доброжелательно. И даже увеличили ежегодную субсидию с 1000 до 9000 червонцев. Ободренный и полный новых замыслов, возвращался владыка на родину. Возросшее пособие позволяло повысить жалованье государственным служащим, открыть в Цетинье еще одну школу, отменить подати, поправить главные дороги страны, построить пороховой завод и склады для хранения хлеба на случай неурожайных лет.

Единственным отвлечением владыки от государственных дел были занятия поэзией, вызывавшие недовольство его ближайшего окружения. Секретарь, например, уверенно заявлял, что «если бы владыка менее занимался поэзией, он бы еще больше добра сделал для Черногории».

В конце 1830 — начале 1840-х годов Петр II Негош почти ничего не пишет. Это время углубленного самообразования, творческого созревания и подготовки к поэме «Свет микрокосма» и драматическим произведениям «Горный венец» и «Самозванец Степан Малый», Одновременно он ищет истину и на земле, но надежды, что революционные события 1848–1849 годов в Европе приведут к освобождению южных славян от иноземного ига, оказались тщетными и принесли только горечь и разочарование.

А тем временем подкралась и чахотка. Петр II Негош лечится в Италии и Вене, но безуспешно. Он возвращается на родину и 31 октября 1851 года умирает — в тот самый день, в какой 21 год назад взял на свои плечи судьбы родины и народа. Владыка Петр II Негош умер в возрасте 38 лет, и последними его словами были: «Любите Черногорию и свободу». Еще при жизни на одной из вершин Ловчена, с которой открывалась вся Черногория, поставил он небольшую часовенку, в которой завещал похоронить себя. Но в дни его смерти в горах бушевали неистовые грозы,

снег завалил все склоны и занес дороги, и черногорцы похоронили своего владыку в Цетинье. Но впоследствии, выполняя волю усопшего, перенесли его останки на вершину Ловчена.

НАЦИОНАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ США

22 ноября 1963 года в городе Далласе (штат Техас) раздались выстрелы, которые смертельно ранили Джона Кеннеди — 35-го президента Соединенных Штатов Америки. Через полчаса после выстрелов президент скончался, и потрясенная Америка погрузилась в глубокий траур. Тело Джона Кеннеди перевезли в Вашингтон, а потом гроб поставили на тот же самый орудийный лафет, на котором в 1945 году совершил своей последний путь Франклин Делано Рузвельт, и под суровую дробь барабанов перевезли из Белого дома в Капитолий. День и ночь через Ротонда Холл нескончаемым потоком шли сюда люди — конгрессмены и фермеры, рабочие и домохозяйки, студенты и служащие… У гроба, задрапированного звездным флагом, застыли жена покойного президента с сыном и дочерью, родственники и новый президент США — Линдон Джонсон.

Через три дня состоялись похороны Джона Кеннеди. Впереди траурной процессии шагал взвод морской пехоты, шесть лошадей везли лафет с гробом, за которым шли Жаклин Кеннеди, братья покойного президента и высокопоставленные представители из разных стран. Глухо звонили колокола, и сотни тысяч людей склоняли головы в скорбном молчании.

Последним прибежищем Джона Кеннеди стало Арлингтонское кладбище, расположенное в Вашингтоне на другой стороне реки Потомак. Президента похоронили на склоне холма — прямо против массивных кладбищенских ворот, а над могилой его зажгли Вечный огонь.

История Арлингтонского кладбища своими корнями восходит к временам, предшествующим гражданской войне в США. Землю, на которой оно сейчас расположено, в 1778 году купил Джон Парк Кастис — приемный сын Джорджа Вашингтона, будущего первого президента США. На своей плантации площадью в 1100 акров он построил дом с шестью тяжелыми колоннами, назвал его Арлингтон-хауз и устроил в нем мемориал, в котором разместил самое большое в мире собрание экспонатов, имеющих отношение к Джорджу Вашингтону. Через три года Джон Парк Кастис умер, и Джордж Вашингтон принял младших из его четверых детей: сына и дочь.

Мальчик получил имя Джордж Вашингтон Парк Кастис. От него и родилась Мэри Энн Рэндолф Кастис, оказавшаяся впоследствии наследницей поместья Арлингтон-хауз. Она вышла замуж за генерала Роберта Ли и прожила с ним в имении более 30 лет. Когда угроза гражданской войны стала неминуемой, семейство Ли покинуло поместье. Союз американских штатов захватил Арлингтон-хауз, так как, гранича с Вашингтоном, он имел стратегически выгодное положение. Бригадный генерал Монтгомери Мейгс, командующий войсками юнионистов в районе Арлингтона, имел большой зуб на южан, к тому же ему спешно требовалось место для захоронения своих погибших солдат. Он убедил федеральное правительство выделить 200 акров земли поместья Ли под кладбище, и вскоре в усадьбе начали хоронить раненых, умиравших в соседнем военном госпитале. Говорят, что первым на Арлингтонском кладбище в 1864 году был похоронен солдат конфедерации.

72 В 1868 году с галереи Арлингтон-хауза был впервые объявлен День поминовения. В том же году федеральное правительство конфисковало землю и официально передало ее военным под кладбище, а генерал Монтгомери Мейгс распорядился производить захоронения возле самого дома, чтобы после войны прежние хозяева не смогли сюда вернуться.

Для конфискации земли нашлась весьма любопытная причина: во время гражданской войны был придуман закон, согласно которому владельцы поместий на территориях мятежных штатов, оккупированных северянами, должны были лично являться для уплаты налогов. Вашингтоны-Ли не являлись и налогов не платили. Неизвестно, насколько широко вообще применялся этот закон, но в данном случае решение о конфискации Арлингтон-хауза было принято по инициативе министра обороны.

После войны генерал Роберт Ли, командовавший в гражданскую войну армией южан, с женой и семью детьми оказался без средств к существованию и принял должность президента колледжа Вашингтона в городе Лексингтон. Гипотетические права на поместье Кастисов перешли к его старшему сыну Джорджу Вашингтону Кастису Ли, который тоже участвовал в гражданской войне на стороне Юга. Он обвинил федеральное правительство в незаконном вторжении на его землю и выиграл процесс в Верховном суде. После этого, в 1883 году, он согласился продать национальное военное кладбище родной стране за 150 000 долларов и отказался от мысли поселиться в Арлингтон-хаузе. *73 До 1955 года в доме, который построил Джон Вашингтон Парк Кастис, располагались кладбищенские конторы, а сейчас в нем разместился Мемориал генералу Роберту Ли.*

Если после гражданской войны на Арлингтонском кладбище хоронили только бедняков и неизвестных лиц, то сейчас оно превратилось в почетное место захоронения ветеранов и членов их семей. Не будучи ни старейшим, ни крупнейшим, оно тем не менее является самым известным мемориальным комплексом США. Здесь на 612 акрах земли захоронено 230 000 американских ветеранов и членов их семей. Начиная с Пьера Ланфана, адъютанта Джорджа Вашингтона, и заканчивая военнослужащими, погибшими в ходе операции «Буря в пустыне», на Арлингтонском мемориальном кладбище покоятся останки ветеранов всех военных конфликтов, в которых США принимали участие.

На национальном кладбище США могут быть захоронены только те, кто погиб во время военных действий, имеет 20-летний военный стаж или определенные военные награды, а также их супруги и члены семей. Почетный караул несет гроб, накрытый государственным флагом, а при погребении производится салют из ружей и горнист трубит отбой. *74 Ветераны, ушедшие в отставку, и члены их семей могут претендовать лишь на захоронение в Арлингтонском колумбарии.*

Однако долгое время американцы не хоронили на Арлингтонском кладбище своих чернокожих героев. Только через 80 лет после Первой мировой войны командование американской армии все же решило воздать почести чернокожему солдату, который своим героизмом заслужил место на национальном кладбище страны.

369-й пехотный полк, состоявший из чернокожих солдат, был передан американцами, посчитавшими, что «Воины ада из Гарлема» позорят американскую армию, в подчинение французскому командованию.

В мае 1918 года сержант Генри Джонсон отразил атаку 24 германских солдат, напавших на передовой наблюдательный пост. У него были лишь гранаты, винтовка и самодельный мачете, но он спас своего боевого товарища Н. Робертса, на которого напали трое немцев, и заставил отступить остальных вражеских солдат.

За проявленную отвагу Генри Джонсон был награжден французским Военным крестом за отвагу, но в США из-за цвета своей кожи он так и не был представлен к награде. Американская нация не признала подвига сержанта Г. Джонсона, и в 1929 году он умер в нищете. Даже сейчас армейское командование не хочет наградить его высшим знаком отличия — Почетной медалью конгресса. Когда выяснилось, что Генри Джонсон похоронен на Арлингтонском кладбище, американские политики (в том числе сенатор Хиллари Клинтон) развернули кампанию за то, чтобы храбрый сержант хотя бы посмертно был награжден Почетной медалью конгресса. Но Пентагон согласился наградить его лишь крестом «За выдающиеся заслуги».

Многочисленные ветеранские и гражданские организации и группы проводят мемориальные службы в мраморном амфитеатре кладбища. Время от времени на кладбище воздвигаются новые монументы в память об особых категориях военнослужащих и ветеранов, похороненных здесь. Однако мемориальные памятники воздвигаются на Арлингтонском кладбище не только в честь солдат, участвовавших в боевых действиях. 1 февраля 2003 года при входе в атмосферу Земли потерпел катастрофу американский многоразовый космический корабль «Колумбия». Все семеро членов экипажа погибли, и хотя расследование этой трагедии еще далеко от завершения, но Америка уже решила увековечить память своих героев. Администратор NASA Шон О'Кифи заявил: «Мемориал в столице нашей родины будет служить напоминанием об идеалах экипажа „Колумбии“: честности, отваге и духе первооткрывателей».

Мемориал в их честь был установлен неподалеку от монумента, посвященного памяти погибшего экипажа космического челнока «Челленджер». Эта катастрофа, произошедшая в 1986 году, унесла жизни семи американских астронавтов.

Около четырех миллионов человек в год посещают Арлингтонское мемориальное кладбище, где у Могилы неизвестного солдата постоянно несет вахту караул, сменяющийся каждый час. Торжественная церемония основания Могилы неизвестного солдата была проведена в 1921 году президентом Хардингом. Каменная гробница с телом неопознанного солдата Первой мировой войны, захороненного в День ветеранов в 1921 году, — это только видимая часть мемориала. А под плитами, прилегающими к гробнице, находятся захоронения неизвестных американских солдат, погибших во время Второй мировой, корейской и вьетнамской войн. Дважды в год, в День поминовения и День ветеранов, к Могиле неизвестного солдата возлагается венок от президента США.

КЛАДБИЩЕ ОЛЬШАНЫ В ПРАГЕ

Возникновение Ольшанского кладбища часто связывают с русской эмиграцией, а на самом деле этот некрополь возник задолго до появления в Чехословакии первых русских беженцев. Еще в 1870 году в Праге был образован православный приход, и, вероятно, примерно в то же время

возникло и православное кладбище. В старой части Ольшан, неподалеку от капеллы Святого Роха, до нашего времени сохранилось несколько захоронений того времени. А в 1906 году Н. Рыжков, настоятель пражской православной церкви Святого Николая, выхлопотал у городских властей довольно большой участок земли на Ольшанском кладбище для погребения лиц православного исповедания. Сюда и перенесли с упраздненного воинского кладбища в Карлине останки 45 «храбрых российских офицеров, которые от полученных ими ран в сражении под Дрезденом и Кульмом в августе 1813 года в городе Праге померли». *75 После Второй мировой войны останки русских воинов были еще раз перенесены, и теперь они покоятся рядом с советским воинским мемориалом.*

Однако вскоре выделенного участка не стало хватать, и в годы Первой мировой войны из-за недостатка места для общих захоронений три четверти его территории были заняты под могилы людей других исповеданий. А когда в Прагу после Октябрьской революции хлынул поток русских эмигрантов (в основном представителей интеллигенции), оставшаяся четверть территории тоже стала быстро заполняться. Чехословацкое правительство охотно принимало русских беженцев: для них была организована целая сеть средних и высших учебных заведений, им помогали с устройством на работу, и в довольно короткое время Прага стала одним из крупнейших центров русской эмиграции. Однако не все прожили на чужбине долгую жизнь, и очень скоро на ольшанском участке мест для погребения уже не стало, так что в 1923 и 1927 годах для захоронения православных людей были выделены еще участки.

Для совершения погребений по русским православным обрядам нужна была православная часовня, и идею о ее возведении активно поддержал протоиерей М. Црвчачин — инспектор воинских могил Королевства сербов, хорватов и словенцев в Чехословакии. От своего правительства он обеспечил сумму в 30 000 крон при условии, что проектируемая часовня будет служить надгробием сербским православным воинам, погибшим во время Первой мировой войны и похороненным в Праге. Неоценимую помощь оказали и К.П. Крамарж (первый премьер-министр Чехословацкой республики) и его жена. Помимо крупного денежного вклада, они передали еще 30 000 крон от лица, пожелавшего остаться неизвестным. Со временем благодаря многочисленным пожертвованиям была возведена не скромная часовня, а небольшой храм, закладка которого состоялась 11 сентября 1924 года.

Проект храма бесплатно выполнили русские архитекторы В.А. Брандт, Н.П. Пашковский и С.Г. Клодт. Инженеры А.М. Миркович, С.А. Величкин и П.П. Находкин безвозмездно руководили строительными работами, а чешская строительная фирма архитектора Я. Воднярука, совершенно отказавшись от всякой прибыли, выполнила все работы по себестоимости. Земельные и другие работы, не требовавшие специальной квалификации, выполняли сами русские эмигранты. В качестве зеленых насаждений решено было использовать породы деревьев, которые растут в северо-западной полосе России.

Храм Успения Пресвятой Богородицы был освящен в ноябре 1925 года. Возвели его в псковско-новгородском стиле: венчает храм один купол и фонарный тамбур, на левой стороне храма расположен прямоугольный ризолит колокольни. Храм является одновременно и мемориалом: лепная

церков-но-славянская надпись приводит имена всех участников его создания, включая доктора К. Крамаржа и его русскую супругу Надежду Николаевну (урожденную Хлудову). На южной стене храма установлена мемориальная доска с надписью:

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Русским, украинцам, представителям других народов Российской империи, в 1917 году отвергнувшим коммунистическую утопию и в рядах Добровольческой Армии отстаивавшим мир от большевистского террора и которые в двадцатых годах нашли дом в демократической Чехословацкой республике. А спустя четверть века стали первыми жертвами послевоенного прокоммунистического оппортунизма, который допустил похищение их в 1945 году в советские тюрьмы и концлагеря, где многие погибли и без вести исчезли, и лишь после долгих лет горсточке дозволено было вернуться умереть к своим семьям домой, в Чехословакию.

Наиболее видных и уважаемых представителей русской колонии в Праге хоронили в крипте Успенского храма, где также упокоились останки русских и сербских воинов, погибших в годы Первой мировой войны. Здесь похоронены супруги Крамарж, академик Н.П. Кондаков — крупнейший историк византийского и древнерусского искусства, генерал Н.Н. Шиллинг — один из ближайших сподвижников А.И. Деникина, инженер Н.Н. Ипатьев, в доме которого расстреляли последнего русского царя и членов его семьи. Здесь также упокоились:

Доктор медицины Н.А. Келин — из казаков станицы Клетской области Войска Донского. Окончив Усть-Медведицкое реальное училище, он в 1913 году поступил в Лесной институт в Санкт-Петербурге, в 1914году проходил срочные курсы в Константиновском артиллерийском училище и в качестве командира батареи ушел на фронт. Во время революции, когда фронт развалился, перебрался на родной Дон и стал участником борьбы против большевиков. После отступления Белой армии на Кавказ болел тифом, потом вместе с армией эвакуировался, в ноябре 1920 года перебрался в Константинополь, а затем на остров Лемнос. Позже переехал в Чехословакию, закончил медицинский факультет Карлова университета и стал сельским врачом в селе Желив (юго-восточная Чехия). Писал стихи, в Праге (в 1937и 1939 гг.) вышли сборники его поэтических произведений, а в Москве в 1996году книга «Казачья исповедь».

Е.А. Шапиловская — сестра милосердия и врач Дроздовской дивизии. Скончалась в 1939 году. Ее муж, В.П. Шапиловский — потомственный дворянин, воспитывался в Нижегородском кадетском корпусе и окончил два курса Константиновского артиллерийского училища. В августе 1914 года был призван на службу и назначен в 624-ю Томскую дружину, позже командирован в Омск. В составе Сибирского армейского корпуса участвовал в боях под Митавой и Бауском. Инвалид— потерял ступню и часть голени. Награжден орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1937году в чине полковника был заместителем председателя Союза русских военных инвалидов в Чехословакии.

Вместе с супругами Шипиловскими похоронена В.А. Фридман — сестра милосердия в годы Первой мировой войны, а в Гражданскую — сестра милосердия в Дроздовской дивизии. В Прагу приехала со своим супругом А. К. Фридманом — полковником Дроздовской армии, работала воспитательницей в русском детском саду, скончалась в 1961 году.

Генерал-лейтенант С.А. Воронин— начальник 23-й пехотной дивизии, награжденный орденами Святого Станислава 1-й степени, Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени. В эмиграции жил в Праге, но большого участия в общественной жизни русской колонии не принимал. Материально жил с семьей тяжело.

Потомки русских эмигрантов неподалеку от храма Успения возвели небольшую часовню, в которой под стеклом хранится книга с именами русских людей, умерших в Праге, но которых по каким-то причинам не смогли похоронить на Ольшанах. А рядом с часовней, почти напротив входа в крипту посреди небольшой полянки несколько лет назад был воздвигнут памятный крест, увенчанный терновым венком из колючей проволоки, с надписью: «РОА. Мы погибли за нашу и вашу свободу». Это братская могила 198 солдат и офицеров 1-й дивизии РОА, *76 РОА — Русская Освободительная Армия.* первыми пришедших в мае 1945 года на помощь восставшей Праге, а потом убитых вошедшими в город советскими войсками…

На северном участке, расположенном наискосок от входа в крипту, по другую сторону заасфальтированной дорожки находятся могилы нескольких русских генералов. Внимание всех посетителей неизменно привлекает прекрасное надгробие, увенчанное бюстом военного с пышными усами.

Это могилы членов семьи генерала Я. Червинки — чеха, прожившего 40 лет в России, участвовавшего в нескольких войнах и дослужившегося до чина дивизионного генерала Российской императорской армии. Здесь же похоронены его сыновья — тоже русские офицеры, но достигшие высоких воинских чинов и в чехословацкой армии в эпоху Первой республики.

Рядом с ними похоронен генерал от инфантерии Н.А. Ходорович, возглавлявший в Праге отделение РОВСа, и другие. Среди могил русских военных выделяется надгробие инженера А.М. Белянского, скончавшегося в Праге в 1950 году. Надгробный камень на его могиле отмечен галлиполийским крестом, и, чтобы не возникало никаких сомнений, сделана надпись по-русски: «Галлипполи. 1920–1921 гг.».

Мичман Е.М. Арнаутов, в марте 1917года окончивший с серебряной медалью Александровскую гимназию в Мариуполе и осенью того же года зачисленный в Отдельные гардемаринские классы в Петрограде. Вначале октября гардемарины под командованием капитана 1-го ранга М.А. Катицина были отправлены на Дальний Восток для учебного заграничного плавания на крейсере «Орел». Впоследствии они участвовали в боевых сражениях Гражданской войны и продолжали занятия в Морском училище, которое в 1919 году во Владивостоке организовал М.А. Катицин.

В октябре 1920года команда корабельных гардемаринов прибыла на «Якуте» в Крым и приказом барона П.Н. Врангеля часть из них были произведены в мичманы. Остальные были произведены в этот чин уже в Бизерте.

В 1924–1925 годы некоторые из находившихся в Бизерте морских офицеров и гардемарин смогли отправиться в высшие учебные заведения Европы, в основном в Чехословакию. Среди них был и А.М. Арнаутов, потом служивший в государственном банке.

Н.В. Брусилова — вдова А.А. Брусилова, верховного главнокомандующего.

Генерал-лейтенант А.А. Долгов; ИМ. Кашкадамов — участник Белого движения на Юге России; Л.В. Копецкий — участник Первой мировой и Гражданской войн, на Юге России воевал в составе Корниловской ударной дивизии; его брат П. В. Копецкий, полковники М.М. Лисунов и С.А. Серно-Соловьевич…

На южном участке Ольшанского кладбища, расположенного между южной стеной Успенского храма и оградой еврейского кладбища, захоронено более полутора десятка русских воинов, включая единственного русского адмирала Г. Мальгинова и единственного гвардейца — штабс-капитана Д. Петранди. Одиночные захоронения русских воинов встречаются и на чешских участках кладбища: в их числе — могилы донского казака И.И. Цапова, кубанского казачьего офицера Н.П. Цветкова, армейского офицера В. Вагнера и других. Здесь также погребены:

Сын знаменитого русского художника В.М. Васнецова — православный священник М.В. Васнецов. Офицером он принял участие в Первой мировой войне, служил в Киеве, где занимался обучением солдат запасных полков и маршевых рот, которых готовили к отправке на фронт. После Октябрьской революции служил в наземных частях военно-вооруженных сил Русской армии барона П.Н. Врангеля. В1920—1921 годах находился в Галлиполи, оттуда переехал сначала в Болгарию, а потом в Чехословакию. Жил в Праге, активно участвовал в работе Общества ветеранов Великой войны и Галлиполийского землячества. Вначале 1930-х годов принял сан священника. М.В. Васнецов прославился и как астроном, изучив эту науку еще до Первой мировой войны.

Донской казак А. И. Левицкий, после революции участвовавший в Белом движении на Юге России В ноябре 1920 года эвакуировался в Константинополь, потом находился в казачьем лагере на острове Лемнос, с разрешения командования позже уехал продолжать образование в Чехословакию. Закончил институт по специальности инженер-архитектор, принимал участие в возведении на Ольшанах храма Успения Пресвятой Богородицы.

К деятельности Православного братства органы общественного управления Праги, а также кладбищенская администрация всегда относились доброжелательно. С ними было заключено льготное соглашение об уходе за могилами православных, что дало возможность содержать оставшиеся без родственного надзора, а также бесплатно хоронить неизвестных. Более того, чехословацкая общественность сама выступила с идеей создания памятника «Верному Русскому Воину». Предполагалось, что это будет памятник русским солдатам и офицерам, сражавшимся на Балканах в 1912–1913 годах и во время Первой, мировой войны за свободу всех славянских народов.

Место для памятника было выбрано слева от Успенского храма, и 21 октября 1928 года состоялась его закладка. К этому дню было приурочено перенесение в крипту храма останков 130 воинов с других пражских кладбищ. Намечался также подъем колоколов, пожертвованных храму королем сербов, хорватов и словенцев Александром, супругами Крамарж, русской эмигрантской общиной, митрополитом Евлогием и епископом Сергием. Стоял почетный караул, погибшим воздали воинские почести, однако в дальнейшем по каким-то причинам памятник так и не был возведен, и лишь закладной камень остался сиротливо стоять среди могил.

А кладбище разрослось, и здесь спит вечным покоем «русская Прага». На надгробьях можно прочитать имена тех, кто прочно вошел в трагическую историю XX века, и некоторые из этих имен составляют славу отечественной науки и искусства. Здесь лежат рядом соратники и противники, всех уравняли тенистые аллеи Ольшан — и писателя Е.Н. Чирикова, и В.В. Мягкову — сестру эсера Бориса Савинкова, и В.И. Немировича-Данченко, который до революции был более знаменит, чем его брат — основатель МХАТа. А вот могила Аркадия Аверченко — автора известных всей России юмористических рассказов и фельетонов, редактора журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». После Октябрьской революции он написал книгу «Дюжина ножей в спину революции», жил на Украине, где сотрудничал в местных газетах. Потом эвакуировался вместе с армией барона П. Н. Врангеля и в Константинополе организовал театр «Гнездо перелетных птиц». В 1922-м перебрался в Прагу, но прожил здесь недолго и умер в 1925 году.

В нескольких шагах от него покоится П.И. Новгородцев — выдающийся ученый, философ и юрист, профессор университета и директор Московского коммерческого института, видный деятель конституционно-демократической партии и депутат 1-й Государственной думы. В Гражданскую войну он оказался в Симферополе, читал лекции в Таврическом университете, летом 1920 года уехал в Берлин, затем в Прагу, где стал основателем и первым деканом Русского юридического факультета — высшего учебного заведения, в котором получили образование сотни молодых русских эмигрантов.

Неподалеку — могила историка А.А. Кизеветтера, члена ЦК партии кадетов, депутата 2-й Государственной думы. Как и большинство старой интеллигенции, он не принял Октябрь 1917 года, что принесло ему множество бед. А.А. Кизеветтера не раз арестовывали, но даже на Лубянке или в Бутырках он старался читать лекции по русской истории своим товарищам по заключению. В 1922 году неугодного профессора в составе большой группы научных работников, ученых и писателей, взгляды и деятельность которых были несовместимы с новой властью, выслали из страны. После короткого пребывания в Берлине он переехал в Прагу, где активно занялся преподавательской и научной деятельностью. А.А. Кизеветтер был членом совета Русского заграничного архивного общества и Русского исторического общества; последнее после кончины ученого поставило на его могиле памятник.

Покоятся на Ольшанах и крупные политические деятели: И.И. Петрункевич — один из основателей конституционно-кадетской партии и

многолетний председатель ее ЦК; Н.И. Астров — видный кадет и бывший московский городской голова. Вечным сном спят здесь талантливый историк Е.Ф. Максимович, блестящий библиограф С.П. Постников, журналист Д. И. Мейснер, выдающийся геолог и палеонтолог Н.И Андрусов, изобретатель и крупнейший специалист по паровым котлам и котельным установкам А.С. Ломшаков, которого заводы «Шкода» пригласили на должность технического советника…

КЛАДБИЩЕ БРАТСТВА СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В ТЕГЕЛЕ

Историческим уголком Берлина является район Тегель, где жили и похоронены ученые — братья Александр и Вильгельм Гумбольдты. Когда-то Тегель располагался довольно далеко от Берлина, и здесь Русским братством во имя святого равноапостольного князя Владимира был куплен участок земли, на котором впоследствии возвели небольшую церковь. Братство было образовано в конце марта 1890 года по инициативе отца А.П. Мальцева, протоиерея церкви русского посольства в Берлине, для религиозных, просветительских и благотворительных целей; оно помогало находившимся в Германии больным и нуждающимся русским людям всех христианских исповеданий, а также православным лицам всех наций. Кроме того, Братство заботилось о духовном просвещении и нуждах русских православных церквей Германии.

Братство состояло под августейшим покровительством его императорского высочества — великого князя Владимира Александровича и благодаря поддержке многих добрых и отзывчивых русских людей сделало очень много для выполнения поставленных задач, оказывая моральную и материальную поддержку многим тысячам нуждающихся. В Гамбурге, Тегеле, Киссингене, Герберсдорфе на средства Братства были сооружены православные церкви.

Дом Русского братства святого князя Владимира был трехэтажным, на воротах его славянскими буквами была сделана надпись: «В память императора Александра III». В верхних этажах жил протоиерей, нижние сдавались приезжающим, в подвальном помещении расположились прачечная, кладовая и мастерские (свечная и столярная). В саду Братства тянулись бесконечные ряды оранжерей и теплиц, которые уже в то время имели новейшее водяное отопление. В оранжереях росли розы, левкои, хризантемы, гиацинты, фиалки и другие цветы самых оригинальных и причудливых окрасок. От цветоводства Братство получало не очень большой, зато постоянный доход, а на выставке цветов в Лигнице и Эгере за свои альпийские фиалки получило золотые медали.

Братство занималось и изготовлением свечей, которые потом отправляли в заграничные церкви — в Копенгаген, Мариенбад и даже Стокгольм. Помощь, которую оказывало Братство, в основном была трудовая (оплачиваемый труд): оно брало на работу в свои сады и цветники людей и давало работающим помещения для жилья. Кроме того, Братство поддерживало русские церкви в Германии (в Потсдаме, Гамбурге и др).

Кроме Братского дома, на купленной территории разместились одноэтажный домик для главного садовника, другой домик — для помощника садовника, каменное двухэтажное здание с конюшнями и сараем для экипажей, помещение для газового мотора, прачечная, для рабочих были устроены деревянные помещения и сеновал. Братский дом и

прилегающий к нему сад были окружены каменной оградой, которая с трех сторон имела еще каменные решетки.

Умерших русских людей вносить для отпевания в церковь при посольстве не полагалось, и приходилось обращаться с просьбами в лютеранские и католические общины, чтобы те разрешили поместить усопших в часовни, и там, под сводами чуждых русскому духу молитвенных мест, отпевать покойников и хоронить их среди иноплеменников. На лютеранских кладбищах можно еще было без особых затруднений и препятствий совершать православный чин погребения, а вот католики разрешали совершать православные обряды лишь иногда, и то шепотом — без каждения и свечей, без сопровождения к могиле со священниками в церковных облачениях и т. д. И порой приходилось русским людям хоронить близкого человека «без ладана, пения и всего остального, чем бывает крепка могила». Бывали даже случаи, когда, например, внезапно скончавшегося в госпитале отпевали… в городском морге, а иногда и в магазине гробовщика, поставлявшего гроб для усопшего. Даже если родственники хотели переправить умершего в Россию, ему надо было где-то находиться в течение 5–7 дней, пока-оформлялись все необходимые документы. И был случай, когда тело одного молодого князя, внезапно скончавшегося в Берлине, увезли в Париж и временно поставили в склеп русской церкви, чтобы затем отправить в Россию.

Вот Братство и занялось устройством в Берлине отдельного русского кладбища, которое расположилось по другую сторону дороги от Братского дома. У далльдорфского крестьянина Роберта Яна было куплено около трех десятин песчаной равнины, получено и соответствующее разрешение от властей на устройство кладбища с небольшой церковью на нем. Землю обнесли деревянным забором, устроили колодец, проложили дорожки и посадили деревья. Проект изящного каменного пятиглавого храма во имя святых равноапостольных Константина и Елены безвозмездно составил опытный строитель А. Бом. Кладбище создавалось в прямом соответствии с задачами Братства — «оказывать помощь русским подданным всех христианских исповеданий и православным всех наций». Оно стало местом вечного упокоения для русских подданных не только православного, но и католического и лютеранского исповеданий, а также для всех православных — не только русских, но и греков, сербов, румын и т. д.

При входе на кладбище высилась звонница, возведенная в русском стиле: на ней была сделана славянская надпись: «Русское кладбище. 1829 г.» и по-немецки — «Russischer Friedhof, Durchgang zum Leben». Могилы известных и неизвестных русских людей приютились в зелени деревьев — под живописными группами сосен и елей. На памятниках и крестах значатся имена графа Н.М. Муравьева, останки которого были привезены сюда с лютеранского кладбища; генеральных консулов Д.В. Казаринова и Г.П. Богословского, тайного советника И.И. Ершова, генерала Л.И. Лазарева и других. В стороне, среди сосновой аллеи, возвышается надгробный памятник и бюст М.И. Глинки, скончавшегося в Берлине в 1857 году — вдали от родных и близких.

В немецкой столице М.И. Глинка сильно простудился, и обычно мнительный насчет своего здоровья, на этот раз он почему-то не придал

простуде значения. Однако болезнь приняла чрезвычайно быстрый ход, и в ночь со 2 на 3 февраля композитор скончался. Смерть наступила так неожиданно, что родственники и друзья покойного не успели получить известия о его смерти и приехать в Берлин на погребение. Небольшой кружок друзей проводил в последний путь великого композитора, за гробом которого шли Д. Мейербер, З.В. Ден и некоторые другие музыканты, а также кое-кто из русской колонии в Берлине. Похороны не отличались пышностью, и похоронили М.И. Глинку на одном из лютеранских кладбищ. На скромной могиле был поставлен памятник из силезского мрамора с простой надписью:

gest. [illegible] Berlin. *77 Впоследствии родные и друзья М.И. Глинки приложили много сил и хлопот, чтобы перевезти дорогой прах на родину. В мае 1857 года Людмила Ивановна Шестакова, сестра композитора, и несколько близких друзей встретили в Кронштадте пароход с гробом, и в конце месяца гроб с останками великого русского композитора опустили в родную землю Александро-Невской лавры.*

А.П. Мальцев поручил учащейся в Германии русской молодежи разыскивать на местных кладбищах забытые и заброшенные русские могилы, чтобы соединить их воедино в Тегеле.

А.П. Мальцев нашел и дом в Берлине, в котором в 1857 году скончался великий русский композитор, объяснил владельцу дома значение М.И. Глинки в России и добился от него разрешения установить на доме памятные доски с соответствующими надписями по-русски и по-немецки. Под влиянием речей протоиерея немецкий домовладелец так расчувствовался, что пожелал и со своей стороны увековечить память русского композитора. И поставил на доме бюст М.И. Глинки и фигуры персонажей «Руслана и Людмилы»…

В «ВОЗДАЯНИЕ ГЕРОЙСТВА ПАВШИХ…»

Первый памятник павшим защитникам Порт-Артура был сооружен японским правительством на свои средства уже в 1908 году. Японская комиссия по сохранению русских могил была учреждена 7 августа 1905 года — во время работы Портсмутской конференции, хотя договор о мире был подписан только 23 августа. По этому договору Порт-Артур и все прилегающие к нему территории вместе с арендными правами на них отходили к Японии. Согласно пятому пункту договора, Япония приобретала и права на все «общественные сооружения и имущество» в районе Порт-Артура — Дальний. В дальнейшем этот пункт послужил основанием для отчуждения русского гражданского кладбища в Порт-Артуре и преобразования его в мемориал памяти русских солдат, погибших при защите города.

Героизм русских солдат настолько поразил японцев, что Комиссия по сохранению русских могил, которую возглавлял генерал Ацуфими Сайсио — комендант Порт-Артура, решила построить для увековечения памяти воинский мемориал. При этом решено в равной степени воздать почести солдатам обеих сторон и, кроме воинских кладбищ, построить еще отдельные обелиски на вершинах тех сопок, где шли наиболее кровопролитные сражения.

Сразу же после падения Порт-Артура со всех фортов, батарей и временных кладбищ были собраны останки погибших. Для японских солдат памятный мемориал возвели на Перепелиной горе, для захоронения русских солдат использовали прежнее русское кладбище у подножия горы

Саперной. Пользуясь правом победителей, японцы в три раза уменьшили площадь русского кладбища и обнесли его новой оградой. Памятный мемориал в нем возвели по инициативе генерала Ошимы — губернатора Квантунской области. На кладбище устроили 12 братских могил: под белыми крестами расположились офицерские захоронения, под чугунными — солдатские. Всего в братских и отдельных могилах тогда захоронили 14 361 человека — русских защитников Порт-Артура. Центром мемориала стала православная часовня высотой 15 метров, возведенная из гранита и мрамора. На лицевом фасаде часовни была сделана надпись: «Здесь покоятся бренные останки доблестных героев, павших при защите крепости Порт-Артур. Памятник сей поставлен японским правительством в 1907 году».

Русское кладбище было торжественно открыто в июне 1908 года. На церемонию его открытия японское правительство пригласило российских представителей и приняло русскую делегацию с большим почетом. Депутацию возглавили контр-адмирал Матусевич (командир Владивостокского порта) и генерал-лейтенант Гернгросс (командир 1-го Армейского корпуса). Были приглашены также представители Заамурского военного округа во главе с генерал-лейтенантом Чичаговым. Со стороны японцев церемонию открытия мемориала возглавил генерал Ноги, герой взятия Порт-Артура, у которого во время штурма крепости погибли два сына-офицера. Во время церемонии японский генерал прослезился… Воинские почести павшим были отданы полком и флотским отрядом японских войск, над русскими могилами было приспущено японское боевое знамя. *78 В свою очередь и русские с уважением отнеслись к могилам погибших японцев. Когда на Перепелиной горе был открыт памятник японским воинам, к нему были возложены венки от русской армии и флота.*

Позднее, в 1912 году, перед входом на Русское кладбище уже русские мастера установили восьмиметровый христианский крест из белого мрамора. На его лицевой стороне высекли слова: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура, жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество. Больше сея любви никто не имать, да кто душу свою положит за други своя».

В 1913 году японские водолазы обследовали на морском дне броненосец «Петропавловск», на котором в марте 1904 года погибли командующий русской эскадрой в Порт-Артуре адмирал С.О. Макаров и его друг, художник В.В. Верещагин. На броненосце были найдены останки погибших моряков, гробы с этими останками после отпевания в церкви в Дальнем японский почетный караул доставил в Порт-Артур, где их захоронили на Русском кладбище. От России на этой церемонии присутствовал воинский караул во главе с адмиралом Яковлевым.

Кроме мемориалов своим и русским солдатам, японцы возвели отдельные обелиски на горе Высокой, в форте № 2, на батареях «Орлиное гнездо» и «Литер Б». Обелиски эти представляют собой усеченные четырехгранные пирамиды высотой до 5 метров, сложенные из необтесанных гранитных глыб голубого цвета. Отдельный обелиск из цельной глыбы светло-серого гранита был установлен на развалинах офицерского каземата форта № 2, где погиб генерал Р.И. Кондратенко. Надписи на японском языке гласят, что они поставлены в «…воздаяние геройства павших».

В 1928 году исполнялось 20 лет со дня издания указа последнего русского императора Николая II об отправке на Дальний Восток особой комиссии для обустройства русских военных кладбищ в Маньчжурии. В этом году русский генерал Ханжин, проживавший в эмиграции в городе Дальнем, основал Попечительский совет по охране и приведению в порядок кладбища в Порт-Артуре. Все памятники и мемориалы начала XX века сохранились в городе и в его окрестностях до наших дней.

После Второй мировой войны район Порт-Артур — Дальний, в соответствии с договором от 14 августа 1945 года, стал использоваться СССР и Китаем как военно-морская база для предотвращения повторной агрессии со стороны Японии. В конце августа Красная армия вступила в Порт-Артур, и на Русском кладбище вновь появились свежие могилы. Первыми здесь были похоронены солдаты, погибшие при освобождении полуострова Ляодун. Всего же на Русском кладбище Порт-Артура за период 1945–1955 годов было захоронено 2030 советских граждан (из них — 140 военнослужащих и 630 их родственников). Кроме того, здесь похоронили 241 советского военнослужащего, погибших в небе Северной Кореи в войне 1950–1953 годов.

В 1950-е годы на Русском кладбище воздвигли памятник военнослужащим, погибшим в Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове при его освобождении. Проектировал и выполнил памятник китайский скульптор Ли Хуанди в творческом содружестве с В. Шаховым, сотрудником политотдела военно-морской базы. Памятник представляет собой мраморную колонну на трехступенчатом гранитном основании. По бокам колонны стоят две коленопреклоненные бронзовые фигуры (солдат и матрос) со склоненными знаменами. В нижней части колонны укреплена бронзовая доска с надписью: «Вечная память героям, с честью погибшим за свободу и счастье народов двух стран — СССР и Китая». Фигуры китайский скульптор лепил с портартурцев — солдата В. Павелко и матроса Ю. Костина.

В настоящее время общая площадь Русского кладбища составляет около 5 гектаров, и оно является самым большим мемориальным комплексом России на территории Китая. На нем находится 1600 памятников и скульптур, а за время пребывания советских войск в Порт-Артуре здесь было поставлено еще несколько памятников. Например, в сентябре 1949 года в ознаменование годовщины победы над Японией в городском парке «Дружба» торжественно открыли памятник Советской армии, освободившей Порт-Артур в 1945 году. Высота его 15 метров, а сделан он из светло-серого и красного полированного гранита.

В конце февраля 1955 года был заложен монумент советско-китайской дружбы, а открытие его состоялось в 1958 году совместно с открытием памятника Советской армии, освободившей Ляодун в 1945 году. Монумент дружбы представляет собой многогранную колонну из белого гранита, стоящую на трехступенчатом гранитном основании (на верхнюю площадку Монумента ведут 4 широкие лестницы). У основания колонны стоят 12 скульптур из белого камня, символизирующие дружбу двух народов. Общая высота памятника — 25 метров.

Монумент Победы (Освобождение Ляодуна) имеет вид шестигранного столпа, увенчанного граненым шпилем с пятиконечной звездой наверху. В основании столп окружен ажурным постаментом высотой около 10 и диаметром 15 метров, сделанным из розового гранита. Высота всего сооружения — 25 метров.

Сейчас Порт-Артур (Люйшунь) по количеству исторических памятников и реликвий, имеющих отношение к России, является уникальным городом. Все они находятся под охраной местных властей и жителей города.

«ЖИЗНЬ СВОЮ ПОЛОЖИВШИМ...»

Русские военнопленные стали прибывать в Японию примерно за полгода до сдачи Порт-Артура. Самый крупный лагерь (японцы называли их «приютами») находился в городе Мацуяма на острове Сикоку, положение в котором, как и в других лагерях, было для военнопленных унизительным и бесправным. От установленных здесь порядков страдали не только нижние чины, но и офицеры всех рангов: жили впроголодь и по-казарменному тесно. Навещать друг друга без разрешения запрещалось, если же изредка такие разрешения и поступали, то при разговоре обязательно присутствовал японец-переводчик, который записывал каждое слово беседы. Самой большой радостью для пленных было прибытие почты из России, но в ответ они могли написать только 2–3 короткие строчки. К тому же японцы рекомендовали писать на открытках, что было проще для цензуры. И не дай бог, если цензор прочтет даже малейший намек на плохое житье в лагерях — тогда провинившийся сразу же лишается права переписки.

По японским данным, в этом самом большом «приюте» от ран, голода и болезней скончалось более 100 человек.

Скончавшихся хоронили в пригороде Мацуяма, но обязательно рядом с буддийскими кладбищами.

…Когда «приют» в Мацуяма не стал вмещать всех пленных, японское командование подготовило еще несколько лагерей, и в 1905 году начал функционировать «приют» в Хамадера, где в настоящее время и расположился городок Идзумиоцу. В первой партии сюда прибыло 6000 пленных, в марте — еще 6000, а к лету в лагере насчитывалось уже 28 000 человек — по сути четыре дивизии. Если в других лагерях пленных размещали хоть в каких-то помещениях, то в Хамадера их привозили в чистое поле. Самим сначала пришлось оборудовать палаточный городок, а потом строить бараки.

Верующие русские воины твердо исполняли данное землякам и сослуживцам слово: «Не зарывать в басурманскую землю без отпевания». И хоронили своих умерших товарищей как положено, по-православному. Всегда находился кто-нибудь на роль причетника, но не всем это нравилось, и тогда архиепископ Николай прислал в Хамадеру отца Симеона.

На пожертвования муниципальных властей соседнего города Сакаи в лагере были построены три часовни. А потом унтер-офицеры Д. Дюганов, А Каминский и П. Незутесин стали хлопотать перед властями Хамадеры о выделении участка земли под воинское кладбище. Они же «пустили шапку по кругу», так как деньги нужны были для облагораживания будущего

некрополя. Да и сами пленные приложили свои руки и сноровисто, по-крестьянски взялись за обустройство кладбища. Сострадание и печаль придавали им силы, и все работали без устали и принуждения. Местные власти со своей стороны выделили каменотеса, которого звали Ото Дэн-кити. Не владея русским языком, он взялся за самое трудное — по бумажке выбивать имена на могильных плитах.

А потом был сооружен памятник — один на всех. Открытие его состоялось незадолго до отъезда на родину последнего пленного. Памятник представлял собой 7-метровую колонну, увенчанную двуглавым орлом; посередине шла надпись — «УМЕРШИМ РУССКИМ ВОИНАМ ОТ ТОВАРИЩЕЙ ПОРТ-АРТУРЦЕВ. 1905». Нижняя часть мраморной колонны упирается в пятигранник, каждая сторона которого имеет краткую эпитафию: «МИР ПРАХУ ТВОЕМУ» (на русском, латыни, арабском, еврейском и польском языках) и культовые знаки-символы пяти конфессий.

В устройстве русского кладбища участвовали и местные жители, на пожертвования которых были возведены каменные ворота с чугунной решеткой. Между могилами посадили молодые деревца сакуры и криптомерии, а позже сюда привезли саженцы русских берез…

Таким образом, после поражения России в Русско-японской войне могилы многих русских воинов остались при лагерях военнопленных на Японских островах, на Квантунском полуострове и в Маньчжурии. Спустя четыре года после окончания войны о кладбищах позаботились полковник В.К.Самойлов и старший лейтенант А.Н. Воскресенский. Не по казенной надобности, а по совести занимались они осиротевшими на японской земле русскими могилами. Они были людьми чести, и благодаря только им сохранились имена солдат и матросов, которые нашли вечное упокоение в братской могиле на старинном русском кладбище в деревне Инаса близ Нагасаки. Первое русское погребение появилось здесь еще в 1858 году, когда хоронили русского моряка с фрегата «Аскольд». В К Самойлов и А.Н. Воскресенский настояли и на том, чтобы не переносить захоронения из городов Мацуяма и Идзумиоцу, где были самые крупные «приюты» русских военнопленных Они прекрасно понимали, что со временем об этих лагерях мало кто вспомнит, другое дело — кладбища. И хотя они тоже угасают и стареют, но вокруг них дышит сама история, и потому они навсегда остаются памятным местом для людей всех наций и верований.

Полковник В. К. Самойлов разыскал в Японии 59 русских могил — одиночных и братских. На некоторых еще сохранялись деревянные кресты с полустертыми надписями, но иногда приходилось проводить эксгумацию, чтобы убедиться, что в могилах захоронены русские. Останки погибших в Цусимском сражении моряков перевезли на военно-морскую базу в Сасебо, где уже были приготовлены деревянные гробы. Через некоторые время их погрузили на палубу крейсера «Ивате» и с почестями отправили в Нагасаки. Весь путь из Сасебо крейсер шел с приспущенным национальным флагом Японии, а при появлении «Ивате» на военных и торговых судах, стоявших в гавани Нагасаки, были поставлены во фронт команды и в знак траура приспущены флаги. В Нагасаки 81 гроб с останками русских моряков японские матросы аккуратно уложили в склеп, а когда он поднялся над братской могилой, его покрыли дерном. Японские девушки положили на него гирлянды живых цветов, и их было так много, что не

видно было надписи на мраморных плитах.

Сначала на территории Японии могилы русских поддерживались самими военнопленными, а после репатриации — на средства Русской духовной миссии. Заботу о могилах взял на себя начальник миссии — архиепископ Николай (Касаткин). Его стараниями были выстроены две церкви в память о погибших воинах, он первый обратил внимание русского правительства на разбросанные на территории чужой страны русские могилы и ходатайствовал о перенесении их в одно место. Большая часть останков в сентябре 1909 года и была перенесена на старинное русское кладбище под Нагасаки, содержавшееся на пожертвования чинов Тихоокеанской флотилии.

Время уничтожило или просто стерло из памяти чужие имена. Но хранителями русских могил стали японцы — наши военные противники того времени.

После Октябрьской революции советское правительство отказалось от всех обязательств царской России, в том числе и от заботы о кладбищах и могилах соотечественников. И они в прямом смысле оказались забытыми, вспомнили о них только в 1945 году: например о кладбище в Нагасаки напомнили нам американцы, так как неподалеку были погребены их летчики. Однако никаких практических действий со стороны советского правительства тогда не последовало, со временем могилы приходили в упадок, надписи на табличках стирались и имена уже с трудом можно было прочесть. Но русские могилы вновь были сохранены благодаря японцам. Несколько лет назад имена на могилах кладбища в Мацуяма были восстановлены японским писателем Токио Сайгами и московским писателем В.Г. Гузановым.

А господин Тэрукадзу Тятяни, мэр города Идзумиоцу, однажды внес на заседании городского совета предложение: «На русском некрополе не должно быть безымянных могил».

Много было цветов на кладбище города Мацуока, когда в 1963 году по решению местного муниципалитета вместо деревянных крестов, простоявших почти несколько десятилетий, на каждой могиле было поставлено каменное надгробие с розеткой для цветов. Братское кладбище заново освятили, и на церемонию был приглашен православный священник из Киотской епархии, в которую входит и остров Сикоку. В тот день шел сильный дождь, но жители Мацуока приняли участие в траурнойцеремонии.

По сей день центральное место на кладбище занимает обелиск, воздвигнутый капитану 1-го ранга Бойсману Василию Андреевичу — командиру броненосца «Пересвет». Корабль затонул на внутреннем рейде Порт-Артура, когда его командира уже отправили в Японию.

Сослуживцы отмечали, что Василий Андреевич был отчаянным идеалистом. Семейного достатка у него никогда не было, хотя он и получил наследство. Не было у него ни клочка собственной земли, ни денег, даже лишнего мундира не было, поэтому ему не надо было показывать себя с лучшей стороны никому — даже сановитым чиновникам, от которых зависела карьера… Нижние чины, томившиеся в лагере Мацуяма, мало знали капитана в лицо, но встретили в нем человека отзывчивого и доброжелательного. В.А. Бойсман был и известным гидрографом, в молодости много плавал в водах Тихого океана. Его именем в заливе Петра

Великого названы бухта и банка, а в Японском море есть островБойсмана…

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ МОСКВЫ

На «Соединенном совещании Городской Управы и Комиссии гласных по мероприятиям, вызванным войной 1914 г.» 6 сентября была зачитана телеграмма, поступившая от великой княгини Елизаветы Федоровны:

Не признаете ли возможным отвести на окраине Москвы участок земли под кладбище для умерших в московских лазаретах воинов настоящей войны; их родственникам и нам всем утешительно будет знать точное место упокоения павших при защите нашей дорогой родины героев и иметь возможность там помолиться.

Уже через 3 дня С.В. Пучков, главный врач одной из московских больниц и член Комиссии гласных, сообщал, что кладбище…должно быть во всех отношениях не только благоустроенным, но оно должно служить памятником великих событий, ныне нами переживаемых, а также памятником — дружной объединенной работы общественных сил в деле оказания помощи жертвам войны. Вот почему участок для кладбища должен быть значительного размера и на нем необходимо соорудить храм, по величине и архитектуре отвечающий указанной выше цели.

К тому же, помимо других требований, которые предъявлялись вообще ко всякому общественному кладбищу (расстояние от города, удобные пути сообщения, санитарное состояние и т. д.), в данном случае предъявлялось и особое требование — чтобы местность была красивой и живописной.

Вместе с тем С.В. Пучков заявлял, что на кладбище должно быть отведено место и для погребения умерших сестер милосердия московских общин, которые самоотверженно ухаживали за ранеными и в мирное, и в военное время и часто умирали на своем посту от заразной болезни и неприятельской пули. Перед входом на кладбище предполагалось начертать слова Спасителя: «Более сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя». С открытием кладбища следовало поторопиться, чтобы не упустить главную цель его создания — служить местом погребения воинов, скончавшихся от ран Первой мировой войны, которая к тому времени шла уже около месяца.

Территория кладбища должна была быть не менее 10 десятин, но свободных участков, удовлетворявших бы всем этим требованиям, поблизости от Москвы было очень мало. Поэтому для привлечения возможно большего числа предложений во всех московских газетах были помещены соответствующие объявления. В результате развернувшихся поисков от частных лиц было получено 16 предложений земельных угодий. Однако не все они оказались подходящими, и от большинства предложений пришлось отказаться.

К тому же Московская городская управа не располагала денежными средствами, и решено было организовать «однодневный кружечный сбор». С.В. Пучков надеялся, что «на это святое дело горячо откликнутся великодушные граждане нашей родины и прежде всего — население города Москвы». Благодаря его стараниям и усилиям в конце ноября 1914 года за 271 000 рублей был куплен земельный участок площадью в 11 десятин, принадлежавший А.Н. Голубицкой, владения которой представляли собой старинную дворянскую усадьбу под названием «Сад

села Всехсвятского». Усадьба эта в старые времена принадлежала императорскому дому, потом императрица Анна Иоанновна пожаловала ее царям Грузинским, а впоследствии царевич Георгий Вахтангович вновь отдал ее в дар царскому дому России. В дальнейшем усадьба сменила еще несколько владельцев, пока хозяйкой ее не стала Анна Николаевна Голубицкая.

Владение «Сад села Всехсвятского» находилось в 5 верстах от Тверской заставы по Петроградскому шоссе — при селе Всехсвятском — и представляло собой вековой парк, преимущественно липовый, но с примесью берез и крупных пород сосны и ели. 10 декабря, во время пребывания Николая II, назначенный попечителем кладбища С.В. Пучков докладывал императору об идее создания Братского городского кладбища, и все предложения были приняты царем благосклонно.

Купив имение, Московская городская управа немедленно приступила к составлению детального плана приобретенного участка, на который наносились даже все древесные насаждения и производилась распланировка отдельных могил. Инженер С.С. Шестаков отнесся со всей ответственностью и любовью к порученному ему делу и даже ездил в Ригу, Петроград и Севастополь, чтобы познакомиться с братскими кладбищами этих городов.

С.В. Пучков наблюдал за благоустройством кладбища и всячески содействовал родственникам, желавшим именно здесь похоронить своих погибших близких.

Московское Братское кладбище должно было представлять собой один величественный всероссийский памятник — Пантеон самоотверженным героям. Кроме того, гласный комитета Р.И. Клейн предложил на кладбище, в отдельных музеях «по возможности собрать все, что относилось бы к событиям Первой мировой войны, переживаемым страной», и представляло бы исторический интерес для уяснения общего хода событий, отдельных эпизодов войны и характера лиц, в ней участвовавших. По его мнению, по обеим сторонам будущего храма галереями в виде крыльев можно было бы устроить здания двух музеев, из которых один предназначался для литературы, рассказывающей о событиях тех времен, а другой — для военных трофеев, взятие которых, может быть, было связано с подвигами погребенных на кладбище героев. Характер убранства самого кладбища тоже должен был отвечать тому, что его создало: вокруг памятников предполагалось поставить неприятельские орудия и устроить подобие фортов, а сами могилы сделать в форме окопов.

15 февраля 1915 года состоялось открытие Братского городского кладбища и временной часовни, и было совершено первое погребение. В этот день в церкви Сергиево-Елизаветинского убежища преосвященный Димитрий, епископ Можайский, отслужил литургию с хором воспитанников, одетых в солдатскую форму. Когда богослужение окончилось, великая княгиня Елизавета Федоровна и другие лица вместе с духовенством проследовали на новое кладбище. К этому времени на средней площадке были уже вырыты могилы и квадратом расположены войска Московского гарнизона — от всех воинских частей по одному взводу, а также юнкера с оркестром. В средней части кладбища располагалась и временная часовня, в которой находились Распятие и иконы, пожертвованные великой

княгиней Елизаветой Федоровной. Перед Распятием на катафалке помещались 5 гробов с прахом погибших на поле брани воинов:

— сотника В.И. Прянишникова, бывшего воспитанника Московского Алексеевского военного училища, убитого в сражении под Сарыкамышем;

— Ф.И. Папкова;

— старшего унтер-офицера А.И. Анохина;

— ефрейтора Е.И. Гутенко;

— рядового Я.Д. Салова.

Все гробы были обиты белым глазетом и покрыты ценными покровами, колонны часовни были перевиты черной материей. В часовне тоже был совершен молебен с водоосвящением, а потом и кладбище окропили святой водой.

Первый гроб несли к могиле Георгиевские кавалеры, второй — консулы союзных государств, третий и четвертый — городские гласные, а гроб сотника В.И. Прянишникова — командующий войсками А.Г. Сандецкий, граф Н.Л. Муравьев и другие. В могилы гробы были опущены при троекратном оружейном залпе и пушечной пальбе. На могильных холмиках поставили временные памятники с именами погребенных.

При устройстве кладбища решено было возвести и церковь, в которой родственники и друзья погибших героев могли бы помолиться за упокой их души, но средств на сооружение храма не было, и строительство его отодвигалось на неопределенные сроки. Тогда отозвались «два великодушных гражданина» — А.М. и М.В. Катковы, потерявшие на этой войне своих сыновей. Они взяли на себя изыскание средств на возведение храма во имя Преображения Господня с приделами во имя архангела Михаила и апостола Андрея Первозванного. Закладка храма, по их просьбе, должна была состояться 6 августа 1915 года — в годовщину смерти их сыновей Михаила и Андрея.

В этот же день был открыт и участок для погребения сестер милосердия. Первой похоронена была умершая от тифа А.П. Нагибина, над гробом которой в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны и начальствующих лиц панихида была отслужена тем же епископом Можайским Димитрием. На этом участке находится и могила сестры милосердия 1-го Сибирского передового отряда Всероссийского союза городов Ольги Иннокентьевны Шишмаревой, убитой на передовых позициях. На ее похороны к началу панихиды на Братское кладбище прибыла великая княгиня Елизавета Федоровна. После панихиды гроб с телом покойной вынесли из часовни на руках, впереди траурной процессии несли венки, среди которых были — лавровый крест с белыми живыми цветами от великой княгини Елизаветы Федоровны, венок от Всероссийского союза городов — «безвременно погибшей сестре», от главного комитета городского совета — «юной жертве долга милосердия и мужества» и от многих других организаций.

С наступлением весны все могильные холмики обложили дерном, окружили живописной изгородью из сирени и жасмина, посадили цветы.

Погребали на Братском кладбище всех воинов — от рядового до генерала, и места под могилы отводились бесплатно. Здесь был похоронен генерал В.Н. Токарев, отличившийся во многих боях. Он ходил в штыковые атаки вместе со своими солдатами, все время был под огнем и не получил

ни одного ранения. Его повысили в звании, генерал сдал свой полк и готовился уезжать на новое место службы, причем более опасное. Но в последний день, когда он был еще со своим полком, напали немцы, и генерал захотел в последний раз сам повести в бой своих испытанных воинов. Для него самого этот бой действительно стал последним, так как в самом начале стычки он был убит.

При устройстве кладбища не были забыты и воины других вероисповеданий: для них были выделены отдельные участки. Разделенные верой, все погребенные были объединены одной родиной и тем, что отдали за нее жизнь.

На Братском кладбище хоронили, видимо, и умерших в лазаретах красноармейцев и командиров времен Гражданской войны. Но после Октябрьской революции это первое и единственное Братское кладбище, как и многие другие в Москве, исчезло. Оно хирело и угасало постепенно и незаметно: в 1930-е годы его территорию сначала значительно сократили, а через десятилетие, в связи с застройкой Песчаных улиц кладбище вообще ликвидировали. Только чудом сохранилась могила поручика Шлихтера — сына старого большевика, друга В.И. Ленина. На могильной плите усопшего написано: «Жертва империалистической войны». Сохранилась и могила Я.С. Макеева — заведующего городским Братским кладбищем со дня его открытия до 1919 года.

В настоящее время создан Общественный совет по возведению часовни на месте бывшего Братского кладбища. На этой часовне будут написаны имена воинов, «положивших души свои за други своя». А прах предков, который здесь обнаружится, обретет вечное упокоение в подклети новой часовни.

«МИР ОБ ЭТОМ НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ»

Слова, вынесенные в название этой главы, принадлежат П.Л. Войкову, ответившему так на заданный ему однажды вопрос: «Почему так усиленно скрываются подробности смерти Николая Второго?» Гибель последнего русского императора и членов его семьи до сих пор остается «загадкой XX века». А слухов о том, как погибла и где была захоронена царская семья, ходило и до сих пор ходит очень много. В частности, говорили, что «сначала вырыли одну яму, фальшивую, для отвода глаз, а рядом вырыли уже настоящую, в которой и похоронили, залив всех цементом». Или еще так. «Сначала побросали всех в одну яму, а потом развезли по разным местам…»

Участник кровавого злодеяния в Ипатьевском доме П.Л. Войков (Пинхус Вайнер), будучи уже советским послом в Варшаве, под новый, 1927 год под влиянием выпитого как-то рассказал своему собеседнику Бесодовскому жуткую историю: «Мы все, участники, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней — и он бы сошел с ума». Говоря это, П.Л. Войков держал в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови, который он снял с одной из жертв… И речь шла не о расстреле, который продолжался несколько минут, а об уничтожении трупов, необходимости разрубать их на части, а потом сжигать эти части, и продолжалось это не менее двух дней и ночей.

Да и небольшая комната, в которой произошло злодейское убийство, представляла собой страшную картину: на полу стояли лужи крови, стены и анфилада комнат, ведущих к выходу, тоже были забрызганы кровью. Пьяные, мечущиеся убийцы с окровавленными руками и в одежде, запачканной кровью… Надо заметать следы, и на это дело бросают всех, кроме уехавших хоронить трупы.

Место, куда увезли тела расстрелянных членов семьи последнего русского императора, находилось в далекой глуши. От переезда железнодорожной линии по густому лесу шла узкая конная дорога, которая возле урочища «Четырех братьев» раздваивалась, а потом снова соединялась, ограничивая большую территорию, называвшуюся «Ганина яма». Общая протяженность ее составляла около 5 верст, и примерно в середине этого района имелся маленький прудик, именно он, собственно, и назывался «Ганина яма». Утром 17 июля сюда и привезли тела членов царской семьи: на поляне убийцы развели костер, раздели женщин и начали копаться в их белье, а потом сбросили все тела в шахту и засыпали ее гранатами.

О захоронении членов царской семьи оставили воспоминания несколько свидетелей, считавших, что это место находится именно в Ганиной яме. Например, у П. Быкова, одного из большевистских руководителей, сказано, что трупы ночью были отвезены на грузовиках по большой Коптяковской дороге в район старых рудников. «Здесь, вблизи заброшенных шахт „Ганиной ямы“, трупы были частично сожжены… Остатки трупов были отвезены в сторону и закопаны в болоте».

О том же пишет А.А. Стрекотин, один из подручных караульной команды, аналогичную версию приводит и М. Касвинов в своей книге «Двадцать три ступени вниз». Целую «повесть» о первом захоронении членов царской семьи оставил П.З. Ермаков.

Около часу ночи автомобиль с трупами направился по направлению дороги Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов, но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало мог кому доверить это дело и тем паче, что я отвечал за все… я заранее решил их сжечь, для этого приготовил серную кислоту и керосин… Я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь, и так было сделано. Когда стали снимать у них платье, то у самой императрицы и дочерей были найдены медальоны, в которые вставлена голова Распутина, далее под платьем на теле были приспособлены лифчики двойные… где были уложены драгоценные камни… Все это было передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было, я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда, одежду тут же сжег, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту, она была неглубокая, около 6 сажень…

Когда все это было закончено, то уже был полный рассвет, около 4-х часов утра… Когда все уезжали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17на 18 июля я вновь прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребята вытаскивали. Когда всех вытащили, то я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих — серной кислотой. Трупы горели до пепла, и пепел был зарыт…

Как относиться к этой части воспоминаний П.З. Ермакова? Как к пьяному бреду или как к легенде, кем-то придуманной и спланированной? А были ведь воспоминания и других свидетелей последних дней жизни членов семьи Николая II, например чекист Г.И. Сухоруков писал: …18 или 19 июля нас выбирают 12 человек и говорят: товарищи, вам вверяется тайна государственной важности, с этой тайной вы должны умереть, горе будет тому, кто не оправдает доверия. Мы говорим, что готовы на все, и тогда председатель Уральского областного ЧК говорит: сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова… Ночью же выехали в сторону В. Исетского завода.

Приехали утром к шахтам, где были трупы, около шахты пепел… Братва начала рыться, догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду. Кое-кому попало изрядно, например, Поспелов нашел 2 крупных бриллианта, оправленные платиной; Сунегин нашел бриллиантовое кольцо и т. д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступать к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе. Первым спустился в шахту Сунегин Вл. И начал извлекать сначала дрова, цельными плахами, потом работа показалась длинной и нудной, и решили взяться прямо за трупы… На подмогу Сунегину спустился я, и первая же попавшаяся нога оказалась Николая последнего, который благополучно и был извлечен на свет божий, а за ним и все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми, за исключением наследника, который был в одной матроске нательной, но без штанов. По извлечении трупы сложили недалеко от шахты и закрыли палатками… Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать и сильно снова заездить, но грунт оказался каменистым и эту работу бросили…

Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже положены на повозки, и мы с повозок снова перегрузили их на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, настланная шпалами, в виде моста, и здесь задний грузовик, почти проехавши, застрял. Все наши усилия ни к чему не привели и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова положить шпалы. Так и было сделано. Чтобы белые, даже если бы и нашли эти трупы, не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали. На наш жертвенник первым попал наследник, и второй — младшая дочь Анастасия. После того, как трупы были сожжены, мы разобрали костер, насередине вырыли яму, все оставшееся недогорелое сгребали туда, и на том же месте снова развели костер, и там закончили работу.

В то время, когда могильщики занимались своей страшной работой, прилегавшие к Ганиной яме леса были оцеплены красноармейским отрядом, и, как уже говорилось выше, были приняты все меры, чтобы замести следы этого гнусного деяния. Но местные мужики, пришедшие к шахте сразу после ухода красных войск, нашли в траве — среди пепла и грязи — прекрасные драгоценные вещи и другие предметы, избежавшие огня. Потом они дали показания и честно сдали все найденные драгоценности.

Когда армия Колчака заняла Урал, по делу об убийстве царской семьи было начато расследование. Возле Ганиной ямы еще хорошо сохранялись следы двух кострищ: одни — у шахты, другие — на лесной дороге, под березой. В пепелище были обнаружены корсетные планшетки, множество пуговиц и крючков, военная пряжка небольшого размера, обгоревший изумрудный крест и бриллиант. В кустах и траве тоже были найдены мелкие вещи, принадлежавшие членам царской семьи, а около шахты — разорванные страницы анатомического трактата на немецком языке и немецкая газета. Следователь Н.А. Соколов и его помощники нашли 66 предметов, указывавших, что трупы членов царской семьи уничтожили именно около Ганиной ямы. На это указывали и следы кострищ, земля под которыми была пропитана застывшим человеческим жиром…

Из шахты откачали воду, подняли со дна землю, просеяли ее и промыли, и обнаружили жемчужную серьгу, застежку для галстука и много других предметов туалета членов царской семьи, а также и вставную челюсть доктора Е.С. Боткина. Однако, несмотря на самое тщательное обследование местности, ни самих тел, ни каких-либо останков обнаружено не было. Следователь по особо важным делам Н.А. Соколов и генерал М.К. Дитерихс, проводившие судебное расследование, пришли к одинаковому выводу: вся царская семья погибла, тела всех предварительно разрубили на куски, облили серной кислотой и бензином, а потом сожгли до пепла. *79 При расследовании обстоятельств гибели царской семьи с Н А Соколовым был тесно связан Р. А. Вильтон — корреспондент газеты «Тайме» в Петербурге. Он вникал во все подробности следствия и участвовал в таких действиях, к которым следователь допускал особо доверенных лиц. Р. А. Вильтон сделал снимки многих мест и вещей, касавшихся преступления, и сберег с опасностью для жизни один из экземпляров следственного дела.* На месте кострищ были собраны куски разрубленных и обгорелых частей тел, участки кожи, отрубленный палец… Показания свидетелей, допрошенных в те годы, подтвердили эти заключения. Головы отрезали и увезли в Москву.

Следственной комиссии удалось установить, что 19 июля 1918 года Ш. Голощекин выехал в Москву в отдельном вагоне, и с ним было «три тяжелых не по объему ящика», перевязанных веревкой. Всем любопытствующим он отвечал, что везет образцы артиллерийских снарядов для Путиловского завода. В Москве вместе с ящиками Ш. Голощекин отправился в Кремль — на квартиру Я.М. Свердлова…

Что же на самом деле было в этих ящиках? По одной версии, в них перевозили золото и драгоценности царской семьи, по другой — из Екатеринбурга были действительно привезены заспиртованные головы Николая II и членов его семьи. В конце июля 1918 года среди рядовых служащих Совнаркома активно обсуждалась эта страшная, до сих пор не опровергнутая версия…

В июле 1979 года Г. Рябов (сын чекиста, профессиональный следователь и автор сериалов о советской милиции) и геолог А. Авдонин взялись «обнаружить» точное место екатеринбургского могильника, в чем им помогла записка Юровского, неожиданно «появившаяся» сразу в нескольких архивах. Причем они не просто обнаружили захоронение, но и извлекли из него три черепа, которые потом снова закопали. *80 А. Авдонин попутно закопал в царскую, как он полагал, могилу свой бытовой мусор — старый чайник, ржавый таз и другую рухлядь.*

Тогда и поползли слухи, что один из черепов принадлежит Николаю II, но большого распространения эти слухи тогда не получили.

После незаконного вскрытия могильника остается лишь надеяться, что извлеченные тогда черепа (а может быть, и кости) были действительно снова положены туда. Однако никто тогда ничего не описывал, и никаких принятых в таких случаях актов не составлялось. Новый интерес к «царскому делу» снова возник в конце 1980-х годов, и в июле 1991 года было проведено «официальное» вскрытие захоронения с участием большой группы исследователей, бойцов регионального отряда МВД и представителей местной власти. Священника почему-то не пригласили, и получилось так, что сам факт обретения предполагаемых останков членов царской семьи превратился в простую информацию из раздела криминальной хроники. В тот день шел нескончаемый дождь, но хорошей погоды дожидаться не стали. Археологи-изыскатели поставили над могильником армейскую палатку, и добрая дюжина человек в тесноте втаптывала в мокрую глину человеческие останки. Кроме того, могильник был нарушен: останки, согласно газетным сообщениям, были захоронены в два яруса, и когда извлекали верхний — нижний затаптывали, поэтому была утрачена всякая возможность установить прижизненность тех или иных повреждений.

Для изучения вопросов, связанных с исследованием и захоронением останков последнего русского императора и членов его семьи, была создана государственная комиссия. Но лишь 23 июля первым экспертам Института судебной медицины была предоставлена возможность познакомиться с содержимым 12 больших армейских ящиков, в которых находились бесформенные конгломераты человеческих костей, вплавленные в отвердевшую глину. Из них потом было составлено не менее 8 скелетов вместо ожидаемых одиннадцати. Останков царевича Алексея и одной из царевен обнаружено не было, и снова поползли слухи об их возможном спасении.

За 12 дней до расстрела царской семьи внутренняя охрана Ипатьевского дома была полностью заменена не говорившими по-русски латышскими стрелками во главе с Я. Юровским. Его появление вселило в царственных узников страх, хотя держался он с ними холодно и корректно. 14 июля 1918года, когда уже принято было решение о расстреле, приходящая прислуга обратила внимание, что Я. Юровский долго сидел у постели цесаревича и расспрашивал его о здоровье. Через два дня чекисту попался на глаза поваренок Седнев, бывший ровесником цесаревича, — племянник царского повара, к этому времени уже посаженного в тюрьму. Я. Юровский резко сказал ему: «Беги сейчас к своему дяде в тюрьму!» — и мальчика с его сундучком отвели в батальон охраны, где он долго и сильно кричал.

Имея приказ Уральского комитета о расстреле царской семьи, Я. Юровский получил и предупреждение от русской церкви, что за расправу с царственными узниками его самого ждет смерть. И он решился, видимо, на неполное выполнение приказа: расстрелял царскую семью, но под видом поваренка дал возможность скрыться царевичу Алексею…

Работой государственной комиссии многие ученые остались не удовлетворены. Например, доктор юридических наук М.Н. Кузнецов

подчеркивал, что в ее работе не было видно стремления установить истину, наоборот, комиссия как будто любой ценой стремилась доказать, что найденные под Екатеринбургом останки принадлежат членам царской семьи, и полностью игнорировала другие версии убийства и сокрытия тел. Некоторые ученые утверждают, что найденные на Коптяковской дороге останки не принадлежат членам семьи Николая II, не имеют вообще никакого отношения к Романовым и что в этом месте была захоронена совсем другая семья. К тому же первые эксперты как-то вдруг были отстранены от исследований, и центр проведения судебно-медицинской идентификации царских останков незаметно стал перемещаться из России в научно-исследовательские учреждения Америки и Англии. Неудивительно, что у многих возникает закономерный вопрос: «А не было ли при этом утрат и подмены останков?» Поэтому трудно поверить в официальную версию о том, что найденные под Екатеринбургом останки действительно принадлежат членам царской семьи и некоторым другим лицам, разделившим вместе с ними заключение в Ипатьевском доме. *81 За годы советской власти Ипатьевский дом повидал немало хозяев. Сначала в нем разместился музей, а после Великой Отечественной войны в особняке было областное отделение «Союзпечати», затем центр по подготовке учителей из соседнего Челябинска. В ночь с 17 на 18 сентября 1977 года дом снесли, а перед этим там проводил свои репетиции молодежный театр.* Недаром Русская православная церковь заявила, что факт принадлежности найденных останков царской семье не доказан. Несмотря на мощное давление со стороны власти, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и все без исключения иерархи отказались от участия в их погребении. Пришлось обращаться к священникам, находящимся вне юрисдикции Русской православной церкви. Но даже и этот священник не стал поминать на панихиде имена членов царской семьи, а похоронил останки как безымянные, пропев: «А имена их, Господи, Ты Сам веси»…

МАВЗОЛЕЙ В.И. ЛЕНИНА

Когда В.И. Ленин скончался (21 января 1924 года), была создана Специальная комиссия под председательством Ф.Э. Дзержинского, и члену этой комиссии — В.Д. Бонч-Бруевичу была поручена организация похорон. Сам В.И. Ленин никаких записей или устных распоряжений на этот счет не оставил, и никто не слышал о его завещании относительно своего захоронения. У тогдашнего руководства страны и мыслей не было о длительном бальзамировании тела В.И. Ленина. Достоверно известно, что после доставки тела покойного из Горок в Кремль патологоанатом академик А.И. Абрикосов провел обычное вскрытие, установил причину смерти и выполнил необходимый объем работ по минимальному бальзамированию, пока тело будет находиться в Колонном зале Дома союзов для церемонии прощания. 25 января ЦИК СССР принял постановление, в котором говорилось:

1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены, на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции.

Уже на другой день после смерти В.И. Ленина архитектор А.В. Щусев получил задание всего за трое суток спроектировать и построить «склеп» — именно так в официальных документах называлось тогда место захоронения вождя революции. «Склеп» должен был быть таким, чтобы

туда могли пройти все, кто захочет проститься с Владимиром Ильичей. Желающих было очень много, и, несмотря на сильные морозы, длинный людской потом не уменьшался, а потом стали прибывать и представители со всех концов СССР и из-за рубежа.

Как только было выделено место у Кремлевской стены, перед могилой Я.М. Свердлова — на месте сооруженной в 1922 году кирпичной трибуны, и сделана разметка, сразу приступили к рытью котлована. Но земля была такой мерзлой, что ее не брали ни лом, ни кирка, и тогда на помощь призвали военных саперов. Взрывники так точно расположили снаряды, что после маломощных направленных взрывов основная масса грунта была выброшена в сторону площади и не повредила рельефа на Сенатской башне, могилы Я.М. Свердлова и фигуры рабочего, установленного к 5-летию Октябрьской революции правее Сенатской башни. К этому времени и А.В. Щусев определился со своим проектом, задумав возвести на фоне Кремлевской стены с ее зубцами и башнями склеп-мавзолей в виде ступенчатой пирамиды.

К рассвету 26 января котлован для склепа был готов, и строители приступили к его сооружению. Работы велись днем и ночью при свете прожекторов и при 30-градусном морозе. На строительстве Мавзолея самоотверженно трудились и многие добровольцы, в том числе революционеры-эмигранты: австрийцы, венгры, поляки, финны и др.

Но к вечеру того же дня на Красной площади уже завершались работы по сооружению первого Мавзолея, который по своему внешнему виду ничего общего не имел с современным. Основание его было почти кубической формы (высота около 3 м), а над ним возвышались еще три ступени небольшой пирамиды. Мавзолей был деревянный, справа от него располагалась постройка (тоже деревянная) — вход в подземный траурный зал, слева — такая же постройка для выхода из него. Наружная поверхность Мавзолея была обшита вагонкой в «елку» и имела светло-коричневую окраску. И только по углам доски были выкрашены в черный цвет, образуя траурную рамку. На фасаде Мавзолея выделялись крупные рельефные буквы «ЛЕНИН», выкрашенные в черный цвет.

Утром 27 января из Колонного зала Дома союзов траурная процессия с телом В.И. Ленина направилась на Красную площадь. Гроб был установлен для прощания на постаменте, а потом ближайшие соратники Владимира Ильича опустили его в Траурный зал, находившийся на глубине трех метров. Оформлен он был в черный и красный цвета, как было задумано художником И.И. Нивинским. Затем гроб с телом В.И. Ленина установили в саркофаг, накрытый стеклянной пирамидальной крышкой (работа К.С. Мельникова). У входа и выхода впервые встали на Пост № 1 часовые.

Уже в феврале 1924 года, когда первый деревянный Мавзолей был открыт для посещения, началась подготовка к созданию нового монументального сооружения. Первый «склеп» считался временным, а для вождя революции нужен был более монументальный Мавзолей. Его тоже решили построить из дерева и с максимальным использованием конструкций уже существующего сооружения. А.В. Щусеву поручили создать новый проект, согласно которому предполагалось объединить склеп и боковые вход и выход. К тому же архитектору надо было учесть

предложения, который поступали от соратников вождя. Например, Л.Б. Красин, один из первых советских дипломатов, предложил придать Мавзолею форму народной трибуны. Его поддержал и А.В. Луначарский. Так появился проект второго Мавзолея, который сочетал в себе ступенчатую пирамиду, усыпальницу, памятник и трибуну. Размеры второго Мавзолея, по сравнению с центральным объемом первого, увеличились более чем в два раза.

Этот Мавзолей в общих чертах был уже похож на современный, и хотя он тоже был сделан из дерева, но ступеней у него было больше. Центральный вход находился в середине фасада Мавзолея, а слева и справа от него размещались боковые трибуны, куда вели две лестницы. Дубовая обшивка второго Мавзолея была покрыта лаком, и общий цвет всего сооружения был светло-коричневым, а на нем контрастно выделялись сделанные из черного дуба колонны портика, двери, фриз над нижним объемом и т. д.

В конце 1924 года комиссия по увековечению памяти В.И. Ленина обсуждала доклад А.В. Луначарского и Л.Б. Красина «О постоянном Мавзолее». В ходе обсуждения комиссия сформулировала ряд принципиальных предложений, которые затем вошли в программу объявленного конкурса. Основным помещением Мавзолея должен был стать зал, в центре которого будет установлен саркофаг; кроме того, предусматривались подсобные помещения и залы, а также «большие залы ожидания», которые «могут находиться и в верхнем этаже, то есть над землей, и составлять главное содержание самого корпуса здания». Стены внутренних помещений должны были быть украшены фресками, изображающими «главные этапы мировой революции, в особенности рабочего движения, и социалистического служения ему Владимира Ильича». Кроме того, «в композицию всего сооружения должна была входить трибуна, как центр Красной площади. Трибуна должна быть рассчитана на вмещение президиума всего народного собрания… с самостоятельно выдвинутой кафедрой для оратора».

К составлению проекта решено было привлечь лучших советских и зарубежных архитекторов, и на конкурс поступило много интересных проектов. Например, Ф.О. Шехтель представил композицию, отдаленно напоминавшую Мавзолей в Га-ликарнасе: прорезанный арками стилобат, на котором стоит колоннада, поддерживающая высокую пирамиду, облицованную камнем.

В конкурсе приняли участие не только профессиональные архитекторы, но и люди самых разных профессий — рабочие, крестьяне, служащие, студенты… И если их самодеятельные проекты с архитектурной точки зрения были несовершенны, то тексты к ним представляют большой интерес как подлинные документы эпохи и свидетельствуют об отношении народа к идее увековечения памяти В.И. Ленина. Например, в проекте под девизом «Пролетарское единство» монумент изображен в виде трибуны-винта (с лозунгами на витках резьбы) с двумя гайками и скульптурной группы «Ленин среди представителей III Интернационала». В пояснительной записке автор проекта писал: «Жизнь и деятельность Ильича так многообразны, что отражают собой целую эпоху: вождь и борец, гуманист и реформатор в одинаковой мере выступает на первый план,

превращая жизнь в легенду, а личность в миф». По мнению автора, «…в памятнике В.И. Ленину должен был найти отражение тот факт, что вождь революции уделял большое внимание индустрии, символом которой могут служить колесо, рычаг и винт».

Проект под девизом «Декабристы» представлял монумент в виде корабля с названием «Октябрь», на капитанском мостике которого должна был стоять фигура В.И. Ленина, указывающего путь. В проекте под девизом «Центр мира» предлагалось возвести на Красной площади огромное сооружение в виде пятиконечной звезды. Трибуны размещаются со стороны всех фасадов здания, что давало возможность одновременно выступать нескольким ораторам.

После второго бальзамирования тела В.И. Ленина за его состоянием и соблюдением нужной температуры и влажности в Траурном зале установили тщательное наблюдение. Теперь этим занималась специальная комиссия Мавзолея, которая к 1929 году установила, что тело покойного можно сохранять и более длительное время, поэтому решено было построить каменный Мавзолей из отечественных материалов. Работа была поручена все тому же архитектору А. В Щусеву, а помогали ему архитекторы И.А. Француз и Г.К. Яковлев.

Сохранилось большое количество чертежей, которые свидетельствуют о кропотливой работе над проектом, о том, как от варианта к варианту проект каменного Мавзолея все дальше отходил от своего деревянного прототипа и приобретал все более крупные масштабы. И хотя постоянный Мавзолей в основном сохранил все формы деревянного, но пропорции его существенно изменились.

А.В. Щусев побывал в каменоломнях страны и сам отобрал камни необходимых пород и расцветок (мрамор, гранит, лабрадор, порфир и др.). Самый крупный монолит серо-черного лабрадора с васильково-черными прожилками был добыт в Головинском карьере под Житомиром. Сначала эту 60-тонную громадину везли на восьмиколесной телеге до железной дороги, а потом — на специальной платформе, в Первую мировую войну перевозившей подводные лодки. На этом монолите, занявшем в Мавзолее место над центральным входом, разместилось имя «ЛЕНИН». Буквы были изготовлены из полированного красного кварцита, добытого на берегу Онежского озера. Строительные работы по сооружению Мавзолея продолжались 16 месяцев и были закончены в октябре 1930 года.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЮ-БУА

После Октябрьской революции Россию покинули более миллиона наших соотечественников, и в политическом отношении в изгнании оказались представители всех дореволюционных партий — от крайне правых до крайне левых. Возникали и новые организации, например Русский национальный комитет, в президиум которого входили и богослов Карташов, и журналист Бурцев, и П. Струве, и один из князей Долгоруковых. Создавались в эмиграции и военные организации: Русский общевоинский союз со всеми его корпусами и дивизиями, союзами офицеров, Георгиевских кавалеров, гвардейцев и офицеров Генерального штаба; Фонд спасения родины, Зарубежный союз инвалидов и другие, а также земляческие и профессиональные объединения… Значительная часть творческой и научной интеллигенции в Париже, Берлине, Риме и

других западноевропейских городах не просто вела борьбу за существование, но и пыталась служить какой-то идее. Одни, особенно в первые годы после революции, призывали к «крестовому походу против большевиков», другие считали себя чуть ли не наследниками герценовского «Колокола» — реальной оппозицией коммунистической власти. Но во все времена лучшие представители русской эмиграции видели свою задачу «в служении России, независимо от существовавшей в ней политической системы», и потому оставили по себе добрую память.

В Париже русские эмигранты довоенного времени создали самый большой и самый богатый центр русского расселения. После революции оказалась за границей и княгиня Вера Кирилловна Мещерская. В поисках заработка она открыла в Париже пансион, в котором обучали хорошим манерам девушек из богатых американских семей. Среди ее воспитанниц была некая мисс Дороти Пэджей, оказавшаяся не только богатой, но и доброй девушкой. Она стала допытываться у В.К. Мещерской, чем можно помочь и что могут сделать ее деньги. И княгиня рассказала своей американской пансионерке о тяжелом положении стариков-эмигрантов и престарелых людей, не имеющих семьи и родных. И тогда мисс Д. Пэджей в местечке Сент-Женевьев-дю-Буа, располагавшемся в 30 километрах от Парижа, купила прекрасный особняк с флигелями, службами и садом, ранее принадлежавший одному из наполеоновских маршалов. Здесь княгиня В.К. Мещерская организовала так называемый Русский дом, который вместе с флигелями сразу же заполнился постояльцами. Из бывшего посольства Российской империи в Русский дом привезли портреты государей и государынь и даже тронооб-разное кресло, в котором однажды когда-то сидел последний русский император.

Мисс Д. Пэджей заботилась о своих подопечных как могла, например, присылала из Америки подарки, а на Рождество — гусей и индеек. Однажды она приехала из-за океана и в день взятия Бастилии решила порадовать русских старичков. На грузовиках, с немалым риском для их хрупкого здоровья, она повезла всех — 250 человек — в Париж смотреть фейерверк на Сене.

В столице накупила шампанского и всякого угощения, сняла виллу с видом на Сену, чтобы салют был хорошо виден, так ей хотелось «дать обедневшим русским аристократам, хоть на один день, иллюзию их былой привольной и богатой жизни».

Когда Русский дом перестал вмещать всех желающих, они стали селиться на квартирах поблизости от него. Постепенно Сент-Женевьев-дю-Буа обрусел, как и некоторые другие пригороды Парижа. Рядом с Русским домом находилось сельское французское кладбище, на котором с левой стороны от входа был отведен участок земли для захоронения русских. Первые русские могилы появились здесь в 1927 году, а впоследствии возникла необходимость в церкви, и общими усилиями был приобретен участок земли рядом с кладбищем. Проект церкви в честь Успения Божьей Матери, возводимой в традициях новгородско-псковского зодчества XVI века на общественные пожертвования, выполнил архитектор и художник А.А. Бенуа. Внутреннее убранство храма тоже сделано в русском стиле. Церковь расписывали сам художник и его жена, принимал участие в росписи храма и граф

Шереметев, который в то время служил при храме в скромной должности псаломщика. Строгий двухъярусный иконостас расписан художниками-прихожанами Львовой и Федоровым. Небольшая белая церковь была торжественно освящена митрополитом Ев-логием в 1939году.

Митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский) родился в селе Сомове Тульской губернии в семье священника. Получил высшее богословское образование, после революции жил и работал в Сербии и Германии, служил архиепископом Волынским. В апреле 1921 года он был возведен в сан митрополита и до конца своей жизни возглавлял православную церковь в Западной Европе. С осени 1922 года митрополит Евлогий жил во Франции, содействовал созданию Русского православного богословского института, мечтал вернуться со своей паствой на родину, но умер на чужбине и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа.

В склепе храма впоследствии упокоились А.А. Бенуа с супругой, протоиерей Д. Троицкий, принимавший участие в строительстве церкви, а также архиепископ Кассиан, ректор Русского православного богословского института в Париже, и другие.

Справа от храма, в зелени кустов и деревьев, расположилась звонница с маленьким куполом над двумя аркадами. В них разместилось 6 колоколов: в правой — один большой, в левой — пять других, разных размеров, размещены в две высоты.

Храм в честь Успения Божьей Матери был первой кладбищенской церковью на русской земле. Позже в этой церкви стали отпевать и на этом кладбище хоронить умерших не только из Сент-Женевьев-дю-Буа, но и из Парижа и более отдаленных мест Франции. При храме долгое время действовало Попечительство русского кладбища, объединявшее родственников и друзей тех, кому дорога русская культура. Основой деятельности Попечительства были забота о кладбище, могилах и сохранение памяти о погребенных в них. А церковь не прекращала совершать молитвенные поминания об усопших — панихиды, простые заупокойные службы и торжественные поминовения.

В тяжелые годы Второй мировой войны церковь и Попечительство возвели вокруг кладбища каменную ограду и ворота церковного участка. После войны был построен домик, в котором могут разместиться на отдых прибывшие паломники. На стенах домика — изображения последнего русского императора и членов его семьи, фотографии зарубежных владык Русской православной церкви, архитектора А.А. Бенуа, а также литографии с видами Москвы и Санкт-Петербурга и изображением коронации императора Николая II; в углу — икона Николая Чудотворца, перед которой всегда горит лампада. У входа в домик укреплены две мраморные доски, на одной из которых сделана надпись: «Отдохните, укройтесь от непогоды и молитвенно вспомяните подумавшего о Вас».

Весь комплекс зданий находится на земле, приобретенной Епархиальным управлением, и является русской собственностью. Территория же самого кладбища, выросшего со дня своего основания в два раза, принадлежит местной муниципальной власти, и русским кладбище можно назвать условно. В настоящее время, когда предместье Сент-Женевьев-дю-Буа из рабочего поселка превратилось в город, потребность в местах для погребений увеличилась, и теперь среди русских

могил можно увидеть и французские захоронения. Местные жители строго контролируют погребения православных на Сент-Женевьев-дю-Буа. Если раньше места для погребений продавались сроком на 100 лет и даже навечно, то теперь это правило отменено.

Название «Сент-Женевьев-дю-Буа» обычно переводится как «Святая Женевьева Лесная». Давным-давно тут были леса, а теперь шелестят под французским небом почти белоствольные и почти русские березы эмигрантского русского кладбища. Когда-то люди с ужасом говорили, что страшно умереть на чужбине: жить здесь и то тяжко, а вот быть зарытым в чужую землю — это уж совсем горестная судьба. Здесь, на кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа, покоится прах многих русских людей; на обелисках, именах, стелах высечены имена тех, кто составляет цвет отечественной культуры, работавших во славу ее, даже оказавшись вне родины. Писатели и поэты И. Бунин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Б. Зайцев, Г. Иванов, художник К. Коровин, С. Лифарь и многие-многие другие… Волей судьбы они оказались за границей, но не растворились на чужбине, потому что всех их объединяла великая русская культура, которую они хранили в своих сердцах и которой продолжали служить и вдали от родины. Историк и богослов И. Федотов назвал служение русской культуре самой важной частью жизни эмигрантов: «Быть может, никогда ни одна эмиграция не получила столь повелительного наказа — нести наследие русской культуры. Он дается фактом исхода, вольного или невольного, значительной части ее активной интеллигенции… И вот мы здесь, за рубежом, для того… чтобы восстановить полифоническую ценность русского духа».

Популярной и любимой в среде русских эмигрантов была «Зеленая лампа» — литературно-философское общество, созданное З. Гиппиус и Д. Мережковским. Из старшего поколения его охотно и часто посещали писатели И. Бунин, М. Алданов, М. Цейтлин, философы Л. Шестов, Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский и другие.

Многие десятки тысяч русских нагрянули во Францию изможденные революцией и потерями, и с ними — испуганные и захиревшие дети. Надо было поправлять здоровье и скорее учить их. В Париже оказались и молодые солдаты, юнкеры и офицеры, которые не успели получить образования в России, уйдя на фронты Гражданской войны из-за парты. И тогда представители «беженской России» со всей самоотверженностью взялись в первые же годы изгнания за дело просвещения молодого поколения, совершив этим великий подвиг. Первая волна русской эмиграции не только выжила, но сумела в этой потерянности и бедности вырастить хороших детей, дать им образование и сохранить в их душе, памяти и в языке великую Россию.

Во французской столице действовали различные школы, курсы, русские гимназии, кадетский корпус, консерватория, институты и т. д. Например, только русская гимназия, принадлежавшая Обществу помощи детям русских эмигрантов, до своего закрытия в 1961 году выпустила около 1000 юношей и девушек. Среди них были и те, кто в годы Второй мировой войны сражался в отрядах французского Сопротивления.

Особое чувство вызывает участок кладбища, где похоронены участники Белого движения. И как пронзительно справедливы слова князя

С.Е. Трубецкого из воспоминаний, написанных им в эмиграции: «Будет ли наш прах покоится в родной земле или на чужбине — я не знаю, но пусть помнят наши дети, что где бы ни были наши могилы — это будут русские могилы и они будут призывать их к любви и верности России». На каждой из них установлен какой-нибудь символ: Андреевский флаг из голубых и белых цветов, изображение русского ордена, восьмиугольный крест с крышей и золотыми куполами-луковками.

На Сент-Женевьев-дю-Буа расположены полковые участки алексеевцев, корниловцев, казаков, моряков, которые лежат в могилах плечом друг к другу, как когда-то шли в боях. А еще есть участки тех, кто хотел, чтобы их вспоминали как кадетов, и потому на каждой могильной плите здесь лежит погон кадетского корпуса, сделанный из цветного фарфора. Дроздовцы из 1-й бригады русских добровольцев, созданной генерал М.Г. Дроздовским на Румынском фронте, Добровольческой армии, носили на своих малиновых погонах вензель. В марте 1918 года отряд выступил из города Яссы на соединение с Добровольческой армией Л.Г. Корнилова и прошел 1200 верст с боями и сражениями, лишениями, опасностями и невзгодами.

Сам генерал-майор М.Г. Дроздовский в бою под Ставрополем был ранен и 14 января 1919 года умер от заражения крови в ростовском госпитале. Тело его было перевезено в Екатеринодар и похоронено в Войсковом соборе. В марте 1920 года в город, уже занятый красными войсками, ворвался отряд дроздовцев и вывез гроб своего командира, чтобы над ним не совершилось надругательство. Тело М.Г. Дроздовского морем переправили из Новороссийска в Севастополь и похоронили в сокровенном месте, которого теперь уже никто не знает…

А уцелевшие в Гражданскую войну дроздовцы и на чужбине сохранили верность своему полковому братству: все они похоронены рядом. Сначала над их могилами возвышалась трехарочная звонница, но к 1987 году она обветшала, и ее заменили новым памятником. Однако, как и прежде, на нем выделяется бело-малиновый крест с вензелем дроздовцев и надписью «Яссы». Все долгое парижское лето могилы «дроздов», как они сами себя называли, украшают белые и малиновые флоксы.

В центре Галлиполийского участка кладбища возвышается памятник, подобный тому, который некогда стоял неподалеку от Галлиполи — небольшого турецкого порта в Дарданеллах, где после эвакуации из Крыма разместились части Добровольческой армии П.Н. Врангеля. Здоровье людей, высаженных в буквальном смысле слова на голом месте, было подорвано перенесенными тяготами, лишениями и неизбывной тоской по родине, и потому на местном кладбище со временем стали появляться русские могилы. Их становилось все больше и больше, и русских изгнанников стали хоронить на месте старого армянского кладбища, где (по преданию) хоронили пленных запорожских казаков и русских солдат Крымской войны.

У обитателей галлиполийского лагеря возникла мысль увековечить память своих соотечественников, умерших на чужбине, и решено было соорудить им памятник. Автором проекта и одновременно строителем стал Н.Н. Акатьев, подпоручик Технического полка. Для сооружения памятника по приказу генерала А.П. Кутепова каждый должен был принести хотя бы

один камень. И потекла «бесконечная вереница людей, согнувшихся под своей добровольной ношей, в том числе седых стариков и малых детей, с тихими и серьезными лицами приходивших на кладбище». Было принесено 24 000 камней.

Памятник, торжественно открытый в середине июля 1921 года, напоминал одновременно и древний курган, и шапку Мономаха, увенчанную крестом. Но через 28 лет землетрясение разрушило памятник, и его уменьшенную копию как дань памяти всем участникам Белого движения в России было решено установить на русском кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа. И как когда-то камни, на этот раз деньги были собраны русскими людьми, уже рассеянными по всему миру. Проект воссоздания Галлиполийского памятника бесплатно выполнили супруги Бенуа — Альберт Александрович и Маргарита Александровна.

Памятник был торжественно открыт воскресным днем 2 июля 1961 года в присутствии множества людей. На мраморной доске была сделана надпись: «Памяти наших вождей и соратников». Другая мраморная доска с краткой историей памятника прикрывала замурованную нишу, куда были вложены списки «в рассеянии скончавшихся» участников Белого движения. А по восьмиугольному цоколю памятника шли посвящения генералу Л.Г. Корнилову и всем воинам корниловских частей, адмиралу А.В. Колчаку и всем морякам российским, генералу Маркову и марковцам, казакам, генералу М.Г. Дроздовскому и дроздовцам, генералу А.И. Деникину и первым добровольцам, генералу М.В Алексееву и алексеевцам, генералу П.Н. Врангелю и чинам конницы и конной артиллерии…

Ни один из вождей Белого движения, чьи имена увековечены на памятнике, не нашел на кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа своего последнего места упокоения. Некоторые из них приняли смерть в России и остались там без могил и крестов. Прах М.В. Алексеева, умершего в Екатеринодаре, удалось перевезти в Сербию, а А.И. Деникин и П.Н. Врангель были погребены далеко от парижского кладбища. Здесь же стражем могил русских воинов возвышается только Галлиполийский памятник.

Расширяться русскому кладбищу некуда, ведь вокруг — не своя земля, и тогда новопреставленных хоронят в чужих могилах. Так, Александра Галича и его жену Александру Николаевну захоронили в могиле некоей Магдалины Голубицкой. В чужой могиле сначала был похоронен и кинорежиссер Андрей Тарковский, но потом французское правительство купило отдельное место для его могилы, в которой он теперь и покоится.

Похоронен на Сент-Женевьев-дю-Буа и полковник русского генерального штаба Б.И. Дуров — потомок знаменитой героини 1812 года кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Б.М. Носик в своей книге «Привет эмигранта, свободный Париж!» рассказывает, как встретил генерала еще при жизни на кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа у заранее заготовленной могилки, где тот читал какую-то рукопись. Почтенный старичок, которому было уже далеко за 90, отвел писателя в Русский дом, где доживали свой век очень старые люди.

На Сент-Женевьев-дю-Буа существует специальный участок, который называется «Мемориал российских военных моряков», а также на

кладбище выявлено 21 захоронение русских военных летчиков.

КОЛОКОЛА ХАТЫНИ

Директива германского верховного главнокомандования от 16 декабря 1941 года гласила: «Войска имеют право и обязаны применять… любые средства без ограничения, также против женщин и детей, если только это способствует успеху». Немецкие захватчики выполняли эту директиву повсеместно на всех оккупированных ими территориях: в чехословацкой деревне Лидице, во французской деревне Орадур и многих других.

Страшная трагедия в белорусской Хатыни совершилась 22 марта 1943 года. Это была тихая лесная деревня, ягодный и грибной уголок; уже от самого названия деревни веяло теплом жилья и запахом свежего хлеба, человеческой добротой и щедростью земли. В этот день шумному и веселому приходу весны радовались поля и луга, леса и птицы, а белоствольные березы набухали молодым соком. Но уже во внешних звуках и запахах первого весеннего месяца чувствовалась какая-то тревога, словно неуловимый признак беды навис над Хатынью, до жителей которой уже доходили слухи о сожженных вокруг деревнях и селах. И тоскливо в то мартовское утро было в деревне, у многих тревожилось сердце, и душа была не на месте.

Все люди были тогда в деревне, не успели еще разойтись по делам своим, когда в Хатынь на машинах ворвались фашисты. Около 300 карателей было в банде лютого эсэсовца Оскара Дирлевангера, вся деятельность которого сводилась к грабежам и убийствам и руки которого давно уже были по локоть в крови. Он набрал свою команду из сидевших в тюрьмах головорезов и даже по отношению к ним отличался необузданной жестокостью, не говоря уже о мирном населении. Тех подручных, кто ему не нравился, снова отправляли в тюрьму или они каким-то образом становились жертвами команды «вознесения на небеса».

В Хатыни он приказал выгнать всех жителей из домов на улицу, и вооруженные автоматами, гранатами и пулеметами солдаты в рогатых касках затопали, загремели своими тяжелыми сапогами по дворам, хатам, амбарам и сараям. Заглядывали в каждый угол, в каждую щель, в каждый закуток и всех выгоняли на улицу — мужчин, стариков, детей, больных и слабых старух. Кто-то успел обуться, а кого выгнали и босиком; тех, кто еще и ходить не умел, — несли на руках.. *82 По дороге в овин только трем детям удалось скрыться Володе Яскевичу, его сестре Соне и Саше Желобковичу.*

Потом фашисты загнали всех в овин, а там под крышей голуби летают или воркуют в своих гнездышках, и завидовали люди птицам, которые могут вылететь в отличие от них — запертых в ловушке, из которой не выбраться на волю. Тесно и душно сделалось в старом овине, а потом проскрипели и затворились снаружи его ворота. И вдруг запахло дымом, с крыши посыпались искры, и вскоре пламя просочилось через ее солому… Люди бросились в ворота, стали колотить руками и ногами, плечами навалились, и распахнулись старые ворота старого овина. Свежим воздухом повеяло на людей, но тут же их встретил свинцовый ливень автоматных и пулеметных очередей. Они ринулись назад, а на них уже падали охапки горящей соломы, дышавшие огнем стропила и жерди…

Догорала жизнь в Хатыни, а каратели еще расхаживали по дворам, выгоняли коров и свиней и грузили их на машины. Из хат вытаскивали велосипеды, швейные машинки, вышитые скатерти и полотенца, кружева, подушки, самовары, кадушки с салом… А когда до ниточки, до шерстинки, до зернышка очистили каждую хату, подожгли и саму деревню, и потянулись в небо над Хатынью черные и желтые столбы дыма. Пожар заглатывал все живое и неживое, солнце закрылось тучей, птицы старались улететь подальше от этого страшного ада.

Несколько дней горела Хатынь, а потом не стало и ее — только дымились головешки да блестели в горячей золе красные угли. Там, где когда-то стоял деревенский овин, в серой золе чернели обгоревшие людские кости. Зола и пепел, головешки и человеческие останки, обугленные бревна и обезображенные трупы — вот что осталось от Хатыни. 149 душ поглотило лютое пламя, и долгое время даже над остывшим пепелищем стоял тяжелый запах сгоревшей человеческой плоти. *83 Выжили тогда только три человека Виктор Желобкович, Антон Барановский и Иосиф Каминский.* И закаркало воронье, кружа над пепелищем…

Весной 1943 года прилетели в Хатынь аисты, которые испокон веков гнездились здесь. Прилетели аисты — и не нашли деревни: нет высоких лип и берез, нет старых колес на крышах, нет и самих крыш… Негде отдохнуть аистам после долгой дороги, покружились птицы над черным пепелищем, покружились и улетели…

После войны по решению ЦК Коммунистической партии Белоруссии и правительства республики на месте Хатыни был сооружен мемориальный комплекс — вечный памятник погибшим советским людям и сотням сел и деревень, сожженным и стертым с лица земли немецкими оккупантами.

На длинных вытянутых руках человек держит перед собой такого же, как и он сам, черного, обугленного мальчика. Голова его запрокинута, ноги свисают до колен высокого, сутулого старика, в облике которого узнаются черты работящего колхозного кузнеца Иосифа Каминского, чудом выбравшегося в тот страшный день из горящего овина.

Бронзовый исполин с мертвым мальчиком на руках в скорбном молчании глядит на обступивших его людей, которые смотрят на человека, воскресшего из мертвых. Часто и сам Иосиф Каминский останавливался возле бронзовой фигуры, качал седой головой и тихо говорил: «Люди, дорогие мои люди… Это — я, а это — мой сын, мой Адасик», — и умолкал, не в силах говорить дальше, поведать о той жуткой трагедии и поделиться своим горем. А потом, собравшись с силами, прерывистым голосом продолжал: «На мне горит одежда, тело горит, сам я весь в крови. Я к сыну, к Адасику моему, еще как-то подполз, поднял — а у него живот пулями перерезан. Умирает Адасик, прямо на руках и умер сынок… Вот так я его тогда держал на руках, а меня сбили с ног злодеи, затоптали в кровавый снег, стукнули прикладом… А потом пошли жечь Хатынь».

Вот эту страшную трагедию сумел точно и тонко передать в бронзе талантливый белорусский скульптор Сергей Селиханов, создавший суровую и скорбную фигуру старика с мальчиком на руках. За спиной старика черные и серые, словно подернутые пеплом и припорошенные сажей фундаменты, венцы срубов и потрескавшиеся печные трубы, опаленные огнем… На тех местах, где когда-то стояли хатынские хаты,

теперь высятся 26 стел и столько же бетонных срубов, которые никогда не поднимутся выше одного венца… Внутри сруба — тревожный силуэт обелиска-трубы, увенчанного колоколом, на обелиске — мемориальная плита с фамилиями и именами заживо сожженных хатынцев.

Бетонные дорожки проложены сегодня там, где были когда-то деревенские улочки. Но никто не вырастит на хатынских двориках сада, не поставит улья под яблоней, не прибьет скворечник на дерево. Там, где возле хат стояли лавочки, они стоят и теперь — только не деревянные, а из черного бетона. И не сядет сюда влюбленная парочка, и никогда не будут гулять в Хатыни веселые свадьбы, не раздастся крик малыша, не будут здесь играть на гармошке, не зазвучат скрипки и цимбалы, не послышится песня… Никто и никогда не зачерпнет воду из колодца, потому что Хатынь сегодня — это бронза и камень: есть здесь и калитки, но тоже из черного бетона, а на месте сожженного бревенчатого овина стоит другой — из черного мрамора… Хатынь — это безмерная людская скорбь, это памятник всем пепелищам Великой Отечественной войны и символ людского мужества…

Более 900 белорусских сел и деревень разделило судьбу Хатыни. Из них пепел и землю с огненных братских могил привезли в Хатынь, и урны с той землей легли под камни-памятники на Кладбище деревень. Ходят здесь люди, свои деревни и села отыскивают: Старица, Новоселки, Смуга, Зеленый Лог, Белая Лужа, Ладеево… Вдоль мемориала возвышается Стена памяти, которая расскажет о лагерях смерти, созданных гитлеровцами в Белоруссии. Ниши в этой стене вызывают в памяти зарешеченные окна тюремных казематов, в которых мучались и гибли сотни тысяч советских людей. Но окна эти напоминают и грозные бойницы: люди погибали, но не сдавались и не становились на колени, не предавали ни свою совесть, ни свои души. Об этом и звонят скорбные колокола Хатыни. Удары их надтреснутые, короткие, как зажатая в груди боль, — это стонет сама земля, принявшая муки, кровь и смерть 149 жителей Хатыни. Их останки покоятся в братской могиле, а над могильным холмом установлен Венец памяти из белого мрамора. На нем вырезаны слова восставших из пепла хатынцев к живущим:

Люди добрые, помните: любили мы жизнь, и Родину нашу, и вас, дорогие.

Мы сгорели живыми в огне.

Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле.

Чтобы отныне нигде и никогда в вихре пожара жизнь не умирала!

И наш ответ погибшим:

Вы не покорились фашистским убийцам в черные дни лихолетья.

Вы приняли смерть, но пламя любви вашей к Родине нашей советской вовек не погаснет.

Память о вас в народе бессмертна, как вечна земля и вечно яркое солнце над нею.

Над этой вечной землей и вечным солнцем, над Кладбищем деревень, в которых не осталось ни одной человеческой души, раздается

звон колоколов, который бередит души человеческие.

Слышали вы в Хатыни
Траурный перезвон?
Кровь от ужаса стынет,
Только раздастся он.
Кажется, ты в пустыне,
Выжжено все дотла —
В той, военной, Хатыни
Плачут колокола.

НА ПОГОСТЕ СКУГСЧУРКУГОРДЕН

Исход русских из большевистской России не обошел стороной и Швецию, хотя число эмигрировавших сюда лиц было относительно небольшим. Многие отдавали предпочтение соседней Финляндии, так как она была ближе и доступнее, к тому же у многих петербуржцев были дачи на Карельском перешейке. Да и сама эмиграция поначалу воспринималась как вынужденное и временное явление, поэтому, надеясь на скорое возвращение, уезжать далеко от России русские не хотели. В Швецию бежали в основном те, кто хотел перебраться дальше, в Западную Европу.

Второй поток эмигрантов был вызван русско-финляндской войной 1939–1940 годов и Второй мировой войной, и в основном это были беженцы из Финляндии, Прибалтики и Германии. Среди них — небольшая группа бывших русских офицеров, покинувших Финляндию из опасения быть выданными Советскому Союзу.

Приток беженцев из России в несколько десятков раз увеличил приход Преображенской церкви — единственный православный приход в Швеции. Его возглавлял отец Стефан Тимченко, в прошлом русский офицер, участвовавший в Белом движении на Юге России, а впоследствии закончивший юридический факультет Парижского университета и Духовную академию в Париже.

Свое последнее прибежище многие русские эмигранты нашли на погосте Скугсчуркугорден (Лесном кладбище) шведской столицы. Это единственное городское кладбище Стокгольма, на котором есть отдельные православные участки. Возникло оно в 1912 году, после того как муниципалитет Стокгольма приобрел в южном пригороде обширный участок земли площадью в 85 гектаров для устройства нового городского кладбища94. Вскоре был проведен международный конкурс на лучшую его планировку, причем одним из условий было максимальное использование ландшафтных особенностей участка. Победителями конкурса стали шведские архитекторы Г. Асплунд и С Леверентц.

Работы по устройству кладбища начались в 1917 году, а уже через три года были освящены и само кладбище, и возведенная на нем живописная часовня с высокой кровлей. Но часовня оказалась слишком маленькой, и уже в 1925 году в неоклассическом стиле возвели более просторную Воскресенскую часовню. В 1930-е годы руками безработных Стокгольма вокруг Лесного кладбища была сложена ограда.

Православный участок кладбища состоит из двух частей, и хоронить на нем стали еще в 1920-е годы. Рядом с русскими здесь покоятся

православные эстонцы, румыны, финны и греки. Православный крест из серого камня сделали высоким, и потому он виден издали. Сооружен он был на средства россиянки В.Г. Викандер, в молодости — жены знаменитого одессита Сергея Уточкина, который одним из первых русских авиаторов совершал дерзкие полеты на аэропланах, вызывая всеобщий восторг публики. В Веру Георгиевну, приехав в Россию по делам, влюбился богатый шведский коммерсант Яльмар Викандер. И когда она овдовела, увез ее к себе в Стокгольм. С тех пор заботы о Свято-Преображенском храме, одном из старейших очагов русского православия в Западной Европе, наполнили всю ее жизнь.

К холму, на котором установлен крест, ведет дорожка, по обе стороны которой — березы, сосны и могилы. Здесь нет помпезных монументов и памятников, все очень скромно, и на надгробиях можно прочитать имена как знаменитые, так и безвестные.

Слева от креста покоится Ф.Л. Броссе — последний генеральный консул царской России в Стокгольме. После октября 1917 года он принимал самое живое участие в организации в шведской столице школы для русских детей, много сил отдавал церкви, помогал ей и деньгами. Сам он был лютеранином, но входил в совет Свято-Преображенского храма и на старости лет перешел в православие.

В нескольких десятках метров от могилы Ф.Л. Броссе обрел вечный покой и его оппонент при жизни — князь А.В. Оболенский. Он был женат на Ольге Прозоровой, происходившей из богатой купеческой семьи. У Прозоровых было в Финляндии имение Иматра, а когда стало ясно, что оно окажется на отходящей к СССР территории, семья переехала в Стокгольм. В эмиграции князь А.В. Оболенский написал мемуары, касающиеся лишь дореволюционного периода жизни семьи, поскольку, по его собственным словам, «последующая жизнь вне России не представляет общественного интереса». На этом кладбище похоронена и супруга князя — княгиня Ольга Алексеевна Оболенская, которая была замужем первым браком за богатым царскосельским гусаром Асташевым. У них родился сын, и жена сына, Евдокия Асташева, похоронена тоже в Стокгольме. Она была сестрой милосердия в Белой армии, прошла вместе с ней, как говорится, все огни и воды, а умерла прямо в Свято-Преображенском храме, когда во время богослужения ей вдруг стало плохо.

Неподалеку находится надгробие князя Григория Волконского, который в Стокгольм приехал из Эстонии с женой Тамарой. Служил в турецком посольстве в Стокгольме, составляя там газетные обзоры.

На одном из серых могильных столбиков — надпись: «Павел Сапожников», бывший моряк, которого занесло на чужбину сразу после прихода к власти большевиков. Все его близкие и родные остались в России, и боль от разлуки с ними он смягчал вином. Его очень любил отец Николая Гедды — знаменитого шведского оперного певца. П. Сапожников работал в Стокгольме на одной из фабрик, учил маленького Колю математике и был в этой семье своим человеком.

Неподалеку от его могилы упокоилась Антонина Гедда — бабушка знаменитого певца. Шведский предок певца углядел ее в России и женился на ней, а в Стокгольм вернулся уже после Октябрьской революции — вместе с женой и детьми.

В Стокгольме похоронен и Михаил Дмитриевич Приклонский, до революции служивший в Министерстве иностранных дел. Он был камергером у государя-императора, а потом его назначили министром-резидентом в Будапешт. Когда началась Первая мировая война, М.Д. Приклонский вернулся в Петербург, а потом А.Ф. Керенский назначил его посланником в Стокгольм. После революции он с женой и детьми остался в шведской столице. Дочь вышла замуж за шведа, у них было много детей, но потом швед скоропостижно скончался, и вдова с детьми стала жить у своего брата — Петра Михайловича, который работал инженером в известном электротехническом концерне «Л.М. Эриксон» и был одним из вице-председателей антисоветской организации РНОШ.

В Стокгольме есть могила и Павла Веселова (Петра Боляхова) — одного из активистов этой организации. Эпитафия на его могильной доске гласит: «Писателю, философу, великому борцу против коммунизма от друзей».

На сером православном кресте над другой могилой выбито: «Нина Зайцевская и капитан Игорь Зайцевский». Имена эти связаны с деятельностью русской «Лиги за восстановление Российской Империи», которая ставила своей целью задачу борьбы с советской властью всеми возможными средствами, в том числе и методами террора.

Под ветвями плакучей березы — могила русской певицы Аделаиды Андреевой-Скилондз, ученицы А. Лядова, Н. Римского-Корсакова и А. Глазунова. Она создала в Швеции свою оперную школу, а двери ее дома с подлинно русским гостеприимством были открыты каждому. В свое время дом Мадам (так называли жилище А. Андреевой-Скилондз) был центром культурной жизни Стокгольма, в котором встречались писатели, художники, композиторы… В конце января 1962 года, в день ее 80-летия, в шведской королевской опере собралось 600 человек — цвет шведского общества. Сам король наградил русскую певицу памятной золотой медалью, а она передала в дар Шведской королевской опере бесценную реликвию — собственный портрет кисти И.Е. Репина. Портрет женщины в розовом с тех пор висит в фойе этого театра.

Покоится на Скугсчуркугорден и прах владыки Стефана Тимченко, много сделавшего для того, чтобы могилы соотечественников содержались в образцовом порядке.

На кладбище Стокгольма покоится прах великого человека Михаила фон Эссена, в равной степени блестяще владевшего пером литератора и кистью живописца. Капитан Григорий Майорчик, гвардии полковник Владимир Матвеев, гвардии капитан Федор Орлянский, инженер-полковник Леонид Иванов, ротмистр Дмитрий Каменский, капитан Валентин Толмачев… Октябрь 1917 года они встретили в расцвете молодости и сил, а затем, после Гражданской войны, навсегда покинули родину. И вот теперь захоронены на чужбине.

ПАРК МИРА В ХИРОСИМЕ

6 августа 1945 года небо над Хиросимой было ясным и безоблачным. Над городом, славившимся своей красотой, светило солнце, и жители даже не догадывались об уготованной им участи. Понедельник начинался так же, как и другие дни войны. Первый сигнал тревоги прозвучал еще в полночь —

с 5 на 6 августа. Тогда появилась большая эскадрилья американских самолетов, но город они не бомбили. Около восьми часов утра в небе были замечены три самолета, но японские наблюдатели решили, что это разведчики, и тревогу не объявили.

Люди продолжали заниматься своими обыденными делами, а в это время самолет «Энола Гэй» с бомбой, носившей ласковое имя «Малыш», уже отправился в полет, навсегда изменивший историю человечества. В 8 часов 16 минут по японскому времени взорвался атомный заряд, а потом появился невиданный до тех пор гриб. Беззвучная вспышка расколола небо и превратила Хиросиму в пылающее нутро доменной печи. На расстоянии до 300 метров от эпицентра люди буквально испарились, превратившись в тень на мосту, на стене, на асфальте… Они сгорали и испарялись, даже не успев упасть. Возникшая после взрыва огненная буря сожгла все на площади в 10 квадратных километров, и Хиросима превратилась в город мук и страданий, где днем и ночью ни на минуту не прекращались крики и стоны беспомощно копошащихся людей.

А через три дня, около 10 часов утра 10 августа, атомная бомба была сброшена на город Нагасаки, в котором люди тоже погибали в страшных мучениях. Радиация проникала в костный мозг, и у людей, на вид совершенно здоровых, даже через несколько лет после этой страшной катастрофы неожиданно выпадали волосы, начинали кровоточить десны, кожа покрывалась темными пятнами… И потом они умирали.

После войны жители Хиросимы заново отстроили свой город, лишь в эпицентре атомного взрыва оставили невосстановленным остов разрушенного здания с опаленным куполом и пустыми глазницами окон. Это было здание Торгово-промышленной палаты Хиросимы, теперь оно называется Атомным домом. Он был свидетелем того, как 6 августа 1945 года над Хиросимой вспыхнуло атомное солнце, превратившее город в горячий пепел.

Теперь от первых лучей солнца яркими бликами загорается стеклянный фасад Мемориального музея, замыкающий площадь перед входом в парк Мира. Сейчас здесь суетятся и весело переговариваются торговцы, подкатившие свой товар, ведь скоро придут туристы, которые охотно купят и сувениры, и наборы открыток с изображением этого памятного места. А в августе 1945 года это место было обугленным кладбищем, где среди бесконечных руин стоял лишь этот почерневший Атомный дом и ползали обожженные атомным солнцем люди, моля о глотке воды рядом с полноводной Отой.

Автором Мемориального музея является выдающийся японский архитектор Кэндзо Тангэ, который сначала задумывал его как своеобразный памятник жертвам атомной бомбардировки. Но парк Мира в Хиросиме во многом изменил традиционное представление о памятных местах. Теперь сюда ежегодно, в начале августа, со всех концов страны сходятся колонны участников общенационального марша мира. Вместе с ним идут борцы за мир из других стран, которым тоже дорог призыв: «Хиросима не должна повториться!»

Ласковы солнечные лучи над нынешней Хиросимой, но у колонны Мемориального музея и сегодня можно увидеть расположившихся на соломенных циновках пожилых, скромно одетых японцев. На их головах —

белые повязки с иероглифами «хибакуся», написанными красными чернилами. Так в Японии называют тех, кто пережил ужас американских атомных бомбардировок, от которых пострадало более 300 000 человек. Бесстрастные лица «хибакуся» туго обтянуты желтой, словно древний пергамент, кожей. Они собираются здесь, чтобы обратить внимание властей на свое положение, ведь им долгое время пришлось лечиться от радиации, а потом трудно было устроиться на работу. А если их где-то и брали, то платили меньше, чем здоровым людям.

В парке Мира установлены многочисленные стенды с фотографиями лиц обгоревших женщин и детей и макетами, воспроизводящими картину того страшного августовского утра. Оплавленные куски железа и черепицы, искореженные часы — наручные, будильники, настенные… И на всех стрелки прикипели к циферблату на 8 часах 15 минутах, когда город был превращен в геенну огненную, по которой брели оставшиеся в живых люди. Так мог выглядеть только конец света, когда человечество как будто уничтожило само себя, а выжившие казались самоубийцами-неудачниками. На многих фотографиях снова и снова вздымается ввысь страшный смертоносный гриб…

Памятник в центре парка задуман так, чтобы человек, стоящий перед ним, как бы заглядывал в прошлое. Под сводом виден лишь вечный огонь, полыхающий позади памятника, а дальше — в струях горячего воздуха — зыбко колышется, словно изгибаясь от жары, оголенный Атомный дом. На его мраморных ступенях осталась тень человека, испарившегося под лучами сверхъяркого солнца почти 60 лет назад. Более 200 000 жизней (половину населения Хиросимы) унесла тогда атомная бомба, но она продолжала убивать и после. Поэтому каждый год 6 августа в Памятник жертвам хиросимской трагедии закладывают список с именами новых жертв. И вскоре после создания памятника возник вопрос о создании нового монумента, так как внутренняя камера прежнего уже не вмещала списки погибших.

Бой городских часов Хиросимы напоминает тревожный набат колокола. И раздается он над парком Мира не в полдень, а в 8 часов 15 минут — в память о страданиях и смерти и как предупреждение будущим поколениям об ответственности за мир на земле.

Вокруг памятника детям, погибшим от атомной бомбы, лежат тысячи бумажных журавликов. Их приносят сюда дети-паломники в память о маленькой девочке по имени Садако, которая надеялась, что если она смастерит 1000 таких журавликов, то поправится и будет жить. Но она умерла от радиации: когда пришла смерть, у Садако было 964 журавлика, и теперь дети всего мира приносят сюда свои скромные дары в память о девочке, которой так хотелось жить…

ГРАНИТНЫЕ ОБЕЛИСКИ НОРВЕГИИ

Грини — знаменитое место в окрестностях Осло. Здесь за колючей проволокой во время Второй мировой войны были построены бараки, где несколько лет томились более 6000 норвежцев: политические деятели, ученые, спортсмены, священники, рядовые участники движения Сопротивления. Многих из них, наиболее «опасных», переправляли потом в концлагеря Германии.

После освобождения страны от немецкой оккупации в Норвегии был создан «Грини-клуб», председателем которого в 1970-е годы стал Ф. Легвамб — бывший узник лагеря. Фашисты подозревали, что он ведет нелегальную работу в бараках, где содержались заключенные женщины, и немцы подослали к нему провокатора, который попросил передать в женский барак письмо. Ф. Легвамб согласился, его схватили и сильно избили, перебив переносицу.

В Грини была и русская девушка Галина Петрова, угнанная немцами в Германию на работу. Из трудового лагеря она попала в лагерь для военнопленных, которых гитлеровцы переправляли в Норвегию, и бежала оттуда в Швецию. Ее поймали почти у самой границы и отправили уже не к военнопленным, а в концлагерь «политических преступников» в Грини. Освободили Галину Петрову только после капитуляции Германии.

Были в лагере и простые норвежские крестьяне, попавшие за помощь русским при побегах. Например, к старому Таросену из Брумендаля однажды пришли трое русских: он накормил их, пустил переночевать, а наутро указал кратчайший путь в горы и дал на дорогу кусок сыру, краюху хлеба и удочки, чтобы при случае они могли наловить рыбы. Через несколько часов в поисках беглецов к Таросену пришли немцы, сильно били его, а он только повторял: «Если бы и вы пришли ко мне за милосердием, я оказал бы его вам». Об этом же старый норвежец постоянно твердил и в лагере, откуда ему выйти не довелось.

Бараки теперь в Грини снесены, и ничто как будто не напоминает в этой мирной цветущей долине о том, сколько мук приняли здесь люди. Если бы не серый гранитный памятник над братской могилой, где погребены узники Грини, расстрелянные 21 июня 1944 года. Чуть поодаль — гранитный обелиск, воздвигнутый на том месте, где стояло дерево, у которого фашисты расстреливали норвежских патриотов. На одной из граней обелиска начертаны имена расстрелянных, и среди норвежских фамилий встречается имя Якоба Палкина, давно жившего в Норвегии. Еще в 1910 году он сбежал из архангельской ссылки на рыбацком боте, в годы войны был связан с подпольной печатью. Немцы нашли у него радиопередатчик, и в Грини он попал вместе с двумя своими сыновьями. Перед расстрелом Якоба Палкина зверски пытали, но он никого не выдал. Эти гранитные обелиски сооружены на средства, которые собирал доктор — сам бывший узник. *84 В Норвегии издан четырехтомный биографический «Словарь узников Грини».*

На карте Норвегии отмечены и захоронения советских военнопленных, погибших в фашистских концлагерях, а на узкой полоске земли у Норвежского моря просто не найти «живого» места. В годы Второй мировой войны более чем в 200 немецких концлагерях Норвегии содержалось 100 000 советских военнопленных, из которых 15 000 погибли и были похоронены в чужой земле. К 1945 году в стране насчитывалось 204 братские могилы. Простые норвежцы запоминали места, где фашисты буквально сваливали в ямы расстрелянных и умерших красноармейцев. В середине 1950-х годов по решению норвежского правительства было произведено захоронение останков бывших узников. Сейчас в Норвегии существуют 62 братские могилы, а самое большое захоронение советских военнопленных находится в городе Тьетта. На всех кладбищах воздвигнуты величественные монументы, и ухаживают норвежцы за братскими

могилами, как за могилами своих близких родственников. Для них сохранить захоронения советских солдат — долг чести, и потому норвежцы никогда не обращались за финансовой помощью ни к советским, ни к российским властям.

Красноречива надпись на памятнике советским воинам, установленном на братской могиле Вестре-Гравлунн в Осло: «Норвегия благодарит вас», хотя здесь похоронены только военнопленные (349 человек), а не павшие в боях за освобождение страны. И тем не менее им выражены слова благодарности; подобной надписи нет ни на одной мемориальной доске над братскими могилами военнопленных из других стран. Обелиск из серого гранита изображает красноармейца в каске, с автоматом в руках. У подножия обелиска всегда живые цветы…

В годы войны в Норвегии погибли 12 000 немецких солдат. Немцы хоронили своих погибших в живописных местах, ставили им памятники, и немецких могил в Норвегии после войны были сотни. Одно из кладбищ немцы устроили в Экеберге — уникальном по красоте пригороде Осло — на горе, с которой открывается восхитительный вид на норвежскую столицу. После войны все немецкие кладбища в стране были ликвидированы, и сейчас останки немецких солдат покоятся только в пяти могилах.

Норвежцы задались целью установить и увековечить имена всех 30 000 иностранных граждан, погибших и похороненных на территории их страны. Всех до единого — будь то узник концлагеря или солдат союзнической армии, павший на поле боя. За несколько лет работы, пользуясь данными архивов многих государств, Э.И. Турхейм (представитель министерства просвещения, которое занимается этим делом) собрал имена всех погибших и похороненных в Норвегии граждан ФРГ, Польши, Голландии, Швеции и Югославии, и отдельными книгами издал поименно. *85 Книги эти можно получить в любой публичной библиотеке Норвегии.* Нет только книги со списком имен наших граждан, так как к 1995 году удалось установить имена только 3000 советских солдат. А остальные имена известны лишь по их лагерным номерам, да и те в одной из норвежских картотек сохранились по чистой случайности.

На стенах рабочего кабинета Э.И. Турхейма висят в рамочках официальные послания, полученные им из разных стран. В них — признание его деятельности, благодарность за поиск имен погибших и сохранение их захоронений. Из Англии, например, послание пришло из Букингемского дворца, из Германии подобное письмо получили за подписью президента ФРГ…

МАВЗОЛЕЙ МАО ЦЗЭ-ДУНА

Всего три месяца не дожил до своего 83-летия Мао Цзэ-дун, скончавшийся в ночь на 9 сентября 1976 года. Прощались с «великим кормчим» в большом зале Дома народных собраний: из руководителей Поднебесной тогда только Дэн Сяо-пин и Вань Ли не почтили память умершего, но по уважительной причине — оба находились под домашним арестом.

Мавзолей Мао Цзэ-дуна построен в небывало короткие сроки. Первый его камень был заложен 24 ноября 1976 года, работа шла днем и ночью, и к 25 маю следующего года «Дом памяти председателя Мао» (так официально называется мавзолей) был уже сооружен. Всего за 6 месяцев

китайцы возвели величественное здание высотой более 30 метров и площадью свыше 28 000 квадратных метров, проделав колоссальные железобетонные работы и использовав небывалое в истории Китая количество мрамора и гранита. Со всей страны были доставлены лучшие мастера и самые ценные строительные материалы, военные выделили 11 инженерных и строительных полков, а на основных объектах трудились 1600 бойцов и командиров китайской армии. Всего же к работам по сооружению мавзолея «великому кормчему» было привлечено 700 000 человек.

Официальное открытие «Дома памяти председателя Мао» состоялось 9 сентября 1977 года — в первую годовщину его смерти. В этот день 10 000 посетителей были допущены лицезреть усопшего вождя, а потом была организована семидневная церемония прощания с телом усопшего.

«Дом памяти» органично вписался в архитектурный ансамбль, сложившийся на площади Тяньаньмэнь. Монумент сооружен в форме куба высотой 33,6 метра; это всего на 10 сантиметров ниже Башни Ворот небесного спокойствия, ведущей в Гугун — Запретный город китайских императоров. *86 По древним канонам нельзя возводить здания, высота которых превышала бы императорские сооружения.*

Основанием мавзолея Мао Цзэдуна служит двухъярусный постамент из темно-красного гранита, возвышающийся на 4 метра над поверхностью земли. Оба яруса окружены балюстрадой, сложенной из плит белого мрамора, а весь мавзолей окружен 44 восьмигранными колоннами белого гранита высотой 17,5 метра. Карнизы двухъярусной крыши украшены желтой глазурованной черепицей, а стены — художественным орнаментом.

Весь мавзолейный комплекс занимает площадь почти в 6 гектаров и озеленен кипарисами, ивами, боярышником и другими растениями и цветами. Перед фронтоном здания посажено 13 сосен, символизирующих число лет, проведенных Мао Цзэдуном на революционной базе в Яньани. Эти сосны отбирали из множества деревьев в провинции Шаньси 30 поисковых групп общей численностью 200 человек.

По бокам от входа в мавзолей сооружены две мемориальные скульптурные композиции длиной 15 и высотой 3,5 метра: они славят революционную борьбу и строительство в стране социализма под руководством Мао Цзэдуна и коммунистической партии Китая. У выхода из мавзолея находятся еще две скульптурные группы, символизирующие продолжение дела павших борцов, четыре модернизации и непоколебимую волю народа сделать Китай великой державой.

Посетителей мавзолея, среди которых очень много приезжих, предварительно выстраивают в колонну по четыре и лишь после этого ведут к главному входу. Охрана, рассредоточенная вдоль очереди и стоящая у нескольких контрольных кордонов, внимательно следит за мерами безопасности.

Всего в «Доме памяти» 10 залов, но публику пускают не во все. Сначала посетители поднимаются по лестнице в большой северный зал, освещаемый с потолка 110 яркими лампочками, сделанными в форме соцветий подсолнечника. Здесь их взору открывается изваяние из белого мрамора высотой 3,45 метра, изображающее Мао Цзэдуна, с отеческой

улыбкой сидящего в кресле. Вокруг скульптуры расположены горшки с цветами, одну из стен украшает ковер небывалых размеров (23,74х6,6 м), общей площадью 157 квадратных метров. На ковре, который был соткан всего за три месяца мастерицами из города Яньтая, изображены горы и реки, олицетворяющие просторы Китая.

Из первого зала общая очередь, разделившись на 2 потока, направляется через две двери в центральный зал. Посреди его на высоком постаменте из черного гранита стоит хрустальный саркофаг. Гранит для постамента был привезен со священной горы Тайшань, находящейся неподалеку от родины китайского философа Конфуция, на которую восходили многие великие китайцы, в том числе и Мао Цзэдун.

Спереди постамента изображен партийный герб — серп и молот, с левой стороны — герб Китайской Народной Республики, с правой — эмблема армии, а на задней стенке указаны годы жизни «великого кормчего» — 1893–1976. Тело Мао Цзэдуна, одетого в серый штатский френч, покрыто алым флагом с желтыми серпом и молотом. В фарфоровых чашках, поставленных на полу вокруг саркофага, — оранжевые орхидеи сорта «благородный человек».

У изголовья стоит караул из двух-четырех человек с пистолетными кобурами на боку. На белой мраморной стене смонтирована надпись из 17 иероглифов: «Вечная память великому вождю и учителю председателю Мао Цзэдуну». От посетителей усопший вождь отгорожен высокой стенкой из толстого зеленоватого стекла, само же тело, помещенное в прозрачный гроб, находится в газообразной и жидкостной среде. Так как рецепты сохранения останков В.И. Ленина и Хо Ши Мина держались в большом секрете, то китайцам пришлось идти своим путем, и для сохранения останков «председателя Мао» они использовали не только достижения современной науки, но и опыт бальзамирования эпохи Западная Хань. По словам китайских профессоров, методы сохранения тела Мао Цзэдуна уникальны и не имеют аналогов в мире.

Ошеломленные всем увиденным, посетители быстро проходят к выходу через большой южный зал, на стене которого в каллиграфии Мао Цзэдуна написан стих, посвященный Го Можо — крупнейшему деятелю науки и культуры Китая, удостоенному в 1951 году Сталинской премии.

Создатели мавзолея продумали все до мелочей, чтобы каждый элемент мемориального комплекса демонстрировал величие председателя Мао и связь его судьбы с историей и будущим Китая. По замыслу китайских руководителей, стоявших у власти в те годы, это сооружение должно было «воспитывать и воодушевлять рабочих, крестьян и солдат, всех трудящихся КНР на выполнение заветов товарища Мао Цзэдуна, отстаивание идей марксизма-ленинизма и идей Мао, доведение до конца дела пролетарской революции».

Помимо основной очереди с левой стороны от входа в мавзолей, есть очередь справа. Здесь проходят спецгруппы с рекомендательными письмами и иностранцы. Их могут провести по мавзолею как коротким путем, так и по полной схеме (причем в сопровождении гида и переводчика), включающей посещение мемориальных комнат, где демонстрируются различные реликвии главных революционных деятелей Китая. На втором этаже есть кинозал, где для избранной публики крутят

15-минутный фильм о жизни и деятельности «революционной четверки» — Мао, Чжой, Лю и Чжу. А в одном из залов «Дома памяти» хранится необычное творение — 100 каменных плиток, на которых один народный художник из провинции Фуцзянь в течение года и трех месяцев вырезал текст первого тома «Избранных произведений» Мао Цзэдуна — более 1 млн иероглифов…

МЕМОРИАЛ НА ПИСКАРЕВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Ноябрь 1941 — январь 1944 годов — это 900 блокадных дней Ленинграда, каждый из которых был наполнен страданиями… Люди жили почти без еды, без воды, без света и без тепла, но голодные и измученные, едва передвигавшие от слабости ноги, они находили в себе силы делать оружие, варить сталь, ремонтировать танки, тушить пожары, бороться… И даже умирали победителями, так и не пропустив рвавшихся в город гитлеровцев. Решение о возведении мемориального ансамбля, посвященного героическим жителям блокадного Ленинграда, погибавшим от вражеских бомб и снарядов, от голода и холода, но остававшимся на своем посту, возникло уже в первые послевоенные годы.

Конкурсы на возведение мемориала проводились уже с 1945 года, но наиболее значительным по замыслу был проект архитектора А.В. Васильева. По окончании конкурса именно ему и Е.А. Левинсону, члену-корреспонденту Академии архитектуры СССР, поручили дальнейшую работу над проектом мемориального ансамбля. Творцы его сознавали всю сложность возведения такого памятника в Ленинграде — городе с архитектурными традициями, складывавшимися на протяжении столетий… В городе, прославленном своими прекрасными ансамблями, созданными великими К. Росси, Д. Кваренги, В. Растрелли и другими зодчими.

Место для мемориала было отведено на Пискаревском кладбище, которое во время войны стало основным местом погребения погибших ленинградцев. Почти на всех ленинградских кладбищах есть блокадные могилы, но на Пискаревском их больше всего: здесь похоронено 470 000 человек. В своем дневнике руководитель работ Е. Левинсон записывал: «Первый взгляд на место захоронения не мог с достаточной убедительностью наметить средства выражения темы. Перед нами была печальная картина. Братские могилы были неравномерно разбросаны по территории, на месте бывшего песчаного карьера образовался пруд, небольшие кустарники были разбросаны по большому пространству кладбища». По мнению зодчего, открытое всем ветрам пространство не давало возможности сосредоточиться и предаться скорбным воспоминаниям, а на первых порах именно такую задачу ставили перед собой создатели ансамбля. И тогда возникла идея возвести мемориал в виде замкнутого дворика (подобного римскому атриуму), изолированного от окружающего его пространства приземистой массивной стеной.

За первыми эскизами последовали другие, А. Васильев и Е. Левинсон испробовали множество вариантов, на которых глухая замкнутая стена постепенно размыкалась, отходила в глубину территории, и в ее разрыве поднялся стройный обелиск с выбитой на его постаменте медалью «За оборону Ленинграда». Обелиск предполагалось сделать из хрустального стекла, чтобы он был легким, прозрачным и в любую погоду воспринимал цвет неба. Однако в первые послевоенные годы не было

возможности технически претворить этот замысел в действительность, поэтому смысловым и композиционным центром всего мемориала стала статуя Родины-Матери, установленная на фоне памятной стены, замыкающей перспективу ансамбля.

Вход на Пискаревское кладбище открывается строгими пропилеями (воротами), стены которых выложены из светлого доломита, привезенного с эстонского острова Сааремаа. Фасад каждого павильона пропилеи оформлен четырьмя пилонами — массивными прямоугольными столбами, за которыми расположились неглубокие лоджии. Фризы пропилеи выполнены из белого мрамора, и на коричневатом фоне они ярко выделяются своими светлыми лентами с памятными текстами, написанными поэтом М. Дудиным.

Внутри павильонов, облицованных цветным мрамором, расположены 2 мемориальных зала, в которых размещена экспозиция о героической обороне Ленинграда: аэростаты над городом, горящие дома, колонны ополченцев, работа под обстрелом в заводских цехах… В залах сделаны лаконичные надписи (соответственно): «Погибло от артиллерийских обстрелов и воздушных налетов 16 747 мирных жителей» и «Умерло от голода 632 253 мирных жителя».

На потолке первого зала — лепной венок с круговой надписью: «Слава отдавшим жизнь свою за город-герой Ленинград». Композиция второго павильона посвящена второму периоду блокады города — вплоть до ее прорыва.

Между павильонами открывается обширная терраса, выложенная плитами. По сторонам ее посажены деревья, а в центре колышется пламя Вечного огня в траурном обрамлении из черного гранита. Слева за деревьями устроен небольшой бассейн, сквозь воду которого проглядывают мозаичные изображения горящего факела, выложенные на мраморных плитах дна. Факел оплетен дубовой ветвью и красными лентами. С террасы видна центральная часть всего некрополя, а дальше начинается спуск к ней.

Главная аллея длиной 300 метров, газонами разделенная на ленты гранитных плит, тянется вдоль братских могил. На стенах могил, обращенных к аллее, выбиты серп и молот, если под ними покоятся мирные жители; на могилах воинов выбиты пятиконечные звезды.

Аллея ведет к центральной статуе Родины-Матери, которая сначала задумывалась как образ величественной женщины, стоящей на месте. При работе над эскизами скульптор В.В. Исаева сумела придать фигуре легкий наклон вперед, благодаря чему статуя, отлитая из тяжелого металла, как бы теряла свой вес. Но М.М. Исаевой не довелось самой до конца довести эту работу, и фигуру Родины-Матери в натуральную величину (6 м) изваял ее постоянный помощник Р.К. Таурит.

Скульптура Родины-Матери поставлена на террасу, которая приподнята над землей на полтора метра и к которой ведут гранитные лестницы. Статуя очень выразительна и на расстоянии, а по мере приближения к ней эта выразительность еще больше усиливается. Родина-Мать в длинной одежде, скрывающей ноги, и с гирляндой из дубовых и лавровых листьев в вытянутых руках будто бы увенчивает тех, кто отдал жизнь за родной город. И как будто бы плавно движется

навстречу всем, кто пришел почтить память павших героев. Она словно парит над захоронениями и видна от самого входа — мудрая и полная просветленной печали.

Фоном скульптуре служит мощная гранитная стена: на гладкой плоскости ее центральной части начертан текст, написанной поэтессой О. Берггольц:

Здесь лежат ленинградцы,
Здесь горожане — мужчины,
женщины, дети.
Рядом с ними солдаты —
красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции…
Их имен благородных мы здесь перечислить
не можем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням,
Никто не забыт и ничто не забыто.

По краям стены — шесть барельефных композиций, в обобщенных формах выражающих суровые и величественные дни блокады: ленинградцы отдают последний долг погибшему товарищу, стоят под обстрелом, поддерживают сраженного вражеским осколком солдата. На торцах стены — склоненные знамена, большие венки, внутри которых высечены обращенные пламенем вниз факелы, а справа и слева от каждого венка — фигуры людей: рабочего и работницы, солдата и матроса, в скорби преклонивших колена. Силуэты людей поэтически обобщены: движения их собранны и решительны, лица мужественны. Скульпторы намеренно пытались избежать подробной детализации, чтобы сосредоточить внимание на главном, поэтому даже шероховатая фактура камня подчеркивает суровость образов.

Работа над созданием мемориального ансамбля длилась около четырех лет, и его торжественное открытие состоялось 9 мая 1960 года — в 15-ю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В день открытия впервые вспыхнуло пламя Вечного огня, доставленного на Пискаревский мемориал с Марсова поля. Под звуки траурной мелодии нескончаемый людской поток двинулся вдоль братских могил, тысячи цветов легли на весеннюю землю, и с тех пор в любое время года на Пискаревском мемориальном кладбище лежат живые цветы.

В ДОЛИНЕ ЛАМБАЕКЕ

Многие крестьяне, живущие в долине Ламбаеке на севере Перу, испокон веков занимались своего рода любительской археологией. Уборка урожая сахарного тростника — работа сезонная, и местные жители неустанно перекапывают располагающиеся по соседству террасы, сложенные из древних кирпичей. Руины пирамид на севере современного Перу — наследие некогда населявших эти края индейцев, создавших культуру Мочика с центром Моче. Они обитали на территории между

Андами и Тихим океаном в начале нашей эры, и к VII веку их культура достигла своего наивысшего расцвета. Из обожженных на солнце кирпичей они воздвигали прекрасные храмы и гигантские мавзолеи, а своих покойников буквально осыпали золотом. Вот крестьяне и надеются найти в земле что-нибудь ценное — найти и продать. Полиция же, пытаясь вернуть государству расхищаемые ценности, часто прибегает к оружию…

Так было и осенью 1987 года, когда очередные искатели кладов при раскопке одной из старых террас обнаружили золотые предметы. Жители деревни успели продать золото американцам, прежде чем властям стало известно об этой сделке. Узнав о находке, полиция потребовала очистить место захоронения, которое сразу же было оцеплено. Деревню окружили, все дома обыскали… В музей в Ламбаеке были переданы две изумительные маски из золота и много других драгоценных украшений. А потом попросили прислать специалиста. Однако ночью крестьяне из поселка Сипан попытались проникнуть за оцепление, полицейские начали стрелять, и один из жителей был смертельно ранен.

Известие о том, что в захоронении обнаружены золотые предметы, 37-летний доктор археологии Вальтер Альва, директор музея Брюнинга, воспринял довольно скептически. Ему уже не раз приходилось приезжать по подобным вызовам, и всегда он заставал лишь развороченную землю да отвратительную мешанину из обломков человеческих костей и мусора. Но на этот раз мечта ученого обернулась явью, как будто судьба сжалилась над наукой и щедрой рукой восполнила многие потери и разочарования. В. Альва первым из ученых убедился в том, что внутри перуанских пирамид (а их в долине Ламбаеке было 26) помещены склепы.

Сдерживая нетерпение, археологи работали очень осторожно и более года раскапывали могилу «повелителя Сипана». Чтобы проникнуть в глубь террасы, высота которой равнялась 30 метрам, им пришлось извлечь тонны песка, глины и мусора. Боясь повредить возможные находки, они действовали совками, небольшими лопатками и кисточками. Работы велись под круглосуточной охраной полиции, так как обнаруженное в гробнице золото вызвало в округе «золотую лихорадку».

В. Альва, его коллеги и помощники говорили, что работают как хирурги, ведь от точности и ловкости их рук зависело — будет жить замечательная находка или исчезнет навсегда. Одну за другой вносили они в свой каталог драгоценные находки, и уже через год была составлена наиболее полная коллекция предметов доколумбовой поры — древней и таинственной культуры Мочика. Причем это были подлинные произведения искусства, ни в чем не уступавшие тем, что были найдены в Старом Свете.

Ученые предположили, что найденная гробница принадлежит правителю страны, который одновременно объединял и функции главного жреца и военачальника. Здесь же были обнаружены еще несколько захоронений, по-видимому, свиты покойного правителя — «телохранителя» в воинских доспехах. По левую и правую руку от царственного покойника были захоронены еще два мужчины, причем один из них (может быть, посыльный или егерь) был погребен вместе с собакой. Возможно, это была одна из тех пятнистых охотничьих собак, которые встречаются на рисунках той поры, изображающих царскую охоту на оленей. «Телохранитель» лежал на четырехметровой глубине у входа в погребальную камеру — как бы

продолжал нести свою вахту, охраняя загробный покой повелителя.

Продолжив раскопки, археологи заметили следы каких-то деревянных балок — по всей вероятности, опор, некогда подпиравших потолок погребальной камеры. А еще глубже появились массивные медные шарниры и отпечатки толстых досок — гроб правителя, которому, как потом определили ученые, было не более 30 лет. По его останкам было установлено, что умер он своей смертью, так как специалисты обнаружили у него артрит в начальной стадии и кариес одного из зубов. Но этих данных, конечно же, недостаточно, чтобы строить какие-то гипотезы… Загадкой остается и то обстоятельство, что в скелете «телохранителя» отсутствуют обе ступни, а у другого мужчины недостает одной ступни.

В изголовье и у ног правителя покоились останки двух молодых женщин (примерно 20-летних), возможно, это были его жены или наложницы. У обеих женщин тоже недостает по одной ступне, и ученые предположили, что, возможно, это входило в ритуал похорон: умертвив близких повелителя, им отрубали ступни, чтобы в загробном мире они не смогли его покинуть.

Раскопки гробницы правителя Сипана помогли ученым более полно взглянуть на культуру Мочика. По всей вероятности, эти люди не создали своей империи, однако владычество их распространялось на довольно большую территорию. Подобно древним шумерам Месопотамии, они использовали орошаемое земледелие и создали хитроумную систему оросительных каналов, благодаря чему превратили свои неплодородные земли в маленький оазис изобилия. Плодами его кормились свыше 50 000 человек — гораздо больше, чем в настоящее время. По уровню ткачества индейцы моче не уступали знаменитым инкам, которые появились на исторической арене спустя 1200 лет. Моче строили пирамиды и достигли потрясающего искусства в обработке металлов. Но особенно интересной оказалась обнаруженная в гробнице керамика. Свыше 1000 горшков, мисок, кувшинов и кувшинчиков внесли археологи в свой каталог, и каждый из них был произведением искусства. Некоторые сосуды были причудливо разрисованы, причем красная и оливковая краски на них хорошо сохранились. На первый взгляд, рисунок росписи показался ученым каким-то непривычным орнаментом, но, присмотревшись, исследователи увидели определенные, часто повторяющиеся и вполне реалистичные мотивы. Вот, например, сцена похорон: двое мужчин с видимым усилием спускают на веревках в яму длинный, похожий на гроб предмет. Часто изображаются воины, горбуны, связанные пленники с искаженными от боли лицами, рожающие детей женщины, эротические сцены, охота…

Много встретилось ученым горшочков, вылепленных из красной глины, но не расписанных и выглядевших проще. Однако и они были сделаны наподобие маленьких скульптур — целая армия глиняных горшочков-гномов! Многие из этих скульптурных сосудов явно воспроизводят одни и те же образы — сидящих, стоящих и коленопреклоненных пленников с веревочными ошейниками, обнимающихся влюбленных и лиц, посылающих им воздушные поцелуи.

Известный путешественник Тур Хейердал, приглашенный В. Альвой посетить Сипан, отмечал огромное мастерство и тонкий вкус мастеров, выполнивших фигурки людей с большими круглыми дисками в длинных

мочках ушей. Почти все они были заняты рыболовством или другой деятельностью, но все равно связанной с морем. Больше всего Т. Хейердала поразил материал, с которым работали древние мастера: инкрустированные глаза масок были сделаны из драгоценного лазурита. Это обстоятельство удивило путешественника, ведь поблизости находились богатые золотые россыпи, да и месторождение в Андах отсюда не так далеко. А лазурит можно было добыть только в Чили — примерно в 2000 километрах отсюда. Зубы тех же масок были сделаны из розовых раковин моллюска «спондилюс», который тоже водился в сотнях километрах отсюда — в водах Панамы и Эквадора.

В ювелирных украшениях щедро использовалась бирюза, которую доставляли, очевидно, из далекой Аргентины или южных областей Северной Америки. Красочные перья великолепных плащей, лежавших в захоронениях правителей Сипана, принадлежали птицам лесов по ту сторону Анд или из Эквадора. И Тур Хейердал делает вывод, что, судя по всему, вся Южная Америка было доступна и хорошо известна народу, который обосновался в долине Ламбаеке и соорудил здесь пирамиды.

Но к X веку культура Мочика уже устарела, по мнению некоторых ученых, она была уничтожена в результате вторжения с запада воинственных горных племен. Другие исследователи полагают, что происходило совершенно мирное, но длительное проникновение чуждых народов с юга, которые постепенно ассимилировались с индейцами моче. Раскопанная в Сипане гробница пока еще не дала окончательного ответа на вопрос, что стало причиной заката культуры Мочика, но ценность ее открытия неизмерима — как для археологической науки, так и для расширения наших знаний о прошлом человечества. По мнению специалистов, за всю историю перуанской археологии подобных находок еще не было, и такое событие можно сравнить разве что с открытием американскими историками горной цитадели Мачу Пикчу.

НА МОГИЛЕ ВАНГИ

О болгарской пророчице, целительнице и ясновидящей Ванге знает, наверное, весь мир, но феномен ее не разгадан до сих пор ни наукой, ни религией. Вангелия Гущерова жила в Петриче — самом южном болгарском городе, расположенном у подножия Белясицы. Она родилась в январе 1911 года, в 12 лет попала в страшный смерч: ураган сначала поднял девочку на воздух, а потом проволок по полю. Выжила она чудом, но потеряла зрение, и с этого же времени у нее появился дар ясновидения.

Более 50 лет слепая Ванга оставалась надеждой для сотен людей, которые ежедневно толпились у порога ее дома, с благоговением ожидая встречи с неведомым чудом. Когда слава о ней перешагнула границы Болгарии, в Петрич стали приезжать со всего света, и никто не уходил разочарованным. Каждого Ванга врачевала либо от телесной, либо от душевной боли и давала советы для благоприятного разрешения сложившейся ситуации. Было время, когда за год она принимала по 100–120 тысяч человек, и с кем только она не встречалась! С одними вела долгие беседы, другим говорила всего лишь два-три слова… Она проникала в прошлое людей, заглядывая в затаенные уголки их душ, угадывала самые сокровенные желания и потаенные мысли, знала о существующих болезнях и подстерегающих человечество в будущем. Зародился в ней этот дар в

детстве, когда она увидела во сне и известные, и не знакомые ей лекарственные растения, которые потом рекомендовала всем страждущим для лечения от различных болезней. Снились ей и события, связанные с жизнью семьи, которые потом сбывались с поразительной точностью.

Сновидения и пророчества Ванги с особой силой проявились во Вторую мировую войну, точную дату начала которой она в свое время назвала односельчанам. А когда смерть и жестокость, разрушения и болезни, страх и ужас сеяли среди людей отчаяние и почти полную безнадежность, своими прорицаниями она давала отчаявшимся людям надежду, растерявшимся — уверенность в себе, больным — исцеление. Задолго до переживаемых ныне напастей Ванга предупредила человечество об экологической катастрофе и о страшном вирусе.

Зная обо всех все (о себе, конечно, тоже), она позволяла лечить себя, только когда поднимались температура и давление, особенно досаждавшие ей в последние годы жизни. Свою же серьезную болезнь, как рассказывает целительница Людмила Ким, она не позволяла лечить никому, так как считала, что любая болезнь для человека — лишь способ исполнить предначертанное.

Дотошные специалисты подсчитали, что из пяти пророчеств Ванги сбывались четыре, но, может быть, они просто не умели растолковать смысла ее слов. Порой она и сама затруднялась истолковать их суть — Истина приходила к Ванге неведомыми даже ей путями… По ее мнению, секрет будущего земной цивилизации хранят египетские пирамиды, именно в них оставлен нам ключ к Абсолютному Знанию. Недаром арабы, покорившие Египет в середине первого тысячелетия нашей эры, говорили: «Все на свете боится времени, но само время боится пирамид». По расчетам ученых, пирамиды могут без видимого ущерба пережить и ядерный удар.